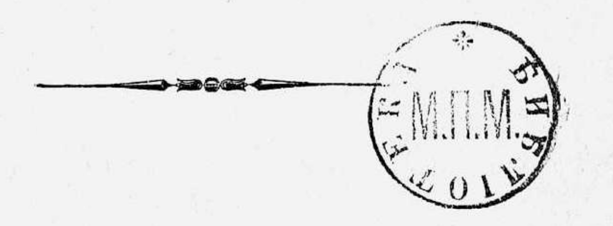
С. Н. ЮЖАКОВЪ.

ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ

ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ.

Путевыя впечатлѣнія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.
1894.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга составлена изъ ряда статей, посвященныхъ моимъ отдаленнымъ странствіямъ 1891 и 1892 годовъ и помѣщенныхъ втеченіе 1893 года въ журналахъ „Русское Богатство“ и „Міръ Божій“. Первоначально я не полагалъ издавать полнаго описанія своего путешествія. Отдѣльные эпизоды набрасывались мною безъ взаимной связи или заранѣе обдуманнаго плана. Однако, нѣкоторое вниманіе, которымъ были встрѣчены эти очерки, побудило меня собрать ихъ, объединить, расположить, согласно общему плану, а, гдѣ нужно, и дополнить. Такъ глава XXXIII цѣликомъ, а главы XIII, XIX и XXIV въ значительной степени написаны вновь. Читатель найдетъ существенныя дополненія также въ главахъ VI, VII, X, XXVII, XXVIII, XXIX... Весь матерьялъ я распредѣлилъ въ двѣ части. Первая, озаглавленная „Въ странѣ хун-хузовъ и тумановъ“, посвящена очеркамъ нашей далекой Уссурійской колоніи, ея природѣ, быту, нравамъ, значенію... Вторая часть „На теплыхъ водахъ“ группируетъ впечатлѣнія сѣверянина, попавшаго мимоходомъ подъ тропики, и чувства сухопутнаго жителя, очутившагося на мѣсяцы во власти океана. Только, какъ

на такія впечатлѣнія, не претендующія исчерпать затронутые сюжеты, я и рекомендую смотрѣть на эту книжку.

Въ концѣ книги помѣщены замѣченныя погрѣшности и опечатки, которыя полезно предварительно исправить, особенно это необходимо на стр. 83, 248 и 269, гдѣ опечатки измѣняютъ смыслъ.

С. Ю.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ хунъ-хузовъ и тумановъ.

. . . За дальнимъ моремъ . . .
искалъ я примиренья съ горемъ,
но не нашелъ тамъ ничего. Я
тамъ не свой, хандрю, нѣмѣю.
Не одолѣвъ мою судьбу, я тамъ
погнулся передъ нею . . . . .

Н. Некрасовъ.

I.

ПЕРВЫМЪ РЕЙСОМЪ.

Пойду искать по свѣту,
гдѣ оскорбленному есть
чувству уголокъ...
А. Грибоѣдовъ.

Отплытіе «Петербурга» изъ Одессы. — Пловучее предисловіе Уссурійской желѣзной дороги. — Моя поѣздка. — Одесса. — Отходъ и Черное море. — Черезъ два океана, восемь морей, пять проливовъ, три залива и одинъ каналъ, сорокъ четыре дня плаванія.

10 марта 1891 года. Время — послѣ полудня. Пароходъ Добровольнаго флота «Петербургъ» разводитъ пары, приготовляясь отойти изъ Одессы во Владивостокъ... Это прекрасный океаническій корабль, около пятидесяти саженъ длины, съ двумя желтыми трубами и двумя громадными желѣзными мачтами. Послѣ погибели въ Японскомъ морѣ «Костромы» и продажи за негодностью «Нижняго Новгорода» («Кострома» и «Нижній Новгородъ» и нынѣ плаваютъ подъ флагомъ Добровольнаго флота, но это новыя суда, лишь соименныя прежнимъ), сдѣланы на «Петербургѣ» приспособленія для перевозки арестантовъ на Сахалинъ, для чего значительно уменьшены пассажирскія помѣщенія и произведены другія передѣлки, конечно, не въ видахъ комфорта пассажировъ. Настоящимъ рейсомъ идетъ свыше 600 ссыльно-каторжныхъ, большинство которыхъ предназначается на работы по сооруженію Уссурійской желѣзной дороги. Съ ними идетъ полный комплектъ тюрем-

щиковъ, призванный руководить ихъ будущими работами. Главнозавѣдывающій работами, тюремный инспекторъ Д. Ф. Коморскій отплылъ вчера 9 марта на «Орлѣ» вмѣстѣ съ строителемъ дороги инженеромъ А. И. Урсати и многими другими участниками этой постройки. Я тоже предполагалъ идти на «Орлѣ», но неожиданное требованіе койки для непредвидѣнной жены одного инженера (скоропостижно женившагося передъ самымъ отъѣздомъ) побудило меня уступить свое мѣсто и я отхожу на «Петербургѣ» сегодня. Значительная часть сотрудниковъ сооруженія Уссурійской желѣзной дороги тоже идетъ на «Петербургѣ». Нѣкоторое число русскихъ каменьщиковъ желѣзно-дорожнаго подрядчика Скидельскаго заняли переднюю часть палубы. На ютѣ (кормовая палуба) установленъ вагонъ, предназначенный для торжества закладки желѣзной дороги. Желѣзнодорожные грузы заполняютъ трюмы. Словомъ, «Петербургъ», какъ вчера «Орелъ», превратился въ пловучее предисловіе Уссурійской желѣзной дороги... Самъ я тоже составляю какъ бы часть этого предисловія, тоже нѣкоторымъ образомъ связанный съ предстоящею постройкою рельсоваго пути по горнымъ и лѣснымъ дебрямъ далекаго края. Для ясности скажу нѣсколько словъ о своемъ отношеніи къ дѣлу, о которомъ придется на этихъ страницахъ нерѣдко вести бесѣду.

Инженеръ А. И. Урсати, мой землякъ и товарищъ молодости, былъ назначенъ въ началѣ 1891 года начальникомъ работъ по сооруженію Уссурійской желѣзной дороги, какъ оффиціально называется должность главнаго строителя. Поспѣшно составляя и организуя управленіе постройкою (необходимо было спѣшить, чтобы уже весною приступить къ работамъ, а къ половинѣ мая подготовить торжество закладки Сибирской дороги), онъ обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ взять на себя управленіе канцеляріей, т. е. дѣлопроизводственную часть управленія. Постоянно и почти исключительно занимаясь сочинительствомъ, не посвящая себя добровольно ни экспериментальному изученію отечества, ни отхожимъ промысламъ, я не могъ сначала не

встрѣтить этого предложенія нѣкоторымъ удивленіемъ. Но, по разнымъ обстоятельствамъ, у насъ въ журналистикѣ такъ заклинило и эти чужеядныя клинья съ такою болью и силою засѣли въ литературномъ тѣлѣ, что на время оторваться отъ всего этого огорченія, отдохнуть и собраться съ силами мнѣ показалось заманчивымъ. Безукоризненная личная честность строителя, его энергія и преданность дѣлу, хорошо мнѣ извѣстныя, обезпечивали участіе въ дѣлѣ, чистомъ и несомнительномъ. Немного подумавъ, я принялъ приглашеніе, а черезъ недѣлю, 27 февраля, поѣздъ Николаевской желѣзной дороги уже уносилъ меня изъ Петербурга, чтобы поспѣть къ 5 марту въ Одессу, ко дню отхода перваго добровольца во Владивостокъ. Густые туманы выслало Черное море навстрѣчу этому отплытію и задержало его на пять дней. Многіе годы провелъ я на берегу этого родного мнѣ моря и никогда не видалъ и не слыхалъ я о такихъ туманахъ, млечно-бѣлою непроницаемою пеленою застлавшихъ выходъ изъ порта. Движеніе судовъ прекратилось и всѣ принуждены были ждать, когда старикъ Понтъ захочетъ улыбнуться ясною погодою. Старый другъ, подъ немолчный, то тихій и ласковый, то негодующій и гнѣвный говоръ котораго я когда-то столько пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ, этотъ угрюмый для чужихъ и привѣтливый Эвксинскій для своихъ Понтъ какъ бы хотѣлъ задержать меня въ моемъ не умномъ предпріятіи, но туманы я переждалъ, «Орелъ» замѣнилъ «Петербургомъ» и сегодня, не внимая предостереженіямъ родного моря, я уже вступилъ на бортъ корабля и приготовляюсь, съ нимъ вмѣстѣ, измѣрить восемь морей и два океана. Вчера съ большою помпою отошелъ «Орелъ», сегодня отходимъ и мы.

Одесса — мой родной городъ, такъ что не двѣ недѣли тому назадъ, а только сегодня я окончательно чувствую, что чужбина готовится принять меня... Далекій и долгій путь безконечною водяною скатертью стелется передо мною. Изъ устъ провожающихъ друзей слышу выраженіе удовольствія, что попалъ я на «Петербургъ». Это судно стараго типа, когда гонялись не за роскошью

обстановки, а за мореходными качествами. Меня увѣряютъ, что, напр., «Орелъ», съ его тонкими, какъ бумага, стальными боками, можетъ при сильномъ волненіи пострадать отъ однихъ ударовъ океаническихъ волнъ, тогда какъ «Петербургъ» — это броненосецъ по толщинѣ своихъ желѣзныхъ боковъ. Его замѣчательныя достоинства во время качки тоже мнѣ восхваляются всѣми. «Кто желаетъ отправить свою семью черезъ океанъ и спать спокойно, пусть отправляетъ на Петербургѣ при командирѣ Гутанѣ, старшемъ офицерѣ Андреевѣ и старшемъ механикѣ Кастальскомъ», говорятъ мнѣ, т. е. оказывается, что я попалъ на лучшее судно при наилучшемъ возможномъ составѣ экипажа. Впослѣдствіи я убѣдился, что эти отзывы и о суднѣ, и о почтенныхъ морякахъ, которые вели его въ весеннюю навигацію 1891 года, были ни мало не преувеличены. Прекрасное судно — «Петербургъ» и превосходно управлялось оно во все время нашего полуторамѣсячнаго плаванія. Съ признательностью вспоминаю объ этомъ и съ удовольствіемъ заношу въ свою лѣтопись.

Унылые звуки побрякивающаго желѣза нѣсколько нарушаютъ не то немного грустное, не то пріятное возбужденіе торжественной минуты отплытія. Это — звуки оковъ выводимыхъ на палубу арестантовъ. Начинается молебенъ, батюшка говоритъ напутственное слово отплывающимъ, читаетъ наставленіе арестантамъ и благословляетъ корабль. Послѣднія прощанія. Трапъ снятъ и «Петербургъ», потихоньку заворачивая и вспѣнивая винтомъ мутную воду гавани, дѣлаетъ первый шагъ на своемъ далекомъ пути. Надъ Одессою уже начинаетъ сгущаться сумракъ наступающаго вечера, но и при этомъ неполномъ освѣщеніи она выступаетъ морскою красавицею, равной которой нѣтъ на русскихъ берегахъ. Стою на кормѣ и любуюсь городомъ. Слѣва за карантиннымъ моломъ, отъ котораго мы отчалили и который полонъ портовымъ движеніемъ, свойственнымъ міровымъ торговымъ центрамъ, круто возвышается берегъ, увѣнчанный старыми крѣпостными верками и новыми древесными насажденіями. Правѣе, во всю ширину порта, амфитеатромъ спускается красивый городъ, щеголяющій постройками и бульварами и какъ бы дышущій немолчными переливающимися звуками энергической молодой жизни. Начинаютъ загораться линіи огней, а тамъ далѣе, еще правѣе, въ глубинѣ залива, тонетъ въ сгущающемся вечерѣ низкій плоскій берегъ. Это — Пересыпь, когда-то, должно быть, баръ въ устьѣ двухъ рѣкъ, Большого и Малаго Куяльника, а нынѣ песчаный перешеекъ, отдѣляющій море отъ Куяльницкихъ лимановъ, принимающихъ жалкія воды обсохшихъ рѣчонокъ. По этому перешейку протянулось предмѣстье, мерцающее фонарями, а еще далѣе опять возвышенный берегъ, заворачивающій круто направо и вскорѣ идущій параллельно одесскому, образуя громадный одесскій заливъ.

Я стою на кормѣ, слѣжу глазами постепенно загорающійся огнями городъ, прислушиваюсь къ постепенно замирающимъ въ отдаленіи звукамъ его жизни. А давно ли возникъ этотъ міровой центръ? Давно ли только пустынные обрывистые берега вели монотонную бесѣду съ морскимъ прибоемъ, припоминая вмѣстѣ скудную исторію своего прошлаго? Немногое могли бы они достовѣрно припомнить... Тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ тутъ (вѣроятно, правѣе къ Пересыпи) пробовала жить маленькая греческая колонія Одиссосъ, одноименная болѣе значительной, расположившейся на западномъ берегу Понта, около нынѣшней Варны. Которая изъ нихъ имѣла право на это имя въ честь древняго героя Итаки, здѣсь гдѣ-то на берегахъ Понта искавшаго входъ въ аидъ,—могло бы, пожалуй, разсказать море. Но, очарованное нынѣшнею роскошною жизнью своихъ береговъ, оно забыло о посѣщеніи хитроумнаго Одиссея, быть можетъ, именно здѣсь подъ этими глинистыми обрывами Киммерійской степи или на песчано-солонцеватыхъ пересыпяхъ, вызывавшаго старца Тирезія и вступавшаго въ сношеніе съ загробнымъ міромъ. Такъ должны были думать, по крайней мѣрѣ, эллинскіе колонисты, давшіе тому назадъ двѣ тысячи лѣтъ имя знаменитаго героя своему поселенію. И теперь, послѣ того, какъ скиѳы и сарматы, гунны и татары прошли по этимъ мѣстамъ, не оставивъ и слѣда отъ греческой культуры, это имя возродилось около

ста лѣтъ тому назадъ и собрало вокругъ себя флаги всего земного міра... Вотъ они наполняютъ обширную гавань, нагружаются и разгружаются, цѣлыми вереницами входятъ и выходятъ въ широкія морскія ворота, освѣщенныя маякомъ, мигающимъ перемѣнными цвѣтами на концѣ карантиннаго мола. Проходимъ этотъ маякъ и заворачиваемъ направо вдоль берега Одесскаго залива. Справа въ сумракѣ еле различаются красивыя дачи, сплошь покрывающія эти берега. Сзади мерцаетъ входный маякъ и отражается на небесахъ свѣтлою зарницею ярко освѣщенный, уже невидный городъ. Спереди горитъ Больше-Фонтанскій маякъ при выходѣ въ открытое море. Кругомъ снуютъ суда и волна тихо плещется о бока корабля. Не успѣвъ задержать заблудившагося сына туманами, Черное море ласково прощается со мною, окружая наше плаваніе тепломъ и тишиною.

Я не собираюсь подробно описывать весь длинный сорокачетырехъ-дневный путь изъ Одессы во Владивостокъ. Я нахожу болѣе удобнымъ описать возвратный путь тѣми же мѣстами, болѣе продолжительный и болѣе богатый наблюденіями и впечатлѣніями. Теперь же мы торопимся и почти не останавливаемся. Прошли 12 марта Босфоръ и только полюбовались его берегами. Мраморное море, съ его черноморскою, хорошо мнѣ знакомою, зеленовато-голубою волною, промелькнуло вслѣдъ затѣмъ. Пустынныя Дарданеллы пройдены утромъ 13 марта и новыя морскія картины встрѣчаютъ насъ въ Эгейскомъ морѣ. Темносиняя средиземноморская волна плещется около «Петербурга» до 16 марта, когда, послѣ короткой стоянки въ Портъ-Саидѣ, этомъ сорномъ ящикѣ міровой дороги, мы медленно плывемъ въ грязныхъ водахъ Суэцкаго канала, чтобы 17 марта утромъ увидѣть вокругъ себя въ Синайскомъ заливѣ еще болѣе темную, чѣмъ средиземная, красноморскую буроватую волну. Эту градацію цвѣта морей объясняютъ тѣмъ, что въ Черномъ морѣ наименѣе соли и наиболѣе жизни; въ Средиземномъ— больше соли и меньше жизни; въ Красномъ—еще больше соли и еще меньше жизни. Плаваніе по всѣмъ пяти морямъ (Черное, Мраморное, Эгейское, Средиземное и Красное), тремъ проливамъ (Босфоръ, Дарданеллы, Бабъ-эль-Мандебъ), двумъ заливамъ (Синайскій и Аденскій) и одному каналу (Суэцкій) проходитъ вполнѣ благополучно. Въ Средиземномъ морѣ 15 марта немного засвѣжѣло и качнуло, но ненадолго. Красное море попробовало было нѣсколько сильнѣе нахмуриться и насъ попугать 20 марта ночью, но передумало и выпустило въ океанъ безъ приключеній. Пройденъ тропикъ. Промелькнула Перимская пустыня и перимскіе дикари. И океанъ Индійскій принялъ насъ на свои темносинія, спокойныя въ это время года, воды.

1 апрѣля мы достигли Цейлона, второго продолжали путь, а девятаго были въ Сингапурѣ, столь воспѣтомъ во «Фрегатѣ Палладѣ» Гончарова. Но послѣ второго земного рая, называемаго Цейлономъ, очарованіе Сингапура сильно теряетъ. Десятаго апрѣля мы уже плывемъ по Южно-китайскому морю (юго-западная часть Великаго океана), а огибая Формозу съ восточной стороны, вдаемся далеко въ открытый океанъ. Послѣ того мы прорѣзываемъ Сѣверно-китайское море (седьмое на нашемъ пути, не считая океановъ) и, пройдя живописнымъ проливомъ между Японскими островами, бросаемъ якорь въ бухтѣ Нагасакской. Отъ Сингапура до Нагасакъ—самый длинный морской переходъ на нашемъ пути, именно десять дней. Изъ Нагасакъ мы вступаемъ въ волны Японскаго моря, омывающаго уже и русскіе берега. Шестьдесятъ часовъ этого послѣдняго нашего перехода должны привести насъ къ пристанямъ Владивостока.

II.

ПО ЯПОНСКОМУ МОРЮ.

То солнце тусклое блеститъ, то туча черная виситъ, встаютъ смерчи, ревутъ бураны, сѣдые стелются туманы.

Н. Некрасовъ.

Характеристика Японскаго моря.—Охотское теченіе.—Муссоны.—Климатъ.—Туманы.—Полуостровъ Муравьевъ-Амурскій.—Заливъ Уссурійскій.—Бухта Патроклъ.—Островъ Русскій.—Бухты Улиссъ, Діомидъ, Золотой Рогъ.—На владивостокскомъ рейдѣ.—Манзы, Каули и Хун-хузы.

Японское море, несмотря на свое относительно южное положеніе (33—53° с. ш.), какъ и омываемые имъ восточные берега Азіи, отличается суровымъ и непривѣтливымъ климатомъ. Тому причиною—сѣверное холодное теченіе, врывающееся въ него черезъ Татарскій проливъ изъ Охотскаго моря, но особенно—гибельное вліяніе муссоновъ, регулирующее климатъ во всей южной, большей и лучшей части Японскаго моря и его континентальныхъ (русскихъ и частью корейскихъ) береговъ. Противуположность условій нагрѣванія громадной среднеазіатской пустыни, лежащей къ сѣверо-западу отъ Японскаго моря, и необъятной морской поверхности Великаго океана, простирающейся къ востоку и юго-востоку, создала періодическіе вѣтры, составляющіе неотмѣнимый законъ этихъ странъ. Накаленная лѣтомъ пустыня втягиваетъ въ себя съ мая по сентябрь атмосферу Великаго океана, насыщенную парами. Проносясь надъ холод-

ною поверхностью Японскаго моря, медленно размерзающаго послѣ зимняго оледенѣнія и постоянно получающаго массу холодной воды, а порою и пловучихъ льдовъ изъ моря Охотскаго, переполненный парами воздухъ лѣтняго муссона охлаждается и сгущаетъ пары въ туманы, облака, дожди. Лѣто Японскаго моря, особенно западной и сѣверо-западной его части (русскія воды и русскіе берега), почти не знаетъ ясной погоды, почти не видитъ благодѣтельнаго животворящаго солнца. Туманы, холодные, безпросвѣтные и безпрерывные, обволакиваютъ горную, лѣсную и водяную поверхность этихъ печальныхъ странъ, сугубо укрывая хун-хуза (китайскаго разбойника и пирата), тигра и акулу, этихъ недавнихъ неоспоримыхъ господъ края. Часто всадникъ не видитъ за туманомъ головы своей лошади. Нерѣдко суда сутками полощатся въ открытомъ морѣ, не смѣя подступить къ занавѣшеннымъ, непріютнымъ берегамъ. Холодомъ, сыростью, непривѣтливостью вѣетъ отъ угрюмаго края, почва склизкая, растительность рыхлая и легко поддающаяся гніенію, культура затруднительная и неблагодарная... Лѣтніе туманы составляютъ поистинѣ ужасный бичъ края и моря, его омывающаго, но и зимнее благополучіе вѣчно-яснаго неба не вызоветъ ни у кого зависти.

Зимою пустыня охлаждается до—30 и даже—40°R и теплая атмосфера Великаго океана втягиваетъ въ себя эту тяжелую, холодную и сухую струю монгольскаго и сибирскаго воздуха. Съ октября по мартъ безостановочно дуютъ сѣверо-западные вѣтры, приносящіе морозъ и сухость. При силѣ вѣтра, доходящей до размѣра бури, термометръ падаетъ до—20°R. и ниже. Мнѣ случилось испытать въ 1880 году въ Сибири морозъ—43°R. При полномъ безвѣтріи и эта ужасная температура выносится легче мороза въ—15 до—20°R., испытанныхъ мною при сильномъ вѣтрѣ во Владивостокѣ въ 1891 и 1892 годахъ. Приэтомъ сухость воздуха такая, что все разсыхается, двери свободно самопроизвольно отпираются, всюду щели и трещины... И это послѣ того, какъ втеченіе лѣта все разбухаетъ, гніетъ, покрывается зеленою плѣсенью. Только короткое время осенью и весною,

когда борются два воздушныхъ теченія и господствуютъ перемѣнные вѣтры, погода нѣсколько напоминаетъ европейскую, но гораздо болѣе сѣверныхъ широтъ... Въ сентябрѣ и октябрѣ уже начинаютъ подмерзать лужи, а въ апрѣлѣ 1892 года пришедшіе пароходы пробивались еще черезъ ледъ.

Западная часть Японскаго моря и расположенная на западномъ его берегу наша Приморская область являются мѣстностью, въ которую природа, по какому то странному капризу, посылаетъ со всѣхъ сторонъ все худшее и вреднѣйшее для жизни и культуры. Изъ Охотскаго моря черезъ узкій и неглубокій Татарскій проливъ вливается ледяная струя холоднаго теченія, тогда какъ изъ широкаго и глубокаго пролива Корейскаго съ юга сюда не проникаетъ теплое тропическое теченіе Кюра-Сива, омывающее берега рядомъ здѣсь же лежащей Японіи и надѣляющее ее климатомъ теплымъ, мягкимъ, влажнымъ и яснымъ. Великій океанъ посылаетъ къ намъ туманы, а Монгольская пустыня—морозы. Сѣверная жизнь надѣлила край медвѣдями, рысями, россомахами, гадюками, а югъ выслалъ сюда тигра, барса, удава и акулу. Китай населилъ край хищническими хун-хузами, невѣжественными полуживотными манзами, а Россія надѣлила его всяческими своими отбросами изъ поселенцевъ, каторги и полукультурнаго, уже негоднаго для Европы дореформеннаго чиновничества. Поистинѣ, обиженный судьбою и нелюбимый природою край представляетъ собою эта страна, берега которой 22 апрѣля 1891 года вскрылись съ вахтеннаго мостика «Петербурга». Вскрылись, но и опять скрылись, такъ какъ непроницаемая завѣса тумана заперла входъ въ проливъ Босфоръ Восточный, черезъ который надо подходить къ Владивостоку. «Петербургъ» снова ушелъ въ море, гдѣ и проболтался цѣлыя сутки. 23 апрѣля утромъ мы, наконецъ, получили возможность добраться до давно искомой и желанной цѣли, до портоваго города Владивостока, исходнаго пункта будущей Сибирской желѣзной дороги.

Ясное утро 23 апрѣля. Туманъ разсѣялся, холодный вѣтерокъ дуетъ съ берега. Уродливый сивучъ играетъ вокругъ парохода, который твердою поступью приближается къ обрисовавшемуся высокому пустынному берегу. Ясно виденъ входъ въ узкій проливъ Босфоръ Восточный, отдѣляющій полуостровъ Муравьевъ Амурскій отъ обширнаго острова Русскаго. Узкимъ и длиннымъ гористымъ языкомъ врѣзывается Муравьевскій полуостровъ въ море прямо съ сѣвера, гдѣ онъ примыкаетъ къ материку. Полуостровъ длиною около 30 верстъ при ширинѣ въ 5—10 верстъ. Съ востока его омываетъ обширный заливъ Уссурійскій, принимающій въ себя воды рѣки Сучана, второй по значенію на этихъ берегахъ. Спускъ къ Уссурійскому заливу полуостровъ имѣетъ обрывистый и крутой, такъ какъ именно вдоль его берега протягивается главная ось горнаго отрога, образующаго полуостровъ. Противоположный западный склонъ кряжа, гораздо болѣе пологій, посылаетъ отъ себя небольшіе отроги, между которыми, начиная съ сѣвера отъ материка, текутъ рѣчки Лянчи-Хе, Черная, Седанка, Вторая и Первая, а далѣе расположены бухты Золотой Рогъ, Діомидъ, Улиссъ и Патроклъ. Рѣчки впадаютъ въ заливъ Амурскій, омывающій западный берегъ полуострова и принимающій самую большую рѣку страны, Суйфунъ. Бухты же всѣ вскрываются въ упомянутый проливъ Босфоръ Восточный, прикрывающій полуостровъ съ юго-запада. Мы подходимъ къ входу въ проливъ съ юго-востока, такъ что направо разстилается передъ нами водяная поверхность Уссурійскаго залива, столь обширнаго, что не вездѣ различимы берега его. Насъ болѣе занимаютъ берега, непосредственно вскрывающіеся передъ носомъ корабля. Правѣе, между утесами, вѣнчающими оконечность полуострова, виднѣется входъ въ бухту Патроклъ, замерзающую на сравнительно болѣе короткій срокъ, способную принять самыя глубоко-сидящія океаническія суда, хорошо защищенную отъ вѣтра и волненія, но слишкомъ маленькую, чтобы ею можно было серьезно воспользоваться въ цѣляхъ военно-морскихъ или коммерческихъ. Утесистые берега кажутся пустынными, потому что, несмотря на конецъ апрѣля, мелко-

лѣсье, ихъ покрывающее, еще стоитъ раздѣтое и только тощая травка кое-гдѣ зеленѣетъ. То же и съ другой, лѣвой стороны входа въ проливъ на островѣ, гдѣ высокій остроконечный холмъ при самомъ входѣ увѣнчанъ какими то мореходными сооруженіями.

Островъ «Русскій», сопровождающій своимъ берегомъ нашъ пароходъ слѣва, покуда мы идемъ Босфоромъ, раздѣляется узкимъ, но далеко вдающимся заливомъ на двѣ неровныя части. Западная, значительно большая, представляетъ холмистую поверхность, доселѣ покрытую сплошнымъ первобытнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, преимущественно лиственныхъ породъ. Дубъ, ясень, орѣхъ составляютъ главныя насажденія этой малодоступной мѣстности, изрѣзанной глубокими трудно проходимыми падями, зыбкими болотистыми прогалинами, малодоступными утесистыми кряжами и перевитой виноградникомъ. Кабаны, олени и козы водятся въ этой вѣковой дикости; бродятъ медвѣди-шатуны (особая порода, не ложащаяся на зиму въ берлогу), а порою по зимнему льду забѣгаютъ тигры и барсы. Въ глухихъ заросляхъ гнѣздятся въ несмѣтномъ числѣ фазаны, тетерева и другая лѣсная птица. Весьма вѣроятно, что въ лѣсныхъ и утесистыхъ трущобахъ этого невѣдомаго уголка скрываются и хун-хузы — пираты, къ услугамъ которыхъ многочисленныя удобныя бухточки изрѣзываютъ берега громаднаго острова. Эта западная наибольшая часть острова почти неизвѣстна русскимъ и никто не интересовался изслѣдовать ея внутренность. За то другая, восточная часть острова, лежащая вдоль Босфора и обращенная своимъ берегомъ къ Владивостоку, уже прочно занята русскими. Еще въ недавнее время въ этой части, отличающейся прекрасною почвою и обильнымъ почвеннымъ орошеніемъ, были расположены поселенія манзъ, занимавшихся земледѣліемъ и особенно огородничествомъ, частью же рыбною ловлею и охотою. Въ настоящее время всѣ манзы отсюда выселены. На мѣстности, обращенной къ входу изъ моря въ Босфоръ, воздвигнутъ фортъ и окрестность его занята

подъ казармы, лагери, офицерскія постройки и другія нужды гарнизона. Къ сожалѣнію, я какъ то не собрался побывать въ этомъ интересномъ уголкѣ, но, по разсказамъ, гарнизонъ здѣсь отлично устроился и мѣстность отличается заманчивымъ сельско-хозяйственнымъ привольемъ, тогда какъ другія окрестности Владивостока очень мало удобны для сельскаго хозяйства по своей гористости и почвенной скудости. Это доказывается уже тѣмъ, что, со времени выселенія съ острова манзъ, изчезли подъ Владивостокомъ и огороды, снабжавшіе городъ овощами. Оставленіе манзъ въ сосѣдствѣ форта, конечно, не могло быть терпимо, но отчего бы не попробовать колонизовать островъ русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ? И почему бы не произвести съ этой же точки зрѣнія и изслѣдованіе дикой глуши западной части острова?

Босфоръ Восточный — узкій и глубокій проливъ между высокими утесистыми берегами. Раздѣтое рѣдколѣсье и тощая травка продолжаютъ характеризовать оба берега. На правомъ (континентальномъ) берегу послѣдовательно вскрываются входы въ живописныя бухты Улиссъ и Діомидъ. Въ Улиссѣ расположены городскія каменоломни и китайскія лодки поддерживаютъ оживленное сообщеніе съ этою пустынною бухтою, снабжающей городъ хорошимъ строительнымъ матерьяломъ. Характерно для края, что здѣсь не только дерево, но и камень отличается какимъ то рыхлымъ, гнилымъ сложеніемъ. Неужели и это является послѣдствіемъ того же несравненнаго климата? Въ бухтѣ Улиссъ, но особенно на островѣ Русскомъ отысканъ хорошій камень. Морское вѣдомство устроило на островѣ обширныя каменоломни; городъ же избралъ бухту Улиссъ. Въ слѣдующей бухтѣ, Діомидъ, устроены Добровольнымъ флотомъ пристань и склады на случай ранняго замерзанія Владивостокскаго рейда или поздняго его размерзанія, такъ какъ срокъ навигаціи въ бухтахъ Діомидъ и Улиссъ, хотя и короче, нежели въ бухтѣ Патроклъ, но значительно длиннѣе, нежели въ бухтѣ Золотой Рогъ, на которой стоитъ Владивостокъ. Обѣ бухты, Діомидъ и Улиссъ, отличаются глубиною,

достаточною для самыхъ большихъ океаническихъ судовъ, и превосходно укрыты отъ вѣтровъ и волненія, но обѣ такъ малы, что могутъ служить развѣ подспорьемъ для Золотого Рога, котораго живописный входъ уже открывается передъ нами впереди справа, обставленный съ обѣихъ сторонъ, какъ сторожевыми башнями, двумя сопками, нынѣ увѣнчанными фортами Владивостокской крѣпости. Часовъ около восьми утра Петербургъ бросаетъ якорь на Владивостокскомъ рейдѣ и невѣдомый край стремится принять насъ въ свои нѣдра... Масса манзовскихъ шлюпокъ тѣснится вокругъ остановившагося корабля. Грязные, съ черными косами, съ специфическимъ ароматомъ, въ синихъ столь-же благовонныхъ платьяхъ шлюпочники-манзы крикливо предлагаютъ свои услуги перевезти на берегъ. Скрѣпя сердце, сажусь въ первую попавшуюся шлюпку и устремляюсь къ гребной пристани невѣдомаго города, который долженъ стать, быть можетъ надолго, моей резиденціей. Десятки такихъ же шлюпокъ съ такими же лодочниками стремятся туда же, доставляя къ берегу столь же нетерпѣливыхъ узнать свою участь пассажировъ, желающихъ поскорѣе ощупать мѣсто, выбранное для нихъ судьбою... Въ воздухѣ холодно и ясно; бухта разстилается синею волнующеюся поверхностью; окружающія горы стоятъ голыя, не успѣвъ еще одѣться весеннею зеленью; на рейдѣ почти пусто, въ городѣ тихо... Что то готовитъ онъ намъ, цѣлою массою вторгающимся въ его нѣдра съ своею жизнью, своими привычками, культурою, идеями?

Такія или подобныя мысли, конечно, мелькали въ головѣ у многихъ изъ насъ въ то время, какъ мы вылѣзали изъ манзовскихъ шлюпокъ на берегъ и увидѣли себя внезапно и бурно атакованными корейскими носильщиками «каули», добивавшимися чести помочь намъ справиться съ нашими вещами... М а н з ы и к а у л и — это первыя наши встрѣчи въ этомъ городѣ, вполнѣ и характерно отмѣтившія наше вступленіе на берегъ красивой достолицы дикаго края, еще глухо оспариваемаго у насъ недавними его господами, хун-хузами и манзами.

III.

ЧТО ТАКОЕ ХУН-ХУЗЫ?

Процессъ китайца Хе-Ми. — Слухи и факты. — Контора. — Наслѣдственность. — Морскіе и сухопутные хун-хузы. — Отношеніе къ европейцамъ. — Прежнее господство. — Борьба съ русскими. — Настоящее переходное состояніе.

Въ № отъ 20 декабря 1892 г. газеты «Владивостокъ» читатели могутъ найти нижеслѣдующее извѣстіе:

«Извѣстный нашимъ читателямъ китаецъ Хе-Ми, рядчикъ по желѣзной дорогѣ, который былъ у хун-хузовъ, судился 16 декабря во Владивостокскомъ окружномъ судѣ за распространеніе ложныхъ слуховъ о томъ, что его взяли въ плѣнъ хун-хузы. Судъ оправдалъ». Изъ этого извѣстія явствуетъ, что китаецъ Хе-Ми, проживающій въ Владивостокѣ и занимающійся подрядами на желѣзной дорогѣ, былъ взятъ въ плѣнъ хун-хузами (китайскими разбойниками); что мѣстная администрація, встревоженная этими слухами, предала Хе-Ми суду за будто бы ложныя сообщенія; и что судъ, однако, оправдалъ Хе-Ми, иначе говоря, не нашелъ его сообщеній ложными! Своевременно (т. е. лѣтомъ 1892 года) въ газетѣ «Владивостокъ» сообщалось объ этомъ плѣнѣ. Появленіе газетной замѣтки и вызвало преслѣдованіе, не хун-хузовъ, однако, а пострадавшаго Хе-Ми, родственники котораго выплатили хун-хузамъ (по свѣдѣніямъ «Владивостока») выкупъ весьма солидныхъ размѣровъ. Конечно, хун-хузы не столь доступны и удобопредаваемы суду, какъ мирный обыватель. Я не хочу этимъ бросать тѣнь на дѣйствіе Владивостокской адми-

нистраціи или намекать на какое либо потворство хун-хузамъ со стороны мѣстныхъ властей, тѣмъ болѣе, что инициатива уничтоженія оглашенныхъ газетою слуховъ принадлежитъ самому губернатору Приморской Области генералу Унтербергеру. Очевидно, онъ полагалъ, что такое оглашеніе можетъ быть вредно. Владивостокскій окружный судъ посмотрѣлъ на дѣло съ другой стороны. Онъ нашелъ, что желтокожіе хун-хузы достаточно уже смирили бѣднягу-китайца и что смирять его вторично за недостаточную скромность по отношенію къ хун-хузамъ не соотвѣтствуетъ видамъ русскаго закона. Окружный судъ, конечно, былъ совершенно правъ.

Эта маленькая картинка изъ жизни того «края свѣта», въ который мы съ читателемъ прибыли на «Петербургѣ» 23-го апрѣля 1891 года, достаточно характерна и достаточно оригинальна для того, чтобы нѣсколько дольше остановить на ней наше вниманіе. Крупный подрядчикъ по каменнымъ работамъ на Уссурійской желѣзной дорогѣ г. Скидельскій сдалъ отъ себя часть работъ китайцу Хе-Ми, именно нѣкоторые мосты и трубы на 30—45 вв. строющейся линіи (считая отъ Владивостока), неподалеку отъ почтовой станціи Тигровая (вторая станція отъ Владивостока). Здѣсь ночью изъ шалаша, въ которомъ помѣщался Хе-Ми и еще нѣсколько китайцевъ и который былъ окруженъ другими китайскими шалашами, былъ уведенъ Хе-Ми пришедшими хун-хузами сначала въ лѣсъ, потомъ будто бы переправленъ на одинъ изъ пустынныхъ острововъ Амурскаго залива и содержался тамъ, покуда не былъ условленъ размѣръ выкупа. Обмѣнъ выкупа на самого Хе-Ми произведенъ, будто бы, въ самомъ Владивостокѣ на берегу такъ называемаго Семеновскаго покоса, мѣстѣ оживленномъ, гдѣ расположены дровяные и лѣсные склады. Таковы были тѣ слухи и факты, которые послѣ сообщенія ихъ во «Владивостокѣ», послужили основаніемъ для преслѣдованія китайца Хе-Ми передъ Владивостокскимъ окружнымъ судомъ.

Это огласило нѣкоторыя условія Приморской Области, о

которыхъ до того велись лишь разговоры, а порою принимались и кое-какія мѣры. Такъ еще лѣтомъ 1891 года на желѣзнодорожныхъ работахъ подрядчика Галецкаго (отъ 21 до 26 версты линіи, у почтовой станціи Подгородней) китайскіе и корейскіе рабочіе начали разбѣгаться, удручаемые непомѣрными поборами сосѣднихъ хун-хузовъ. Собравъ и вооруживъ русскихъ рабочихъ, энергическій подрядчикъ сдѣлалъ облаву въ окрестныхъ лѣсахъ и частью разогналъ, частью обезоружилъ обитавшихъ вблизи китайскихъ разбойниковъ. Это на нѣкоторое время облегчило положеніе и рабочіе инородцы получили возможность продолжать работы, но это не воспрепятствовало загадочному убійству одного китайца-рядчика на этихъ же работахъ, убійству, оставшемуся не разъясненнымъ. Жалобы подрядчиковъ на обираніе хун-хузами ихъ рабочихъ изъ китайцевъ и корейцевъ (никогда русскихъ) начались съ самаго начала работъ на желѣзной дорогѣ и вызвали со стороны управленія постройкою настойчивыя ходатайства объ учрежденіи вдоль линіи спеціальной вооруженной полиціи, которая и организована лѣтомъ 1892 года, нѣсколько умѣривъ дерзость желтокожихъ хищниковъ, которые еще не такъ давно были полными господами края и, конечно, не охотно уступаютъ новымъ порядкамъ.

Изъ предъидущихъ фактовъ уже можно довольно опредѣленно заключить, что хун-хузы просто собираютъ дань съ инородческаго населенія, подвергая непокорныхъ аресту и штрафу (случай съ Хе-Ми), порою даже казни (убійство на работахъ Галецкаго) и умѣряя свои требованія лишь при вмѣшательствѣ въ пользу инородцевъ русскаго элемента (облава Галецкаго, учрежденіе полиціи на линіи). По разсказамъ, циркулирующимъ въ Владивостокѣ, они даже содержатъ особую контору въ городѣ для переговоровъ съ облагаемыми и штрафуемыми. «Появившійся въ городѣ хун-хузъ, пишетъ газета Владивостокъ (1893 г. № 8), можетъ безнаказанно разгуливать по городу и хотя бы все манзовское населеніе города знало это, никто не выдастъ, боясь

2

мести». Въ № 7 за 1893 г. той же газеты приведены и случаи подобной мести. Говорятъ, хун-хузы отличаются отъ прочихъ китайцевъ и внѣшнимъ видомъ. Будучи многія поколѣнія наслѣдственными разбойниками, трудомъ не занимающимися, они отличаются небольшими и болѣе нѣжными руками, нежели остальные китайцы, такъ что не мандарины (выходящіе изъ разныхъ слоевъ народа), а хун-хузы являются китайскими аристократами. Эта разбойническая аристократія дѣлится на морскую и сухопутную. Пиратство, по разсказамъ, доселѣ процвѣтаетъ по нашимъ и корейскимъ берегамъ Японскаго моря. Жертвами этого промысла являются, конечно, исключительно китайскіе и корейскіе торговые мореходы. Европейцевъ и морскіе хун-хузы такъ же воздерживаются затрогивать, какъ и сухопутные. Разсказываютъ, что присутствія европейца на суднѣ бываетъ порою достаточно, чтобы хун-хузы его пощадили. Приводятъ случаи, какъ туземные судохозяева нанимали русскихъ, чтобы тѣ только сидѣли на палубѣ во время перехода. «Отправлявшіе рабочихъ манзъ хотя бы въ Циму-Хе, читаемъ въ упомянутой мѣстной газетѣ (1893 г. № 8), знаютъ, что рѣдко одни манзы соглашаются ѣхать. Даже двѣнадцатилѣтній (?) русскій мальчикъ, сопровождающій ихъ, дѣлаетъ такую поѣздку безопасною для нихъ. Достаточно хотя бы двумъ хун-хузамъ напасть на ѣдущій манзовскій обозъ, если даже при немъ будетъ двадцать человѣкъ, они безъ споровъ отдадутъ все требуемое отъ нихъ. Работавшіе по линіи желѣзной дороги разсказываютъ, что манзы будутъ жить въ какой угодно глуши, если есть при нихъ хоть одинъ русскій человѣкъ, но стоитъ ему только удалиться, хотя бы временно куда-нибудь, какъ манзы бросаютъ это мѣсто и идутъ въ болѣе безопасное. И теперь ходитъ много разсказовъ о хун-хузахъ». Это отношеніе хун-хузовъ къ европейцамъ происходитъ, конечно, никакъ не вслѣдствіе особаго уваженія и любви къ непрошеннымъ гостямъ, нарушившимъ вѣками сложившееся приволье этого заброшеннаго края и поколебавшимъ дотолѣ невозбранное здѣсь господство хун-

хуза. Сначала хун-хузъ попробовалъ протестовать и бороться, но скоро понялъ, что лучше ограничить свою дѣятельность средою инородцевъ, никѣмъ не считанныхъ и весьма слабо охраняемыхъ. Кто можетъ сосчитать всѣ эти кровавыя драмы на морѣ и въ лѣсу, утверждающія и поддерживающія власть хун-хуза надъ мирнымъ и робкимъ инородцемъ и остающіяся никому неизвѣстными даже по отдаленнымъ слухамъ. Пираты-ли обобрали и пустили ко дну утлую ладью корейца, или опрокинулъ набѣжавшій шквалъ? Растерзалъ-ли тигръ пропавшаго безъ вѣсти манзу, или погибъ онъ подъ ударами лѣсного хун-хуза? Кто отвѣтитъ на эти вопросы, да и кто считалъ этихъ бѣдныхъ дѣтей суровой природы, кому до нихъ дѣло, до ихъ жизни, до ихъ безопасности или гибели? Тигръ тоже научился уже отличать европейца отъ туземца и часто остерегается нападать на перваго. Какъ же было не научиться и хун-хузу остерегаться европейца, но едва-ли онъ примирился съ этимъ фактомъ и едва-ли кровавая борьба съ недавнимъ полновластнымъ господиномъ этихъ лѣсовъ и береговъ сказала свое послѣднее слово...

А хун-хузъ еще недавно, еще на памяти живущаго поколѣнія, былъ дѣйствительно полновластнымъ господиномъ страны. По Нерчинскому трактату, заключенному между Россіей и Китаемъ въ началѣ XVIII вѣка, граница была такъ опредѣлена, что береговая полоса между гребнемъ побережнаго хребта Сихота-Алинь и моремъ, на всемъ протяженіи отъ устья Амура къ югу до границъ Кореи, осталась какъ бы безъ государственнаго владѣнія. Русскіе (а за ними и всѣ европейцы) считали эти берега китайскими, тогда какъ сами китайцы (а за ними японцы и корейцы) почитали ихъ принадлежащими Россіи. Произошло это странное несогласіе, вслѣдствіе слѣдующаго обстоятельства. Нерчинскій трактатъ, опредѣляя границу между двумя имперіями, указалъ для восточнаго Забайкалья такою границею рѣку Аргунь внизъ по теченію до сліянія ея съ Шилкою, а далѣе по гребню Становаго Хребта сначала на

СВ., потомъ на В. до выхода его къ морю. Дѣло, однако, въ томъ, что главный хребетъ нигдѣ не выходитъ къ морю, а, не доходя моря (Охотскаго), поворачиваетъ къ ЮВ. параллельно морскому берегу. Русскіе вышли изъ этого затрудненія, продолживъ отъ этого поворота границу не по главному хребту, а выбравъ для этого небольшой отрогъ, упирающійся въ Охотскій берегъ прямо противъ поворота главнаго кряжа. Китайцы же считали границею главный кряжъ, который (хотя вскорѣ и прорванный Амуромъ) все время держится параллельно берега Охотскаго и Японскаго морей до самой Кореи. Китайцы были даже еще осторожнѣе. Они оставили не занятою и себѣ не подчиненною и всю страну къ З. отъ хребта Сихота-Алинь до хребта Малый Хинганъ. Повидимому, они не были увѣрены, который изъ этихъ хребтовъ должно считать границею. Такимъ то образомъ, до Пекинскаго трактата 1861 года, которымъ были регулированы пограничные вопросы въ этихъ краяхъ, была здѣсь обширная страна, фактически не принадлежавшая ни одному государству и не знавшая ничьей политической власти. Сѣверная ея большая часть, обитаемая орочонами, гольдами и гиляками, пребывала просто въ состояніи мирной дикости. Но южная часть, сосѣдняя Кореѣ и Манджуріи и болѣе удобная для заселенія, была, напротивъ того, совершенно очищена отъ какихъ бы то ни было туземцевъ. Здѣсь проживали исключительно китайскіе выходцы двухъ типовъ, манзы и хун-хузы. Едва-ли можно допустить предположеніе, что здѣсь отъ вѣка не жилъ человѣкъ и что китайцы застали страну необитаемою. Рядомъ, гораздо худшія, болѣе скудныя и суровыя мѣста были заселены аборигенами. Должны были они быть и здѣсь и если русскіе, тому назадъ около четверти вѣка, не нашли уже никого, кромѣ китайскихъ выходцевъ, то, очевидно, это было исходомъ невѣдомой міру роковой борьбы. Туземцы были вытѣснены или истреблены. Манза и хунъ-хузъ овладѣли фактически этой, такъ сказать, экстерриторіальной страной. Изъ легендъ сосѣднихъ гиляковъ, изъ лѣтописей Кореи, изъ археологическаго

обозрѣнія самаго края, наука когда нибудь извлечетъ повѣсть о погибшихъ аборигенахъ. Покуда же, встрѣченные кое-гдѣ слѣды давно заброшенныхъ рудныхъ шахтъ, да одинъ наконечникъ стрѣлы, вырытый въ 1891 году въ желѣзно-дорожной выемкѣ,—кажется, составляетъ все доселѣ найденное, какъ память о людяхъ, нѣкогда здѣсь обитавшихъ.

Хун-хузъ и манза были единственными обитателями края, когда пришли непрошенные русскіе гости. Что такое хун-хузъ, читатель уже имѣетъ понятіе. Что касается манзы, то это именно и есть тотъ Щедринскій, только китайскій мужикъ, который долженъ былъ кормить въ необитаемомъ краѣ китайскаго генерала—хун-хуза. Манзы—это бѣглое китайское населеніе, исключительно мужское, занявшее болѣе удобныя мѣста и занимавшееся преимущественно земледѣліемъ, частью же и другими промыслами. Не особенно много ихъ было въ странѣ, но вполнѣ достаточно, чтобы прокармливать хун-хузовъ. Не обираемые же чиновниками-мандаринами, въ этой тогда недоступной ихъ власти странѣ, манзы, вѣроятно, не особенно и тяготились поборами хун-хузовъ, которые не могли не дорожить манзами. Отсюда, изъ безопаснаго далека, изъ недоступныхъ горныхъ и лѣсныхъ убѣжищъ, путями, имъ однимъ вѣдомыми, предпринимали хун-хузы свои грабительскія операціи на морѣ и на сушѣ, въ предѣлахъ сосѣднихъ странъ. Это то идеальное приволье разбойничьяго притона было нарушено появленіемъ русскихъ. Безъ жестокой и кровавой борьбы дѣло, конечно, не обошлось. Возстаніе вспыхнуло уже въ 1867 году, но особенно разгорѣлось лѣтомъ 1868 года, когда всѣ хун-хузы, увлекши за собою и манзъ, взялись за оружіе, сожгли нѣсколько русскихъ селеній (Никольское, Шкотово и др.) и вели правильную войну съ немногочисленными военными силами недавно занятаго края. Энергическое подавленіе, суровое взысканіе и массовое изгнаніе изъ предѣловъ края въ китайскія владѣнія надолго обезпечили спокойствіе и научили оставшихся въ лѣсахъ хун-хузовъ отличать въ своихъ операціяхъ европейцевъ отъ туземцевъ. Въ такомъ размѣрѣ возстаніе не повторялось болѣе, но случаи отдѣль-

ныхъ безпорядковъ и даже набѣговъ происходили и послѣ. Относительное спокойствіе послѣдняго времени едва ли можно считать полнымъ умиротвореніемъ. Переходное состояніе, въ которомъ находится нынѣ страна, является переходнымъ и для китайскихъ выходцевъ всѣхъ родовъ, едва ли примирившихся съ своимъ новымъ положеніемъ. Даже въ 1891 году ходили слухи о новомъ возстаніи хун-хузовъ, но сомнительно, чтобы собственными силами они снова рискнули на открытую борьбу. Въ случаѣ же какихъ либо политическихъ осложненій, они могутъ сыграть свою роль, особенно опасную для мирныхъ деревень, отдаленныхъ отъ военныхъ центровъ. Вооруженіе русскаго населенія и обезоруженіе китайскаго составляетъ поэтому весьма важный вопросъ для края, придти къ которому на помощь можно не скоро. Отнятый у хунхузовъ край этотъ еще и доселѣ не очищенъ отъ этихъ китайскихъ бѣлоручекъ-аристократовъ. Хун-хузъ притаился въ лѣсныхъ и горныхъ трущобахъ и на необитаемыхъ островахъ, собираетъ дань съ мирныхъ туземцевъ и ждетъ дня расплаты съ непрошенными европейскими гостями. Надо надѣяться, что этого дня онъ никогда не увидитъ. Быстрое развитіе вооруженныхъ силъ края, его постоянное, не прекращающееся заселеніе и культурный прогрессъ создаютъ новыя условія и постепенно привольную Хунхузію отодвигаютъ въ легенду прошлаго. Сооруженіе желѣзной дороги явится, быть можетъ, однимъ изъ самыхъ могучихъ условій этого превращенія, и даже преданіе суду пострадавшаго Хе-Ми едва ли способно отсрочить паденіе Хунхузіи. Въ столицу-то этой самой Хунхузіи я и привезъ нынѣ читателя съ собою, чтобы затѣмъ и далѣе въ глубь края вмѣстѣ проѣхаться.

IV.

ВЛАДИВОСТОКСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Слухи о Владивостокѣ.—Первыя впечатлѣнія.—Базаръ.—Свѣтланская улица.—Поиски квартиры. — Элементы населенія. — Гарнизонъ.—Моряки.—Чиновничество.—Торговое сословіе.—Инородцы.

Представленія о Владивостокѣ въ Европейской Россіи господствуютъ весьма смутныя. Съ одной стороны широта Средней Италіи и Абхазіи заставляетъ воображать что то вродѣ земного парадиза, а съ другой стороны разные курьезные обрывки реальной дѣйствительности, доносящіеся черезъ многіе уста и десятки тысячъ верстъ, приготовляютъ ко всякимъ неожиданностямъ. Иные вамъ разскажутъ, что во Владивостокѣ тигры гуляютъ по улицамъ, какъ собаки и по желанію, здѣсь же на глазахъ у прочихъ обывателей, закусываютъ однимъ или одною изъ нихъ, не взирая ни на его вицмундиръ, ни даже на ея платье по послѣдней модѣ... Другіе, однако, протестуютъ горячо противъ послѣдней возможности. Еще, пожалуй, блюдо изъ вицмундира съ начинкою кавалеромъ они готовы уступить уссурійскому тигру, но чтобы предоставлялось на завтракъ этому чудовищу модное платье, фаршированное дамою или дѣвицею, признаютъ рѣшительно невѣроятнымъ вздоромъ.

— Неужели, спрашиваете вы, уссурійскіе тигры такіе галантные кавалеры? Къ тому же вѣдь попадаются и тигрицы?

— Не въ этомъ дѣло,—убѣжденно отвѣчаютъ вамъ,—но тигры, если бы и пожелали, то не могли бы найти дамы...

Ихъ тамъ всего три на весь Владивостокъ и онѣ всегда окружены непроницаемою толпою мужчинъ. Ну, тигру до нихъ и не добраться, надо довольствоваться кавалерами...

— Однако, какъ же это только три дамы на десятокъ съ лишнимъ тысячъ жителей?

— Вотъ сами увидите... Тамъ и общество дѣлится на партіи по дамамъ. Надо сейчасъ же выбирать, къ какой партіи или дамѣ пристать...

Такіе и въ этомъ родѣ слухи циркулировали между пассажирами «Петербурга», выведенные ими изъ свѣдѣній, собранныхъ передъ отъѣздомъ... Уже не поэтому ли передъ самымъ выѣздомъ состоялось нѣсколько свадебъ и нѣкоторые кавалеры приняли мѣры не попасть въ коварныя сѣти одной изъ трехъ Владивостокскихъ дамъ, бездушно любующихся, какъ тигры лакомятся ихъ поклонниками? Не всѣ, однако, такъ предусмотрительны или легковѣрны.

Такъ или иначе, а надежды и опасенія волнуютъ многочисленныхъ пассажировъ «Петербурга» 23 апрѣля 1891 года, въ то время, какъ красивая бухта, оправленная красивыми гористыми берегами, холодно улыбается новоприбывшимъ обитателямъ своимъ и своею тишиною, неподвижною и неоживленною ясностью, студенымъ, какъ бы сдержаннымъ воздухомъ загадочно молчитъ, ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу... Чувство неизвѣстности болѣе, нежели когда либо, охватываетъ душу, и напрасно съ напряженіемъ вглядываешься въ ярко освѣщенный городъ и холодную природу. Они не отвѣчаютъ на жадные вопросы этихъ выходцевъ далекаго міра, смущенною кучею толпящихся на пристани. Взбираюсь по каменной лѣстницѣ и я на пристань. Довольно обширная вымощенная площадь. Направо—какія то невзрачныя, небольшія зданія (это помѣщеніе таможеннаго вѣдомства, почти бездѣйствующаго по случаю porto franco). Налѣво—базаръ. Прямо подъемъ на широкую улицу, идущую вдоль берега бухты. На площади толпятся корейскіе носильщики, которыхъ я огорчаю, когда они убѣждаются, что я высадился безъ вещей. Спрашиваю у городоваго, гдѣ гостинницы и гдѣ взять извощика? По случаю Пасхи, извощики или не выѣхали, сами празднуютъ, или уже разобраны. Разспрашиваю о пути и отправляюсь искать пристанища. Путь идетъ мимо базара. Довольно значительная площадь занята деревянными досчатыми балаганами, передъ которыми разставлены и открытыя лари. Немного мяса и рыбы, мучной и крупяной товаръ, а затѣмъ много всяческой рухляди и старья, характеризующія наши «толкучки»—вижу я на этомъ базарѣ. Торговцы—манзы. Знаменитаго сословія русскихъ торговокъ напрасно ищу глазами. Владивостокъ ихъ лишенъ и базаръ находится во владѣніи китайцевъ. Характеръ базара и въ будни, и въ другое время года не измѣняется. Немного зелени, именно лукъ, чеснокъ, огурцы и капуста, прибавится лѣтомъ. Рыба кета (лосось) завалитъ базаръ раннею осенью, а фазаны — позднею. Вотъ и всѣ сезонныя перемѣны, да порою совершенно исчезнетъ мясо. Молока, молочныхъ скоповъ, зелени, овощей, фруктовъ, живности, дичи— вы никогда не увидите на этомъ базарѣ... Населеніе довольствуется немногимъ, но все это я узнаю впослѣдствіи, а теперь лишь бѣгло кинувъ взглядъ на оживленный рынокъ и поскорѣе отвернувшись отъ уже извѣстнаго мнѣ по Сингапуру китайскаго благовонія, я поспѣшаю на главную Свѣтланскую улицу города, такъ названную въ честь фрегата «Свѣтлана», которымъ были заняты эти берега. Улица пересѣкаетъ площадь. Она—широкая, съ деревянными, плохо содержимыми троттуарами по бокамъ, не мощенная, очень пыльная. Поворачиваю налѣво, чтобы розыскать гостинницу «Золотой Рогъ», мнѣ отрекомендованную въ качествѣ лучшей въ Владивостокѣ. Строенія тѣснятся преимущественно на сѣверной сторонѣ улицы. Здѣсь вижу большіе китайскіе магазины Тун-ли, Юн-Хо-Зана, Юн-Син-Ли, Качана, японскій магазинъ Эмура, русскую прогимназію, японскихъ часовщиковъ, китайскихъ портныхъ А-По, Сан-Ти и другихъ, но болѣе всего стѣснившихся въ кучу грязныхъ китайскихъ фанзъ (досчатыхъ

лачугъ) *). Китайскій кварталъ здѣсь небольшою своею частью выходитъ къ Свѣтланской улицѣ. Съ другой стороны (южной, болѣе близкой къ морю), сначала тянется ограда, окружающая большое пространство, именуемое почему то городскимъ садомъ. За нею отъ Свѣтланской отдѣляется Ланинская улица (вскорѣ уничтоженная и взятая подъ желѣзную дорогу, какъ единственный подходъ къ порту); тутъ же единственное городское народное училище, не единственный городской пустырь и большое кирпичное зданіе Приморскаго Областного Правленія. За нимъ Свѣтланскую улицу пересѣкаетъ Алеутская, самая важная послѣ Свѣтланской и пріобрѣтающая теперь еще больше значенія, какъ подъѣздъ къ желѣзнодорожной станціи. Противъ Областного Правленія, на углу Свѣтланской и Алеутской, въ двухъ-этажномъ деревянномъ домѣ помѣщается разыскиваемая мною гостинница. Только что вставшій хозяинъ, крещеный и обрусѣвшій бурятъ, встрѣчаетъ печальнымъ для меня сообщеніемъ. Не только номера всѣ разобраны, но даже въ театральной залѣ гостинницы отгорожены и заняты отдѣленія. Отправляюсь назадъ и, пройдя опять базарную площадь, продолжаю путь по Свѣтланской въ противуположную сторону, гдѣ должны быть еще три гостинницы. Справа (съ юга) почти все время виднѣется бухта во всю ширину. Здѣсь зданія или выстроены ниже уровня улицы (береговые склады и пакгаузы) или небольшіе и невысокіе. Между ними, банкирская контора М. Г. Шевелева и его же контора пароходства, которое поддерживаетъ сообщеніе между русскими населенными пунктами на берегу Японскаго моря, а также съ портами Кореи, Японіи и Китая. За конторою этою опять пустыри, заборы и не дурной адмиральскій садъ. Другой характеръ имѣетъ сѣверная сторона Свѣтланской улицы, гдѣ одинъ за другимъ возвышаются громадные каменные магазины трехъ главныхъ торговыхъ фирмъ Владивостока (двѣ иностранныя и одна сибирская). Тутъ же почтовая контора и телеграфъ, съ котораго всѣ мы спѣшимъ отправить телеграммы на родину. Наконецъ, и всѣ три гостинницы помѣщаются на этой же сторонѣ. Въ одной изъ нихъ, подъ названіемъ «Москва», я и нахожу временное пристанище, куда немедленно перетаскиваю свои вещи съ парохода и, не откладывая въ долгій ящикъ, приступаю къ поискамъ постояннаго обиталища.

*) Эти фанзы вскорѣ были снесены подъ желѣзную дорогу, такъ что теперь Свѣтланская улица лишена этого характернаго украшенія.

Гостинница стоитъ на одномъ изъ переулковъ, пересѣкающихъ перпендикулярно Свѣтланскую улицу. Всѣ эти переулки съ одной стороны круто спускаются къ бухтѣ, а съ другой еще круче поднимаются въ гору, которая здѣсь близко подходитъ къ бухтѣ, не оставляя у берега свободной горизонтальной площадки. Только въ сѣверо-западномъ углу бухты, гдѣ пристань и базаръ, имѣется такая небольшая площадка. Выйдя изъ гостинницы на улицу, при возвышенномъ положеніи, нетрудно осмотрѣться и выбрать маршрутъ для предстоящихъ поисковъ. Впереди внизу—обширная синяя бухта. Ея противоположный южный берегъ виденъ на всемъ протяженіи отъ группы каменныхъ строеній военнаго вѣдомства слѣва въ юго-восточномъ углу бухты до батарей, вѣнчающихъ сопку на юго-западѣ у входа въ бухту. Берегъ гористый, крутой, кое-гдѣ поросшій мелколѣсьемъ. На немъ виднѣются склады Сахалинскаго углепромышленнаго товарищества и претендующее на архитектуру зданіе «Италіи», загороднаго лѣтняго ресторана. Остальное пространство—голые и пустые, непривѣтливые обрывы. Правѣе входа въ бухту — высокая сопка съ фортомъ на ней. Отсюда начинается западный берегъ, тоже видный съ моего обсерваціоннаго пункта во всю длину. Сначала съ юга довольно долго—это крутой обрывистый склонъ, занятый подъ крѣпость. Батареи и кирпичныя казармы видны по этимъ склонамъ. Ближе сопка быстро понижается и гора образуетъ глубокую сѣдловину между крѣпостною сопкою и другою, еще болѣе высокою, у подножія которой я стою (и расположена большая часть города) и которая называется Орлинымъ Гнѣздомъ. Эта сѣдловина, лежащая на сѣверо-западъ отъ бухты и довольно значительно возвышаю-

щаяся надъ уровнемъ моря, имѣетъ, однако, сравнительно пологіе скаты въ обѣ стороны, къ бухтѣ на юго-востокъ и къ Амурскому заливу на западъ, образуя въ обѣ стороны площадки. Выше описанная, осмотрѣнная уже мною часть русскаго города и лежитъ на скатѣ къ бухтѣ и на площадкѣ у нея, куда выходитъ и китайскій городъ, занимающій сѣдловину и частью оба ската. Это сосѣдство китайскаго города съ его ароматомъ отвращаетъ мое вниманіе отъ западныхъ кварталовъ. Манзовскіе кварталы не только заражаютъ окрестную атмосферу специфическимъ зловоніемъ, но и являются очагомъ эпидемій, накожныхъ болѣзней, разврата, преступленій... Въ холерную эпидемію 1890 года болѣзнь гнѣздилась въ китайскомъ городѣ, а въ русскомъ болѣе пострадали сосѣднія части, хотя здѣсь сосредоточены лучшіе дома и живетъ наиболѣе зажиточная часть населенія. Стало быть, лучше во всѣхъ отношеніяхъ избѣгать сосѣдства съ представителями Дай-Цинской имперіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, избираю для поисковъ среднюю и восточную часть города. Круто спускаясь амфитеатромъ къ бухтѣ, разрѣзанная высокими отрогами и глубокими оврагами, эта часть города узкою, извилистою лентою тянется вдоль всего сѣвернаго берега бухты, то нѣсколько расширяясь, то ограничиваясь одною широкою улицею, то даже совсѣмъ прерываясь. Поэтому, она почти не видна съ моего наблюдательнаго пункта и для ея осмотра надо предпринять экскурсію.

Спускаюсь отъ гостинницы на Свѣтланскую улицу и сворачиваю по ней налѣво. Съ правой стороны отдѣляетъ улицу отъ бухты большое зданіе Портовой конторы (Управленіе надъ военнымъ портомъ). Слѣва—магазины, два ресторана и обширная Соборная площадь. Впрочемъ, называется это пространство площадью только потому, что церкви принято строить на площадяхъ. Въ сущности же это скатъ горы, часть котораго по возможности выровнена, огорожена и украшена воздвигнутымъ посрединѣ храмомъ, небольшимъ, но довольно красивымъ. Я обошелъ всѣ стороны «площади», заглянулъ и въ сосѣдніе переулки, но квартиръ не нашелъ. Въ одномъ мѣстѣ сдавались двѣ комнаты, но показы-

вавшая мнѣ молодая служанка-хохлуша откровенно объяснила всѣ неудобства. Сыро, печь плохая, дождь протекаетъ... «Дуже погано», чистосердечно прибавила представительница хозяйскихъ интересовъ. Оказывается, что дѣвица эта только что съ родителями прибыла сюда въ партіи переселенцевъ, да покуда, въ ожиданіи отвода надѣла, нанялась прислугою и меня порадовала встрѣчею съ землячкою. Я согласился съ ней, что помѣщеніе не годится, и побрелъ дальше. На той же площади красуется большой двухэтажный кирпичный домъ редактора-издателя мѣстной газеты, г-на С. Рядомъ онъ же строитъ другой домъ, еще больше... А помню я его въ Одессѣ въ 1875 году маленькимъ телеграфистомъ и мелкимъ репортеромъ! За Соборною площадью недалеко большое зданіе морского клуба и конецъ болѣе или менѣе благоустроенной Свѣтланской улицы. Далѣе, идутъ слободки, офицерская и матросская. Небольшіе деревянные домики, сбитые на живую руку, рѣдко украшенные растительностью, лѣпятся здѣсь по косогорамъ и крутизнамъ. Я обошелъ почти всѣ улицы и переулки этихъ растянутыхъ слободокъ, но чего-нибудь подходящаго для себя не обрѣлъ. Встрѣчали меня обыкновенно денщики, или прислуга изъ манзъ, нѣсколько подчищенныхъ и потому не столь благоухающихъ. Манзы, особенно молодежь, составляютъ въ Владивостокѣ главный контингентъ прислуги; солдатки-сибирячки слѣдуютъ затѣмъ; небольшое число ссыльно-поселенокъ и еще меньшее число японокъ исчерпываютъ собою весь этотъ классъ, не считая, конечно, денщиковъ и вѣстовыхъ. Вышеупомянутая встрѣча между прислугою крестьянской дѣвушки изъ переселенцевъ такъ и осталась для меня единственною за всѣ восемнадцать мѣсяцевъ моего пребыванія въ Владивостокѣ. Недавно объявленная отмѣна казеннаго пособія солдаткамъ, слѣдующихъ за своими мужьями во Владивостокъ, вѣроятно, скоро совсѣмъ уничтожитъ русскій элементъ въ составѣ прислуги. Исходивъ весь городъ, страшно утомленный, совсѣмъ вечеромъ вернулся я въ гостинницу. Обводивъ со мною по городу и читателя, я познакомилъ его въ главныхъ чертахъ съ

внѣшнею физіономіей города, которая, однако, даетъ нѣкоторое понятіе и о внутренней жизни, составѣ населенія и культурѣ.

Направо на юго-западѣ—крѣпость и воинское населеніе, составляющее вмѣстѣ съ семействами до десяти тысячъ человѣкъ. Семь линейныхъ батальоновъ, саперная рота и значительная артиллерія составляютъ гарнизонъ крѣпости, около которой, по склону крѣпостной сопки, ютится и солдатская слободка, населенная семьями гарнизона. Съ комендантомъ во главѣ, связанный дисциплиною, общими интересами и чувствами, гарнизонъ составляетъ особый мірокъ, лишь внѣшне, территоріально спаянный съ остальными составными частями того, что названо Владивостокомъ. Такой же особый мірокъ, слѣва, на востокѣ, представляетъ военно-морской портъ. Сибирская флотилія изъ четырехъ судовъ второго ранга (Бобръ, Сивучъ, Манджуръ и Кореецъ) и нѣсколькихъ меньшихъ (Алеутъ, Якутъ, Горностай и др.). Тихо-океанская эскадра, заключающая всегда въ себѣ не менѣе двухъ судовъ перваго ранга и двухъ второго, плавучіе доки, маяки, брандвахта, миноносцы, миноноски, мастерскія, береговая служба, управленіе портомъ, управленіе экипажемъ, такое филіальное управленіе, какъ Добровольный флотъ, все это требуетъ цѣлой обширной организаціи, значительнаго контингента людей, много техническаго знанія и образованія, сосредоточеннаго въ этомъ обособленномъ мірѣ, несомнѣнно самомъ симпатичномъ и образованномъ въ краѣ. Крѣпость направо, военный портъ налѣво ограничиваютъ гражданскій городъ съ двухъ сторонъ, сосредоточивая его въ сѣверо-западномъ углу бухты. Ближе къ берегу расположены европейскіе кварталы чиновниковъ и купцовъ, а затѣмъ туземные кварталы чернорабочихъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, преимущественно китайцевъ, частью корейцевъ, въ небольшомъ числѣ японцевъ. Среди китайцевъ—совсѣмъ нѣтъ женщинъ; среди корейцевъ, живущихъ въ городѣ — ихъ немного; въ японскомъ же населеніи преобладаютъ женщины. Японцы—ремесленники и торговцы. Они живутъ всегда съ семьями. Японки же, кромѣ того, охотно нанимаются прислугою и составляютъ главную составную часть Владивостокской проституціи. Корейцы—исключительно почти чернорабочіе. Японское и корейское населеніе составляетъ болѣе или менѣе осѣдлый элементъ. Изъ китайцевъ же лишь незначительная часть зимуетъ во Владивостокѣ (и то безъ семействъ), а большая часть является только на лѣто на отхожіе промыслы. Это— лодочники, каменьщики, плотники, маляры, чернорабочіе. Зимуютъ же торговцы, въ небольшомъ числѣ ремесленники (портные, столяры, стекольщики и пр.), прислуга и нѣкоторое незначительное число чернорабочихъ (водоносы, погонщики и т. д.). Прачешныя— всѣ японскія. Европейское гражданское населеніе состоитъ изъ чиновниковъ (Владивостокъ — губернскій городъ), купцовъ и извощиковъ. Среди европейскаго торговаго сословія преобладаютъ иностранцы; среди чиновничества—русскіе, нѣмцы и поляки; одни извощики — исключительно русскіе, но многіе—изъ сектантовъ, въ началѣ этого столѣтія выселенныхъ въ Забайкалье. Гражданское населеніе насчитываетъ до десяти тысячъ душъ. Изъ нихъ, однако, и одной пятой не приходится на европейцевъ, которые только въ соединеніи съ гарнизономъ и моряками получаютъ численное преобладаніе. Ближайшее русское селеніе отстоитъ отъ Владивостока на шестьдесятъ пять верстъ. Ближе есть только незначительные корейскіе поселки. Мѣстность неблагопріятна для заселенія и хозяйства.

V.

«ВОСТОЧНАЯ АМЕРИКА».

Владивостокскіе нравы.—Общество и народъ.—Хищники.—Отношеніе къ странѣ.—Общія замѣчанія.

Выше я набросалъ въ общихъ чертахъ картину столицы недавней Хунхузіи, а нынѣ будто бы «Восточной Америки»... Хунхузія, какъ читатель уже знаетъ, хотя и осуждена на паденіе, но покуда продолжаетъ еще держаться, а считаться съ нею придется, вѣроятно, еще не разъ, особенно, если будетъ усвоено правило преслѣдовать не хун-хузовъ, а пострадавшихъ, недостаточно молчаливыхъ. Что касается «Восточной Америки», то въ этомъ сравненіи много жестокой ироніи, но есть и своя доля правды, очень горькой правды. Америка, настоящая западная Америка— страна энергическаго труда, знанія, самостоятельнаго общественнаго почина, край побѣды человѣка надъ природою, торжества цивилизаціи надъ дикостью. Чего нибудь *такого* американскаго вы напрасно искали бы въ нашей Хунхузіи, особенно въ ея столицѣ. «Энергическій трудъ», но кому тутъ трудиться, когда тутъ всѣ служатъ, или для служащихъ торгуютъ и услуживаютъ? «Побѣда знанія, образованія, цивилизаціи», но это предметы, здѣсь весьма мало извѣстные, тѣмъ болѣе, что они удобно замѣняются циркулярами и приказами... «Самостоятельный общественный починъ», но вѣдь здѣсь нѣтъ ни общества, ни народа. Общество — чиновники, офицеры и иностранцы. Народъ — солдаты, матросы, ссыльные, да инородцы. И все это населеніе временное:—отслу-

жить свой срокъ, по возможности заработать или просто урвать, а затѣмъ поскорѣе убраться во-свояси, въ Россію, въ Сибирь, въ Гамбургъ, въ Шанхай или Чи-фу... И только эта общая, надъ всѣмъ царящая задача «урвать», задача наживы и хищничества, дѣйствительно, сближаетъ Хунхузію съ Америкою. Крайній индивидуализмъ, безпощадное господство доллара, неразборчивость средствъ къ наживѣ, грубая эксплуатація слабаго, поклоненіе, почти обоготвореніе наживы и хищничества, вся эта оборотная сторона американской жизни и культуры, дѣйствительно, процвѣтаетъ на берегахъ Золотого Рога Восточнаго. Съ этой точки зрѣнія Хунхузія дѣйствительно стала Восточной Америкой, но я не знаю, почему бы ей не называться бѣлой Хунхузіей? Хищничество, хотя и въ иной формѣ, осталось и доселѣ нервомъ «гражданской» жизни Владивостока, ея вдохновеніемъ и культомъ.

— Представьте себѣ, что за безсовѣстный человѣкъ этотъ Урсати, да хорошъ и Орловъ (агентъ по отчужденію подъ желѣзную дорогу)...

— Въ чемъ дѣло?

— Помилуйте, уплачиваютъ по три рубля за квадратную сажень въ городѣ, а могли бы дать по двадцати...

— Но вѣдь это добровольныя сдѣлки.

— Конечно, владѣльцы соглашаются, если не даютъ больше, но поймите, что тутъ можно бы было дать сколько угодно...

Это—публичный разговоръ въ ресторанѣ между представителями мѣстнаго общества, чиновниками и купцами... Сужденіе это, однако, чуть не кончилось большимъ скандаломъ, вслѣдствіе вмѣшательства присутствовавшаго тутъ желѣзнодорожнаго служащаго. Чудакъ воображалъ, что казенная копѣйка присылается во Владивостокъ не для того, чтобы отъ нея наживались владивостокскіе американцы!..

— Нѣтъ, эти желѣзнодорожники ведутъ себя просто возмутительно...

— А что такое?

— Представьте, за кубическую сажень выемки въ скалѣ

даютъ всего по восьми рублей, а до нихъ платили по сорока рублей!..

— Но вѣдь подрядчики берутъ эту цѣну добровольно...

— Конечно, берутъ, когда больше не даютъ, но поймите, что можно было дать сорокъ, если до сихъ поръ платили сорокъ... Не возмутительно-ли?

Это—частный разговоръ въ гостяхъ обывателя, въ обществѣ по преимуществу чиновниковъ. Обѣ бесѣды эти мнѣ переданы совершенно достовѣрными свидѣтелями. Какъ видите, здѣсь уже и о фиговомъ листѣ позабыто... Мысль, что государство производитъ расходы не для того только, чтобы набить карманъ бѣлокожимъ хун-хузамъ Владивостока, повидимому, совершенно непонятна этимъ невиннымъ головамъ. Они совершенно искренно возмущаются разсчетливымъ хозяйствомъ главнаго строителя дороги! «Ничѣмъ не рискуя, онъ могъ бы дать столько нажить добрымъ людямъ и, однако, не даетъ!» Не возмутительно-ли въ самомъ дѣлѣ? Ужъ подлинно собака на сѣнѣ, сама не ѣстъ, другихъ не пускаетъ! Если бы сама ѣла, они поняли-бы и, можетъ быть, даже не такъ возмутились-бы... Но преданность какому то общественному интересу, всѣ эти мысли и чувства, не всегда чуждыя нашей Восточной Европѣ, не имѣютъ никакой рыночной цѣны въ нашей Восточной Америкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, однако, какой такой есть общественный интересъ, о служеніи или преданности которому можно говорить во Владивостокѣ? Городъ этотъ есть прежде всего и послѣ всего военно-морской портъ и военная крѣпость. Изолированный приморскій, укрѣпленный и снабженный сильнымъ гарнизономъ городъ не заключаетъ ни въ себѣ, ни въ окрестностяхъ никакихъ общественныхъ или народныхъ интересовъ, земледѣльческихъ, промышленныхъ, торговыхъ, культурныхъ. Все населеніе—защитники или правители, да разный людъ, привлеченный сюда интересами и потребностями защитниковъ и правителей. Но чего правители, чего защитники? Только и единственно—удобной бухты, прекраснаго опорнаго пункта, но никакъ не народа, промышленности или культуры, которыхъ здѣсь во Владивостокѣ не имѣется.

Однако, сами интересы обороны этого пункта, какъ базиса для военно-морскихъ операцій, потребовали, по возможности, уничтожить его изолированность и самому ему создать опору, продовольственный, земледѣльческій и торгово-промышленный базисъ. Отсюда заселеніе края и проложеніе путей сообщенія. Отсюда же появленіе народа, экономическихъ интересовъ и культуры. Это понемногу и создается въ краѣ, но покуда очень мало касается Владивостока, лежащаго въ мѣстности неудобной. Желѣзная дорога его свяжетъ съ краемъ, гдѣ уже есть русскій народъ, есть земледѣліе и промышленность, развивается культура, складывается и общество. Тогда наступитъ конецъ не только желтокожей Хунхузіи, но и Восточной Америки. Тогда Европа вступитъ въ свои права и въ этой непріютной, суровой странѣ. Выростутъ поколѣнія, которыя не будутъ вздыхать по далекой, болѣе удобной и ласковой родинѣ, но будутъ любить свой край и не выносить изъ него все, что урвать можно, а вносить и вкладывать трудъ, энергію, знаніе. Все это будетъ несомнѣнно, но улита ѣдетъ, когда-то пріѣдетъ, а теперь эта полусумма Хунхузіи и Восточной Америки для живого и впечатлительнаго человѣка просто ужасна. Злосчастная природа, манзовское благоуханіе и хунхузская нравственность, отсутствіе народа и общества, райское незнакомство съ фиговыми листьями и царящій надъ всѣмъ духъ хищничества и наживы «безъ понятія о правдѣ и Богѣ» — способны иной разъ вселить отчаяніе... Не то, чтобы люди были хуже, нежели въ другихъ мѣстахъ. Хорошіе люди вездѣ найдутся, но духъ жизни даетъ силу личнымъ, эгоистическимъ инстинктамъ, естественно развивающимся среди людей, временно заброшенныхъ на край свѣта, ничѣмъ съ краемъ не связанныхъ, его не любящихъ и мечтающихъ о возвратѣ. Какія бы то ни были, однако, причины, но очень тяжело жить въ такомъ мѣстѣ. Какъ то чувствуешь всѣмъ существомъ гнетъ условій и съ каждымъ днемъ, съ каждымъ ша-

гомъ убѣждаешься въ тщетѣ единичныхъ усилій, чувствуешь глупость и ненужность своего пребыванія здѣсь. «Вы имъ здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, не ко двору», говорилъ мнѣ, передъ моимъ отъѣздомъ, одинъ морякъ, старожилъ края... Словомъ, я почти обрадовался, когда вліяніе неблагопріятнаго климата на здоровье дало мнѣ надлежащее основаніе, чтобы оставить Владивостокъ раньше предположеннаго срока. И черезъ полтора года по пріѣздѣ сюда, я уже отплывалъ отъ этихъ негостепріимныхъ береговъ съ ихъ чужимъ для меня населеніемъ. Но прежде, чѣмъ покинуть далекую страну, всетаки составляющую часть моего отечества, я счелъ обязательнымъ для себя нѣсколько углубиться въ нее, лично познакомиться не съ однимъ только Владивостокомъ, гдѣ до того времени усиленная работа держала меня безвыѣздно. Рѣшивъ въ августѣ 1892 года, что покидаю Хунхузію, я выбралъ болѣе свободное время въ сентябрѣ, чтобы проѣхаться вглубь края верстъ на сто, посмотрѣть природу, новое приливающее изъ Россіи населеніе, складъ зачинающейся культуры, состояніе желѣзнодорожныхъ работъ, пеструю смѣсь силъ и элементовъ, соединившихся на этой постройкѣ. Для этого я присоединился къ строителю дороги, предпринявшему именно въ это время объѣздъ работъ. Раньше я отлучался не дальше двадцати, двадцати пяти верстъ и теперь въ своемъ отчетѣ о видѣнной странѣ воспользуюсь, конечно, впечатлѣніями всѣхъ моихъ, впрочемъ, очень немногочисленныхъ экскурсій изъ Владивостока.

VI.

ЗА ГОРОДОМЪ.

Утро 6 сентября.—Кладбище.—Природа окрестностей.—Характеръ лѣсовъ.—Планы климатическаго преобразованія.—Станція ж. д.

Раннимъ утромъ 6 сентября нашъ небольшой поѣздъ (двѣ тройки) выѣзжаетъ изъ Владивостока по почтовой дорогѣ. Ясная солнечная погода. Сѣверо-западный муссонъ дуетъ намъ въ лицо сухостью и холодомъ, но солнце еще справляется съ угрозами сердитаго посланца неласковой Монголіи и успѣваетъ еще обогрѣвать и землю, и воды, и самое атмосферу. Погода пріятная, свѣжо и ясно; легко дышется и бодро чувствуется... Такая погода здѣсь рѣдкость и бываетъ только короткое время, весною и осенью, покуда не утвердится окончательно на все лѣто или на всю зиму тотъ или другой муссонъ. Лѣтній океаническій муссонъ здѣсь зовутъ гнилымъ вѣтромъ за туманъ и плѣсень, которыми онъ окутываетъ и покрываетъ все и вся. Зимній же континентальный муссонъ извѣстенъ подъ названіемъ Суйфунскаго или просто Суйфуна, такъ какъ врывается сюда преимущественно долиною рѣки Суйфуна, пересѣкающею прибережный хребетъ.

Дорога идетъ довольно круто въ гору въ объѣздъ сопки Орлинаго Гнѣзда, по ея западному склону. Прорѣзавъ китайскіе кварталы, выѣзжаемъ за городъ, мимо христіанскаго кладбища. Нѣтъ и полутора года, какъ мы сюда прибыли на желѣзнодорожную постройку, а уже три жертвы приняло это отда-

ленное кладбище... Суровоя природа надламываетъ здоровье, а нравственныя условія существованія, созданныя «восточно-американскою» общественною жизнью, толкаютъ къ загулу, запою, всякимъ излишествамъ, естественнымъ суррогатамъ жизни при полномъ отсутствіи всякихъ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ интересовъ. Для кремнеземныхъ существъ—прямолинейное хищничество; для не чуждыхъ законамъ органической природы—разгулъ и излишества: такова обыкновенная программа здѣшняго существованія. Миновали, однако, и кладбище. Дорога стала болѣе пологая и мы помчались среди живописно разбросанныхъ сопокъ, поросшихъ мелколѣсьемъ. Формы горъ—мягкія, безъ утесистыхъ выступовъ, островерхихъ скалъ ломанныхъ линій гребней. Всюду преобладаютъ кривыя линіи, закругленія, всюду покрытыя растительною почвою и заросшія древесными и кустарными породами. По этимъ ближайшимъ окрестностямъ Владивостока побродилъ въ разное время я достаточно и мнѣ онѣ порядочно знакомы. Выходы каменныхъ породъ встрѣчаются рѣдко, известники, сланцы и базальты. Прежде, по словамъ старожиловъ, всѣ эти сопки, гребни, сѣдловины, склоны были покрыты первобытнымъ лѣсомъ, но теперь онъ здѣсь повсюду вырубленъ. Негодность почвы подъ сѣнокосы и пашни возвратила ее во власть лѣсной растительности, которая невысокою зарослью и покрываетъ всю мѣстность. Дубъ, орѣхъ, вязъ, ясень составляютъ здѣсь преобладающія породы. Хвойныя деревца, преимущественно елка, встрѣчаются изрѣдка. Виноградъ живописно вьется по стволамъ, перевивая деревья и затрудняя прогулку по лѣсу. Грибовъ въ этихъ лѣсахъ я не видѣлъ вовсе, ягодъ—тоже. Однажды набрелъ на клубничникъ, но ягода оказалась столь мелкою, сухою и не ароматичною, что не мудрено, если никто ее и не потребляетъ. Нѣтъ въ лѣсу и дикихъ плодовыхъ деревьевъ, кромѣ уже упомянутыхъ орѣшника и винограда. Цвѣтами край еще бѣднѣе. Мелкія безъ запаха фіалки, бѣлыя мелкія лѣсныя вѣтренницы убого пестрѣютъ по опушкамъ и прогалинамъ. Ландыши и колокольчики къ нимъ

присоединяются рѣже... Изрѣдка можно встрѣтить характерный для края дикій геліотропъ. Богаче цвѣтеніемъ кустарники. Шиповникъ цвѣтетъ очень красивыми темно-малиновыми, но мелкими цвѣтами.

Этотъ характеръ природы и лѣсныхъ зарослей сохраняется верстъ на 60—80 вглубь страны, т. е. во всей береговой полосѣ. Та же пересѣченная, гористая поверхность, тѣ же базальты и известняки, та же скудость почвы, то же отсутствіе мѣстъ, удобныхъ для сѣнокосовъ и пашенъ, тѣ же породы лѣса, та же флора. Только все постепенно принимаетъ большіе размѣры. Горы выростаютъ, становятся круче, труднѣе и красивѣе. Ручьи замѣняются рѣчками. Лѣса замѣняютъ собою мелколѣсье. Начинаютъ чаще попадаться хвойныя рощи, появляется кедръ, мало-по-малу замѣняющій дубъ. Далѣе, верстъ за сто и болѣе, господствуютъ сплошь кедровые лѣса. Сосны здѣсь нѣтъ, лиственница растетъ не близко... Ель и кедръ составляютъ главную растительность хвойныхъ лѣсовъ. Между ними встрѣчается пихта. Весь край, собственно говоря, покрытъ лѣсомъ, но было бы ошибочно представлять его себѣ похожимъ на какое либо наше европейское полѣсье. Ни наши дубравы не похожи на здѣшнее чернолѣсье, ни здѣшніе хвойные лѣса не походятъ на наши боры. Въ дубовый-ли лѣсъ вы входите у насъ или сосновый, вы видите почти обнаженную почву и цѣлую громадную теряющуюся въ безконечной дали колоннаду гигантскихъ стволовъ, поддерживающихъ сплошную живую кровлю этого необъятнаго храма природы. «Темень тутъ вѣчная, тайна великая, солнце сюда не доноситъ лучей, буря-ль взыграетъ могучая, дикая, лѣсъ не подумаетъ кланяться ей. Только вершины поропщутъ тревожно»... Почва, покрытая подлѣскомъ, мелкою растительностью, отличаетъ наше чернолѣсье и еловые боры, но въ остальномъ и эти лѣса имѣютъ тотъ же характеръ. То же самое должно сказать и о липовыхъ лѣсахъ Вятской губерніи, о кедровыхъ урманахъ Западной Сибири, о горныхъ рощахъ на Альпахъ. Могучее развитіе отдѣльныхъ экземпляровъ, единицъ

изъ которыхъ составляется лѣсъ, и ихъ одинаковое, равномѣрное развитіе, вмѣстѣ взятыя, и составляютъ отличительную особенность нашихъ европейскихъ лѣсовъ. Вы чувствуете силу лѣсныхъ деревъ и видите равенство этой силы въ деревьяхъ. Сила и равенство силы и создаютъ лѣсъ, а не лѣсную заросль. Въ этомъ смыслѣ въ Уссурійскомъ краѣ я лѣсовъ не встрѣчалъ, а только лѣсныя заросли. Сплошныхъ равной силы насажденій, на сколько нибудь значительномъ пространствѣ, вы тутъ не встрѣтите совсѣмъ. Все это какая то безпорядочная смѣсь мелколѣсья, густого, но слабаго и невысокаго, съ отдѣльными группами высокихъ деревьевъ, даже съ отдѣльными экземплярами. При пересѣченномъ и холмистомъ характерѣ мѣстности, порою, съ высоты, глазъ вашъ окидываетъ значительныя пространства долинъ и склоновъ, всюду заросшихъ лѣсомъ, и всюду вы видите густую перевитую виноградникомъ, непроницаемую для глаза, не высокую сравнительно заросль, среди которой зелеными шатрами разбросаны рощи болѣе значительныхъ деревъ. Я не углублялся во внутренность лѣсовъ, но опытные люди передаютъ, что тотъ же характеръ носятъ всѣ мѣстные лѣса. Приэтомъ и представители высокорослыхъ рощъ рѣдко достигаютъ размѣровъ, обычныхъ для тѣхъ же породъ въ Европѣ. Они скоро дуплятся, преждевременно дряхлѣютъ, усыхаютъ вершинами, торчатъ сухостоями и сваливаются бурями, здѣсь не рѣдкими. Слабость и неравномѣрность развитія характеризуетъ здѣшніе лѣса, лиственные и хвойные, одинаково. О плохомъ качествѣ мѣстнаго лѣса, какъ строительнаго и подѣлочнаго матеріала, я уже упоминалъ. Рыхлость, быстрое загниваніе, непрочность отличаютъ мѣстныя лѣсныя породы. Все это, конечно, награда здѣшняго безподобнаго климата...

Мнѣ случалось слышать во Владивостокѣ разсужденія на тему о необходимости и возможности засыпать узкій и неглубокій Татарскій проливъ, отдѣляющій Сахалинъ отъ материка и представляющій каналъ, черезъ который вливается въ Японское море ледяное теченіе Охотскаго моря. Теченіе это спускается какъ

разъ вдоль нашего берега. Въ немъ—причина, что теплый лѣтній муссонъ сгущается на нашихъ берегахъ въ холодные туманы. Вмѣстѣ съ расчисткою мѣстности изъ подъ лѣсовъ и съ осушеніемъ болотъ, засыпка Татарскаго пролива, конечно, улучшила бы лѣтнюю погоду, сдѣлавъ ее теплѣе и солнечнѣе, но на зимнюю погоду не повліяла бы. Только обводнивъ и покрывъ растительностью Монголію, было бы возможно существенно измѣнить климатъ этихъ странъ, сдѣлавъ зимніе муссоны теплѣе и влажнѣе и вообще умѣривъ силу муссоновъ. Если бы было доказано, что внутреняя котловина восточной Монголіи ниже Ордосской равнины, по которой протекаетъ Гоанго до прорыва имъ сѣверно-китайскаго хребта и выхода на китайскую низменность, то проведеніе канала изъ Гоанго въ Восточную Монголію могло бы, быть можетъ, осуществить часть вышенамѣченной задачи, возродивъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ жизни монгольскую пустыню. Такъ называемая борозда Гоби, продольная котловина Восточной Монголіи, лежитъ какъ разъ къ сѣверу отъ Ордоса и къ югу отъ Кяхты, на полпути между ними на 45° с. ш. и 104—109° в. д. Длиною она около 300 верстъ и шириною до 100 верстъ. На всемъ этомъ пространствѣ барометрическія измѣренія опредѣлили абсолютную высоту отъ 2000 до 3000', преобладаетъ высота въ двѣ съ половиною тысячи футовъ. Долина же Гоанго на тѣхъ же долготахъ у Нинь-хя (38° с. ш. и 104° в. д.) и Хуху-хотоня (41° с. ш. и 109° в. д.) имѣетъ абсолютную высоту въ 3000 до 3500'. Если эти опредѣленія вѣрны, то задача орошенія Восточной Монголіи осуществима. Вопросъ, насколько можно положиться, на эти немногія, отрывочныя и притомъ только барометрическія измѣренія. Вопросъ достоинъ внимательнаго изученія, потому что невозможно даже предвидѣть всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій обводненія Восточной Монголіи. Тогда и засыпка Татарскаго пролива получила бы больше значенія и была бы богаче послѣдствіями. Все это, впрочемъ, покуда сплошная утопія и мнѣ пора возвратиться къ непосредственной задачѣ этихъ замѣтокъ, ознакомить читателя

съ краемъ, какъ онъ вырисовывается въ моихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ и какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности, созданъ природою и приспособляется человѣкомъ.

Сѣдловиною между сопками, среди мелколѣсья и живописныхъ ландшафтовъ, ѣдемъ около получаса и начинаемъ спускаться въ широкую долину рѣчки, носящей названіе просто Первой Рѣчки. Владивостокъ не имѣетъ проточной воды и пьетъ почвенную воду, которой и теперь зимою иногда не хватаетъ. Первая рѣчка лежитъ верстахъ въ пяти и устройство отсюда водопровода является, конечно, непремѣннымъ условіемъ развитія города. Впрочемъ, былъ моментъ, когда можно было ожидать, что не вода отсюда будетъ проведена въ городъ, а самъ городъ передвинется къ этой веселой говорливой рѣчушкѣ. Одно время морское вѣдомство рѣшительно не желало уступать подъ желѣзную дорогу мѣсто у бухты Золотой Рогъ и явилась мысль устроить главную станцію, депо, мастерскія здѣсь на Первой Рѣчкѣ. Широкая удобная долина, глубокій Амурскій заливъ, въ который здѣсь впадаетъ рѣчка, порядочная почва вверхъ по долинѣ, хорошія каменоломни выше по рѣчкѣ, все представляло столько выгодъ, что, въ случаѣ сооруженія здѣсь станціи, сюда же передвинулся бы и весь торгово-промышленный городъ. Или вѣрнѣе, не передвинулся-бы, а вновь выросъ бы здѣсь, такъ какъ только съ открытіемъ желѣзной дороги явится развитіе торгово-промышленной жизни города. Военныя соображенія о незащищенности морскихъ береговъ у устья Первой Рѣчки и о небезопасности поэтому желѣзнодорожныхъ сооруженій и запасовъ заставили возвратиться къ первоначальному проэкту занятія части берега бухты Золотой Рогъ подъ желѣзнодорожную станцію и депо. Мастерскія же перенесли внутрь края, въ Никольское.

VII.

ПЕРВАЯ РѢЧКА.

Лагерь.—Корейскія работы.—Корейскіе шатры.—Кореянки.—Производительность инородческаго труда.—Заводъ Рика.—Тигрица.—Виноградникъ Радаева.—Радаевская насыпь.

Въ долинѣ Первой Рѣчки находятся лагери гарнизона Владивостокской крѣпости. Они разбиты очень живописно и засажены деревьями. Тутъ же разбитъ и временной лагерь корейцевъ, работающихъ большую желѣзнодорожную насыпь черезъ долину рѣки. Икусу, Нигешу, даже Мадзини—таковы фамиліи корейскихъ подрядчиковъ, собравшихъ эти сотни медленно работающихъ каули, или просто «кавалей», какъ ихъ перекрестили русскіе рабочіе. Имя каули обыкновенно сближаютъ съ кули, англійскимъ названіемъ китайскихъ и индійскихъ чернорабочихъ, но, повидимому, это просто случайное созвучіе. Не чернорабочихъ корейскихъ зовутъ каули, а вообще корейцевъ; тогда какъ китайскихъ чернорабочихъ такъ во Владивостокѣ не называютъ: Каули скорѣе можно сблизить съ Гаоли, книжное китайское названіе Кореи, а съ другой стороны съ Каури («р» и «л» постоянно чередуются въ монгольскихъ языкахъ), откуда европейцы сдѣлали Кори, или Корея. Какъ бы, однако, ни производить названіе «каули» несомнѣнно его носители составляютъ одинъ изъ интересныхъ составныхъ элементовъ той разнообразной и сложной толпы, которая собралась на желѣзнодорожную постройку, чтобы «въ страшной борьбѣ къ жизни воззвать эти дебри безплодныя».

Вотъ направо отъ дороги раскинулся ихъ лагерь вдоль берега Первой Рѣчки. Правильными рядами расположены полотняныя палатки, довольно оригинально и цѣлесообразно устроенныя. «На земляномъ основанiи палатокъ (описываетъ старшiй врачъ желѣзной дороги, д-ръ Рудинскiй) устраивается сплошная печка въ одинъ аршинъ вышины съ двумя топочными отверстiями, выходящими къ входной сторонѣ палатки. Между топками имѣется проходъ въ 1—$1^1/_2$ аршина шириною, доходящiй до средины палатки. Дымовое отверстiе выводится за заднюю стѣнку палатки и оканчивается трубою изъ древесной коры. Надъ топочными отверстiями устроены котлы для варки пищи, а остальная часть печки (т. е. весь полъ палатки) служитъ мѣстомъ отдыха и сна жильцовъ». Для сырого туманнаго лѣта и холодной осени такое устройство палатокъ въ высшей степени цѣлесообразно и предохраняетъ обитателей отъ многихъ заболѣванiй. Опрятное содержанiе палатокъ артельными кухарками, конечно, тоже способствуетъ хорошему санитарному состоянiю корейскихъ лагерей, что и констатируется г. Рудинскимъ. Насколько мужчины корейцы неопрятны, настолько кореянки отличаются чистоплотностью. Во Владивостокѣ можно рѣдко встрѣтить кореянокъ, повидимому, не выходящихъ изъ своихъ дворовъ. Легче ихъ увидѣть на работахъ, гдѣ мнѣ удалось встрѣтить двухъ и гдѣ каждая артель имѣетъ свою «бабушку», что впрочемъ не означаетъ преклоннаго возраста. Напротивъ, преобладаетъ среднiй возрастъ. Одна особенность костюма встрѣченныхъ мною кореянокъ поразила меня своею странностью. Плотно укутанная отъ пятокъ до горла и до кистей рукъ, кореянка оставляетъ узкiй горизонтальный разрѣзъ въ своемъ корсажѣ на высотѣ сосковъ, обнажая изъ всего тѣла, кромѣ лица, только среднюю часть груди. Это не мѣшаетъ кореянкамъ быть образцомъ скромности и примѣромъ нравственности. Подлинно, что городъ—то норовъ. Быть можетъ, слѣдовало бы еще указать и на умѣренность пищи, какъ на одну изъ причинъ слабой заболѣваемости среди корейцевъ. По свидѣтельству г. Рудинскаго, обычная порцiя на человѣка въ день

у корейцевъ просто ничтожна сравнительно съ принятою въ Россiи, именно кореецъ ограничивается въ день однимъ фунтомъ хлѣба, однимъ фунтомъ риса (или чумизы, родъ проса), полуфунтомъ соленой рыбы и полуфунтомъ зелени (луку или чесноку). Это исключительная умѣренность пищи порождаетъ и такую же исключительную умѣренность работы. Въ то время, какъ опытный русскiй землекопъ вырабатываетъ въ день до одного куба обыкновеннаго мягкаго грунта, а не опытные солдаты—около полукуба и даже каторжные—отъ четверти до трети куба, кореецъ едва осиливаетъ одну десятую куба въ день! Они берутъ численностью, такъ же какъ и китайцы, работающiе развѣ немногимъ успѣшнѣе корейцевъ. Тѣхъ и другихъ, однако, на работахъ 1891 и 1892 годовъ стояло нѣсколько тысячъ...

Проѣзжаемъ лагери, переѣзжаемъ по мосту черезъ извилистую рѣчонку, оставляя влѣво желѣзнодорожную линiю, и начинаемъ подниматься на сѣверный склонъ долины. Тѣ же картины вокругъ. Налѣво отдѣляются отъ дороги два проселка, на пятой и на восьмой верстахъ. Первый ведетъ къ пивному заводу Рика, на которомъ не дальше трехъ лѣтъ тому назадъ была поймана въ западню громадная тигрица, нынѣ благополучно наблюдаемая петербургскою публикою въ зоологическомъ саду. Когда тигрица попала въ западню, то на ея голосъ прибѣжалъ тигръ и помогалъ освободиться. Вмѣстѣ старались нѣжные супруги разломать желѣзную клѣтку, которая, на подобiе мышеловки, захлопнула лѣсную царицу. Съ зарею тигръ удалился. Ожидая его возвращенiя на слѣдующую ночь, съѣхались храбрые охотники изъ Владивостока. Любящiй супругъ дѣйствительно явился, лишь только погасъ западъ, и пробылъ около прекрасной плѣнницы пока не загорѣлся востокъ. Однако, великодушные охотники не стрѣляли въ него ни въ эту, ни въ слѣдующую ночь. На четвертую ночь тигръ не пришелъ; тигрица напрасно взывала. Охотники давно были во Владивостокѣ...

Другая дорожка ведетъ на виноградникъ Радаева. Стоитъ сказать объ этомъ виноградникѣ нѣсколько словъ. Осенью 1891 года я ѣздилъ его осматривать. Радаевъ — мѣстный купецъ и любитель садоводства, сдѣлалъ опытъ культуры мѣстной лозы. Высадивъ тысячъ двадцать виноградныхъ кустовъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ, онъ подвергъ ихъ правильной культурѣ, очищалъ и разрыхлялъ почву, подрѣзывалъ и окучивалъ, изъ собраннаго винограда давилъ вино. Посѣтивъ виноградникъ, я попробовалъ и виноградъ, и вино. Виноградъ — очень мелкій и очень кислый, ничѣмъ, повидимому, не отличающійся отъ некультурнаго, которымъ обвѣшаны всѣ лѣса края. Вино же, напротивъ, оказалось чрезвычайно сладкое, очевидно, безпощадно подслащенное; ни букета, ни виннаго вкуса. Виноградникъ болѣе уже не существуетъ, такъ какъ черезъ него прошла желѣзная дорога, и его почва снята въ сосѣднюю громадную насыпь, «радаевскую», такъ названную по ея сосѣдству съ радаевскимъ виноградникомъ. Эту насыпь можно было бы назвать и каторжною, такъ какъ ее работала каторга, и роковою, такъ какъ она одно время угрожала большими затрудненіями и тѣмъ радовала сердца всѣхъ, кто находилъ «возмутительнымъ» разсчетливое хозяйство желѣзнодорожнаго управленія. Сколько надеждъ и упованій было разбито этою разсчетливостью! Сколько надеждъ и упованій было соединено около ожидавшихся затрудненій съ этою насыпью! Сколько радости возбуждали ея капризы, ея угрозы значительными новыми расходами и задержками! Сюда спѣшили подъ разными предлогами, чтобы воочію убѣдиться, что какая-то насыпь соглашается помочь имъ противъ «возмутительнаго» строителя, который платитъ восемь рублей за то, за что могъ-бы платить сорокъ! Насыпь покапризничала таки порядочно, но затѣмъ всетаки не оправдала возлагавшихся надеждъ... Понадобились другіе способы...

Восьмой часъ утра въ началѣ, когда мы подъѣзжаемъ къ интересной насыпи. Высокая, чисто отдѣланная, она правильными своими формами уже издали выдѣляется среди неправильныхъ гребней, окружающихъ глубокую долину. «Окончена вполнѣ и не садится уже свыше шести недѣль», съ удовлетвореніемъ замѣчаетъ инженеръ, завѣдующій работами. Осадка или даже провалъ насыпи въ іюнѣ 1892 года и былъ тѣмъ капризомъ природы, который такъ обрадовалъ нѣкоторыхъ недовольныхъ припущенниковъ желѣзнодорожной постройки, а съ ними и всѣхъ прочихъ ея «доброжелателей». Долина оказалась глубокимъ болотомъ, покрытымъ сверху толстымъ твердымъ слоемъ, который, однако, не выдержалъ давленія насыпи и провалился. Подобные случаи — довольно обыкновенны, но доброжелателямъ были невѣдомы. Можно было опасаться, что дно болота имѣетъ крутой и скользкій скатъ къ морю. Тогда насыпь поползла бы въ сторону и пришлось бы проэктировать сложныя гидравлическія сооруженія. Изслѣдованіе посредствомъ буренія не обнаружило, однако, такого опаснаго уклона дна и насыпь для своего окончанія потребовала только досыпки. Я помню ея безобразный видъ въ іюлѣ послѣ провала и съ удовольствіемъ любуюсь ея нарядностью теперь въ сентябрѣ. Припоминаю надежды «восточныхъ американцевъ» и любуюсь ею тѣмъ паче.

VIII.

НА ДЕСЯТОЙ ВЕРСТѢ.

Нѣтъ, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь!

И. Крыловъ.

Урочище Красный Мысъ и каторжный лагерь. — Медовый мѣсяцъ каторжныхъ работъ. — Побѣги, разбои и паника. — Зимніе бараки.— Цынготная эпидемія. — Холерина. — Анти-Пастеръ. — Каторжная елка. — Малоуспѣшность каторжнаго труда. — Его значеніе для постройки.

Радаевская насыпь, о которой мы говорили въ прошлой главѣ, находится на девятой верстѣ желѣзнодорожной линіи и принадлежитъ къ участку, предоставленному для работъ ссыльно-каторжныхъ... Вонъ впереди правѣе виднѣется на склонѣ горы и лагерь ссыльно-каторжныхъ, а налѣво — резиденція тюремнаго управленія, завѣдывающаго каторжными работами. Резиденція эта расположилась въ живописной мѣстности на берегу Амурскаго залива, на такъ называемомъ Красномъ Мысѣ. Здѣсь живетъ тюремный инспекторъ г. Коморскій, полный штатъ тюремщиковъ, новообразованный штатъ тюремныхъ «техниковъ», контора тюремнаго управленія, большіе склады, вообще цѣлый небольшій городокъ съ морскою пристанью, у которой можно видѣть небольшой тюремный пароходъ «Джонъ Говардъ», тюремную баржу «Дмитрій» (по христіанскому имени г. Коморскаго), а порою и цѣлую флотилію китайскихъ джонокъ и корейскихъ фелюгъ... Если сообразить, что этимъ лѣ-

томъ число ссыльно-каторжныхъ на работахъ у Краснаго Мыса доходило до полутора тысячъ человѣкъ, не считая рядомъ работающихъ нѣсколькихъ сотъ ссыльно-поселенцевъ, находящихся тоже въ рукахъ г. Коморскаго, то смыслъ и назначеніе этой морской флотиліи станутъ понятными.

Извѣстно, что экономическая невыгодность труда ссыльно-каторжныхъ давно стала аксіомою, избитымъ общимъ мѣстомъ, общимъ правиломъ, съ которымъ примирились всѣ правительства. Принудительный трудъ всегда малоуспѣшенъ. Такъ же всегда малоуспѣшенъ и трудъ, не приносящій рабочему никакой выгоды. Наказаніе всегда ненавистно и трудъ, налагаемый, какъ наказаніе, долженъ стать тоже ненавистенъ. Всего этого достаточно, чтобы довести малоуспѣшность труда до явной убыточности. Если же къ этому прибавить, что организовать штатъ тюремщиковъ изъ людей знающихъ, гуманныхъ и добросовѣстныхъ — крайне трудно, а въ составъ каторжной рабочей силы входятъ, между прочимъ, элементы и нравственно испорченные, частью психически ненормальные, нерѣдко мало дорожащіе даже жизнью, то надежда достигнуть иныхъ, болѣе благопріятныхъ результатовъ каторжнаго труда можетъ казаться какою-то утопіей неисправимыхъ гуманистовъ. И, однако, была минута во Владивостокѣ, когда далеко не одни «неисправимые гуманисты» питали такую надежду, а «несбыточная утопія» на короткое время улыбнулась изумленной и обрадованной публикѣ въ качествѣ реальной дѣйствительности. Стоитъ остановить на нѣкоторое время вниманіе читателя на этомъ медовомъ мѣсяцѣ Владивостокской каторги.

23 апрѣля 1891 года на «Петербургѣ» прибыла первая партія ссыльно-каторжныхъ, предназначенныхъ для работъ на желѣзной дорогѣ. Читатели не забыли, что тюремный инспекторъ отправился раньше на «Орлѣ». Надзоръ за каторгою находился въ рукахъ почтенныхъ офицеровъ «Петербурга». Отъ парохода же они снабжались пищею и довольствовались леченіемъ. То и другое было настолько удовлетворительно, что

за всѣ полтора мѣсяца пути не было ни одного смертнаго случая и заболѣваемость была весьма слабая. Измо的 ренные продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ до посадки на корабль, непривычные къ тропикамъ, лишь по очереди небольшими партіями выпускаемые на палубу (почти ея лишенные), эти шестьсотъ арестантовъ представляли изъ себя, конечно, весьма неустойчивую по жизненности и здоровью массу. Только внимательное и гуманное отношеніе къ нимъ было причиною такого благополучнаго плаванія. Кандалы были съ нихъ сняты; пища доброкачественная, обращеніе человѣческое, и вдобавокъ перспектива остаться во Владивостокѣ на желѣзнодорожныхъ работахъ подъ руководствомъ и начальствомъ тутъ же ѣхавшаго съ ними добраго и гуманнаго, нынѣ уже покойнаго старика, инженера Стоянова, умѣвшаго привязать къ себѣ эти загрубѣлыя, много испытавшія сердца, — вотъ тѣ данныя и вліянія, которыя мало по малу разгладили морщины, оживили и ободрили эти суровыя недовѣрчивыя лица. Страшный Сахалинъ, представлявшійся воображенію чѣмъ-то вродѣ погребенія заживо, слухи о его ужасахъ, ожиданіе всего худшаго и стремленіе избавиться отъ всего этого какою бы то ни было цѣною, всѣ эти тревоги, опасенія, всѣ эти причины озлобленія и страстной думы о бѣгствѣ, мало по малу отодвинулись назадъ и замѣнялись мечтою о возможности реабилитаціи, легальнаго возрожденія, возврата въ гражданское общество. Полтора мѣсяца человѣческихъ отношеній влило миръ въ ожесточенныя сердца. Добрый, гуманный и просвѣщенный старикъ, будущій начальникъ и руководитель ихъ работъ, примирялъ отчасти и съ будущимъ. Угрюмый, отчаявшійся во всемъ и всему враждебный каторжникъ обрѣлъ надежду и душевный миръ. Вотъ стоитъ онъ у иллюминатора своихъ каторжныхъ каютъ, съ жадностью всматривается въ красивыя берега Владивостока, готовъ вступить на эти берега «съ душой, открытой для добра»... А тамъ наверху, въ «господскихъ» помѣщеніяхъ идетъ, между тѣмъ, его сдача—пріемка. Полный,

гладко-выбритый, съ тонкимъ женскимъ голосомъ, въ высокихъ сапогахъ и съ жгутами на плечахъ, правовѣдъ принимаетъ партію...

— Изъ числа принятыхъ на пароходъ, вмѣстѣ съ арестантами, халатовъ, — говоритъ сдающій офицеръ, — нѣкоторое число унесено вѣтромъ въ море.

— Развѣ у васъ была буря? — интересуется пріемщикъ.

— Неугодно ли получить, — отвѣчаетъ сдатчикъ, — протоколы, что халаты унесены въ море вѣтромъ.

Надо замѣтить, что за испорченные халаты отвѣчаетъ спина арестантовъ.

— Потрудитесь, — продолжаетъ сдатчикъ, — распорядиться принять отъ насъ кандалы по числу сданныхъ намъ арестантовъ.

— Они шли у васъ раскованными? Въ такомъ случаѣ, не лучше ли я просто роспишусь, что принялъ ихъ закованными?— великодушно предлагаетъ пріемщикъ.

— Этого не требуется. Арестанты шли раскованными и мы сдаемъ ихъ вамъ тоже раскованными, а вы будьте любезны только принять отдѣльно и кандалы.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — сухо отзывается правовѣдъ.

Я выхожу изъ каютъ-компаніи, гдѣ случайно присутствовалъ при сдачѣ, и чувствую, что тюремно-административная машина вступаетъ снова въ свою роль. Приводъ уже начинаетъ двигаться; скоро онъ потянетъ за собою разные блоки, колеса, шестерни, и бездушная механическая организація, вѣками выработанная, прочно сложившаяся, засосетъ эти жалкія существованія, что волнуются и надѣются тамъ за рѣшотками корабельнаго трюма. Все будетъ, какъ быть должно, и утопія останется утопіей... Это несомнѣнно, но жадное стремленіе этихъ шестисотъ существъ, почувствовавшихъ было себя людьми и получившихъ надежду и впредь себя такъ чувствовать; ихъ желаніе во что бы то ни стало эту надежду осуществить сдѣ-

лало чудеса. На короткое время надежда въ самомъ дѣлѣ осуществилась, утопія стала реальнымъ фактомъ, а бездушная машина тюремной рутины отсрочила свое полновластное вступленіе. Необходимость усиленной дѣятельности для подготовки торжества закладки сибирской дороги сама собою уже нарушала эту медлительную рутину, которая привыкла знать, что «дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ», а будетъ спокойно въ синей обложкѣ ждать на полкахъ канцеляріи своей очереди. И вдругъ теперь все не въ очередь, и безъ синей обложки, и безъ входящаго и исходящаго, и съ опасеніемъ, что въ самомъ дѣлѣ какъ бы не отвѣтить за бездѣятельность, медленность, рутину! Тутъ поневолѣ гайки ослабѣютъ, шестерни не будутъ цѣплять другъ друга за зубья, механическая сила машины окажется слабѣе органической силы рвущейся къ добру и труду жизни.

27 апрѣля началась работа арестантовъ, какъ только прибывшіе 23 апрѣля инженеры успѣли разбить направленіе линіи, а 18 мая уже пробный поѣздъ прошелъ двѣ съ половиною версты по готовому пути, пробитому тремя глубокими выемками въ скалѣ! Третья выемка на третьей верстѣ пробита другими рабочими силами, но двѣ первыя выемки въ городѣ, составляющія вмѣстѣ съ насыпью до 1,500 кубовъ, сработаны каторгою дней въ пятнадцать, причемъ предварительно все это пространство ими же очищено отъ тѣснившихся здѣсь манзовскихъ построекъ... Работа въ городѣ не допускала открывать по бокамъ выемки кавальеры для свалки выбираемаго грунта и его приходилось либо вывозить почти за версту въ насыпь, либо совсѣмъ за городъ. Условія работъ въ городѣ, въ густо населенной и оживленной его части, не дозволяли примѣнять порохъ, а плотный глинистый сланецъ, составляющій горную породу этихъ выемокъ, плохо поддается и лому, и клиньямъ, давая ничтожныя трещины. Стѣснительныя условія работы при необходимости не прерывать сообщенія по городу, совершенная неопытность арестантовъ въ качествѣ землекоповъ,

приступъ къ работамъ до полной разбивки линіи и до окончательной организаціи техническаго надзора, наконецъ, безподобная дождливая погода этого края, все какъ бы соединилось, чтобы воспрепятствовать осуществленію предположенной программы торжества закладки дороги. Наконецъ, прибытіе Государя Наслѣдника Цесаревича недѣлею раньше предполагаемаго срока, казалось, дѣлало эту программу окончательно неосуществимою. Энергія строителя дороги и усиленный трудъ всего штата инженеровъ были, конечно, главною причиною успѣха задуманной программы. Генералъ-Губернаторъ баронъ Корфъ со слезами на глазахъ благодарилъ инженера Урсати и его сотрудниковъ и телеграфировалъ Министру П. С., что строитель сдѣлалъ чудо. Приэтомъ, однако, немаловажную роль сыграло и рвеніе, съ которымъ арестанты взялись за работу. Если всю выработанную ими скалу перевести на мягкій грунтъ и раздѣлить на число дѣйствительныхъ поденщиковъ (согласно оффиціальному отчету), то окажется, что въ день каторжникъ вырабатывалъ до 0,5 куб. саж., что при вышеуказанныхъ условіяхъ труда и неопытности рабочихъ превосходитъ всякія ожиданія. И, дѣйствительно, впослѣдствіи средняя выработка каторжника понизилась до 0,25 куб. саж. въ день, т. е. почти вдвое. Принудить къ такому усиленію успѣшности труда невозможно (что и доказывается послѣдующимъ). Нужно добровольное напряженіе рабочей силы, и, дѣйствительно, нельзя было не любоваться этою одушевленною веселою работою отверженныхъ каторжниковъ... Условія работы въ большомъ городѣ; въ послѣдніе дни работа ночная при факелахъ; неопытный конвой,—все, казалось, покровительствовало побѣгамъ, но ихъ не было въ это время вовсе. Слабость надзора еще неуспѣвшей войти въ свою колею тюремно-административной машины поощряла, казалось бы, къ буйству, ослушанію, проступкамъ и даже преступленіямъ. Недолго спустя приказы г. инспектора стали пестрѣть налагаемыми взысканіями, но въ это первое время каторжнаго труда ничего этого не было.

Одушевленный, веселый, успѣшный трудъ, отсутствіе побѣговъ, буйства, преступленій — удивляли публику, которая сходилась смотрѣть, какъ эта армія преступниковъ одушевленно предается производительному, творческому труду, и какъ между своими сѣрохалатными «дѣтками» разъѣзжаетъ на маленькой лошадкѣ старикъ Стояновъ, нѣкогда послѣдовательно управлявшій тремя желѣзными дорогами (Волго-Донской, Кіево-Брестской и Тамбово-Саратовской), а нынѣ спустившійся до вольнонаемнаго тюремнаго техника. Публика вообще живо интересовалась этою работою. Мнѣ не однажды приходилось слышать разсужденія на тему, что сознаніе производительности порученнаго труда, полезности великаго дѣла, въ которомъ они призваны къ участію, гордость этимъ участіемъ и надежда на уваженіе за это должны были столько же одушевлять преступниковъ, какъ и надежда на улучшеніе участи. Высказывалось мнѣніе, что вотъ, дескать, найдено, повидимому, дѣйствительное средство къ исправленію и возстановленію попорченныхъ членовъ общества. Дайте имъ убѣжденіе въ полезности ихъ труда, воздавайте не только матерьяльно, но и нравственно за этотъ трудъ, не только смягченіями участи, но и уваженіемъ къ ихъ труду и ихъ полезности, и они сами будутъ уважать свой трудъ, будутъ цѣнить приносимую пользу, научатся цѣнить и любить и общее благо... Иллюзія вообще заразительна. Иллюзіи каторжниковъ, временно поддержанныя благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, передавались и публикѣ. Впрочемъ, иллюзіи не только заразительны, но и обманчивы и недолговѣчны. Очень скоро наступила реакція и въ положеніи дѣлъ, и въ настроеніи каторги, и въ чувствахъ публики... Дѣйствительность вступила въ свои права, утопія была устранена.

Въ концѣ мая мѣсяца начался переводъ каторги на десятую версту, на новыя отведенныя имъ работы... Публика начинала забывать о нихъ, когда сосѣдство каторги напомнило о себѣ совершенно иначе. Въ городѣ начались повальныя воровства, грабежи, разбои. Происходили вооруженныя нападенія на квартиры, осады, гдѣ осажденные отстрѣливались отъ осаждавшихъ. Вечеромъ стало опасно показываться на улицахъ. Въ окрестность нельзя было выйти и днемъ иначе, какъ въ компаніи и хорошо вооружившись. Случаи нападенія на почтовой дорогѣ стали повторяться все чаще и чаще. Общая паника охватила городское населеніе. Городская дума вошла съ ходатайствомъ объ отсылкѣ каторги на Сахалинъ...

Городъ, какъ осажденный, былъ оцѣпленъ военными постами. Патрули ходили по улицамъ. Убійства и покушенія слѣдовали одно за другимъ. Дума въ своемъ ходатайствѣ насчитала нѣсколько десятковъ втеченіе нѣсколькихъ дней. Убійство французскаго мичмана Руссоло обратило вниманіе и высшихъ властей края. Наряжены были военные суды и трое бѣглыхъ ссыльно-каторжныхъ, обвинявшихся въ участіи въ убійствѣ Руссоло и другихъ преступленіяхъ, были, по приговору военнаго суда, повѣшены. Тюремный инспекторъ, г. Коморскій, объявилъ денежное вознагражденіе за доставленіе бѣглыхъ каторжныхъ, живыми или мертвыми... За мертваго была обѣщана цѣна выше...

— По какимъ соображеніямъ, спросилъ я г. Коморскаго, назначили вы за доставленіе бѣглаго каторжника мертвымъ вознагражденіе повышенное?

— Мертваго надо принести на себѣ, отвѣтилъ мнѣ г. инспекторъ, а это довольно значительный трудъ.

— Но вѣдь это вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы поощреніе къ убійству бѣглыхъ, вродѣ преміи за убійство!..

— Не думаю...

Это назначеніе чего то въ родѣ преміи за убійство бѣглаго арестанта можетъ служить мѣркою паники, овладѣвшей не только населеніемъ, но и самою тюремною администраціей! Мѣра эта была вскорѣ отмѣнена, какъ говорятъ, послѣ того, какъ одинъ мирный обыватель, бредшій по лѣсной тропѣ и принятый за бѣглаго, попалъ подъ пулю какого-то охотника за пре-

міями г. Коморскаго! По счастью, обыватель отдѣлался только раною.

Надо было пережить во Владивостокѣ этотъ періодъ осады бѣглыми каторжными, эту порожденную ею панику населенія. Надо было видѣть, какъ всюду воздвигались внутреннія ставни, усиливались запоры, нанимались ночные сторожа; какъ прекращалось съ наступленіемъ темноты всякое сообщеніе по городу и какъ быстро и поспѣшно вооружалось все населеніе, чтобы понять и представить себѣ все то ожесточеніе, съ которымъ каторга лѣтомъ 1891 года объявила войну гражданскому обществу края. Каторга мстила съ озлобленіемъ за свои разочарованія, за свои неоправдавшіяся иллюзіи, за то, что позволила себѣ обмануться утопическими мечтаніями. Только принятыя рѣшительныя мѣры, а еще болѣе того наступленіе холодовъ, прекратившее новые побѣги, положило конецъ этой неравной борьбѣ. Затѣмъ все вошло въ свою колею... Малая успѣшность труда, побѣги, обыкновенный каторжный режимъ и глухая борьба, эти повсемѣстныя условія каторги вступили въ свои права, а острая реакція противъ «медоваго мѣсяца» потихоньку замерла. Прекратились и въ публикѣ толки о возможности гражданскаго возрожденія каторги путемъ производительнаго труда и гуманнаго режима. Не Владивостокскимъ тюремщикамъ разрѣшить эту проблемму, хотя они и назвали свой пароходъ именемъ Джона Говарда, знаменитаго тюремнаго филантропа и гуманиста. Бѣдному «Джону Говарду» они вмѣнили притомъ въ обязанность тащить за собой «Дмитрія», барку съ вѣсомъ... Вывезетъ-ли, однако?

Какъ произошелъ этотъ чудовищный переворотъ въ настроеніи каторги втеченіе іюня мѣсяца, я, конечно, лично не наблюдалъ. По приказамъ г. Коморскаго, было видно, что начались наказанія и взысканія, что старикъ Стояновъ уволенъ, что каторга какъ то сразу пустилась въ побѣги... А затѣмъ и все остальное, выше сказанное.

— За что уволенъ Стояновъ?—спросилъ я г. Коморскаго.

— Онъ началъ кутить и манкировать своими занятіями... Онъ началъ собирать арестантовъ и читать имъ рѣчи и наставленія... Такого нарушенія установленнаго порядка я не могу допустить.

— Онъ, однако, хорошо работалъ въ городѣ.

— Онъ тогда воздерживался... Впрочемъ, я его устраиваю завѣдывать поселенческими работами.

Затѣмъ встрѣчаю Стоянова.

— Что было причиною оставленія Вами должности помощника Коморскаго?

— Столкновеніе изъ за взысканій. Я освободилъ нѣсколькихъ арестантовъ, посаженныхъ въ карцеръ, но что это за карцеръ! Просто глубокая яма, въ которую спускаютъ арестантовъ и прикрываютъ сверху. При здѣшнемъ климатѣ и всегда мокрой почвѣ, въ ямѣ всегда стоитъ вода и арестантъ въ этой темнотѣ и духотѣ не можетъ даже сѣсть. Я освободилъ изъ карцера нѣсколькихъ арестантовъ въ полномъ убѣжденіи, что самъ Коморскій не видалъ карцера.

Разобраться въ этихъ противурѣчіяхъ я не берусь... Несомнѣнно, однако, что механизмъ тюремной рутины вступилъ во власть на Красномъ Мысѣ. Каторга стала обыкновенною каторгою. Вѣроятно, не болѣе того, но гуманизмъ медоваго мѣсяца заронилъ другія ожиданія, вселилъ въ сердце каторжниковъ вѣру въ лучшее будущее, въ благородство своего труда, въ собственное достоинство... Дѣйствительность принесла горькое разочарованіе и каторга съ ожесточеніемъ бросилась въ открытую борьбу... До чего этотъ механизмъ установившейся рутины, даже безъ всякаго злого умысла, можетъ тягостно отразиться на жизни подвластныхъ ему человѣческихъ существъ, могутъ служить отличнымъ примѣромъ зимніе каторжные бараки на Красномъ Мысу. Гдѣ-то въ Сибири кѣмъ-то изъ тюремной администраціи были проэктированы и утверждены типы подобныхъ бараковъ. Такіе же самые были возведены г. Коморскимъ и подъ Владивостокомъ, не справляясь съ климатомъ и мѣстными условіями!

А что изъ этого вышло, разскажемъ подлинными словами оффиціальнаго документа, именно рапорта старшаго врача Уссурійской желѣзной дороги д-ра Рудинскаго о санитарномъ состояніи желѣзнодорожныхъ рабочихъ за зиму 1891—1892 гг. «Съ наступленіемъ весны, читаемъ мы въ этомъ рапортѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ среди ссыльно-каторжныхъ появились случаи заболѣванія цынгой. Всѣхъ больныхъ по 1 мая было 385, изъ нихъ 357 лечились амбулаторно (т. е. въ баракахъ) и 28—въ больницахъ». Если принять во вниманіе, что, по свѣдѣніямъ того же рапорта, зимовало на Красномъ Мысу всего 360 ссыльно каторжныхъ и если приэтомъ изъ общаго итога исключить пользовавшихся въ больницахъ (раньше поступленія въ больницу они, конечно, пользовались амбулаторно), то окажется, что только трое ссыльно-каторжныхъ избѣжали цынги. Если даже допустимъ, что всѣ находившіеся въ больницѣ пользовались амбулаторно и до и послѣ больницы и показаны такимъ образомъ три раза (два раза амбулаторно и разъ въ больницѣ), то и тогда число избѣгнувшихъ цынги будетъ всего двадцать пять (восемь 1 мая еще оставалось въ больницѣ)! Что же могло быть причиною этого чудовищнаго заболѣванія? «Главною причиною цынги, свидѣтельствуетъ старшій врачъ, нужно считать неудовлетворительность зимнихъ помѣщеній». Тѣснота помѣщеній прежде всего обращаетъ на себя вниманіе: «на каждаго человѣка приходилось не болѣе, а въ иныхъ случаяхъ даже менѣе одной куб. саж.; помѣщенія эти имѣли просто земляной полъ и чрезвычайно скудно освѣщались». Земляной полъ отъ таянія снѣга, наносимаго арестантами послѣ прогулки или съ работъ, представлялъ изъ себя поверхность мокрой грязи, «которая, испаряясь и высыхая, производила сырость и порчу и безъ того испорченнаго воздуха». Кромѣ того г. Рудинскій указываетъ на нечистоплотность, на угнетенное душевное состояніе, на предрасположеніе, вынесенное нѣкоторыми изъ тюремъ, и «другія проявленія жизненнаго режима каторжныхъ», и находитъ, что приэтомъ «появленіе между ними разстройствъ питанія, ведущихъ къ болѣзненнымъ измѣненіямъ крови и тканей организма и выражающихся въ той дискразіи, которая извѣстна подъ именемъ цынги,—становится весьма понятнымъ». Цынга отъ арестантовъ передалась и конвойнымъ, вслѣдствіе чего были командированы военные врачи, приговоръ которыхъ, по слухамъ, былъ еще рѣшительнѣе. Я поинтересовался спросить г. Коморскаго, чѣмъ руководствовалось его тюремное управленіе, возводя подобныя помѣщенія и не призвавъ для совѣщанія врача. «Такіе типы утверждены», получилъ я въ отвѣтъ, но годятся ли они для этихъ мѣстъ и для этихъ условій, дѣловая рутина, конечно, не справляется. Вообще, тюремная рутина нашего дальняго востока производитъ особое впечатлѣніе на свѣжаго не восточнаго человѣка. Чтобы не утомлять вниманія читателей, приведу еще одинъ только примѣръ изъ исторіи того же тюремнаго труда на Уссурійской желѣзной дорогѣ. Во второй половинѣ лѣта 1892 года на поселенческихъ работахъ открылось усиленное заболѣваніе острыми желудочными припадками. Распространеніе холеры въ Россіи заставило было испугаться и Владивостокъ, хотя далекое разстояніе отъ Россіи и благополучное состояніе Китая, Кореи и Японіи и гарантировали Владивостокъ лучше, нежели въ 1891 году (холера въ Шанхаѣ). Тѣмъ не менѣе приняты были разныя мѣры, приглашены дополнительные фельдшера, устроены бараки, засуетились врачи, обезпокоилась даже мѣстная администрація... Приморскій губернаторъ самъ съѣздилъ въ каторжный лагерь, осмотрѣвъ приэтомъ тутъ же находящуюся радаевскую насыпь, въ то время недавно провалившуюся. Весь этотъ переполохъ оказался чрезмѣрнымъ. Поселенцы, повидимому, болѣли преимущественно потому, что, бродя по лѣсамъ, объѣдались незрѣлымъ виноградомъ, да плохо разбирали, изъ какой лужи напиться... Между тѣмъ газета «Владивостокъ» намекнула весьма недвусмысленно, что не выходившіе по болѣзни на работу поселенцы были подвергаемы леченію при помощи розогъ. На мои вопросы, справедливы-ли эти слухи, г. Коморскій мнѣ отвѣтилъ только, что

слухи, какъ и всегда, преувеличены. Любезности г. Коморскаго я обязанъ (за что и приношу ему теперь мою благодарность) тѣмъ, что постоянно получалъ его многочисленные литографированные приказы по каторжному и поселенческому управленію. Это дало мнѣ возможность отчасти провѣрить слухи. Каторжные могутъ быть наказаны розгами и безъ объявленія о томъ въ приказѣ, но о поселенцахъ нуженъ приказъ. Я тщательно просмотрѣлъ приказы за періодъ холерины и нашелъ приказъ о зачисленіи нѣкотораго числа поселенцевъ на временныя заводскія работы за притворную болѣзнь. Въ приказѣ не упомянуто, что притворность болѣзни была обнаружена врачемъ или хотя бы фельдшеромъ. «Временныя заводскія работы» — это временная каторга и перечисленные (очень скоро назадъ отчисленные) могли быть наказаны розгами до 50 ударовъ безъ приказа. «Слухи были преувеличены», сказалъ г. Коморскій. Слухи эти во всякомъ случаѣ указывали новое, неизвѣстное ни Коху, ни Пастеру средство для борьбы съ эпидеміями. Если вѣрить г. Коморскому, то примѣнялось оно осторожно, однако, по его мнѣнію, съ большимъ успѣхомъ. «Большинство сейчасъ же вышло на работы», вскользь прибавилъ г. сторонникъ новаго антипастеровскаго метода, дополняя этимъ свой отзывъ о преувеличенности слуховъ. На положеніе же «меньшинства», которое, наказанное за болѣзнь перечисленіемъ на заводскія работы, и послѣ того выйти на работу было не въ состояніи не стоило, конечно, обращать вниманія... Справляться съ мнѣніями какого нибудь Джона Говарда, разумѣется, нѣтъ надобности, а если и Екатерина II въ наказѣ высказывалась о меньшинствѣ совсѣмъ иначе, то вѣдь это было въ XVIII столѣтіи, тогда какъ управленіе г. Коморскаго дѣйствуетъ у дверей XX вѣка, не малая разница, надо согласиться...

Такова краткая, но характерная исторія каторжнаго труда на желѣзной дорогѣ, которая невольно припоминается мнѣ, покуда внимательно мы обходимъ Радаевскую насыпь и двѣ глубокихъ скалистыхъ выемки, ею соединяемыя. Особенно интересна южная выемка, ближайшая къ Владивостоку. Она высѣчена въ сплошной скалѣ, отвѣсно возвышающейся изъ моря. Здѣсь дорога на протяженіи около версты пролегаетъ этимъ искусственнымъ карнизомъ надъ моремъ... Изъ окна вагона пассажиръ увидитъ съ востока высокую стѣну скалы, а съ запада ничего, кромѣ моря, надъ которымъ какъ бы повиснетъ поѣздъ. Сегодня, по случаю воскресенья, работы не производятся, и мы, не торопясь и никого не стѣсняя, осматриваемъ почти законченныя работы карниза, потомъ проходимъ радаевскою насыпью черезъ долину и вступаемъ въ совершенно готовую глубокую выемку, пробивающую тотъ кряжикъ, который своимъ концомъ и образуетъ Красный Мысъ. Резиденція г. Коморскаго и лагерь каторги видимы по сторонамъ. Передъ лагеремъ въ сторону долины на склонѣ видна площадка, запавшая мнѣ на память послѣ того, что я видѣлъ тутъ 27 декабря 1891 года. А видѣлъ я здѣсь рѣдкое событіе, каторжный праздникъ, даже каторжную елку, какъ называлъ этотъ праздникъ г. Коморскій, приглашая меня посѣтить его. Лютый морозъ стоялъ на дворѣ, когда на этой площадкѣ собрана была для праздника каторга. Высокая эстрада была сдѣлана для приглашенной публики, чтобы ей лучше было видно зрѣлище. Сначала каторжные пѣли хоровыя пѣсни и довольно долго, такъ что публика начала зябнуть, слушая ихъ нестройное, неодушевленное пѣніе. Мнѣ думалось, холодно-ли имъ такъ же испытывать этотъ праздникъ, какъ намъ смотрѣть на ихъ испытаніе? Затѣмъ вызваны были плясуны. Сброся халаты, каторжный кордебалетъ явился костюмированнымъ, въ красныхъ рубахахъ и высокихъ сапогахъ. Подъ звуки пѣсенъ они сплясали трепака... Предложено было охотникамъ состязаться на призы лазаніемъ по мачтѣ. Вышли охотники, но я этотъ нумеръ программы пропустилъ. Испросивъ разрѣшеніе, я пошелъ посмотрѣть зимніе бараки, вышеописанные словами д-ра Рудинскаго. Побродивъ по улицѣ каторжнаго лагеря и заглянувъ въ нѣсколько пустыхъ бараковъ, я увидѣлъ все то, что и опи-

сано выше. Тяжелый воздухъ особенно чувствовался въ этихъ тѣсныхъ полутемныхъ помѣщеніяхъ. Не находя въ этомъ ничего утѣшительнаго, я направился къ резиденціи, куда двигалась и вся публика эстрады, продрогшая на стужѣ. Каторжные тоже спѣшили въ свои бараки. Представленіе кончилось, праздникъ закрылся, актеры распредѣлялись по своимъ камерамъ, а зрители, великодушно своимъ присутствіемъ украсившіе «скромный праздникъ ссыльно-каторжныхъ», спѣшили къ радушному хозяину, готовому по мѣрѣ силъ и средствъ вознаградить великодушіе гостей. Нѣсколько отогрѣвшись въ резиденціи, отлично и со вкусомъ убранной къ этому дню, я потихоньку скрылся до обѣда, и лихая тройка по льду Амурскаго залива быстро домчала до Владивостока. Многіе зрители праздновали каторжную елку до утра 28 декабря.

Возвратимся, однако, къ нашему путешествію. Миновавъ выемку Краснаго Мыса, мы доходимъ до большой насыпи, извѣстной подъ именемъ Стояновской (инженеръ Стояновъ ее работалъ). Она тоже провалилась, какъ и Радаевская, почти одновременно съ тою, но провалъ былъ меньше и осадка остановилась раньше. Одно время, впрочемъ, и она возбуждала надежды нашихъ восточныхъ американцевъ, хотя ихъ главное упованіе было возложено на Радаевскую. Обѣ не оправдали надеждъ... Стояновская насыпь залегаетъ на границѣ каторжныхъ работъ, и съ нея начинаются работы поселенческія. Здѣсь мы опять садимся въ свои кибитки, чтобы спѣшить дальше... Что же дала каторга желѣзнодорожной постройкѣ? Надо признать, что положительнаго весьма немного. Всего за рабочій сезонъ 1891 и 1892 годовъ сдѣлано земляныхъ работъ на Уссурійской желѣзной дорогѣ триста восемьдесятъ тысячъ кубовъ, въ томъ числѣ каторгою, по отчету г. Коморскаго, съ небольшимъ тридцать шесть тысячъ кубовъ, или менѣе одной десятой при рабочей силѣ отъ 600 до 1500 человѣкъ, при отводѣ каторгѣ самыхъ выгодныхъ работъ, какъ, напр., изъ выемки въ насыпь (двойной счетъ), высокихъ на-

сыпей, при обезпеченіи каторги зимними работами въ скалѣ, при постоянныхъ крупныхъ авансахъ! Нѣкоторые подрядчики, располагая гораздо меньшими силами, сдѣлали гораздо больше. Успѣшность труда у всѣхъ русскихъ рабочихъ была значительнѣе, по крайней мѣрѣ, вдвое (у солдатъ), а то и вчетверо, при работахъ, далеко менѣе выгодныхъ. Едва-ли поэтому позволительно утверждать, что каторга является серьезнымъ факторомъ въ дѣлѣ сооруженія Сибирской дороги. Она имѣла значеніе, главнымъ образомъ, тѣмъ впечатлѣніемъ, которое она производила на подрядчиковъ, умѣряя ихъ требовательность. Но и въ этомъ отношеніи солдатскій трудъ имѣетъ гораздо больше значенія, и заслуги его въ дѣлѣ сооруженія Уссурійской желѣзной дороги должны быть признаны серьезными. По началу, можно было то же думать и о каторгѣ, но задача была не по плечу тюремному управленію Приморской Области, которое, запутавшись въ бюрократической рутинѣ и канцелярской немощности, только и старалось свалить неудачу то на того, то на другого, затѣвало повсюду недоразумѣнія и плодило пререканія. Все же это, конечно, могло быть подшито въ синюю обложку, занумеровано и записано въ исходящій и входящій. Все это вполнѣ соотвѣтствовало бюрократическому формализму и выработанной рутинѣ, какъ той же неспособности отвѣчать на живыя явленія соотвѣтствовали и цынготные бараки, и анти-пастеровская система леченія, и мокрыя карцерныя ямы, преміи за доставленіе бѣглыхъ мертвыми, даже сама каторжная елка съ пирующими зрителями... Но отъ всего этого живое дѣло никакъ не процвѣтетъ и то обстоятельство, что участіе каторги, этой единственной крупной рабочей организаціи въ краѣ, выразилось менѣе, нежели въ одной десятой всѣхъ сдѣланныхъ земляныхъ работъ, достаточно краснорѣчиво подписываетъ приговоръ значенію и роли каторжнаго труда на работахъ Сибирской желѣзной дороги.

IX.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИМИ РАБОТАМИ.

Характеръ дороги. — Привлеченіе къ желѣзнодорожной постройкѣ Сахалинскихъ поселенцевъ. — Регулированіе поселенческихъ работъ. — Вопросъ колонизаціи Сахалина.—Женскій вопросъ на Сахалинѣ.

Невдалекѣ за большою Стояновскою насыпью, на которой кончаются работы каторги и о которой я упоминалъ въ предъидущей главѣ, почтовая дорога пересѣкаетъ желѣзнодорожную линію и выходитъ на берегъ Амурскаго залива, вдоль котораго и пролегаетъ нѣсколько верстъ. Широкая отмель здѣсь протягивается вдоль берега этого обширнаго красиваго залива, открывающагося во всю свою ширину слѣва, въ то время какъ справа сопровождаютъ дорогу высокіе крутые склоны Сихота-Алинскихъ отроговъ, которые раньше непосредственно оступались въ морскія пучины своими обнаженными скалами. Теперь же склоны къ морю болѣе высокихъ, однако, гребней положе, мягче, покрыты растительнымъ слоемъ и поросли лѣсомъ. Глубокіе, густо заросшіе овраги бороздятъ ихъ по разнымъ направленіямъ, придавая много живописности пейзажу и посылая въ море черезъ дорогу многочисленные ручьи, а изъ одной пади даже небольшую рѣчку, называемую просто Второю Рѣчкою.

Линія желѣзной дороги тоже вскорѣ выходитъ на эту береговую отмель и пролегаетъ между почтовою дорогою, которая ее отдѣляетъ отъ морского берега, и горными крутизнами, возвышающимися непосредственно справа (съ востока). Земляныя работы на всемъ этомъ участкѣ сравнительно незначительны, но обиліе

низвергающейся съ горъ воды потребовало много искусственныхъ сооруженій. Всѣ эти земляныя работы отъ Стояновской насыпи до рѣчки Лянчи-Хе, на 21 верстѣ, отведены ссыльно-поселенческимъ командамъ, составленныхъ изъ сахалинцевъ, окончившихъ срокъ каторги и перечисленныхъ на поселеніе. По общему плану благоустройства на Сахалинѣ этотъ контингентъ предназначается для заселенія острова. Поэтому не безъ труда удалось инженеру. Урсати получить надлежащее разрѣшеніе воспользоваться хотя бы нѣкоторою частью этой рабочей силы для сооруженія желѣзной дороги въ краѣ, крайне бѣдномъ рабочими силами. Г. Коморскій, завѣдывающій каторжными работами, получилъ порученіе отъ Пріамурскаго генералъ-губернатора организовать и поселенческія работы. Инженеръ Урсати, желая обезпечить успѣшность и выгодность этого новаго дѣла, которое при удачѣ могло дать многія тысячи русскихъ рабочихъ для сибирской дороги, предоставилъ для поселенческихъ работъ тѣ же цѣны и условія, которыя взяли частные подрядчики, привезшіе русскихъ рабочихъ изъ Россіи. Несмотря на это, по оффиціальному отзыву г. Коморскаго, результаты 1891 года были плачевны и кончились убытками, какъ и многія другія тюремно-хозяйственныя предпріятія г. Коморскаго. Затѣмъ, однако, финансы поселенческаго хозяйственнаго управленія нѣсколько поправились, благодаря тому, что оно само зимою не производило работъ, а нѣкоторые подрядчики разобрали за хорошую плату поселенцевъ на зимнія работы въ скалѣ. Поселенческую работу эти подрядчики нашли производительною и настолько выгодною, что съ наступленіемъ лѣта заусловили у г. Коморскаго новыя болѣе значительныя партіи. Взяли поселенцевъ и другіе подрядчики. Нѣкоторое ихъ число взяло и желѣзнодорожное управленіе для хозяйственныхъ работъ. Наконецъ, все въ тѣхъ же видахъ поддержать г. Коморскаго, и для поселенческихъ работъ, производимыхъ непосредственнымъ распоряженіемъ управленія г. Коморскаго, желѣзнодорожное управленіе прибавило особо выгодныя работы (глубокія выемки въ мягкомъ грунтѣ съ выставкою части для балласта за особую плату). Все это, надо на-

дѣяться, должно было поправить хозяйство поселенческаго управленія и дать возможность развиваться этому дѣлу, имѣющему первостепенное значеніе въ случаѣ продолженія постройки дороги далѣе, черезъ Хабаровку и Амуръ, въ Забайкалье. На всемъ этомъ протяженіи, свыше 2000 верстъ, совсѣмъ нѣтъ рабочей силы. Въ южно-уссурійскомъ краѣ можно пользоваться солдатскимъ трудомъ, не отдаляя работающихъ солдатъ отъ ихъ воинскихъ частей и, такимъ образомъ, имѣя всегда подъ рукою въ случаѣ какихъ-либо особыхъ осложненій. Въ сѣверно-уссурійскомъ и амурскомъ краѣ солдатъ очень немного и помощь солдатскаго труда выразится крайне слабо. Въ южно-уссурійскомъ краѣ, просто благодаря его географическому положенію, всегда охотно приливаетъ рабочая сила изъ Китая и изъ Кореи. Но на хабаровскомъ и особенно на амурскомъ участкѣ это сдѣлается гораздо затруднительнѣе и дороже. Каторга, даже въ случаѣ болѣе удачной организаціи ея труда, можетъ доставить, въ сущности ограниченный контингентъ. Только поселенцы, какъ изъ Сахалина, такъ и Забайкалья, могутъ доставить достаточный контингентъ, чтобы двинуть и поднять обширную задачу, громадную работу земляного полотна на протяженіи болѣе 2000 верстъ, въ краѣ, гористомъ и совершенно не населенномъ. Именно эти соображенія побудили управленіе желѣзнодорожными работами взять на себя иниціативу привлеченія поселенцевъ къ сооруженію Усс. ж. д., которая въ частности могла бы обойтись и безъ нихъ, но не Восточно-сибирская вообще. Управленіе желѣзной дороги выработало и предложило г. Коморскому полный проэктъ общаго положенія о поселенческихъ работахъ. По этому проэкту управленіе желѣзною дорогою брало на себя посредничество между поселенцами и подрядчиками и принимало гарантію условленныхъ интересовъ и режима. Г. Коморскій, однако, отклонилъ это предложеніе, не находя надобности въ общемъ положеніи и предпочитая частныя соглашенія по каждому отдѣльному случаю, что, конечно, дастъ больше силы и власти завѣдывающему поселенцами, но въ корнѣ подрываетъ всякую возможность точныхъ предвидѣній и смѣтныхъ

исчисленій. Если, съ окончаніемъ Усс. ж. д., работы съ восточнаго конца сибирской линіи прекратятся и дорога будетъ сооружаться только съ западнаго, то невыработанность и неопредѣленность состоянія поселенческаго труда, пожалуй, и не большая бѣда, но въ случаѣ продолженія работъ съ восточнаго конца вопросъ о поселенческихъ работахъ долженъ быть поставленъ серьезно и получить прочное и опредѣленное рѣшеніе.

Въ № 22 «Владивостока» за 1893 г. встрѣчается извѣстіе о прибытіи во Владивостокъ князя Н. С. Голицына, командированнаго для ознакомленія съ положеніемъ дѣла работъ ссыльно-каторжныхъ на ж. д. «Мы слышали, замѣчаетъ цитируемая газета, что князь обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на несовмѣстность въ одномъ лицѣ г. Коморскаго, какъ чиновника-инспектора тюремъ, подрядчика и сдатчика каторжнаго и поселенческаго труда другимъ подрядчикамъ». Если дешифрировать эти строки (написанныя на какомъ-то манзовскомъ жаргонѣ) въ смыслѣ осужденія этого совмѣстительства, то нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ иниціативѣ кн. Голицына. Пользуясь широкимъ довѣріемъ покойнаго пріамурскаго генералъ-губернатора барона Корфа, г. Коморскій съумѣлъ совмѣстить въ себѣ функціи контрагента казны, представителя казны, контрагента подрядчиковъ, ихъ контролера и полнаго распорядителя трудомъ и участью трехъ тысячъ человѣкъ. Ненормальность такого порядка обнаружилась сразу. Я уже упомянулъ, что самые скромныя попытки урегулировать положеніе поселенцевъ и ихъ работы были рѣшительны отклонено г. Коморскимъ. Не говоря даже объ интересахъ, постройки, просто положеніе многочисленнаго контингента работающихъ у г. Коморскаго поселенцевъ требуетъ болѣе точнаго опредѣленія и обезпеченія.

Втеченіе одного года цифра работающихъ на желѣзной дорогѣ ссыльно-поселенцевъ возросла до 1,500 человѣкъ (если не ошибаюсь, то даже до 1,700 чел.). Повидимому, они охотно уходятъ съ Сахалина и, если бы позволило начальство, не му-

дрено, что Сахалинъ совершенно опустѣлъ бы. Такъ, по крайней мѣрѣ, порою выражаются сами ссыльно-поселенцы. Конечно, воспоминаніе о перенесенной тамъ каторгѣ не должно внушать особой любви къ этому новому отечеству, скудному, туманному и холодному. Указываютъ и на тяжелыя условія, въ которыя поставлены на Сахалинѣ эти подневольные колонисты и которыя будто бы и гонятъ ихъ съ острова. Самъ я на Сахалинѣ не побывалъ (это очень далеко отъ Владивостока и только на картахъ малаго масштаба кажется близко), а разныхъ разсказовъ слышалъ слишкомъ даже много.

Одна поселка (такъ называютъ здѣсь окончившихъ срокъ каторги ссыльно-поселенокъ) разсказывала, напримѣръ, будто при колонизаціи Сахалина, въ бытность ея тамъ, употреблялся слѣдующій примитивный пріемъ: по прибытіи на Сахалинъ партіи ссыльно-каторжныхъ женщинъ, ихъ раздавали въ качествѣ хозяекъ перечисленнымъ на поселеніе мужчинамъ, а въ случаѣ нежеланія со стороны которой либо изъ новоприбывшихъ, пріохочивали ее къ этому обязательному конкубинату тѣлесными наказаніями. Эта замѣна принудительныхъ работъ принудительнымъ конкубинатомъ вызывала нерѣдко побѣги, буйства и кровавыя преступленія. Признаться, сначала я совсѣмъ не повѣрилъ разсказчицѣ. Показалось ужъ очень невѣроятнымъ. Однако, одинъ обыватель, близко знакомый съ сахалинскими порядками, мнѣ подтвердилъ этотъ разсказъ и прибавилъ, что сначала это распредѣленіе женщинъ волею тюремщиковъ въ роли хозяекъ поселенцевъ хотя и практиковалось, но были и каторжныя женскія работы, на которыхъ и спасались нѣкоторыя. Послѣ же будто бы эта замѣна работъ раздачею поселенцамъ стала общею системою (избѣгаютъ только тѣ, которыя попадаютъ прислугою). Отъ такихъ подневольныхъ внѣ-брачныхъ узъ съ немилымъ, часто антипатичнымъ человѣкомъ бѣгутъ не однѣ женщины, но и мужчины. Трагическихъ случаевъ, будто бы, не оберешься. Неужели все это правда? И неужели нельзя достигнуть того же, просто разрѣшая выходъ замужъ по желанію? Навѣрное, почти

всѣ женщины вышли бы замужъ черезъ нѣкоторое время по прибытіи, и новыя пары основали бы настоящія семьи и подлинныя хозяйства. Всяческія мѣры къ облегченію женитьбы на японкахъ и кореянкахъ тоже могли бы повести къ той же цѣли. Надо не забыть и объ облегченіи развода съ супругами, оставшимися въ Россіи, чтобы соединяющіяся стороны видѣли въ своемъ соединеніи подлинный бракъ. Всяческое поощреніе къ основанію семействъ среди ссыльныхъ сахалинцевъ, конечно, весьма желательно, но, разумѣется, принужденіе къ тому достигаетъ совершенно противуположныхъ результатовъ. Недавно распубликованный новый законъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія ссыльныхъ женщинъ отчасти уже самъ по себѣ облегчитъ положеніе. Пріохочивать къ конкубинату придется уже не розгами, а разными другими взысканіями, карцерами, оковами, усиленными работами, но и этихъ средствъ слишкомъ достаточно еще въ рукахъ тюремщиковъ, чтобы не оставить безъ вниманія вышеуказанные слухи о принудительномъ конкубинатѣ. Отмѣна тѣлеснаго наказанія для ссыльныхъ женщинъ составляетъ, во всякомъ случаѣ, весьма важную и благодѣтельную мѣру. Злоупотребленіе дискреціоннымъ правомъ наказанія легко возможно, но злоупотребленіе имъ надъ женщинами, часто молодыми и красивыми, со стороны мужчинъ, живущихъ въ краѣ, гдѣ свободныхъ женщинъ очень мало, является весьма вѣроятнымъ. Нѣкоторые поселки съ ужасомъ вспоминаютъ эту сторону своего пребыванія на Сахалинѣ и отношенія къ нимъ холостыхъ тюремщиковъ. Формою служило взятіе въ прислуги, а розги и тутъ будто бы являлись главнымъ любовнымъ аргументомъ *). Съ другой стороны, передаютъ, будто

---

*) Уже послѣ того, какъ эти страницы появились въ печати (въ «Русскомъ Богатствѣ» 1893 г. № 7), полученъ въ Петербургѣ номеръ 24 газеты «Владивостокъ», гдѣ эти факты сообщаются въ корреспонденціи изъ Сахалина: «Выходитъ, напримѣръ, кто (кто-либо) изъ каторжныхъ на поселеніе, ему отводится земля, ставитъ онъ домишко, заводитъ скотину, а какъ безъ бабы вести хозяйство? Вотъ начальство и даетъ ее ему въ сожительницы». О принудительномъ конкубинатѣ въ формѣ взятія въ прислуги также сообщается: «Если

для иной ссыльно-каторжной, попавшей прислугою къ взыскательной и капризной барынѣ, тѣлесное наказаніе становилось обычнымъ жизненнымъ отправленіемъ, какъ сонъ, обѣдъ, или работа... Съ отмѣною тѣлеснаго наказанія, все это станетъ труднѣе... А между тѣмъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, колонизація Сахалина весьма возможна. Въ южной его части всѣ наши хлѣба вызрѣваютъ отлично; почва — средняя; сѣнокосы — очень порядочные; лѣса много; рыбы и дичи —изобиліе; звѣря и гада, напротивъ, мало... Сѣвернѣе, конечно, хуже. Впрочемъ, заговоривъ о Сахалинѣ, можно слишкомъ далеко увлечься въ сторону. Разсказовъ о немъ, и самыхъ интересныхъ, очень много, да какъ-то трудно разобраться въ нихъ, не видавъ собственными глазами. Пожалуй, напишешь много, а выйдетъ одна миѳологія. Разспросныя свѣдѣнія крайне заманчивы, но бываютъ и обманчивы. Эта-то неувѣренность и удерживаетъ меня отъ дальнѣйшихъ разговоровъ о сахалинскихъ дѣлахъ.

у васъ на материкѣ гражданскій бракъ или по просту, по нашему говоря, сожительство и преслѣдуется закономъ и наказывается, за то мы... пользуемся имъ съ разрѣшенія и благоволенія начальства... Приходитъ пароходъ, привозитъ каторжныхъ женщинъ, дѣвушекъ. Сейчасъ являются смотрины, выбираютъ помоложе, да поздоровѣе, да покрасивѣе. Другой такъ двухъ, трехъ беретъ, кого на кухню, кого въ горничныя, кого въ барыни, смотря по средствамъ». Неизвѣстно только почему автору кажется, что эти удивительные порядки таковы, «что подумаешь мы не каторжники и находимся не въ ссылкѣ, а гдѣнибудь въ сердцѣ просвѣщенной Европы». Подлинно сахалинское понятіе о европейскомъ просвѣщеніи!

X.

ИЗЪ КОЛОНІАЛЬНАГО ЭПОСА.

Рѣчка Седанка. — Форель. — Тигры. — Эпическія сказанія. — Страница изъ тигровой исторіи. — Звѣрь, туземецъ и европеецъ. — Стадо и особь.

Нѣсколько верстъ ѣзды по морскому берегу приводитъ насъ къ устью рѣчки Седанки, славящейся своими форелями. Рѣчка больше Первой и Второй, течетъ довольно быстро, чистыми журчащими струями, въ берегахъ, густо поросшихъ кустарникомъ. Изъ этихъ-то кустарниковъ коварный человѣкъ закидываетъ свои удочки на погибель веселыхъ форелей, но въ этихъ кустахъ порою бродитъ и тигръ, и человѣкъ, вмѣсто того, чтобы позавтракать форелью, самъ попадаетъ на завтракъ лѣсному хищнику. Покуда инженеры осматриваютъ строющійся черезъ Седанку мостъ, я бесѣдую съ поселенцами о форели, много ли ее и хорошо ли ловится?

— Много ее тутъ—это точно. Ловится, однако, трудно, да и тигръ бродитъ по близости. Вотъ охотники, говорятъ, собираются на него изъ Владивостока...

— Не бойтесь, — утѣшаю я моихъ собесѣдниковъ, — изъ Владивостока охотники пріѣдутъ, когда вы убьете звѣря.

— И то, въ прошедшемъ году на Лянчиху собрались охотники, когда звѣря мужичокъ прикончилъ...

— А близко ли подходитъ тигръ?—продолжаю я допрашивать объ интересномъ сосѣдѣ...

— Ночью слышно бываетъ, какъ фыркаетъ, точно котъ...

Днемъ не видать. Разъ видѣли, какъ изъ кустовъ въ кусты перескочилъ, черезъ почтовую дорогу.

— Здѣсь недалеко, — отзывается другой голосъ, — въ сопкахъ дикія козы ходятъ, стадо, онъ ихъ и пасетъ.

«Пасетъ тигръ» говорятъ здѣсь о стадѣ, которое онъ облюбовалъ себѣ, какъ постоянный матерьялъ для обѣда. Пріятное во всякомъ случаѣ сосѣдство, но за мое полуторагодичное пребываніе во Владивостокѣ—это ближайшее разстояніе до тигра. Седанка на 15 верстѣ. Въ 1891 году ближайшій тигръ былъ даже дальше, на Лянчи-Хэ, на 21 верстѣ. Прежде же, въ самомъ дѣлѣ, тигры появлялись въ самомъ городѣ... Теперь они прекратили эти опыты. Барсъ зимою съ 1891 на 1892 годъ попробовалъ было показаться въ окрестностяхъ Владивостока, но, напрасно прождавъ охотниковъ, съ досады удалился и, если ему гдѣ нибудь посчастливилось натолкнуться на русскаго мужика или казака, то, конечно, и убитъ былъ. Такъ здѣсь кончаютъ свою карьеру всѣ тигры и барсы, давно съ нетерпѣніемъ ожидающіе чести быть убитыми по всѣмъ правиламъ настоящей охоты, но постоянно безвременно погибающіе, безъ всякихъ правилъ и безъ всякой чести, въ борьбѣ съ разными сиволапыми представителями русскаго варварства, вторгающагося сюда съ своими дикими нравами и обычаями, съ своимъ невѣжествомъ, не умѣющимъ цѣнить могущество лѣсныхъ властелиновъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ существуетъ во Владивостокѣ общество охотниковъ, съ утвержденнымъ уставомъ даже?

Постоянная энергическая борьба простого русскаго человѣка съ тигромъ можетъ составить когда нибудь очень интересную страничку въ исторіи заселенія и культуры края. До прихода русскихъ тигръ былъ поистинѣ царемъ страны. Никто ему былъ не соперникъ. Другіе хищники, барсы и медвѣди, не могли съ нимъ состязаться. Могучихъ травоядныхъ, вродѣ слоновъ, носороговъ, буйволовъ, здѣсь не водится... Удавы, говорятъ, встрѣчаются, да рѣдко и не такого чина, чтобы дерзать на тигра. Человѣкъ же ему покорялся, какъ высшему непобѣдимому существу, одаренному божественною силою. Китаецъ или кореецъ никогда не вступаетъ въ борьбу съ тигромъ. При встрѣчѣ онъ ложится и ждетъ своей участи. Если царь лѣса сытъ, онъ проходитъ мимо. Если же хочется ему позавтракать, или просто полакомиться человѣческимъ мясомъ, онъ безпрепятственно распоряжается покорнымъ рабомъ. Это невозбранное и никогда неоспариваемое господство тигра прекратилось съ появленіемъ русскихъ. У вчерашняго властелина края явился соперникъ и врагъ, объявившій ему войну на смерть. Не сразу понялъ это тигръ. Сначала онъ былъ по прежнему смѣлъ и самоувѣренъ. Онъ заходилъ въ села и выхватывалъ обитателей изъ оконъ. Онъ спималъ всадниковъ съ лошадей и пассажировъ изъ кибитокъ. Разсказываютъ, что однажды даже выхватилъ солдата изъ колонны, проходившей лѣсомъ. Случалось, что выѣхавшая почтовая тройка возвращалась назадъ, потому что тигръ лежалъ поперекъ дороги. Домашній скотъ тигръ почиталъ, повидимому, заведеннымъ спеціально для него, но особенно преслѣдовалъ собакъ, за которыми приходилъ даже на улицы Владивостока. Все это, однако, миновало. Тигръ теперь не только города, но и селенія обходитъ. Онъ больше не показывается на почтовой дорогѣ и ѣзда безопасна отъ него не только днемъ, но и ночью. Онъ научился цѣнить человѣка и остерегается вступать въ борьбу съ европейцемъ, котораго хорошо отличаетъ отъ манзы и корейца, составляющихъ по прежнему его любимое лакомство. Конечно, даромъ такіе результаты не даются. Много подвиговъ отваги и мужества совершено въ этой безвѣстной борьбѣ. Не мало человѣческихъ жертвъ унесено ею, но съ каждою такою жертвою спасшійся тигръ уносилъ жестокія раны, засѣвшія пули, увѣчья, страданія, которыя постепенно и вселяли въ него чувство страха передъ новымъ врагомъ. Самые же самоувѣренные, конечно, просто перебиты.

Для иллюстраціи сказаннаго, занесу на эти страницы нѣсколько эпизодовъ изъ этой борьбы. Недавно воздвигнутъ новый поселокъ русскихъ. Едва обстроились кое-какъ, захватила осень

(1891 года). Изъ одной семьи вышелъ мальчуганъ лѣтъ четырнадцати съ ружьемъ, не попадется ли коза или подсвинокъ. Попался, между тѣмъ, тигръ. Мальчикъ не оробѣлъ и пуля сразила лѣсное чудовище. Я его видѣлъ убитаго, величиною съ хорошую корову, только какъ будто немного ниже, но за то длиннѣе. Маститый покойникъ уже успѣлъ нарядиться въ зимній пушистый костюмъ. Тигръ этотъ былъ проданъ за двѣсти рублей. Кромѣ шкуры, высоко цѣнится мясо, которое жадно раскупаютъ китайцы. Они убѣждены, что потребленіе тигроваго мяса придаетъ человѣку много отваги и храбрости.

Военный постъ у китайской границы. Скучно безъ дѣла. Кто на дежурствѣ, дежуритъ, а остальнымъ, что дѣлать? Если не спать, то охотиться,—ничего не придумаешь больше. Вышло трое казаковъ, не встрѣтятъ ли оленя, не набѣжатъ ли подъ ихъ пулю его драгоцѣнные панты (рога), за которые китайцы платятъ по 200 и по 300 рублей за пару? Идутъ охотники по рѣдколѣсью и наталкиваются на свѣжій слѣдъ тигра. Изготовляютъ оружіе и скоро замѣчаютъ звѣря, который, повидимому, самъ ихъ выслѣживалъ. «Стрѣляйте, братцы, командуетъ старшій, а я свою пулю приберегу на всякій случай, чтобы въ упоръ»... Грянули два выстрѣла, тигръ свернулся и повалился въ послѣдней судорогѣ подъ высокое раскидистое дерево, изъ густой листвы котораго въ тотъ же моментъ выглянула удивленная морда любопытнаго барса, наклонившаго голову надъ околѣвшимъ страшнымъ собратомъ. Но раздался третій выстрѣлъ и барсъ замертво свалился съ дерева, чтобы навѣки успокоиться рядомъ съ тигромъ. Удачная была охота... Не надо и пантовъ. Это было весною 1891 года.

Брели подъ Никольскимъ за селомъ двое солдатъ, одинъ съ берданкой и штыкомъ, что то куда то проконвоировавъ, а другой—съ порожними руками. Захотѣлось имъ въ сосѣдней рощѣ набрать орѣховъ, завернули и, собирая орѣхи, нѣсколько разошлись, не предвидя ничего дурного, когда внезапно одинъ изъ нихъ былъ аттакованъ тигромъ. Ружье отлетѣло въ сторону,

солдатъ повалился навзничь и звѣрь навалился съ открытою пастью надъ его лицомъ. Но этотъ безвѣстный герой не потерялся. Окликнувъ товарища на помощь, онъ, по сѣверно-русски, какъ это водится въ борьбѣ съ медвѣдями, поспѣшно засунулъ руку въ страшную пасть и, схвативъ за языкъ, запустилъ руку въ самую глотку неистоваго звѣря. Тигръ потерялся настолько, что не пустилъ въ ходъ своихъ страшныхъ когтей и лапъ, а старался мышцами горла раздавить руку. Это ему удалось, но поздно, потому что прибѣжавшій на зовъ товарищъ поднялъ ружье и въ упоръ въ ухо мгновенно покончилъ съ этою свирѣпою жизнью. Затѣмъ съ трудомъ стащивъ мертвое чудовище съ израненнаго товарища, онъ взялъ его на руки и отнесъ въ лазаретъ. Пострадавшій потерялъ, конечно, руку. Это было лѣтомъ 1892 года.

Аналогичный случай разсказываетъ газета «Дальній Востокъ» о борьбѣ съ тигромъ на р. Май-Хе, около селенія Многоудобнаго. Была предпринята въ началѣ 1893 года мѣстными жителями охота на тигра. Одинъ изъ нихъ, запасный фельдшеръ, отдѣлившись отъ прочихъ, наткнулся на звѣря. Три данныхъ охотникомъ выстрѣла только смертельно ранили тигра. Онъ успѣлъ повалить охотника, который точно такъ же запустилъ руку въ пасть и схватилъ за языкъ. На выстрѣлы прибѣжали другіе охотники. Фельдшеръ отдѣлался лишь сильнымъ поврежденіемъ руки. Мнѣ разсказывали также случай, гдѣ старый казакъ, точно такъ же поваленный тигромъ, точно такъ же схвативъ за языкъ лѣвою рукою и, пользуясь временнымъ замѣшательствомъ тигра (повидимому, онъ всегда теряется на время въ этомъ случаѣ), правою рукою успѣлъ изъ револьвера выстрѣлить подъ лѣвый пахъ, прямо въ сердце, и убить мгновенно. Быть можетъ, однако, этотъ послѣдній случай есть просто «охотничій разсказъ». Не ручаюсь, хотя къ приведеннымъ достовѣрнымъ фактамъ немного надо прибавить, чтобы сталъ возможенъ и этотъ случай.

Конечно, не всегда эта роковая борьба кончается такъ удачно для человѣка. Бываетъ, что и звѣрь торжествуетъ. Въ № 7 за

1893 г. «Владивостока» читаемъ: «Инженеръ Дормидонтовъ и начальникъ желѣзнодорожной полиціи Киселевъ телеграфировали управленію Усс. ж. д., что 5 февраля вечеромъ, въ кедровникѣ, противъ д. Черниговки, тигръ утащилъ запаснаго рядоваго Гордѣя Брюхова, тесавшаго шпалы. Товарищи видѣли звѣря и слышали крики. Будучи безоружны и при наступившей ночи, преслѣдовать тигра не рѣшились. Шестого числа были посланы всѣ наличные полицейскіе чины и группа охотниковъ для розыска по слѣдамъ звѣря и рабочаго. Въ тотъ же вечеръ, возлѣ села Черниговки, на закатѣ солнца убитъ огромный тигръ. Отъ 6 февраля телеграфируютъ, что трупъ Брюхова найденъ значительно объѣденнымъ. При розыскѣ звѣря 7 февраля, десятникъ Милихинъ раненъ въ руку тигромъ, кинувшимся на него изъ-за кустовъ. Напуганный выстрѣломъ, тигръ оставилъ Милихина и ушелъ, по словамъ охотниковъ, раненый въ тайгу». 18 февраля партія охотниковъ въ томъ же кедровникѣ убила очень большого тигра. Въ этомъ эпизодѣ интересна безпечность, съ которою въ глубину лѣса, въ обиталище тигровъ и барсовъ, проникаетъ рабочая партія безоружная. Въ тайгѣ тигры еще неученые. Два убитыхъ звѣря и одинъ раненый за одного русскаго рабочаго—это конечно очень мало, но вѣдь одновременно борьба шла повсемѣстно. Вотъ по газетѣ «Владивостокъ», конечно, далеко не полная лѣтопись тигровыхъ происшествій только за два мѣсяца, январь и февраль 1893 года. № 1:—«Мы слышали, что крестьяниномъ с. Шкотова Иваномъ Пашкѣевымъ убито два тигра и два поймано въ засаду (западню?) Три тигра привезены въ городъ и здѣсь проданы». Объ этихъ тиграхъ, бродившихъ вокругъ Шкотова, сообщалось раньше, что ими втеченіе лѣта и осени 1892 унесено тридцать лошадей. Одинъ изъ этихъ тигровъ встрѣтилъ было въ лѣсу и мужика, но «ошеломленный отъ неожиданнаго появленія мужика, поднялся и прыгнулъ въ лѣсъ». Должно быть изъ ученыхъ... № 2: «Намъ сообщаютъ, что по Сучанскому тракту у заимки одного крестьянина раненъ тигръ. Также есть слухи, что въ окрестностяхъ с. Шкотово тигръ попалъ въ засаду». Значитъ, у Шкотова—пятый. № 3: «Въ началѣ недѣли сюда доставлены

на однѣхъ саняхъ истерзанный охотникъ и убитый имъ тигръ. Охотникъ этотъ, какъ намъ передавали изъ Многоудобной (70 верстъ), въ первый разъ увидѣлъ звѣря на улицѣ станицы». № 5: «Изъ Амба-Бири, финляндецъ Альфредъ убилъ у себя во дворѣ самца тигра и продалъ его въ городѣ за 130 рублей. Стрѣлялъ счастливецъ всего въ шести саженяхъ. Убивъ сразу, выпустилъ еще девять пуль для вѣрности». Извѣстіе изъ № 7 о тиграхъ въ кедровникѣ у Черниговки приведено выше, а въ № 9 находимъ: «На Сичѣ, притокѣ рѣки Сучана, убито четыре тигра». Здѣсь же разсказывается, что крестьяне начали примѣнять для истребленія тигровъ систему отравы. Итого, по неполнымъ свѣдѣніямъ мѣстныхъ газетъ (конечно, далеко не всѣ случаи доходятъ до печати), убито втеченіе двухъ мѣсяцевъ 14 тигровъ, да ранено еще 2. Изъ европейцевъ пострадали одинъ убитый и трое ранеными. Къ этому надо прибавить 30 лошадей и 7 манзъ, унесенныхъ тиграми, по отрывочнымъ слухамъ газетъ. Тѣхъ и другихъ, конечно, было больше, но европейцы всѣ считаны и ихъ жертвы, конечно, занесены всѣ.

Опасная охота на тигра легко переходитъ въ страсть, «родъ недуга». Выше мы видѣли какого то Ивана Пашкѣева, который въ одномъ январѣ прикончилъ четырехъ тигровъ. Мнѣ разсказывали объ одномъ старикѣ-крестьянинѣ, который пристрастился къ этой опасной и завлекательной игрѣ и, предоставя хозяйство сыновьямъ, проводитъ лѣто и зиму въ тайгѣ, самъ другъ съ вѣрнымъ псомъ, да надежной винтовкой. Не мало уже приволокъ онъ домой этихъ полосатыхъ шкуръ, нисходя иногда и до пятнистыхъ (барсовыхъ)... «Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить», но эти люди, для которыхъ опасность есть потребность, а битва со звѣремъ—наслажденіе, конечно, рано или поздно очистятъ край отъ полосатаго и пятнистаго хищника, какъ и отъ желтокожаго. Говорятъ, что наши казаки и мужики, увлекающіеся преслѣдованіемъ тигра, никогда не прочь пристрѣлить, между прочимъ, и попавшагося хун-хуза.. Тамъ, гдѣ недостаточно окрѣпла еще организованная власть, судъ

Линча вступаетъ въ свои права. Какъ, однако, ни слагаются эти отношенія, какими путями ни идетъ развитіе страны, несомнѣнно, что внутренняя безопасность растетъ. Вотъ хоть бы мы. Ѣдемъ безоружные, въ ненаселенной мѣстности, по обѣ стороны непроницаемою стѣною стоитъ густая лѣсная зарослъ, въ которой, мы знаемъ, бродитъ тигръ и скрываются хун-хузы (рядомъ работы Галецкаго, о случаяхъ на которыхъ я говорилъ во 3-й главѣ). И, однако, не можетъ быть и рѣчи объ опасности. И полосатые и желтокожіе хищники—уже ученые; а соединиться въ общей обидѣ противъ бѣлыхъ пришельцевъ никакъ не могутъ. Полосатый продолжаетъ лакомится желтокожимъ, оба скрываясь при появленіи бѣлаго пришельца.

Эта страница изъ тигровой исторіи—глубоко поучительна и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко утѣшительна. Въ Европѣ порою раздаются голоса, выражающіе опасенія передъ новымъ нашествіемъ монголовъ. Въ Америкѣ принимаютъ даже мѣры противъ этого нашествія. Монголъ страшенъ и своею численностью, и своею выносливостью, и ничтожностью своихъ потребностей... Все это правда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ монголъ покоряется тигру, а европеецъ покоряетъ тигра! Неужели этого одного факта. недостаточно, чтобы съ увѣренностью смотрѣть въ глаза будущему. Чтобы состязаться съ европейцемъ, а тѣмъ болѣе побѣдить его, монголу надо подняться до европейца. И подняться не только культурно, но и органически. Надо перестать быть стаднымъ животнымъ, надо обрѣсти индивидуальность. Только тогда конкурренція монгола съ европейцемъ можетъ имѣть для перваго нѣкоторые шансы, но тогда монголъ станетъ братомъ европейцу и не будетъ никакихъ основаній опасаться его успѣховъ. Теперь же пусть европейцы съумѣютъ только устроить свои дѣла, пусть не подавляютъ въ пауперизмѣ и нищетѣ своихъ сыновей, пусть не лишаютъ своихъ европейцевъ благъ общей европейской цивилизаціи и не европейцу тогда опасаться монгола, а наоборотъ, придется монгола охранять отъ европейца. Въ Уссурійскомъ краѣ надо охранять манзу и каули отъ эксплуатаціи русскаго

крестьянина, а западно-американскаго пролетарія приходится охранять отъ того же манзы! Дайте этому пролетарію надѣлъ и китаецъ попроситъ помощи противъ этого пролетарія. Ни въ этой помощи не должно быть, конечно, отказа, ни въ помощи этому пасынку всемірной исторіи сравняться съ европейцемъ культурно и органически. Мѣста на землѣ достаточно для всѣхъ народовъ и для всѣхъ расъ.

XI.

ХРЕБЕТЪ СИХОТА-АЛИНЬ.

Рѣчка Лянчи-Хэ. —Первый кряжъ.—Проходъ кряжа.—Каменный уголь—Станція Тигровая.—Второй кряжъ.—Перевалъ.—Физико-географическая игра природы.—Ея экономическіе плоды.—Селеніе Раздольное.—Рѣка Суйфунъ.

Послѣ Седанки желѣзнодорожная линія остается далеко влѣво. Она больше держится морского берега, а почтовая дорога идетъ сѣдловинами и долинами между сопками среди густой лѣсной заросли. Начало сентября только и подъ широтою Сухума, но заморозки уже окрасили лѣсъ въ красные, желтые и бурые тона. Переѣзжаемъ среди этихъ зарослей, не оставляющихъ никакихъ перспективъ, черезъ рѣчку Черную, и скоро начинаемъ спускаться въ широкую и живописную долину довольно значительной, сплавной рѣчки Лянчи-хэ. Здѣсь, на обширной площадкѣ къ югу отъ рѣки, проэктирована первая отъ Владивостока полустанція жел. дороги, а на противуположномъ сѣверномъ берегу виднѣется почтовая станція Подгородняя. Далѣе толпятся нестройною, но чрезвычайно живописною группою высокія куполообразныя сопки и красиво пересѣченные, собранные какъ бы въ складки гребни... Все поросло лѣсомъ, все отливаетъ на солнцѣ пестрыми осенними красками, гдѣ зелень болѣе упрямыхъ породъ борется и перемѣшивается съ «одѣтыми въ багрецъ и золото» менѣе устойчивыми деревами. Переѣхавъ черезъ Лянчи-хэ, мы вступаемъ въ долины побережнаго хребта Сихота-Алинь, отрогами котораго ѣдемъ отъ самаго

Владивостоки, а теперь должны его пересѣчь. У Лянчи-хэ былъ проэктированъ первоначально даже тоннель, но при окончательныхъ изысканіяхъ нашли возможнымъ обойти гору долинами и сѣдловинами. Хотя это и удлинило путь и удешевило нѣсколько постройку (сдѣлавъ дороже будущую эксплоатацію), но все же здѣсь верстъ на 6—7 работы очень большія и трудныя. Глубокія выемки въ скалѣ, карнизы, высѣченные въ скалѣ на косогорахъ, громадныя насыпи, масса искусственныхъ сооруженій, водоотводныя сооруженія, засыпка болотъ въ глубокихъ падяхъ, значительные уклоны, крутыя закругленія, — характеризуютъ работу этого участка. Поѣзда будутъ ходить тутъ медленно, но за то пассажиры будутъ досыта любоваться видами, рѣдкими по красотѣ и постоянно мѣняющимся эффектамъ. Въ іюлѣ 1891 года я выѣзжалъ сюда погулять и облазилъ окружающія сопки. Кромѣ пейзажей ничего примѣчательнаго на этихъ сопкахъ я не нашелъ, но пейзажи, дѣйствительно, великолѣпные и вполнѣ вознаграждаютъ за труды прогулки. Второй разъ я сюда пріѣзжалъ въ сентябрѣ 1891 года и тогда обошелъ желѣзнодорожныя работы верстъ на пять. Въ одной выемкѣ открыты были прослойки каменнаго угля. Одинъ спеціалистъ мнѣ говорилъ, что каменный уголь прекраснаго качества, но прослойки слишкомъ незначительны. Не мѣшало бы, конечно, побуравить окрестности. До сихъ поръ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ розысканъ отличный уголь въ долинѣ рѣки Сучана, впадающей въ Уссурійскій заливъ. Обширные и богатые залежи Сучана заключаютъ нѣсколько породъ, въ томъ числѣ спекающіяся и неспекающіяся. Такимъ образомъ, малодымный уголь, въ родѣ донецкаго антрацита, можетъ быть добываемъ въ краѣ и обезпечивать топливомъ военные крейсера. По долинѣ Сучана проэктируется даже узкоколейная желѣзная дорога къ морю. Инженеръ Горловъ, по порученію частнаго предпринимателя, г. Летуновскаго, сдѣлалъ предварительныя изысканія. Все это очень хорошо, но еще лучше, еслибы уголь нашелся на самой линіи Уссурійской дороги, въ 20 вер. отъ

Владивостока. На этихъ же работахъ попадаются свѣтлые прозрачные кристаллы, напоминающіе топазы, но мнѣнія свѣдущихъ людей о нихъ мнѣ не удалось слышать. Въ 1891 году эти работы производились преимущественно инородцами, манзами и каулями, но съ осени подрядчикъ Галецкій ихъ распустилъ и замѣнилъ заарендованными у г. Коморскаго поселенцами, которые и оканчиваютъ эти трудныя и отвѣтственныя сооруженія.

Перемѣнивъ лошадей на Подгородней, ѣдемъ дальше и черезъ часъ ѣзды пересѣкаемъ первый, менѣе высокій кряжъ Сихота-Алиня. Мы выѣзжаемъ на высокое болотистое плато, пересѣченное глубокими падями и невысокими каменистыми кряжами. Пади, поросшія высокимъ лѣсомъ, чрезвычайно красивы; остальная же мѣстность довольно унылая. Рѣдколѣсье, болота, сѣроватые скалистые выходы—утомляютъ вниманіе до почтовой станціи Тигровой, второй отъ Владивостока, еще недавно трудно-проѣздной вслѣдствіе обилія звѣря. Теперь тигръ отошелъ, частью отъ невѣжливаго человѣка, частью же за оленями и козами, тоже спугнутыми появленіемъ непрошенныхъ гостей. За Тигровою мы должны пересѣчь второй, болѣе высокій кряжъ Сихота-Алиня. Въ этомъ кряжѣ тоже былъ проэктированъ тоннель и тоже найдена сѣдловина, чтобы обойти тоннель. Выемка, однако, въ главномъ гребнѣ достигаетъ семи саженъ глубины, наибольшей на Уссурійской желѣзной дорогѣ.

Выемка эта, извѣстная подъ именемъ «Перевала», потому что прорѣзываетъ самый высокій гребень хребта, заслуживаетъ, чтобы остановить на ней нѣкоторое время наше вниманіе. Отвратительной тропой, среди болотистаго рѣдколѣсья, выбрались мы отъ Тигровой къ желѣзнодорожной линіи, на 44 или 45 верстахъ дороги. Отсюда прошли по линіи пѣшкомъ верстъ пять. Мы вышли на линію въ томъ мѣстѣ, гдѣ высокая насыпь возвышается надъ болотистымъ плато. Вскорѣ вступили въ иную мѣстность. Повороты пути, участившіеся мосты и трубы, скалистыя выемки показываютъ, что мы вступили въ предѣлы

хребта. Несмотря на свою относительно болѣе значительную высоту, этотъ кряжъ кажется меньше перваго (что около Лянчи-хэ), потому что поднимается съ высокаго плато. Проходимъ глубокую, крайне трудную выемку въ конгломератѣ и черезъ узкую долину, уже пересѣченную насыпью, подходимъ къ Перевалу. Высокій и крутой гребень вздымается передъ нами, разрѣзанный корридоромъ выемки. Судя по скалистости меньшаго гребня, лежащаго къ югу и только что нами пройденнаго, а также по скалистости гребня, лежащаго къ сѣверу и тоже уже пробитаго полотномъ дороги, можно было ожидать или даже должно было ожидать, что эта крутая стѣна, стоящая передъ нами,— тоже скала. Ничуть не бывало. Оказывается, напротивъ, что всѣ семь саженъ выемки пролегаютъ въ пескѣ съ примѣсью мелкой гальки! Когда мы проходимъ, работы уже почти окончены, и нельзя не любоваться грандіозностью сдѣланнаго труда.

Одинъ горный инженеръ, осматривавшій эту выемку, выразилъ мнѣніе, какъ мнѣ передавали, что наносы, образующіе перевалъ, должно признать морского происхожденія. Но какъ попали эти наносы въ видѣ громаднаго вала между двумя меньшими валами совершенно другого происхожденія? Еще рѣчные наносы въ такихъ условіяхъ можно бы было объяснить съ разными натяжками, но морскіе?! Эта физико-географическая игра природы чуть было, однако, не стоила казнѣ довольно дорого. Во время отлучки строителя дороги въ Петербургъ, для представленія окончательной расцѣнки жел. дороги, зимою 1891—92 гг., сдавались съ подряда работы перевала. Въ предположеніи, что перевалъ— скала, замѣститель строителя инженеръ Доксъ проэктировалъ сдать работы кругомъ безъ различія грунта по одиннадцати рублей отъ куба и просилъ телеграммою инженера Урсати утвердить эту сдѣлку. На это начальникъ работъ потребовалъ предварительно изслѣдовать свойство грунта. Были вырыты два колодца до проэктированной глубины выемки; скалы не оказалось и единственный въ своемъ родѣ случай для «восточныхъ американцевъ» снова ускользнулъ, все благодаря тому же возмутительному чело-

вѣку, который самъ не ѣстъ и другимъ не даетъ! А надо было сдѣлать свыше десяти тысячъ кубовъ выемки... Дѣло было бы не вредное для предпринимателей. Расходы уменьшены почти на половину и сбережено свыше 40 тыс. рублей на протяженіи менѣе полуверсты.

За переваломъ пересѣкаемъ еще одинъ невысокій гребень, щеголяющій красивыми падями, и выѣзжаемъ на высокое лѣсистое плато, отсюда безъ перерыва простирающееся къ сѣверо-западу на 200 верстъ до озера Ханки и къ сѣверу на 300 верстъ до хребтовъ, окаймляющихъ долину Уссури. Нѣсколько небольшихъ кряжей прорѣзываютъ возвышенную равнину въ разныхъ направленіяхъ, да глубокая долина Суйфуна пересѣкаетъ ее на юго-западѣ. Это плато, съ плодородною и хорошо орошенною почвою, и представляетъ главную колонизаціонную территорію края. Уже смеркается, когда среди однообразныхъ картинъ равнины, покрытой лѣсными зарослями, спускаемся къ селенію Раздольному на берегу Суйфуна. Здѣсь почтовая станція, пароходная пристань (Суйфунъ—судоходенъ) и первая послѣ Владивостока значительная желѣзнодорожная станція. Раздольное—первое русское село на нашемъ пути. Отстоитъ оно отъ Владивостока на 65 верстъ. Мы перешагнули уже побережный хребетъ и вступили во внутреннюю страну. Отсюда должно все перемѣниться, природа, условія, задачи, составъ населенія, физическая и общественная среда.

XII.

ЗА ХРЕБТОМЪ.

Южно-Уссурійское плато.—Природа. — Измѣненія, внесенныя человѣкомъ.—Звѣрь и гнусъ.—Климатъ.—Лѣса.—Суйфунскія щеки.

Между береговою полосою Приморской области, оставленною нами уже позади за Сихота-Алинемъ, съ ея сопками и гребнями, долинами и падями, съ одной стороны, и возвышенною лѣсистою равниною, на которую мы выѣхали приблизительно около 56 версты желѣзной дороги (въ долинѣ рѣчки Почихезы, текущей вдоль сѣвернаго подножія берегового хребта), —существуетъ весьма значительная и важная разница. Береговая полоса и побережный хребетъ отличаются не только чрезвычайно неблагопріятнымъ климатомъ, но и крайне скудною почвою, крайне неудобнымъ рельефомъ поверхности, неудобнымъ и для заселенія, и для сообщеній. Недостатокъ хорошихъ сѣнокосныхъ угодій, плохое качество лѣса, малодоступность лучшихъ рощъ, занимающихъ верхи крутыхъ, съ пересѣченными склонами, сопокъ,—дополняютъ этотъ списокъ преимуществъ и удобствъ береговой полосы. Нельзя пренебрегать и трудностью защиты береговъ отъ непріятельскаго нападенія. Сама сооружаемая нынѣ желѣзная дорога, на всемъ протяженіи первыхъ сорока-пятидесяти верстъ отъ Владивостока, будетъ подвержена опасности разрушенія непріятелемъ. Военное значеніе можетъ имѣть она или въ случаѣ столкновенія съ непріятелемъ, не имѣющимъ преимущества на морѣ (напр., съ Китаемъ), или же только для подготовитель-

наго періода. Весь этотъ край можетъ быть заселяемъ лишь медленно и въ началѣ, вѣроятно, лишь рыболовами, охотниками, лѣсопромышленниками. Желѣзнодорожныя станціи, полустанціи, разъѣзды, путевыя жилыя помѣщенія (казармы и полуказармы для ремонтныхъ рабочихъ) — явятся естественными центрами для этихъ промысловъ, къ которымъ съ теченіемъ времени можетъ присоединиться огородничество, а затѣмъ, съ расчисткою изъ подъ лѣса сѣнокосныхъ площадей, и скотоводство. Значительный толчекъ развитію береговой полосы можетъ дать только обрѣтеніе какихъ либо цѣнныхъ минеральныхъ ископаемыхъ въ горахъ Сихота-Алиньскихъ. Хребетъ этотъ меридіональный, а еще Гумбольдтъ, кажется, указалъ на относительное богатство минералами меридіональныхъ хребтовъ (Юра, рудныя Саксонскія горы, Уралъ) сравнительно съ широтными. Впослѣдствіи по этимъ склонамъ сопокъ можетъ развиться виноградарство и садоводство. Все это возможно и вѣроятно, но все это будетъ куплено упорною борьбою съ нарочито неблагопріятными условіями. Въ гораздо лучшемъ свѣтѣ представляется обширное Южно-Уссурійское плато, лежащее къ сѣверозападу отъ берегового хребта и простирающееся до границъ Китая и верхней долины Уссури.

Защищенный отъ моря хребтомъ, край этотъ хотя и находится подъ властью муссоновъ и потому отличается чрезмѣрною дождливостью и влажностью въ лѣтнее время, но туманы задерживаются горами въ долинахъ и падяхъ, а ихъ сгущеніе подъ вліяніемъ холоднаго Охотскаго теченія слабѣе выражено по мѣрѣ движенія въ глубь страны. Лѣто поэтому здѣсь солнечнѣе и теплѣе, для растительности благопріятнѣе. Черноземная почва покрываетъ, хотя и не толстымъ слоемъ, многія мѣстности этой равнины, обильной проточными водами и сѣнокосами. Правда, зимніе муссоны здѣсь еще сильнѣе и холоднѣе, а лѣто всетаки—слишкомъ дождливо. Лѣсъ здѣсь тоже плоховатъ, а тигры и хун-хузы даже обыкновеннѣе, нежели въ приморской полосѣ. Все же, однако, нѣкоторыя указанныя преимущества поч-

вы и климата, равнинный характеръ, удобства сообщенія—представили условія, далеко болѣе благопріятныя для колонизаціи и культуры, которая и сосредоточилась на этомъ плато.

Если бросить общій взглядъ на строеніе Восточной Азіи между 40° и 50° с. с., то оно представится въ видѣ ряда гигантскихъ уступовъ отъ запада къ востоку. Внутри воздвигается высокое плато Монголіи, на востокѣ окаймленное меридіональнымъ хребтомъ Большого Хингана. Со стороны Монголіи, съ запада, Большой Хинганъ представляется невысокимъ кряжемъ, какъ бы только покоробленнымъ слегка краемъ высокой равнины. Съ востока, напротивъ, это высокій, могучій хребетъ, поднимающійся надъ Дауро-Манджурскою равниною, которая и составляетъ вторую ступень этой гигантской лѣстницы. Хребетъ Дауссе-Алинь или Малый-Хинганъ окаймляетъ съ востока Даурію совершенно подобно тому, какъ Большой Хинганъ окаймляетъ Монголію. Точно такъ же со стороны Дауріи, съ запада, Даусее-Алинь представляется лишь загнутымъ кверху и потрескавшимся краемъ возвышенности, а съ востока точно такъ же онъ падаетъ крутизнами и гребнями, имѣя видъ значительнаго кряжа. Южная часть страны, лежащая къ востоку отъ Малаго Хингана, представляетъ третій уступъ. Это—плато, въ центрѣ котораго лежитъ озеро Ханка; сѣверная часть входитъ въ бассейнъ Уссури, а южная—собираетъ воды въ Суйфунъ, изливающійся непосредственно въ море. Лучшая сѣверо-западная часть этого уступа принадлежитъ Китаю, а юго-восточная, принадлежащая Россіи, и есть та равнина, на которую передъ вечеромъ 6 сентября я вывезъ съ собою читателя. Подобно первымъ двумъ уступамъ, Монгольскому и Дауро-Манджурскому, наше Ханкайско-Суйфунское плато окаймлено Сихота-Алинемъ, невысокимъ со стороны внутренней равнины и довольно значительнымъ изъ Приморской полосы, составляющей послѣдній уступъ восточноазіятскаго амфитеатра. Изъ этого бѣглаго оро-гидрографическаго очерка края явствуетъ и непреодолимая сила зимняго муссона, который, собственно говоря, безъ всякаго препятствія скатывается

съ уступа на уступъ, пронося морозъ и пургу неприкосновенно черезъ тысячи верстъ. Лѣтній же морской муссонъ съ трудомъ можетъ донести влагу до Монголіи, преграждаемый тремя хребтами, на которыхъ она и осаждается. Наши владѣнія, какъ ближайшія къ океану, и подвержены особенно этому излишеству влаги (не будучи ограждены взамѣнъ того и отъ зимней стужи). Расчистка лѣсовъ и осушеніе болотъ можетъ очень много сдѣлать въ смыслѣ улучшенія лѣтняго климата Южно-Уссурійскаго плато, мѣстности, сравнительно благопріятной для колонизаціи и культуры.

Немного прошло времени съ начала заселенія края, а уже можно констатировать серьезное улучшеніе условій природы. Старожилы свидѣтельствуютъ, что лѣтняя погода стала положительно солнечнѣе. Вырубка лѣсовъ—тому главная причина. Здѣсь сбереженіе лѣса не имѣетъ того значенія, какъ въ Европѣ. Влажность и дождливость климата здѣсь обусловлены не физическимъ характеромъ самой страны, а совершенно независимыми отъ этого характера муссонами. Вырубка лѣсовъ не можетъ отмѣнить муссоновъ, не можетъ лишить страну влаги. Но эта вырубка можетъ ослабить сгущеніе влаги въ туманы, умѣрить осадки. Все это для страны—великое благо, а даровано оно можетъ быть лишь систематическимъ лѣсоистребленіемъ. Лѣса здѣсь должны быть оберегаемы лишь постольку, поскольку это необходимо для охраны истоковъ рѣкъ или для предохраненія крутыхъ склоновъ отъ размыва, сползанія и обваловъ. Въ климатическомъ же отношеніи всякая вырубленная роща есть выигрышъ для края. Выигрышемъ онъ является и въ другомъ отношеніи. Лѣсъ укрываетъ и полосатаго, и желтокожаго хищника. Тигръ и хун-хузъ одинаково должны удалиться съ очисткой страны изъ-подъ лѣса. Съ ними исчезнетъ и всякій гнусъ, комаръ, мошка, оводъ, нынѣ въ ужасающемъ количествѣ плодящійся въ густыхъ лѣсныхъ зарослях. Лѣтомъ глубины лѣса положительно неприступны, благодаря этому гнусу. Дикія травоядныя животныя въ это время спасаются отъ гнуса на вершинахъ сопокъ; хищные слѣдуютъ за ними; люди

бѣгутъ изъ лѣса. Каждая просѣка дѣлаетъ чудеса въ этомъ отношеніи. Она даетъ свободный токъ вѣтру, всегда здѣсь сильному и всегда превосходящему силы лѣсного гнуса. Вѣтеръ и солнце вдобавокъ обсушиваютъ землю, задерживая развитіе насѣкомыхъ, а вторгающаяся черезъ этотъ просвѣтъ птица пожираетъ взрослыхъ. Вотъ тѣ мирныя завоеванія, которыя человѣкъ дѣлаетъ здѣсь однимъ своимъ появленіемъ. Удаленіе хищниковъ, истребленіе гнуса, улучшеніе климата—уже успѣли сказаться въ краѣ довольно замѣтно и, если никто не станетъ на пути этой культурной борьбы, то можно ожидать, что человѣкъ съумѣетъ приспособить эту страну для культуры и человѣческой жизни. Главное, нужно выработать здравую систему лѣсного хозяйства. Нужно точно опредѣлить то немногое, что изъ лѣсовъ должно быть сберегаемо и охраняемо, а остальное должно быть предано безпощадному истребленію и уничтоженію. Разрѣшеніе подсѣчнаго огневаго земледѣлія могло бы дать отличный толчокъ въ этомъ направленіи. Отопленіе локомотивовъ лѣсомъ тоже сослужитъ серьезную службу дѣлу края, т. е. дѣлу приспособленія его для заселенія и культуры. Усердіе не по разуму въ дѣлѣ сбереженія лѣсовъ можетъ явиться очень серьезнымъ препятствіемъ для развитія края. Подобныя тенденціи, однако, начинаютъ, повидимому, сказываться... Осмотрительность и осторожность по отношенію къ лѣсамъ на хребтахъ и сопкахъ и желательна, и необходима, чтобы предохранить отъ смыва и сдуванія тонкій растительный слой, покрывающій горныя породы, но на равнинѣ и можно, и должно быть безпощаднымъ относительно лѣсовъ. Кромѣ серьезныхъ выгодъ во всѣхъ отношеніяхъ, никакихъ опасностей отъ истребленія равнинныхъ лѣсовъ невозможно ожидать. Многое уже достигнуто въ этомъ отношеніи, но еще болѣе того остается сдѣлать.

Этою-то возвышенною лѣсистою равниною мы и ѣдемъ вечеромъ 6 сентября изъ Раздольнаго, расположеннаго, какъ я уже упомянулъ, въ долинѣ Суйфуна, къ Суйфунскимъ «щекамъ», на 82—84 верстахъ желѣзнодорожной линіи, гдѣ должны осмотрѣть

серьезныя работы, самыя серьезныя и отвѣтственныя на всей Уссурійской желѣзной дорогѣ. Совсѣмъ ночью подъѣзжаемъ къ сѣверной оконечности щекъ (на 84 верстѣ), неподалеку отъ станціи и селенія Барановскаго. Ночь выдалась очень холодная и ночевать въ ажурномъ лѣтнемъ помѣщеніи подрядчика Г. оказалось не очень пріятно. Не мудрено, поэтому, если я всталъ еще до восхода солнца. Иней хрустѣлъ подъ ногами, когда я вышелъ во дворъ... Это—7 сентября подъ широтою Пизы и Равенны! Сухой и холодный монгольскій муссонъ задуваетъ уже нѣсколько дней подъ-рядъ. Днемъ солнце, еще высокое, успѣваетъ обогрѣвать, ночи же начинаются морозныя. Въ 1891 году морозы начались позже и цвѣты на клумбахъ у меня цвѣли до половины октября. Теперь же въ началѣ сентября были уже побиты морозомъ многія, болѣе нѣжныя растенія. При этихъ условіяхъ грунтовое цвѣтоводство не можетъ особенно процвѣсть. Условія—почти тѣ же, что въ Петербургѣ, гдѣ единственно оранжереи и теплицы даютъ возможность дѣлать иллюзію грунтоваго цвѣтоводства. Въ Владивостокѣ нѣтъ оранжерей и теплицъ и приходится замѣнять ихъ услуги комнатною культурою, которая, впрочемъ, при обиліи зимняго солнца здѣсь хорошо удается. Благодаря южному положенію края, дни и зимою — не короткіе, солнце поднимается высоко, грѣетъ и свѣтитъ щедро, при постоянно ясной зимней погодѣ. Вотъ и теперь, какъ только что взошло солнце, сразу потеплѣло, иней исчезъ, а въ долинѣ Суйфуна началъ даже клубиться паръ отъ обогрѣваемой почвы.

Чудесный ландшафтъ представляетъ здѣсь долина Суйфуна. Стою на краю совершенно отвѣснаго базальтоваго обрыва, на высотѣ до 250 футовъ надъ уровнемъ Суйфуна, орошающаго подножіе скалы, которая придавила здѣсь рѣку на протяженіи около двухъ верстъ (82—84 вв. ж. д. линіи). Непосредственно противъ мѣста, гдѣ я стою на (84 в.), противоположный правый берегъ Суйфуна представляетъ широкій низменный зеленѣющій лугъ, по которому вьются протоки Суйфуна, блестятъ озера, отливаютъ зеленью, багрецомъ и золотомъ разбросанныя рощи,

а далѣе за этою веселою и красивою долиною поднимается крутою стѣною такой же базальтовый обрывъ, только еще выше. Ниже, лѣвѣе, видно, какъ онъ подходитъ къ Суйфуну и сдавливаетъ его и съ другой, правой стороны, тогда какъ выше, правѣе, можно различить, какъ и лѣвый базальтъ отходитъ отъ рѣки, давая просторъ ея плодородной и привѣтливой долинѣ. Верхи обоихъ обрывовъ, какъ щетиною, покрыты лѣсомъ, отвѣсные же склоны отливаютъ на солнцѣ своею сѣрою наготою. На этомъ-то склонѣ лѣвой (восточной) щеки (надъ которою я и стою теперь) и высѣкается въ базальтѣ карнизъ для полотна желѣзной дороги. Около двухъ верстъ имѣетъ длину эта грандіозная работа, потребовавшая свыше пятнадцати тысячъ кубическихъ саженъ выемки въ сплошной скалѣ. Начинать работать приходилось, подвѣшивая рабочихъ, такъ какъ на тридцати саженномъ отвѣсѣ негдѣ было упереть ногу. Вся работа, производится, конечно, динамитомъ. Она должна обойтись свыше ста пятидесяти тысячъ. Были проэкты, которые было попробовали ее вогнать въ полмилліона. Зимою 1891—92 г., въ отсутствіе инженера Урсати, его замѣститель, инженеръ Доксъ. проэктировалъ подпорныя стѣнки, но энергическая телеграмма и категорическое запрещеніе со стороны строителя остановили эти проэкты. Подпорныя стѣнки замѣнены просто каменными отсыпями. Въ Суйфунъ погружены сначала крупные осколки скалы, а затѣмъ изъ выемки отсыпана раздробленная скала откосомъ. Необычно высокія воды Суйфуна весною 1892 года ни мало не повредили еще не оконченныхъ работъ, какъ то предрекали тѣ, которые предполагали полумилліонныя сооруженія. Да и самыя отсыпи нужны, конечно, не для поддержки или подпоры отъ вѣка стоящей скалы, а единственно для затрудненія естественнаго процесса вывѣтриванія подъ вліяніемъ атмосферы, обростанія мхомъ и пр. Выше пятнадцати саженъ пролегаетъ желѣзнодорожное полотно надъ Суйфуномъ и почти столько же возвышается надъ полотномъ съ другой стороны базальтовая стѣна. Когда проходишь этими работами и видишь

это торжество человѣка надъ природою, невольно проникаешься чувствомъ уваженія къ человѣческой культурѣ, которая, однако, до сихъ поръ не можетъ или не хочетъ разрѣшить только одного, но важнѣйшаго вопроса,—о справедливости, правдѣ и счастьѣ человѣка... Къ чему тогда всѣ эти побѣды? Чему радоваться и ликовать?

XIII.

ПО РУССКИМЪ КОЛОНІЯМЪ.

От Барановскаго до Никольскаго.—Русскіе колонисты.—Условія колонизаціи.—Территорія.—Никольское.—Обратный путь.—Пора домой.

Отъ щекъ до Никольскаго, конечнаго пункта моей поѣздки, около двадцати верстъ. Дорога идетъ почти все время возвышенною лѣсистою равниною, порою расчищенною подъ пашни, порою пересѣченною глубокими рѣчными долинами притоковъ Суйфуна и невысокими скалистыми гребнями. Ближе къ Никольскому дорога спускается въ долину Суйфуна, все время очень живописную. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше отвоевано у первобытной природы пространства подъ земледѣльческую культуру. Хлѣбъ вездѣ уже собранъ, но не вездѣ еще свезенъ. Видны копны пшеницы, ярицы, овса... Вслѣдствіе малоснѣжныхъ и холодныхъ зимъ здѣсь мало сѣютъ озимыхъ хлѣбовъ, поэтому «зеленѣющей озими гладь» нигдѣ не радуетъ взора, но луга зеленѣютъ отавою. Много видно и стоговъ сѣна, попадаются стада домашняго скота, встрѣчаются нагруженныя и пустыя телѣги. Словомъ, только здѣсь вы чувствуете, что въѣзжаете въ русскую страну. Вчера Раздольное мы проѣхали ночью, да и очень я былъ утомленъ впечатлѣніями дня. Сегодня утромъ Барановское осталось въ сторонѣ. Къ тому же Никольское самое большое и самое богатое поселеніе края. Въ противуположность Владивостоку, здѣсь вы находите всякіе сельскіе продукты въ изобиліи и не дорого. Молоко, молочные скопы, домашняя птица, овощи—всѣмъ уже успѣли

обзавестись никольцы, а съ проведеніемъ желѣзной дороги все это получитъ отсюда и Владивостокъ, гдѣ масло употребляютъ привозное изъ Европы или Сибири; на сметану приглашаютъ, какъ на лакомство; за индюшку готовы заплатить двѣнадцать-пятнадцать рублей, за гуся—шесть-семь рублей, утки совсѣмъ не достанете, а овощей, кромѣ лука и чеснока, почти никогда. Владивостокъ долженъ явиться поэтому интереснымъ рынкомъ для Никольскаго и другихъ русскихъ поселеній, расположенныхъ по линіи. До сихъ поръ главною основою хозяйства было хлѣбопашество, сбывавшее свои продукты интендантскому вѣдомству. Теперь же должны оживиться и другія отрасли, особенно молочное хозяйство и огородничество. Можно ожидать толчка и въ развитіи садоводства. Нѣкоторые крестьяне малорусскихъ губерній уже успѣли развести сады сливъ и яблоковъ. Обезпеченность сбыта во Владивостокъ, Хабаровку и даже Сибирь можетъ послужить побужденіемъ для серьезнаго развитія этого промысла. Учрежденіе благоустроеннаго ботаническаго акклиматизаціоннаго сада и при немъ питомника могло бы значительно облегчить это развитіе промысла, столь же выгоднаго, сколько и пріятнаго, по преимуществу осѣдлаго, привязывающаго человѣка къ странѣ, заставляющаго его любить новую родину. Затрата даже значительныхъ суммъ на опытное садоводство и виноградарство вполнѣ оправдалось бы интересами края и русской колонизаціи. Сливы, яблони, груши и вишни должны легко акклиматизоваться. Обиліе въ лѣсахъ дикаго винограда даетъ надежду на акклиматизацію и культурнаго винограда, а также и нѣжныхъ сортовъ яблокъ и грушъ. Не мѣшало бы испробовать абрикосы, миндаль, грецкій орѣхъ. При отсутствіи фруктовъ въ Сибири и близости лишь тропическихъ фруктовыхъ территорій, эта культура плодовъ умѣреннаго пояса должна имѣть будущность. Не мѣшало бы испытать акклиматизацію и нѣкоторыхъ лѣсныхъ породъ, особенно сосны, европейскаго дуба и бѣлой акаціи (Robinia Pseudoacacia). Очень важенъ и опытный огородъ для выбора сортовъ овощей,

которые могли бы акклиматизоваться въ краѣ. Для такого благоустроеннаго, хорошо обезпеченнаго, ботаническаго и акклиматизаціоннаго сада интересно было бы выбрать удобное мѣсто за прибережнымъ хребтомъ, на Ханкайско-Суйфунскомъ плато, такъ какъ, очевидно, здѣсь сосредоточится культура края. Еслибы были средства, было бы полезно устроить отдѣленіе и около Владивостока для узкой прибережной полосы, отличающейся иными климатическими и почвенными условіями, но несомнѣнно важнѣе опытная садовая станція и обширный питомникъ гдѣ нибудь въ бассейнѣ Ханки или Суйфуна.

Интензивная культура—дѣло будущаго. Теперь же основою благосостоянія русскихъ колонистовъ является хлѣбопашество, ведомое по системѣ переложной. Обширные надѣлы и черноземная почва обезпечиваютъ успѣхъ этой системы, естественной и необходимой на первоначальной ступени хозяйственнаго развитія края. Разрѣшеніе свободнаго подсѣчнаго (лядиннаго) хозяйства было бы естественнымъ и полезнымъ дополненіемъ этой системы, задача которой обуздать недисциплинированныя силы первобытной природы, истребить гнусъ, прогнать звѣря, осушить мочежины и настолько истощить буйныя силы первобытной природы, чтобы покорить ихъ и направить на пользу и потребу человѣка. Всему свой чередъ. Въ настоящее время эта система еще не хищническая (какъ будетъ, если удержится дальше необходимаго срока), а завоевательная. Она обезпечиваетъ благосостояніе русскаго колониста и будущность этой новой колоніальной Россіи. Русскіе колонисты, дѣйствительно, тутъ достигли благосостоянія, а порою даже и зажиточности. Дешевый инородческій трудъ является однимъ изъ факторовъ этого быстраго достиженія зажиточности. Манзы и каули охотно нанимаются къ русскимъ крестьянамъ въ батраки на лѣтнее время за плату, поистинѣ ничтожную. Это явленіе имѣетъ, однако, и свою оборотную неблагопріятную сторону. Легкость обогащенія при эксплуатаціи инородческаго труда развиваетъ въ колонистахъ качества и инстинкты, не совсѣмъ соотвѣтствую-

щіе земледѣльческому быту. Сооруженіе желѣзной дороги подняло цѣну инородческаго труда и съ этой стороны умѣрило развитіе этого нежелательнаго превращенія русскаго крестьянина въ мелкаго эксплуататора инородцевъ. Умноженіе русскаго населенія вмѣстѣ съ постепеннымъ очищеніемъ края отъ бродячаго бѣглаго инородческаго пролетаріата, вѣроятно, постепенно само собою оздоровитъ сельскій бытъ. Всетаки не мѣшаетъ не упускать изъ виду и эту сторону дѣла при регулированіи инородческаго вопроса и при организаціи русскаго заселенія края.

Всѣ эти замѣчанія о русской колонизаціи и ея условіяхъ относятся, конечно, только къ ханкайско-суйфунскому плато, болѣе извѣстному подъ именемъ Южно-Уссурійскаго края. Собственно долина Уссури лежитъ къ сѣверу и ея условія мнѣ мало извѣстны. Но и наше плато достаточно обширно и удобно, чтобы принять еще очень значительное новое населеніе. Еще сотни верстъ не видятъ человѣческаго жилья и обширныя дебри не видали лица европейца.

Никольское — обширное поселеніе, въ нѣсколько тысячъ душъ, отстоящее отъ Владивостока въ ста двухъ верстахъ, расположенное на широкой долинѣ у рѣкъ С у й ф у н а, С у п у т и н к и и Р а к о в к и, обтекающихъ поселеніе съ трехъ сторонъ. Раковка впадаетъ въ Супутинку, а Супутинка — въ Суйфунъ. Въ Никольскомъ есть укрѣпленіе и расположена стрѣлковая бригада. Здѣсь же штабъ начальника всѣхъ войскъ Южно-Уссурійскаго края и квартира начальника округа (исправника), а также квартира начальника II участка Усс. ж. д., квартира начальника желѣзнодорожной полиціи, желѣзнодорожная больница и строится вторая по значенію желѣзнодорожная станція, депо и обширныя желѣзнодорожныя мастерскія. Все это превращаетъ Никольское въ городокъ, очень оживленный, много работающій и выгодно отличающійся отъ Владивостока преобладаніемъ трудящагося населенія надъ служащимъ и торгующимъ, а европейскаго населенія — надъ инородческимъ. И

Хунхузія, и Восточная Америка здѣсь болѣе заслонены подлинною Русью. Отсюда же она завоюетъ и Владивостокъ. Передъ вечеромъ 7 сентября прибылъ я въ Никольское, а послѣ обѣда 8 сентября отправился обратно. Употребивъ это время на объѣздъ городка и его окрестностей, на осмотръ строющейся станціи (подведенной уже почти подъ крышу) и другихъ работъ и на посѣщеніе нѣсколькихъ знакомыхъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю эти немногіе часы и эти сравнительно привольныя мѣста, гдѣ я хотя нѣсколько отдохнулъ отъ Владивостокскихъ впечатлѣній. Я здѣсь прикоснулся къ трудящемуся населенію, создающему культуру и подготовляющему начала гражданственности. Тѣмъ тягостнѣе представлялось мнѣ пребываніе во Владивостокѣ. Тѣмъ сильнѣе потянуло туда, въ настоящую заправскую Россію, откуда доносятся такія тягостныя извѣстія о голодѣ, о морѣ, о народномъ смятеніи...

Вечеромъ 8 сентября я опять былъ въ Раздольномъ (такъ я его и не видѣлъ днемъ) и съ вечера же сѣлъ на пароходъ «Піонеръ». Онъ долженъ меня довезти до устья Суйфуна и передать тамъ на морской пароходъ «Новикъ», который и доставитъ уже во Владивостокъ. Ночь была очень холодная и только благодаря любезности командира парохода я не окоченѣлъ отъ холода. Онъ снабдилъ меня нѣкоторыми теплыми покрывалами и я благополучно переночевалъ. Рано утромъ мы двинулись внизъ по теченію. Въ полую воду Суйфунъ судоходенъ до Никольскаго, въ обыкновенную же только до Раздольнаго. «Піонеръ» принадлежитъ Владивостокскому городскому головѣ М. К. Федорову и, по контракту съ правительствомъ, обязался совершать эти рейсы, получая помильную плату. «Новикъ» же, который принимаетъ въ устьѣ Суйфуна отъ «Піонера» пассажировъ и баржи, передавая ему взамѣнъ другія, принадлежитъ уже упомянутому мною пароходству М. Г. Шевелева. Линія эта тоже обязательна и тоже поддержана помильною платою. Съ открытіемъ желѣзной дороги линія будетъ упразднена. Покуда же на ней перетаскиваются значительные грузы. Не мало и пассажировъ. Главный контин-

гентъ того и другого доставляетъ въ настоящее время сооруженіе желѣзной дороги. Нижняя часть долины Суйфуна, которою мы ѣдемъ отъ Раздольнаго до устья, далеко не такъ живописна, какъ средняя часть у щекъ или по пути къ Никольскому. Возвышенности здѣсь не подходятъ къ рѣкѣ и берега низменные, поросшіе кустарною и лѣсною зарослью, которая и закрываетъ дальнѣйшія перспективы. Было три часа дня, когда мы пересѣли на «Новикъ», прошли затѣмъ вдоль берега Амурскаго залива (этимъ берегомъ мы съ читателемъ проѣхали 6 сентября) и передъ вечеромъ бросили якорь на Владивостокскомъ рейдѣ... Кругомъ тѣ же красивыя, ясныя, непривѣтливыя горы; подлѣ галдятъ тѣ же благоухающіе манзы, предлагая свои шлюпки; на сердцѣ та же тоска и отчужденіе... Нѣтъ, рѣшительно нечего тутъ заживаться... Пора домой. Уѣзжаю первымъ пароходомъ.

XIV.

ПОСЛѢДНІЕ СЧЕТЫ И ОТЪѢЗДЪ.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ,
давно бы запретилъ я этимъ господамъ
на выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ...
А. Грибоѣдовъ.

Прощальныя замѣчанія о краѣ. — Положеніе постройки Сибирской желѣзной дороги. — Состояніе работъ осенью 1892 года. — Отозваніе главнаго строителя. — Мой отъѣздъ 21 октября.

Среди неустанной работы и постоянной борьбы съ жестокими условіями края, отверженнаго природою и человѣческою исторіей, незамѣтно протекли полтора года и мало-по-малу отчетливо вырисовались передо мною эти тяжелыя немилосердныя условія, съ которыми долго, очень долго еще придется считаться новому трудящемуся населенію края, какъ и всякому живому дѣлу, къ нему прививаемому. Владивостоку еще долго суждено направлять ходъ дѣлъ въ краѣ и его физическая оторванность на десятки верстъ отъ границы культурной страны надолго сохранитъ и его общественную изолированность отъ вліянія развивающейся жизни, и его инородческое населеніе, не связанное съ краемъ, и его столь же мало привязанное къ странѣ чиновничество, и чужеядное торговое сословіе, и все прочее. Еще не скоро наступитъ время, когда попытка иного поведенія будетъ находить опору и поддержку въ мѣстномъ обществѣ. Покуда же почти только среди военнаго и морскаго обще-

ства можно иногда встрѣтить европейскія понятія объ общественныхъ и гражданскихъ интересахъ, о долгѣ и прочихъ невѣдомыхъ словахъ. Средній процентъ людей съ добрымъ и честнымъ сердцемъ, вѣроятно, и здѣсь не меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (мнѣ случалось встрѣчать не мало такихъ людей во Владивостокѣ), но сложившійся строй жизни, отношеній, понятій сильнѣе единичныхъ настроеній, и общая картина общественнаго состоянія скорѣе даже выйдетъ мрачнѣе мною нарисованной на страницахъ этихъ очерковъ. Медленно, постепенно создавалось у меня это пониманіе общественнаго уклада Владивостока, какъ медленно и постепенно выяснялось и физическое состояніе страны, ея возможное значеніе и вѣроятная будущность. Это пріобрѣтенное знакомство съ краемъ, получающимъ такой крупный интересъ съ проведеніемъ Сибирской дороги, и есть самый цѣнный результатъ моего крайне неумнаго предпріятія. Въ предѣлахъ возможности, я и предлагаю здѣсь читателю этотъ результатъ. Къ сказанному выше, мнѣ остается прибавить немногое, чтобы свести послѣдніе счеты съ моимъ полуторагодичнымъ пребываніемъ во Владивостокѣ.

Рядомъ съ ознакомленіемъ съ природою и жизнью далекаго края, мною посѣщеннаго, шло, конечно, и ознакомленіе съ сооруженіемъ желѣзной дороги, мнѣ удобное по самому моему положенію. Въ виду общаго интереса, возбуждаемаго Сибирскою желѣзною дорогою, и разныхъ проникшихъ даже въ печать сплетенъ, быть можетъ, будетъ не лишнимъ здѣсь подвести итоги тому, что я видѣлъ и наблюдалъ въ этомъ отношеніи, выяснить тѣ затрудненія и препятствія, съ которыми встрѣтилось дѣло, которыя успѣло оно преодолѣть и передъ которыми оказалось безсильно, принуждено было отступить... Я, конечно, не намѣренъ здѣсь входить въ детали, или писать публицистическую статью, а лишь по пути мимоходомъ намѣтить характерныя черты, вдобавокъ весьма интересныя и съ общей точки зрѣнія, для пониманія условій, сложившихся въ странѣ.

Центръ тяжести всѣхъ этихъ затрудненій и препятствій лежалъ въ общемъ недоброжелательствѣ, въ общемъ частью затаенно, частью явно враждебномъ отношеніи, съ которымъ было встрѣчено дѣло сооруженія желѣзной дороги мѣстнымъ обществомъ (поскольку случайное скопленіе разнородныхъ элементовъ можетъ быть названо обществомъ). «Общество» это, взгляды и обычаи котораго уже намъ извѣстны, многаго, очень даже многаго ожидало отъ постройки въ смыслѣ тѣхъ выгодъ, которыя она должна была ему принести. Здѣшніе состоятельные «граждане» привыкли къ совершенно неумѣреннымъ барышамъ на казенныхъ подрядахъ и поставкахъ. То направленіе, которое было сразу дано дѣлу сооруженія желѣзной дороги, сразу и вполнѣ неожиданно разсѣяло эти неумѣренныя ожиданія, охладило пылкія вожделѣнія. Шестьсотъ ссыльно-каторжныхъ, двѣ съ половиною тысячи солдатъ, около восьмисотъ привезенныхъ изъ Россіи рабочихъ, нѣсколько прибывшихъ европейскихъ подрядчиковъ, наконецъ, вполнѣ умѣренныя цѣны, заусловленныя еще въ Европейской Россіи до прибытія сюда,—все это явилось рѣшительнымъ ударомъ для разгорѣвшейся алчности мѣстныхъ воротилъ и дѣльцовъ, но все это вмѣстѣ съ тѣмъ явилось какъ бы нѣмымъ упрекомъ и для мѣстныхъ дѣятелей, не съумѣвшихъ до того времени умѣрить несообразные барыши подрядчиковъ и поставщиковъ. Цѣны были понижены на желѣзной дорогѣ сравнительно съ прежде установленными вдвое, втрое, вчетверо и даже впятеро. Такимъ образомъ, громадныя работы, предпринятыя въ краѣ, не только не повысили цѣнъ, какъ этого слѣдовало ожидать, но совершенно наоборотъ, безпримѣрно понизили ихъ, впервые ввели въ предѣлы терпимаго размѣра. При прежнихъ цѣнахъ сооруженіе желѣзной дороги должно бы обойтись почти вдвое дороже, т. е. на одномъ Уссурійскомъ участкѣ пришлось бы затратить лишніе 15—18 милліоновъ рублей.

Общее неудовольствіе и среди состоятельнаго торговаго класса, обманувшагося въ своихъ ожиданіяхъ, и среди части чиновниковъ, видѣвшихъ въ успѣхѣ программы желѣзнодорожной постройки какъ бы обвиненіе себѣ въ недостаточномъ радѣніи о казенномъ интересѣ, было естественнымъ отвѣтомъ на эту новую программу,

которая не могла нравиться даже, напр., Приморскому губернатору, ранѣе того бывшему начальникомъ военно-инженернаго округа Пріамурскаго края, устанавливавшему, одобрявщему и утверждавшему прежнія цѣны и условія. Нисколько никого не подозрѣвая въ какихъ либо злоупотребленіяхъ, невольно являлся вопросъ, чего смотрѣли прежніе руководители работъ? Отчего не съумѣли съ такою же выгодою примѣнить солдатскій трудъ, находившійся въ ихъ распоряженіи; отчего не вызвали конкурренцію изъ Россіи, или хотя бы изъ Китая и Кореи (какъ это сдѣлалъ строитель желѣзной дороги)? Вопросы эти были настолько естественны и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько непріятны, что человѣкъ, который, однимъ фактомъ своей дѣятельности, поставилъ ихъ на очередь, долженъ былъ стать крайне непріятенъ. Независимость желѣзнодорожнаго управленія отъ мѣстной администраціи, привыкшей къ всевластію въ краѣ, задѣвала довольно сильно и другіе инстинкты. Значительный наплывъ новыхъ элементовъ на постройку, образовавшихъ свое общество и не очень спѣшившихъ сливаться со старожилами, могло такъ же питать неудовольствіе, какъ и прямой, нѣсколько грубоватый характеръ строителя. Центръ тяжести, однако, былъ, разумѣется, въ дешевизнѣ постройки, въ обманутыхъ ожиданіяхъ, въ возбужденныхъ опасеніяхъ, въ задѣтыхъ самолюбіяхъ. Отсюда недоброжелательство мѣстныхъ обывателей и ихъ управителей. Отсюда и затрудненія и препятствія, которыя ежедневно и ежечасно выростали на пути сооруженія желѣзной дороги. Главнымъ препятствіемъ для этого сооруженія съ самаго начала была дороговизна постройки. Ознакомленный съ мѣстными условіями, еще когда производилъ изысканія въ 1888 году, строитель съумѣлъ выработать програму организаціи работъ и удешевленія цѣнъ, которая при содѣйствіи центральнаго вѣдомства въ Петербургѣ и была осуществлена, но это устраненіе главнаго препятствія, это удешевленіе явилось основною причиною общей вражды къ удешевителю, общаго желанія по возможности затруднить его дѣло, создать новыя препятствія. Инженеръ Урсати со стойкостью и энергіею про-

должалъ свое дѣло и сооруженіе дороги быстро подвигалось къ благополучному окончанію, мало-по-малу преодолѣвая всякія препоны и преграды. Для убѣжденія въ этомъ не мѣшаетъ бросить взглядъ на состояніе работъ къ концу рабочаго сезона 1892 года.

По проэкту дороги было исчислено работъ въ земляномъ полотнѣ 675,375 куб. саженъ, въ томъ числѣ 64 тыс. саж. въ скалѣ. Благодаря новымъ изысканіямъ уже во время работъ, удалось уменьшить это количество до 605 тыс. к. с., въ томъ числѣ 67,400 к. с. скалы. Состояніе работъ къ концу октября 1892 года было слѣдующее:

	Скала.	Друг. грунты.	Всего.
Необходимо сдѣлать. .	67,400	537,602	605,002
Сдѣлано.	56,900	314,629	371,529
Остается	10,500	222,973	233,473
% остающагося . . .	15,5	41,4	38,5

Если принять во вниманіе, что мои данныя относятся ко времени, когда еще оставалось свыше мѣсяца до окончанія рабочаго сезона 1892 года, то можно прямо сказать, что за два лѣта 1891 и 1892 годовъ сдѣлано двѣ трети всего количества предположенныхъ земляныхъ работъ по устройству полотна. Но «предположенныхъ» работъ всегда больше, нежели дѣйствительныхъ, такъ какъ при незнакомствѣ съ качествами грунтовъ всегда на всякій случай ожидается наихудшее и проэктируются откосы выемокъ самыя пологія. При осуществленіи же, въ болѣе плотныхъ и неползучихъ грунтахъ откосы дѣлаются круче. То же и на Уссурійской желѣзной дорогѣ. Если же принять во вниманіе, что самые трудные скалистые грунты остались лишь въ размѣрѣ 1/6 предположеннаго количества и что срокъ всей постройки опредѣленъ четырехлѣтній, то достигнутые результаты должны быть признаны выше необходимыхъ. Еще въ лучшемъ положеніи было дѣло искусственныхъ сооруженій. Всего предположено каменной кладки на этихъ

сооруженіяхъ 6,216 куб. саж., изъ нихъ было сдѣлано 4,459 и оставалось 1,757, или лишь 28,2%, а принимая во вниманіе еще мѣсяцъ оставшагося рабочаго сезона, можно сказать, что сдѣлано около $^3/_4$ всей работы по этому отдѣлу. Приэтомъ и въ этомъ случаѣ впереди стоятъ первые два участка. На первомъ оставалось около полутора процента (45 к. с. кладки) и на второмъ 18%. Если прибавить, что отчужденіе было закончено, телеграфная линія проведена на протяженіи около ста верстъ (тогда какъ на протяженіи другихъ 100 верстъ можно пользоваться правительственнымъ телеграфомъ); устройство станцій, разъѣздовъ, переѣздовъ, путевыхъ сооруженій на первыхъ двухстахъ верстахъ подвинуто болѣе, нежели на половину, и пр. и пр., то ходъ и успѣхъ работъ выяснится довольно отчетливо. Никакого сомнѣнія не можетъ быть, что вопреки всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ сооруженіе дороги должно было закончиться въ назначенный четырехлѣтній срокъ (скорѣе раньше срока) и вполнѣ оправдать ту дешевую расцѣнку, которую, въ обиду мѣстному обществу, дозволилъ себѣ проэктировать главный строитель. Теперь достраиваетъ дорогу другой, вслѣдствіе чего я и позволилъ себѣ отвлечь вниманіе читателя къ этой нѣсколько сухой матеріи. Въ виду того, что многочисленные недоброжелатели удаленнаго строителя, не довольствуясь этимъ удаленіемъ, съумѣли провести даже въ печать разныя сплетни и инсинуаціи, бросавшія тѣнь на благородную и энергическую личность этого неуклоннаго защитника казеннаго интереса, чувство справедливости требуетъ выясненія всей обстановки и обстоятельствъ, при которыхъ произошла перемѣна строителя. Такая перемѣна до сихъ поръ единственная въ исторіи сооруженія русскихъ желѣзныхъ дорогъ. И это понятно, потому что такая перемѣна влечетъ такія неудобства и такое разстройство, что порою выгоднѣе для дѣла дать окончить даже малоискусному строителю, его организовавшему, нежели передавать новому, даже болѣе опытному и искусному. Естественно, поэтому, если перемѣна строителя Уссурійской же-

лѣзной дороги произвела въ публикѣ впечатлѣніе и вызвала толки и законный интересъ. Удовлетворить этому интересу я и думаю этими строками.

Дня за три до времени, назначеннаго для отхода парохода «Петербургъ», на которомъ я уже взялъ билетъ, когда я почиталъ уже всѣ свои счеты съ Владивостокомъ поконченными и когда помыслами своими и сердцемъ я уже всецѣло принадлежалъ Европѣ, я получилъ рано утромъ записку отъ г. Урсати, въ которой онъ просилъ меня зайти къ нему. Я засталъ у него нѣсколько болѣе близкихъ ему друзей и сослуживцевъ и прочелъ только что полученную имъ телеграмму, подписанную предсѣдателемъ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ инженеромъ Ададуровымъ. Въ этой депешѣ сообщалось, что Пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ (нынѣ покойный) обратился къ министру п. с. по телеграфу съ просьбой объ отозваніи инженера Урсати отъ должности начальника работъ; что министръ отвѣтилъ барону Корфу обѣщаніемъ немедленно исполнить эту просьбу и что посему онъ, Урсати, увѣдомляется о его отозваніи и ему предлагается сдать должность инженеру Вяземскому и прибыть въ Петербургъ. Никакихъ иныхъ мотивовъ въ телеграммѣ инженера Ададурова не упоминалось. Министерство п. с. какъ бы прямо слагало всякую нравственную отвѣтственность за сдѣланный шагъ на Пріамурскаго генералъ-губернатора, который слишкомъ много имѣетъ власти и значенія въ краѣ, чтобы оставлять дѣло постройки въ рукахъ человѣка, смѣны котораго онъ такъ категорически потребовалъ. Естественно поэтому, что и на просьбу г-на Урсати о назначеніи надъ нимъ формальнаго слѣдствія былъ полученъ отвѣтъ, что министръ п. с. не находитъ необходимости въ какомъ бы то ни было слѣдствіи, такъ какъ никакое разслѣдованіе невозможно по самому существу причины отозванія. Въ самомъ дѣлѣ, причина — не въ какихъ либо обвиненіяхъ или подозрѣніяхъ, а въ желаніи генералъ-губернатора, надъ которымъ назначать слѣдствіе министръ п. с. права не имѣетъ. Является вопросъ,

что могло служить въ глазахъ барона Корфа мотивомъ для такого экстраординарнаго и серьезнаго шага. Остановимся на этомъ вопросѣ, для освѣщенія котораго имѣется нѣкоторое количество данныхъ.

Инженеръ Урсати прибылъ на постройку во Владивостокъ въ концѣ апрѣля 1891 года и былъ привѣтствованъ со стороны генералъ-губернатора въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ. Когда черезъ три недѣли послѣ того, 18 мая, баронъ Корфъ проѣхалъ на пробномъ поѣздѣ двѣ съ половиною версты, онъ, какъ я уже упомянулъ, въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ благодарилъ строителя и въ такихъ же выраженіяхъ телеграфировалъ министру путей сообщенія свой отзывъ о немъ. На другой день 19 мая, послѣ окончанія торжества закладки Сибирской дороги, генералъ-губернаторъ снова публично, передъ сотнею свидѣтелей, со слезами обнималъ инженера Урсати и выражалъ ему свою благодарность, свои благословенія успѣху, свои обѣщанія всяческаго содѣйствія. Нельзя сомнѣваться въ совершенной искренности этихъ словъ, скоро доказанной на дѣлѣ. 20 мая баронъ Корфъ отбылъ изъ Владивостока, сопровождая Государя Наслѣдника Цесаревича до границъ своего генералъ-губернаторства, до озера Байкала. Только въ началѣ іюля онъ опять былъ въ своей резиденціи, въ Хабаровкѣ, гдѣ опять видѣлся съ инженеромъ Урсати, прибывшимъ туда для выбора мѣста перехода Амура. Много важныхъ дѣлъ для постройки предстояло здѣсь рѣшить генералъ-губернатору, о привлеченіи ссыльно-поселенцевъ къ работамъ на ж. д., объ организаціи полиціи на строющейся линіи, о льготахъ по пользованію лѣсомъ и другіе. Всѣ эти вопросы были рѣшены генералъ-губернаторомъ согласно предположеніямъ строителя, послѣ чего баронъ Корфъ уѣхалъ на полтора года въ Европейскую Россію, сдавъ временно должность генералъ-губернатора Амурскому губернатору генералу Беневскому, а должность командующаго войсками—генералу Юнакову. Въ отлучкѣ баронъ Корфъ пробылъ до конца сентября 1892 года, такъ что

немедленно послѣ возвращенія на должность и была послана имъ министру путей сообщенія телеграмма съ просьбою о смѣнѣ строителя. Ясно, что никакъ не личное знакомство съ дѣятельностью инженера Урсати, никакъ не собственный опытъ отношеній съ нимъ, никакъ не собственныя наблюденія, данныя, не собственное изученіе дѣла—могли послужить мотивомъ для принятаго генералъ-губернаторомъ рѣшенія. Подобно министерству путей сообщенія, положившемуся на генералъ-губернатора, и этотъ послѣдній, очевидно, положился на кого нибудь другого. Это подтверждается и тѣми немногими отношеніями, которыя баронъ Корфъ въ бытность свою въ отлучкѣ имѣлъ съ управленіемъ желѣзной дороги.

Первымъ такимъ отношеніемъ была жалоба, принесенная тюремнымъ инспекторомъ Коморскимъ на дѣйствія инженера Урсати. Послѣ сношенія съ министромъ путей сообщенія, баронъ Корфъ поручилъ Приморскому губернатору доставить ему данныя по этой жалобѣ. Управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ просило о томъ же главнаго контролера по постройкѣ желѣзной дороги. Получивъ эти данныя, баронъ Корфъ оставилъ жалобу г. тюремнаго инспектора безъ послѣдствій, иначе говоря, призналъ ее неосновательной. Затѣмъ, нѣсколько важныхъ вопросовъ по сооруженію желѣзной дороги строитель дороги направилъ въ Петербургъ черезъ пребывавшаго тамъ барона Корфа. Таковы: о выборѣ мѣста для Владивостокской станціи, о мѣстѣ перехода черезъ Уссури, о нѣкоторыхъ льготахъ по рубкѣ лѣса, объ утвержденіи выработанныхъ подробныхъ правилъ работъ ссыльно-каторжныхъ и солдатъ, о продленіи срока солдатскихъ работъ, объ увеличеніи числа ссыльно-поселенцевъ на работахъ, о разрѣшеніи ввоза динамита. Всѣ эти вопросы были разрѣшены или направлены барономъ Корфомъ въ смыслѣ ходатайствъ строителя. Наконецъ, по одному вопросу о разногласіяхъ съ Приморскимъ губернаторомъ въ дѣлѣ отчужденія казенныхъ земель, баронъ Корфъ отложилъ свой отвѣтъ до возвращенія и подробнаго ознакомленія. Воз-

вратившись, онъ, дѣйствительно, поручилъ состоявшему при немъ инженеру Юргенсону ознакомиться съ этимъ дѣломъ, но телеграмма о смѣнѣ начальника работъ была послана и сама смѣна состоялась раньше окончанія Юргенсономъ даннаго порученія. Если къ этому прибавить, что никогда баронъ Корфъ не выражалъ никакого неудовольствія желѣзно-дорожному управленію и не заявлялъ никакихъ желаній, которыя были бы не исполнены, то несомнѣнно, что и баронъ Корфъ въ этомъ дѣлѣ довѣрился своимъ мѣстнымъ агентамъ, а собственныхъ мотивовъ имѣть не могъ. Кто же и по какимъ причинамъ могли быть эти довѣренныя лица, возбудившія барона Корфа противъ начальника работъ и вызвавшія его отозваніе?...

Прежде всего, является предположеніе, что это должны быть замѣстители барона Корфа, генералы Беневскій и Юнаковъ. Кому же какъ не имъ, совмѣщавшимъ въ себѣ власть барона Корфа, вступавшимъ въ постоянныя сношенія съ управленіемъ постройкою и призваннымъ разрѣшать всяческія столкновенія этого управленія съ низшими органами администраціи, кому же другому и быть компетентнѣе въ оцѣнкѣ дѣятельности этого управленія и правильности его отношеній къ администраціи? Можно, однако, положительно утверждать, что во всѣхъ случаяхъ столкновенія управленія жел. дор. съ органами мѣстной администраціи, замѣстители барона Корфа разрѣшали эти столкновенія въ пользу управленія и что неизмѣнно отношеніе этихъ замѣстителей къ начальнику работъ было сочувственное и доброжелательное. Для иллюстраціи приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ отсутствіе инженера Урсати, зимою 1891—92 гг., его замѣститель вошелъ въ соглашеніе съ г. тюремнымъ инспекторомъ о работахъ на 1892 годъ, причемъ цѣны на работы, какъ каторги, такъ и поселенцевъ были повышены. Возвратившись весною 1892 года, начальникъ работъ не счелъ себя вправѣ оспаривать соглашенія относительно повышенныхъ цѣнъ ссыльно-поселенцамъ, такъ какъ общаго положенія о поселен-

ческомъ трудѣ согласовано не было. Относительно же труда каторги такое общее положеніе было не только согласовано, но и утверждено генералъ-губернаторомъ, а основныя положенія, въ томъ числѣ и цѣны, даже согласованы были между министромъ путей сообщенія и генералъ-губернаторомъ. Въ виду этого и въ виду отказа г. Коморскаго возвратиться къ цѣнамъ утвержденныхъ правилъ, строитель опротестовалъ состоявшееся безъ него соглашеніе и обжаловалъ его передъ и. д. генералъ-губернатора. Генералъ Беневскій затребовалъ у г. Коморскаго объясненія и запросилъ у инженера Докса (бывшаго замѣстителя нач. работъ) изложенія мотивовъ его поведенія, послѣ чего отмѣнилъ соглашеніе и предписалъ г. Коморскому удовлетворить требованіе инженера Урсати. Аналогичное соглашеніе о повышеніи цѣнъ за солдатскій трудъ состоялось, въ отсутствіе строителя, между инженеромъ Доксомъ и завѣдывавшимъ солдатскимъ трудомъ подполковникомъ Экстеномъ. Равнымъ образомъ, опротестованное инженеромъ Урсати, оно равнымъ образомъ было отмѣнено генераломъ Юнаковымъ, и. д. командующаго войсками. Конечно, эти протесты и ихъ успѣхъ не могли быть пріятны ни инженеру Доксу, ни лицамъ, коимъ онъ обѣщалъ повышеніе цѣнъ за ввѣренныя имъ работы. Неудовольствіе это выразилось даже въ жалобѣ инженера Докса, бывшаго помощникомъ инженера Урсати, на этого послѣдняго управленію казенныхъ ж. д. Было затребовано объясненіе отъ инженера Урсати, послѣ чего инженеръ Доксъ былъ отозванъ отъ должности. Въ это время во Владивостокѣ громко заговорили, будто гг. Коморскій и Экстенъ обращались по этому поводу къ барону Корфу телеграммою, ходатайствуя о возстановленіи инженера Докса и даже о замѣнѣ имъ инженера Урсати. Говорили и о томъ, что Приморскій губернаторъ съ своей стороны поддерживалъ это домогательство.

Другіе случаи, когда замѣстителю генералъ-губернатора пришлось высказываться о дѣятельности желѣзно-дорожнаго управленія, доставлялъ приморскій губернаторъ, входившій въ цѣлый

рядъ пререканій по дѣлу отчужденія подъ желѣзную дорогу и по дѣлу о пользованіи казенными лѣсами. Много затрудненій и задержекъ причинили эти пререканія постройкѣ желѣзной дороги, а подчасъ и убытковъ, но всѣ случаи, восходившие на рѣшеніе генерала Беневскаго были имъ разрѣшены въ пользу управленія ж. д. Передъ возвращеніемъ барона Корфа, оба его замѣстителя отбыли изъ края, получивъ высшее назначеніе, причемъ оба простились съ начальникомъ работъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, посылая свои наилучшія пожеланія успѣху дѣла, которому они въ самомъ дѣлѣ по мѣрѣ возможности оказывали содѣйствіе и поддержку. Не они, конечно, возбудили барона Корфа противъ инженера Урсати и были причиною его отозванія. Къ этому изложенію фактовъ надо прибавить еще слѣдующее: когда инженеръ Доксъ за принесеніе неосновательной жалобы на своего начальника былъ отчисленъ отъ должности (конецъ мая 1892 г.), инженеръ Урсати получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ предписаніе улаживать всѣ разногласія съ мѣстною администраціею добрыми съ нею отношеніями. Въ виду этого предписанія, г. Урсати просилъ объ увольненіи его отъ должности. Эта просьба была отклонена. Онъ просилъ о командированіи лица, которое, ознакомившись съ условіями, могло-бы засвидѣтельствовать правильность его поведенія. Эта просьба была уважена и былъ командированъ съ этою цѣлью инженеръ Вяземскій, прибывшій во Владивостокъ моремъ въ первыхъ числахъ октября, черезъ нѣсколько дней по возвращеніи сухимъ путемъ барона Корфа. Телеграмма генералъ-губернаторомъ была послана немедленно послѣ прибытія инженера Вяземскаго и до приступа послѣднимъ къ порученному ему ознакомленію съ дѣломъ. Смѣна же инженера Урсати состоялась до отправленія инженеромъ Вяземскимъ какого бы то ни было сообщенія по этому дѣлу. Начальникомъ работъ назначенъ г. Вяземскій, по желанію котораго возстановленъ въ своей должности и инженеръ Доксъ. Такова вкратцѣ любопытныя исторіи этого дѣла. Прибавлю только, что незадолго до своей смерти баронъ Корфъ прислалъ телеграмму министру п. с., снимая въ ней всякія нареканія съ инженера Урсати и свидѣтельствуя о безупречной честности его дѣятельности. Объ этомъ отзывѣ барона Корфа упомянуто въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Сколько мнѣ извѣстно, телеграмма эта ничѣмъ извнѣ вызвана не была и явилась просто потребностью хотя нѣсколько поправить невольно содѣланное зло.

Этимъ эпизодомъ послѣднихъ дней моего пребыванія во Владивостокѣ я и закончу очерки далекаго края, мною посѣщеннаго. Суровый это край, тягостный и непривѣтливый. Неблагопріятный климатъ, скудная почва, гнилая флора, свирѣпые звѣри, миріады гнуса, болѣзни — вотъ чѣмъ встрѣчаетъ здѣсь природа человѣка. Сосѣдній Китай выслалъ сюда наслѣдственнаго разбойника и пирата, превратившаго было страну въ заповѣдную Хун-хузію. Далекая же Россія, занявъ эти территоріи, прежде культурнаго и трудящагося населенія, естественно, по самымъ условіямъ всякаго подобнаго заселенія, двинула сюда элементы полукультурные, недоразвитые, изъ которыхъ и образовались первыя наслоенія. Но дѣло занятія края не останавливается, приливаютъ все новые и новые элементы, постепенно, но несомнѣнно преобразуя физіономію и страны, и общества. Климатъ, лѣсъ, звѣрь, гнусъ, хун-хузъ и восточный американецъ, всѣ атакованы уже новыми силами и будущность принадлежитъ этимъ новымъ грядущимъ силамъ, въ тяжелой борьбѣ призывающимъ къ жизни и цивилизаціи эти дебри и притоны. Отъ всей души желалъ я имъ успѣха въ этой борьбѣ, когда 21 октября бросалъ прощальный взглядъ на красивую Владивостокскую бухту въ то время, какъ «Петербургъ» медленно уносилъ меня изъ нея въ Японское море и далѣе, черезъ моря и океаны, черезъ морозы сѣвера и зной тропиковъ, домой, въ Европу, откуда распространяется по міру столько зла и насилія, но откуда только и можетъ ждать остальной міръ правды, справедливости, избавленія отъ зла и

насилія. И сюда прибыло зло, но и сюда, въ искупленіе и избавленіе, уже проникаетъ лучъ правды, труда и просвѣщенія... И въ то время, какъ весь міръ ждетъ своего обновленія оттуда, тамъ народы мятутся во мракѣ, не подозрѣвая, что и этотъ европейскій мракъ является яркимъ свѣточемъ для иныхъ народовъ, привыкшимъ къ вѣчнымъ сумеркамъ своей исторіи.

XV.

ВТОРЫМЪ РЕЙСОМЪ.

Погасло дневное свѣтило, на море синее вечерній палъ туманъ... Шуми, шуми, послушное вѣтрило! Волнуйся подо мной угрюмый океанъ!

А. Пушкинъ.

Отплытіе изъ Владивостока.—Сравненіе рейсовъ 1891 и 1892 годовъ.—Европейская воспитанность и азіятская одичалость. — Больные, дѣти, собаки.—Характеръ рейса.—Корабельная жизнь. — Пловучее послѣсловіе Хунхузіи.

Сумерки сѣрою холодною сѣткою прикрываютъ окрестность; свѣжій сѣверо-западный муссонъ разводитъ волненіе и вспѣниваетъ бѣлыми гребешками осторожно ропщущее море; корабль плавно покачивается, выходя изъ пролива, и удаляющіеся берега постепенно теряются въ отдаленіи и сгущающемся мракѣ... Пассажиры толпятся на палубѣ и обнаруживаютъ признаки сердечнаго прощанія съ друзьями и пріятелями... Мои владивостокскіе друзья и пріятели меня провожали очень сердечно, но походка нѣкоторыхъ пассажировъ (качка всегда мѣшаетъ ходить!) меня огорчаетъ соображеніемъ, что сегодня здѣсь же были проводы, еще болѣе сердечные! Тѣмъ не менѣе, я желаю моимъ владивостокскимъ друзьямъ всего лучшаго, въ томъ числѣ отъѣзда изъ Владивостока, прежде всего и скорѣе всего...

Ровно полтора года тому назадъ, 22 апрѣля 1891 года, я подходилъ на этомъ самомъ «Петербургѣ» къ этимъ самымъ берегамъ, что сегодня навсегда теряю изъ виду. Море сегодня такъ же непривѣтливо, какъ и тогда. Воздухъ такой же сту-

деный, берега такіе же пустынные. Стою на томъ же кораблѣ и скольжу взглядомъ по такой же волнующейся поверхности и по той же омываемой моремъ пустынѣ. Все то же, но многое и другое... Познаніе этой еще не покоренной просвѣщеніемъ дикости ставитъ рѣзкое различіе между тогда и теперь. Окружающіе меня воспитанники дикости еще рѣзче оттѣняютъ 21 октября 1892 года, сравнительно съ 22 апрѣля 1891 г. Долговременное пребываніе во Владивостокѣ рѣдко для кого остается безслѣднымъ и клеймо этого края его обитатели выносятъ на себѣ и за его предѣлы. Поэтому, хотя сегодня все то же, что и полтора года тому назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, и совсѣмъ не то же.

Я живо помню длинный рейсъ 1891 года изъ Одессы во Владивостокъ. Этотъ рейсъ далъ мнѣ много пріятныхъ впечатлѣній и оставилъ много пріятныхъ воспоминаній. Это—субъективная сторона дѣла, но тогда она вполнѣ гармонировала и съ внѣшнею обстановкою плаванія, и съ общимъ складомъ корабельной жизни. Хвалить эту обстановку и этотъ общій складъ корабельной жизни какъ-то не приходится. Это значило бы хвалить то, что обязательно принято во всякомъ маломальски воспитанномъ обществѣ. Вѣжливость и деликатность обращенія между пассажирами, любезное вниманіе другъ къ другу, забота не причинить спутнику напраснаго неудобства, нѣкоторыя естественныя преимущества для дамъ, для дѣтей и для больныхъ, — все это такія элементарныя общепринятыя правила общежитія, что хвалить ихъ соблюденіе какъ-то даже совѣстно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это такія существенныя и важныя условія безобиднаго и удобнаго общежитія, что соблюденіе ихъ должно быть въ общемъ интересѣ. Именно въ общемъ интересѣ европейская жизнь выработала эти правила и условія общежитія, а примѣненіе ихъ составляетъ «неотъемлемую» привычку европейскаго человѣка. И, когда вы ѣдете полтора мѣсяца изъ Одессы во Владивостокъ, вы можете, въ самомъ дѣлѣ, повѣрить, что эти правила, дѣйствительно, неотъемлемая привычка европейца. Увы, когда вы ѣдете изъ Владивостока въ Одессу, вы скоро убѣждаетесь, что десятка лѣтъ отсутствія изъ Европы вполнѣ достаточно, чтобы потерять эту привычку, чтобы возвратиться къ грубости и невоспитанности дикаря. Мнѣ случалось читать о грубости и жестокости колоніальныхъ нравовъ и меня всегда удивляло, какъ можетъ тотъ же европеецъ, что показываетъ столько культурности и воспитанности на родинѣ, заставлять самихъ дикарей краснѣть за его дикость. Мнѣ пришлось лично убѣдиться въ этихъ замѣчательныхъ метаморфозахъ во время рейса изъ Владивостока въ Одессу, осенью 1892 года.

Чтобы не быть голословнымъ, остановлюсь, прежде всего, на одномъ очень характеристичномъ фактѣ... «Петербургъ» отвозилъ на Сахалинъ арестантовъ, послѣ чего снова зашелъ во Владивостокъ за пассажирами. Изъ Сахалина онъ взялъ нѣсколько пассажировъ, въ томъ числѣ одну больную даму, г-жу Ч. Билеты и мѣста перваго класса были разобраны еще до отхода на Сахалинъ, даже задолго до прибытія «Петербурга», и бѣдной больной, которая не могла, по состоянію своего здоровья, откладывать свою поѣздку до весны (раньше весны 1893 года Сахалинъ не былъ бы посѣщенъ судами), пришлось взять палубное мѣсто *). Почтенные офицеры парохода, конечно, приняли всѣ мѣры, чтобы устроить больной дамѣ, по возможности, удобное помѣщеніе и предоставить возможныя удобства. Если бы это былъ рейсъ изъ Одессы во Владивостокъ, то, навѣрное, нашелся бы не одинъ пассажиръ изъ числа запасшихся билетомъ перваго класса, который охотно уступилъ бы ей свою каюту. Отсюда, изъ Владивостока, на это разсчитывать было безполезно. Молодые здоровые люди занимали эти мѣста; одинъ докторъ располагалъ цѣлою каютою... Но даже не въ этой нелюбезности, конечно, дѣло. Когда мы сѣли на «Петербургъ» 21 октября, мы застали г-жу Ч. уже на пароходѣ. Эта молодая, двадцатидвухлѣтняя дама, симпа-

*) На пароходахъ „Добровольнаго Флота“ нѣтъ 2-го класса.

тичная и образованная, была поражена тѣмъ роковымъ недугомъ, который изъ цѣпкихъ рукъ своихъ такъ рѣдко выпускаетъ своихъ жертвъ. Она знала, что у нея процессъ въ легкихъ, что микробъ не дремлетъ ни днемъ, ни ночью, знала, что наука не имѣетъ средствъ для борьбы съ ужасною болѣзнью, и мечтала только о возможности доѣхать живою на родину, повидать родныхъ и попробовать продолжить жизнь въ климатахъ, болѣе мягкихъ и ласковыхъ, чѣмъ Сахалинъ. Мечтала она объ этомъ, но мало надѣялась, потому что злой недугъ былъ въ полномъ развитіи, и она уже не могла ходить безъ опоры и поддержки. Нельзя было безъ сердечной боли, безъ трепета сочувствія, смотрѣть на эту молодую жизнь, атакованную немилосердною болѣзнью... Нельзя было не отозваться сердцемъ на это грустное положеніе или отказать въ возможной помощи, услугѣ, сочувствіи. Добрыхъ, сердечныхъ и отзывчивыхъ людей всюду найдется. И здѣсь, на Владивостокскомъ рейсѣ, нашлись они и, по мѣрѣ силъ, старались окружить госпожу Ч. возможными удобствами и вниманіемъ... Кто бы могъ думать, что со стороны другихъ обнаружится, однако, не только равнодушіе, но и прямое недоброжелательство къ больной, что найдутся лица (и даже многія лица), которыя не постыдятся устлать терніемъ послѣдніе, быть можетъ, шаги этой угасающей жизни? Просвѣщенное знаніе «микроба» сослужило службу. Пароходныя дамы возстали противъ больной, какъ противъ носительницы микроба. Исходатайствовано было у командира парохода (г. Кригера) воспрещеніе г-жѣ Ч. бывать въ каютъ-компаніи. Ея положеніе палубной пассажирки дозволяло такое насиліе надъ нею. Затѣмъ, она не была допущена къ общему столу, хотя уплатила за продовольствіе по первому классу и должна была обѣдать и завтракать въ своей тѣсной и жаркой каюткѣ (у машиннаго отдѣленія). Мало того, находились дамы, которыя постоянно выговаривали каютной горничной, что она услуживаетъ г-жѣ Ч., и требовали, чтобы та послѣ каждой такой услуги подвергала себя дезинфекціи. Гор-

ничная, конечно, передавала все это больной, въ видахъ полученія лишняго вознагражденія за свое самоотверженіе! Казалось, что отравить жизнь больной, изобрѣсти для нея новое стѣсненіе, бросить ей въ глаза новый укоръ за смерть, которая старалась ее поглотить,—стало «благородною» задачею значительной части пассажировъ и особенно пассажирокъ. Вѣроятно, каждому приходилось на пароходѣ или въ поѣздѣ встрѣчать подобныхъ больныхъ и, вѣроятно, каждому приходилось наблюдать то деликатное уваженіе, которое внушаетъ всѣмъ грустное положеніе случайнаго спутника. У однихъ это чувство покоится на сердечной отзывчивости и нравственномъ развитіи, у другихъ—на обычно-принятыхъ культурныхъ обычаяхъ и на воспитанности. Первые—среди самой глухой дикости отзовутся на чужое страданіе и нужду; для вторыхъ — нужна культурная обстановка. Нѣтъ такой обстановки и они становятся хуже дикаря. Grattez le russe et vous trouverez le tartar,—сказалъ Наполеонъ I. Я былъ бы на пути повторить это знаменитое изреченіе, если бы наибольшей дикости въ описываемомъ случаѣ не выказали не русскіе, а нѣмцы. Я не думаю дѣлать отсюда обобщеній относительно нѣмцевъ, но только вообще относительно европейцевъ; Grattez le civilisé et vous trouverez le sauvage. Для значительнаго числа культурныхъ людей это будетъ справедливо. Я не называю именъ, потому что не сомнѣваюсь, что въ новой обстановкѣ, въ цивилизованномъ обществѣ, имъ уже давно стыдно своего поведенія.

Тропики значительно оправили больную и въ Сингапурѣ она рѣшилась даже высадиться *). Въ гостиницѣ она вышла къ табльдоту. Наши просвѣщенные пассажиры и тутъ запротестовали противъ такой ея дерзости. Пришлось просить ресторатора устроить отдѣльно столъ для нея и нѣкоторыхъ пасса-

*) Тропики вообще въ этихъ болѣзняхъ дѣйствуютъ благотворно. Къ Одессѣ г-жа Ч. настолько оправилась подъ этимъ вліяніемъ, что явилась надежда на остановку болѣзни... Это дѣйствіе тропиковъ и морского путешествія не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію врачамъ и больнымъ.

жировъ, возмущенныхъ «просвѣщеніемъ» протестующихъ дамъ и ихъ кавалеровъ... Право, съ трудомъ вѣришь собственной памяти, занося эти факты въ свою лѣтопись! Правда, кротость и уступчивость больной поощряли проявленіе этой грубой дикости, а отсутствіе при ней взрослаго мужчины (съ нею ѣхалъ подростокъ-братъ) окончательно развязывало руки... Описанный случай—изъ ряду вонъ, но и вся корабельная жизнь сложилась такъ, что этотъ случай не противурѣчилъ ея общему тону. Ни общаго взаимнаго вниманія, ни любезнаго общенія не замѣтно было среди этого общества, обязательно проводившаго вмѣстѣ пятьдесятъ сутокъ. Маленькія дѣти, которыя обыкновенно становятся общими любимцами на такихъ рейсахъ, были нѣкоторыми, даже многими, едва терпимы, а тѣ, которыя ѣхали безъ родителей (двѣ десятилѣтнія дѣвочки, ѣхавшія для поступленія въ учебныя заведенія), едва ли съ удовольствіемъ вспомнятъ эту поѣздку. Странно было видѣть недоброжелательство къ этимъ малюткамъ, иногда шаловливымъ, но уже по своему одиночеству внушавшимъ участіе и сочувствіе. Пожилой докторъ не стѣснялся въ ихъ присутствіи проповѣдывать, что ихъ надо сѣчь... Оставалось неизвѣстно только, за что? И по какому праву? И опять-таки дѣтки находили себѣ и друзей, и вниманіе, но не въ силу общеобязательной культурности, а только тамъ, гдѣ природа вложила доброе сердце или гдѣ основы цивилизованной жизни глубже проникли въ нравственное существо. Но, если больнымъ и дѣтямъ приходилось не всегда удобно, за то собакамъ жилось привольно. Онѣ ходили по палубѣ; пакостили, гдѣ угодно, такъ что вечеромъ ходить надо было по палубѣ съ опаскою; дрались между собою и рычали на пассажировъ... А псы были пресолидныхъ размѣровъ! Послѣ того, какъ одинъ песъ окрасилъ въ желтый цвѣтъ бѣлое платье одной дамы, а другой прокусилъ руку самому хозяину своему, вышло распоряженіе держать ихъ на привязи. Распоряженіе это соблюдалось не строго и псы нерѣдко появлялись на пассажирской палубѣ до самой Одессы, пугая дѣтей, заводя между

собою драки, превращая полъ палубы въ подобіе грязной вонючей псарни! Командиръ парохода только что принялъ командованіе «Петербургомъ» и дѣлалъ свой первый рейсъ. До этого онъ долго прожилъ во Владивостокѣ. Должно быть, тамъ онъ настолько притерпѣлся и привыкъ къ проявленіямъ владивостокской дикости, что мирился съ нею и на пароходѣ. Надо впрочемъ, сказать, что командиръ и офицеры не очень многое могутъ подѣлать, если большинство пассажировъ позабыли европейскую воспитанность. Не заниматься же ихъ воспитаніемъ!

Еще во Владивостокѣ меня предупреждали опытные люди, что обратные рейсы изъ Владивостока въ Одессу, по характеру корабельной жизни, рѣзко отличаются отъ рейсовъ изъ Одессы во Владивостокъ. Предсказанія эти сбылись на моихъ глазахъ въ мѣрѣ, которая превзошла всѣ мои ожиданія. Явленіе это интересно и какъ прекрасная иллюстрація быта нашей далекой Владивостокской окраины. Этотъ бытъ переносится и на корабль и довозится до Одессы, гдѣ, сконфуженный и пристыженный, тонетъ въ волнахъ заливающей и объемлющей его европейской жизни. И эта жизнь изъ Одессы тоже проносится на корабляхъ до Владивостока, чтобы тамъ чувствовать себя медленно засасываемою новыми порядками и вліяніями. И черезъ десять лѣтъ тотъ самый, который принесъ ея привычки во Владивостокъ, вывозитъ оттуда, вмѣстѣ съ амурскою пенсіей, и амурскую дикость. Такъ было большею частью до сихъ поръ, но приливъ европейской волны все шире и глубже заливаетъ далекій край и скоро, надо надѣяться, наступитъ время, когда новая жизнь поглотитъ старую, а не будетъ поддѣлываться подъ ея ладъ. Не велика и наша культурность, но надо прикоснуться къ одичалости колоній, чтобы съ признательностью вспомнить и то малое, чѣмъ мы обладаемъ.

Продолжительное плаваніе является цѣлымъ эпизодомъ въ жизни человѣка, эпизодомъ въ жизни цѣлой значительной группы людей, соединенныхъ въ одно сообщество на тѣсномъ пространствѣ корабля, окруженнаго безбрежною водною пустынею. Обя-

зательнаго дѣла нѣтъ ни у кого; беззаботный отдыхъ отъ сутолоки жизненной борьбы даетъ успокоеніе и душевную отраду, неизвѣстную въ другихъ условіяхъ; общеніе съ природою, властною, непокорною, свободною, наполняетъ душу; смѣна впечатлѣній захватываетъ въ свой водоворотъ, и вы больше, чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо, чувствуете пульсацію жизни... Продолжительное плаваніе, во всякомъ случаѣ, хорошій эпизодъ жизни. Онъ хорошъ и потому, что возрождаетъ потребность труда. Еще и потому онъ хорошъ, что здѣсь лучше всего познаются люди и завязываются отношенія. Послѣ нѣкотораго броженія этого раствора случайныхъ людей въ случайномъ смѣшеніи, растворъ отстаивается, элементы группируются, разнородныя тѣла кристализуются и, какъ бы въ общемъ ни было разнородно и вамъ чуждо все это случайное общество, вы найдете, гдѣ и съ кѣмъ кристализоваться, найдете свое мѣсто и своихъ сосѣдей... А затѣмъ, Богъ съ ними съ остальными, пусть каждый живетъ по своему... Разница между двумя сдѣланными мною рейсами въ томъ, что на европейскомъ рейсѣ (изъ Одессы) эта естественная кристализація не уничтожила и всего общества, которое сохраняло единство въ разнообразіи, тогда какъ на азіятскомъ рейсѣ (изъ Владивостока) цѣлаго общества вовсе не существовало. Оно распалось на мелкіе, совершенно чужіе другъ другу кружки, не всегда даже обмѣнивавшіеся поклонами. Все это, впрочемъ, выяснилось позднѣе, но и въ первые дни плаванія, во время прохожденія Японскимъ моремъ, главныя черты корабельной жизни опредѣлились довольно отчетливо, именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ выше я набросалъ общую ихъ картину. Нашъ «Петербургъ» представлялъ изъ себя до самой Одессы пловучее послѣсловіе Хунхузіи. Такимъ образомъ, только высадившись въ Одессѣ, я почувствовалъ, что окончательно разстаюсь съ Владивостокомъ, съ его нравами и порядками, со всѣмъ жизненнымъ укладомъ «Восточной Америки» и ея красивой столицы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

На теплыхъ водахъ.

Какъ ни тепло чужое море,
какъ ни красна чужая даль, не ей
поправить наше горе, размыкать
русскую печаль.

Н. Некрасовъ.

Его плѣняло солнце юга...
Тамъ море ласково шумитъ. Но
слаще сѣверная вьюга и больше
сердцу говоритъ!

Н. Некрасовъ.

XVI.

МИМОХОДОМЪ ВЪ ЯПОНІИ.

Японское море. — Корейскій проливъ. — Прогулка по Нагасакамъ въ 1891 году. — Японская шлюпка.—Дженнери.—Храмъ Синто.—Богослуженіе.—Въ японскомъ ресторанѣ.—Отъѣздъ.

Съ 21 по 23 октября плыли мы изъ Владивостока Японскимъ моремъ. Прохожденіе это не представляло ничего достойнаго отмѣтки. Все ремя дулъ холодный сѣверо-западный муссонъ, разводя среднее волненіе и обезпечивая неизмѣнно ясную погоду. Потерявъ берега вечеромъ 21 окт., мы снова увидѣли сушу лишь вечеромъ 23 окт., когда вступили въ струи Корейскаго пролива, отдѣляющаго Японію отъ Кореи и соединяющаго Японское море съ Великимъ океаномъ. Здѣсь сразу потеплѣло, вѣтеръ стихъ, волненіе улеглось, небо заволокло облаками и, среди тишины, влажности и тепла, мы ночью проходили мимо многочисленныхъ корейскихъ и японскихъ острововъ, которыми усѣянъ этотъ широкій проливъ. Здѣсь находятся и большой корейскій островъ Квельпартъ рядомъ съ небольшимъ тоже корейскимъ островомъ Гамильтономъ, извѣстнымъ своею прекрасною бухтою. Въ его гавани въ 1853 году останавливался фрегатъ «Паллада» съ Гончаровымъ. Его же, вмѣстѣ съ большимъ сосѣднимъ Квельпартомъ, заняли было въ 1885 году англичане, когда ожидали войны съ Россіей изъ-за афганцевъ. Отсюда они думали запереть русскій тихо-океанскій флотъ въ Японскомъ морѣ. Теперь эти важные острова опять принадлежатъ Кореѣ... Близко проходимъ затѣмъ мимо смутно рисующагося въ ночномъ сумракѣ японскаго острова Чу-Сима.

Мнѣ передаютъ моряки, ѣдущіе съ намъ, будто бы въ пятидесятыхъ годахъ этотъ островъ былъ занятъ русскою эскадрою. Чу-Сима тогда не принадлежалъ никому, хотя и былъ слабо населенъ выходцами изъ Японіи. Наши моряки находили этотъ островъ очень удобнымъ для основанія морской станціи. По дипломатическимъ соображеніямъ, Чу-Сима былъ, однако, потомъ очищенъ, послѣ чего и занятъ японцами. Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими мелкими сосѣдними островами, Чу-Сима теперь составляетъ часть имперіи Микадо.

Все это плодородные острова съ благодатнымъ климатомъ и трудолюбивымъ мирнымъ населеніемъ корейцевъ и японцевъ. Тропическое теченіе Кюра-Сива проникаетъ сюда изъ Великаго океана и омываетъ эти острова, надѣляя ихъ тепломъ и влагою. Это же благодатное теченіе, въ струю котораго мы вступили вечеромъ 23 октября, даровало и намъ теплоту послѣ суровыхъ холодовъ, сопровождавшихъ насъ двое сутокъ въ Японскомъ морѣ. Благодаря наступившему теплу, можно, наконецъ, ночевать на палубѣ, чѣмъ я немедленно спѣшу воспользоваться. Дѣло въ томъ, что и я не успѣлъ во время запастись каютою и пріютился со своей койкой, вмѣстѣ съ нѣсколькими такими же несчастливцами, въ крытой палубѣ, нѣсколько приспособленной для насъ и отгороженной отъ прочей. Помѣщеніе довольно грязное и душное... Открытая палуба является лучшимъ утѣшеніемъ и спасеніемъ. Тентъ уже натянутъ, а потому не мѣшаетъ мнѣ и маленькій дождикъ, накрапывающій втеченіе цѣлой ночи. Утромъ прояснѣло и, при полномъ солнечномъ освѣщеніи, въ это утро 24 октября «Петербургъ» взошелъ на рейдъ японскаго порта Нагасаки. Сегодня я вторично посѣщаю привѣтливую гавань этого веселаго японскаго городка. Первый разъ посѣтилъ я его въ 1891 году. Съ краткаго описанія этого перваго посѣщенія я и начну ознакомленіе читателя съ моими летучими впечатлѣніями Японіи.

19 апрѣля 1891 года. Я на пути изъ Одессы во Владивостокъ:

Солнечное апрѣльское утро. Яркое солнце заливаетъ мягкія зеленыя горы съ ихъ рощами и группами японскихъ хижинокъ, синюю зеркальную гладь спокойной бухты, могущественную русскую эскадру на рейдѣ и живописно рисующійся въ глубинѣ бухты городокъ. Встрѣчу намъ идущій пароходъ «Байкалъ» владивостокскаго коммерсанта М. Г. Шевелева обмѣнивается съ нами салютомъ. Фрегатъ «Адмиралъ Нахимовъ», мимо котораго мы проходимъ въ близкомъ разстояніи, привѣтствуетъ насъ музыкою. Вокругъ снуютъ мелкіе японскіе парусники. Японскія шлюпки спѣшатъ къ нашимъ бортамъ въ то время, какъ «Петербургъ» бросаетъ якорь и спускаетъ трапъ. Нагасаки—это послѣдняя наша остановка на пути изъ Одессы во Владивостокъ, первая встрѣча съ русскими и единственное на всемъ длинномъ пути нашемъ прикосновеніе къ независимому туземному государству и самостоятельной не европейской культурѣ. Предполагается простоять здѣсь не болѣе шести-семи часовъ (сколько нужно для нагрузки угля и возобновленія запаса провизіи). Надо поэтому спѣшить, чтобы успѣть хотя бѣгло увидѣть эту оригинальную, столь не похожую на все намъ извѣстное жизнь. Въ 1853 году здѣсь Гончарова водили подъ конвоемъ и онъ могъ лишь досыта любоваться красивыми берегами. Теперь мы свободны гулять, гдѣ угодно, но за то, вмѣсто многихъ недѣль, проведенныхъ здѣсь нашимъ знаменитымъ соотечественникомъ, мы располагаемъ нѣсколькими часами.

Инженеръ П. съ женою, десятилѣтняя Лиля Н. и я съ Цейлона составили маленькое общество, вмѣстѣ осматривавшее посѣщаемыя мѣста. Сегодня въ томъ же составѣ спѣшимъ съѣхать на берегъ. Крохотная японская шлюпка принимаетъ насъ и мы съ трудомъ размѣщаемся въ ней. Японцы отличаются малымъ ростомъ и, сообразно своимъ размѣрамъ, строятъ и дома, и улицы, и входы, и суда. Для лицъ, обладающихъ вполнѣ европейскимъ ростомъ, это часто бываетъ не совсѣмъ удобно, а иногда и совсѣмъ не удобно. Въ такомъ печальномъ положеніи чувствую я себя на шлюпкѣ. Она, какъ и всѣ япон-

скія шлюпки, крытая, но это-то обстоятельство и огорчаетъ меня. Хотя сидѣніе устроено такъ низко, что колѣни мои стремятся приблизиться къ подбородку, тѣмъ не менѣе крыша всетаки дѣлаетъ насиліе надъ моею головою, которой я лишь съ большимъ трудомъ нахожу помѣщеніе по сосѣдству съ своими колѣнями. Это называется согнуть человѣка въ бараній рогъ, положеніе, въ которое попасть не совѣтую читателю. Если, обладая европейскимъ ростомъ, онъ попадетъ въ Японію, то пусть избѣгаетъ этой крытой западни, а остается (какъ я и дѣлалъ впослѣдствіи) на носу. Это вызываетъ неудовольствіе гребцовъ, потому что ихъ затрудняетъ, но лишніе двадцать центовъ способны устранить какое угодно затрудненіе. Въ крытомъ же помѣщеніи на кормѣ не страдала, кажется, одна только Лиля.

На пристани насъ встрѣтила цѣлая толпа дженнери, предлагавшихъ свои услуги прокатить по городу. Читатель, вѣроятно, не знаетъ, что такое дженнери? Это довольно странное учрежденіе, которое вы можете увидѣть въ англійскихъ колоніяхъ, гдѣ есть туземное населеніе, а также и въ Японіи. Не знаю, кѣмъ оно изобрѣтено: услужливыми японцами, или надменными бриттами, презирающими туземцевъ?.. Это—упряжные люди. Въ оглобли небольшого кабріолета впрягается человѣкъ и везетъ пассажира большею частью довольно скорою рысью, иногда даже галопомъ:—странное и непріятное зрѣлище. Индусы этимъ занимаются на Цейлонѣ, китайцы—въ Сингапурѣ и японцы—въ Нагасакахъ. Ни въ Коломбо, ни въ Сингапурѣ мы не рѣшились воспользоваться этими упряжными ближними; тамъ были другіе способы сообщенія. Здѣсь же, кромѣ дженнери и носилокъ, которые таскаютъ тоже упряжные люди, оказывается нѣтъ иныхъ экипажей, да чрезвычайно узкія улицы и не позволяютъ другого движенія. Сами кабріолеты здѣсь гораздо меньше. Въ Сингапурѣ я видалъ по двое европейцевъ въ кабріолетѣ китайца-дженнери. Здѣсь же всѣ кабріолеты устроены на одного пассажира. Послѣ нѣкотораго совѣщанія, все же нѣ-

сколько сконфуженные, мы размѣщаемся въ четырехъ кабріолетахъ и заказываемъ объѣздъ главныхъ улицъ города и посѣщеніе храма. Большинство дженнери немного говорятъ по-русски, что очень облегчаетъ прогулку. Какъ всѣ японцы, они очень привѣтливы, любезны и разговорчивы. Невольно вспоминаются сказки о бесѣдахъ героевъ съ ихъ конями, роль которыхъ обязательно исполняютъ эти любезные люди, любезно замѣняющіе вамъ лошадь и любезно бесѣдующіе съ вами, поскольку знаніе языка то дозволяетъ. Костюмъ японскіе дженнери носятъ довольно легкій. Порою только однѣ шаровары, или что-то ихъ замѣняющее (за покрой не ручаюсь). Часто къ этому прибавляется короткій балахонъ на голое тѣло, сквозящее отовсюду. На головѣ носится очень оригинальная шляпа. Обручикъ надѣвается на голову, а къ окружности обручика укрѣплена на нѣкоторомъ разстояніи грибообразная покрышка. Она нигдѣ не прикасается къ головѣ, представляя скорѣе зонтикъ, укрѣпленный на головѣ, нежели шляпу. Вполнѣ защищая отъ южнаго солнца и отъ дождя, этотъ оригинальный инструментъ оставляетъ свободное движеніе воздуха, чѣмъ, конечно, очень умѣряетъ зной. Англичане воспользовались этою идеею и для своихъ тропическихъ колоній изобрѣли шляпы аналогичной системы.

Довольно долго возили насъ по узкимъ улицамъ Нагасакъ. Двухъ и трехъ-этажные дома, много лавокъ и магазиновъ, масса народа на улицахъ, постоянные спуски и подъемы, но болѣе всего общая любезная привѣтливость японскаго населенія запоминается изъ этой прогулки. Я не видалъ народа болѣе любезнаго и привѣтливаго, чѣмъ японцы. Улыбки сопровождаютъ нашу прогулку, куда мы ни проникаемъ. Женщины въ этомъ отношеніи соперничаютъ съ мужчинами. И хорошенькія личики миніатюрныхъ японокъ привѣтствуютъ насъ отовсюду. Дѣти не отстаютъ отъ взрослыхъ. Любезная готовность оказать услугу сказывается при всякомъ удобномъ случаѣ. Но притомъ вы не замѣтите назойливаго любопытства дикаря. Культурная сдер-

жанность и воспитанность видны во всемъ. Доброжелательная природа японцевъ невольно и сразу завоевываетъ симпатію. Мы вернулись изъ нашей коротенькой прогулки положительно очарованными этимъ милымъ народомъ, мирнымъ, трудолюбивымъ, доброжелательнымъ.

Покруживъ насъ по улицамъ города, насъ вывезли на гору, на которой стоитъ большой храмъ съ изваяніемъ громадной лошади передъ главнымъ портикомъ. Храмъ этотъ есть святилище первобытной японской религіи, извѣстной подъ именемъ Синто. Монголы, завоевавшіе японскіе острова, застали туземцевъ, исповѣдывавшихъ эту религію, и отъ нихъ ее переняли сами. Впослѣдствіи буддизмъ проникъ въ Японію и сдѣлался ея господствующею религіей, но рядомъ сохранилась и древняя національная вѣра, испытавшая, впрочемъ, нѣкоторую реформу подъ буддійскимъ вліяніемъ. Къ храму ведетъ широкая лѣстница; на площадкѣ стоитъ изваяніе коня; храмъ довольно красивой архитектуры, кругомъ садъ. Отъ главнаго портика идетъ внутрь зданія неширокій полутемный корридоръ, въ концѣ котораго стоитъ, какъ намъ передавали, главный идолъ храма. Я видѣлъ его фотографію и не могу сказать, чтобы это изображеніе внушило мнѣ благоговѣніе, или даже навело на какія либо поучительныя размышленія. Конечно, этотъ кумиръ—не Будда и не Вишну, не Озирисъ и не Молохъ, не Зевсъ и не Ормуздъ... Безвѣстное созданіе безвѣстнаго народа, онъ не принималъ участія во всемірной исторіи, не покорялъ своему деспотизму великихъ историческихъ народовъ, какъ Сива, Молохъ или Ариманъ, и не звалъ ихъ къ свѣту и правдѣ, какъ Будда или Ормуздъ. Онъ не участвовалъ во всемірной исторіи и всемірная исторія не знаетъ его. Когда его поклонники начинаютъ вовлекаться въ круговоротъ всемірной исторіи, его дни уже сочтены и его легенды ничего не внесутъ творческаго и обновляющаго въ жизнь человѣчества!

Мы пришли къ храму какъ разъ во время, къ началу богослуженія. Вдоль главнаго корридора, уже упомянутаго выше

и ведущаго къ статуѣ божества, сидѣли по бокамъ на полу служители храма въ голубыхъ мантіяхъ и въ высокихъ шляпахъ, вродѣ митръ, на головахъ. Они что то произносили и кланялись. Въ отгороженномъ небольшомъ пространствѣ сада, посрединѣ, стоялъ громадный котелъ, въ которомъ кипятилась вода. Вокругъ этого котла ходили служители, тоже одѣтые въ мантіи, что то произносили, бросали какія-то травы, варили ихъ, вынимали, кропили водою окрестность, удалялись въ храмъ и выходили опять. Все это продолжалось не менѣе часа, если не долѣе. Мы стояли среди молящейся толпы и ничего не понимали. Конечно, все это имѣетъ какое нибудь символическое значеніе, можетъ быть, много поэзіи и даже философской мысли... Намъ это осталось неизвѣстнымъ. Ничего не сообщу объ этомъ и читателю, который мнѣ проститъ, что я для него не порылся въ какихъ-нибудь спеціальныхъ книжкахъ и не представилъ историческаго объясненія. Я пишу только свои впечатлѣнія, а что весь этотъ культъ имѣетъ свой смыслъ и возбуждаетъ благоговѣніе, поклоненіе и исповѣданіе своихъ послѣдователей, мы съ читателемъ понимаемъ и безъ спеціальныхъ книжекъ и ихъ эрудиціи. Разными путями человѣчество старалось разгадать тайны природы и войти въ общеніе съ нею, добиться отъ нея правды и счастья. И эти непонятные обряды являются однимъ изъ выраженій той же понятной намъ цѣли. И если доброжелательная, привѣтливая природа японскаго народа хотя отчасти этими своими качествами обязана своей религіи, то не напрасно существовала эта религія и не вотще ея поклонники въ благоговѣніи слушали это непонятное намъ служеніе, исполняли эти обряды... Пусть же каждый молится по своему, лишь-бы эта молитва была о справедливости и добрѣ. Не дастъ этой справедливости, не даруетъ этого добра ни статуя Синто, ни изображеніе Будды, ни стихи Корана, но молитва о справедливости и добрѣ создаетъ въ сердцѣ молящагося престолъ справедливости и добра.

Погулявъ по гористому саду, окружающему храмъ, мы вер-

нулись къ нашимъ дженнери и заказали везти насъ въ ресторанъ, но не европейскій, которыхъ довольно много въ Нагасакахъ, а въ японскій. Мы полагаемъ, что посѣщаемъ ресторанъ съ цѣлью изученія страны! Конечно, только съ этою цѣлью... Мы хотимъ позавтракать совершенно по японски, чтобы имѣть понятіе и объ этой сторонѣ посѣщаемой нами страны. Насъ встрѣчаютъ привѣтливыя молодыя дѣвушки, дочери содержательницы ресторана, которая и сама скоро выходитъ къ намъ. Большая часть небольшихъ комнатъ, предназначенныхъ для обѣда, убраны, дѣйствительно, по японски. Низенькія, въ четверть аршина высотою, возвышенія, покрытыя скатертями, занимаютъ средину каждой комнаты. Эти возвышенія замѣняютъ столы; кругомъ надо садиться на полъ, гдѣ разложены подушки. Мы проходимъ мимо въ комнату немного больше. Здѣсь настоящій столъ сервированъ по европейски, со стульями вокругъ. Любезныя хозяйки хлопочутъ, чтобы насъ угостить по европейски, ставятъ европейскую посуду, достаютъ консервы, подаютъ супъ и бифштексъ. Мы, какъ авгуры, не переглядываемся и свершаемъ обрядъ ознакомленія съ японскою кухнею, уничтожая европейскія блюда. Аппетитъ чрезвычайно мѣшаетъ любознательности, а низшія потребности легко одерживаютъ верхъ надъ благородными намѣреніями! Родная «очищенная» вдовы Поповой, пиво завода Калинкина, воронцовское вино,—все добыто радушными дѣвицами и украшаетъ нашъ столъ. Дѣвицы сидятъ съ нами за однимъ столомъ и зорко слѣдятъ, чтобы ни тарелки, ни рюмки наши не оставались праздными. Сначала это сидѣніе за однимъ столомъ съ прислуживающими какъ-то странно съ непривычки. Легко сообразить, однако, что это только достойно, ни больше-ни меньше. Добрыя дѣвушки держатъ себя съ такимъ достоинствомъ и съ такою любезностью, что невольно принимаешь ихъ угощеніе скорѣе за радушіе, нежели за услуги. Всѣ трое сестеръ довольно миловидны, одна же даже очень хорошенькая. Всѣ, должно быть, очень молоды и могутъ связать нѣсколько русскихъ фразъ. Мать ихъ, среднихъ лѣтъ женщина, тоже можетъ выражаться на нашемъ языкѣ. Ее чрезвычайно трогаетъ присутствіе среди насъ малолѣтней Лили. Всячески старается она выразить ей свою симпатію и словами, и ласками, а на прощаніе выноситъ ей въ подарокъ и на счастье какіе-то амулетики. Ознакомившись, такимъ образомъ, съ японскою кухнею и подкрѣпивъ свои силы, мы продолжаемъ нашу прогулку, посѣщая магазины и лавки и знакомясь съ разными произведеніями интересной японской промышленности. Объ этомъ я буду говорить подробнѣе ниже, а теперь пора и заключить эти бѣглыя замѣтки о первомъ посѣщеніи Японіи. Маленькая прогулка втеченіе пяти часовъ — это вся наша опытность. Около обѣденнаго времени «Петербургъ» уже уносилъ насъ отъ гостепріимныхъ береговъ Японіи.

XVII.

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ВЪ НАГАСАКАХЪ.

Приходъ 24 Октября.—Проливъ.—Виды.—Сравненіе съ другими проливами.—Характеръ Японской природы.—Прогулка.—Рынокъ.—Неожиданный товаръ.—Женскіе нравы.—Дождь.—На пароходѣ.

24-го октября 1892 года я снова увидѣлъ Нагасакскій рейдъ, пройдя снова длинный живописный проливъ между Японскими островами. Мало морскихъ видовъ, которые могли бы соперничать по красотѣ съ проливомъ, ведущимъ въ Нагасаки. Извилистые Дарданеллы, обставленные высокими пересѣченными берегами, оберегаемые причудливыми развалинами старыхъ могущественныхъ замковъ, украшенные рѣдкими группами темныхъ деревьевъ на свѣтло-зеленомъ фонѣ травяной растительности, угнетаемые многочисленными грозными батареями и редутами; вытянутый въ струну Суэцкій каналъ, съ низкими плоскими берегами, съ далекою перспективою сожженной пустыни, отливающей бѣловатыми, желтоватыми, лиловатыми тонами, съ мелкими разливами воды, усѣянными фламингами, марабу, разными мелкими пернатыми, съ отдѣльными группами ласкающихъ взоръ финиковыхъ пальмъ; сѣрые трахиты Бабъ-эль-Мандеба, выдѣляющіеся на панорамѣ океана; густо-зеленыя пятна атолъ Малайскаго архипелага, покрывающія узоромъ лазоревую поверхность моря,—все это красиво и живописно въ своемъ родѣ. Это безконечное разнообразіе сочетаній моря, суши, зелени, человѣческаго труда и надъ всѣмъ раскинув-

шагося небеснаго купола, это чудесное смѣшеніе красокъ и линій на величественномъ фонѣ изъ моря и неба, этой оправы, которая всему придаетъ столько рельефа и колорита,—никогда не повторяется и никогда не утомляетъ вниманія. Но среди всѣхъ этихъ картинъ встрѣчаются исключительно прекрасныя, никогда не забываемыя. Таковы виды Босфора, которые переносятъ васъ въ какой-то волшебный міръ, гдѣ красота береговыхъ линій соперничаетъ съ роскошною растительностью; растительность оспариваетъ вниманіе у историческихъ воспоминаній, на васъ смотрящихъ изъ величавыхъ остатковъ старины многихъ вѣковъ, народовъ и цивилизацій, а эти историческіе памятники, въ свою очередь, стараются заслонить собою красоту современной человѣческой жизни, раскинувшейся по этимъ берегамъ, среди этой растительности, вокругъ этихъ незабвенныхъ воспоминаній... Таковы тоже виды Маллакскаго пролива, но здѣсь нѣтъ ни историческихъ воспоминаній, ни человѣческой жизни, преобразившей природу. Здѣсь только эта первозданная природа; громадныя горы, уходящія въ облака; несравненная сила растительности, окутавшая эти громады; молніи, бороздящія эти зеленыя складки и стремнины; тучи, то поглощаемыя стремнинами, то выбрасываемыя ими на небо и затѣмъ буйно несущіяся по небу съ грозою и ливнемъ... Виды пролива, которымъ подходятъ къ Нагасакской бухтѣ, могутъ быть смѣло поставлены на ряду съ этими прославленными картинами. Конечно, здѣсь васъ не объемлетъ, какъ въ Маллакскомъ проливѣ, трепетъ передъ неукротимымъ могуществомъ природы, еще презирающей могущество историческаго человѣчества. Здѣсь не задумаетесь вы и передъ памятниками дѣятельности этого историческаго человѣчества, развертывающими на берегахъ Босфора длинный свитокъ страданій и борьбы человѣка, медленно, страданіями и борьбою покупающаго власть надъ могуществомъ природы. И природа Японіи не съумѣла отстоять своей свободы. И японская исторія не внесла еще въ исторію человѣчества своихъ воспоминаній, своихъ страданій и побѣдъ... Въ

томъ и другомъ смыслѣ, красивые берега Нагасакскаго пролива молчатъ и ничему не научаютъ европейца, ни предстоящей еще борьбѣ, ни одержаннымъ уже побѣдамъ. Здѣсь природа покорилась человѣку, а человѣкъ предоставилъ другимъ народамъ дѣлать всемірную исторію и приготовлять лучшее будущее всему человѣчеству. Союзъ съ благодатною природою даровалъ здѣсь человѣку достаточно сносное настоящее, чтобы заботу о будущемъ уступить другимъ народамъ, менѣе счастливымъ или болѣе требовательнымъ. За то этотъ сердечный союзъ человѣка и природы придаетъ особую прелесть и безъ того красивому проливу. Берега столь же украшены жилищами человѣка, какъ и рощами деревьевъ или зеленью травяной растительности. Воды щеголяютъ своею лазурью такъ же, какъ и оживленіемъ всюду снующихъ большихъ и мелкихъ, парусныхъ и гребныхъ, всевозможныхъ конструкцій и формъ судовъ. Здѣсь ни человѣкъ не обездолилъ природу (какъ это онъ съумѣлъ сдѣлать напр. на берегахъ Эгейскаго моря), ни природа не лишила человѣка даровъ своихъ, какъ то видимъ въ Суэцѣ или Бабъ-эль-Мандебѣ. И это общеніе ласковой природы и привѣтливаго человѣка придаетъ много сердечной прелести живописнымъ горамъ и островамъ, среди которыхъ утромъ 24 октября, какъ уже упомянуто выше, мы вошли въ Нагасакскую бухту и бросили якорь въ довольно значительномъ разстояніи отъ берега. Отходимъ сегодня передъ обѣдомъ. Опять небольшая прогулка втеченіе четырехъ-пяти часовъ и окончательно прощай, веселая и любезная Японія!

Высадившись на берегъ, я пошелъ пѣшкомъ побродить по городу. Ѣхать за городъ, за короткостью стоянки, нѣтъ времени, а осматривать въ городѣ нечего. Храмъ и магазины осмотрѣны мною въ 1891 году и вновь меня не привлекаютъ. Съ двумя спутниками забрелъ я на рынокъ, благоустроенный, крытый. Послѣднее для насъ очень кстати, такъ какъ начался дождь. Я искалъ на рынкѣ бамбуковую палку съ рельефными изображеніями на ней разныхъ миѳологическихъ сюжетовъ. Ихъ было

много, но такихъ, какихъ я хотѣлъ, не нашлось. За то купилъ за двадцать центовъ (тридцать копѣекъ) японскую картину на стеклѣ. Японское искусство, въ отношеніи перспективы и ретушевки, очень мало ушло отъ китайскаго. Тѣмъ не менѣе, пейзажъ на картинѣ, мною купленной, очень красивъ. Ансамбль, конечно, даетъ изображеніе, не похожее ни на что существующее въ природѣ, но каждая отдѣльная подробность очень вѣрно воспроизводитъ дѣйствительность. Все же вмѣстѣ можетъ нравиться искуснымъ сочетаніемъ линій и красокъ, какъ порою намъ нравятся арабески, или узоры персидскаго ковра. Рынокъ представляетъ обширный запутанный лабиринтъ корридоровъ и проходовъ, по которымъ мы и бродимъ, не торопясь. На одномъ изъ перекрестковъ этого лабиринта насъ остановилъ пожилой японецъ. Думая, что онъ желаетъ предложить намъ какой-либо товаръ, мы повернулись въ сторону его навѣса. Оказывается, что джентльменъ этотъ предлагаетъ намъ товаръ совершенно особаго свойства, собственную дочь, хорошенькую дѣвочку лѣтъ четырнадцати или пятнадцати! Нѣжный папаша на ломанномъ русскомъ языкѣ выхвалялъ ея достоинства и ручался за ея невинность; дѣвица привѣтливо улыбалась... Мы въ ужасѣ отшатнулись и поскорѣе пошли дальше. Хотя мы ѣхали изъ Владивостока и японскіе нравы были уже намъ не безъизвѣстны, тѣмъ не менѣе картина отца, выводящаго свою дочь на рынокъ, взволновала насъ и мы пропустили нѣсколько корридоровъ безъ вниманія. Выходя съ рынка, намъ пришлось снова пройти этимъ памятнымъ перекресткомъ. Продавца не было, дѣвица покорно сидѣла на прежнемъ мѣстѣ и улыбнулась намъ, какъ старымъ знакомымъ.

Я не знаю, дозволяется ли въ Японіи продавать на рынкѣ своихъ дочерей. «На рынкѣ» это, вѣроятно, злоупотребленіе, но должно быть не очень рѣдкое. Предложеніе намъ было сдѣлано открыто. Одному моему знакомому точно такъ же въ 1891 году мать предложила на выборъ одну изъ двухъ молоденькихъ дочерей своихъ, и онѣ, съ своей стороны, относились къ

этому торгу такъ же равнодушно, а къ возможному покупателю такъ же привѣтливо. Когда мы возвратились на пароходъ и разсказали наше приключенiе, намъ въ отвѣтъ сообщили другое. Нѣсколько пассажировъ «Петербурга» брели по улицѣ, въ томъ числѣ одинъ финляндецъ, молодой человѣкъ, видавшiй, однако, виды. На одной изъ людныхъ улицъ повстрѣчалась выходящая изъ дому съ малолѣтнею дѣвочкою и служанкою, молодая, очень красивая и нарядно одѣтая японка. Прельщенный ею, нашъ финляндецъ развязно къ ней подходитъ и знаками объясняетъ свой восторгъ и свою любовь. Японская дама тоже знаками назначаетъ цѣну, два доллара. Финляндецъ согласенъ и служанка получаетъ отъ своей госпожи порученiе заняться покуда ребенкомъ. Этому чудовищному торгу было нѣсколько свидѣтелей! Если къ этому прибавить, что на всемъ протяженiи отъ Сингапура на сѣверъ до Владивостока и далѣе до Николаевска, Хабаровки и Благовѣщенска, по всему побережью Великаго океана, японки составляютъ главный и даже почти единственный контингентъ проституцiи, то можно придти къ очень печальнымъ заключенiямъ о развращенности нравовъ этого привѣтливаго и доброжелательнаго народа. Однако, надо посмотрѣть на дѣло и съ другой стороны... Въ этомъ смыслѣ мнѣ извѣстны очень интересные, хотя и отрывочные, не систематизированные и не прокритикованные факты. Ниже мы поговоримъ объ этомъ особо, болѣе подробно и постараемся разгадать эту загадку безнравственнаго поведенiя народа, вообще не безнравственнаго.

Дождикъ продолжалъ накрапывать, когда мы вышли съ рынка и разбрелись въ разныя стороны, сообразно своимъ склонностямъ. Я полагалъ побродить по улицамъ и подняться на холмы, окружающiе городъ, чтобы полюбоваться видами этого живописнаго уголка. Усилившiйся дождь разстроилъ мои намѣренiя. Нѣсколько разъ спасался я отъ него въ разныхъ лавкахъ, кое-что покупая для дороги и для воспоминанiя и, наконецъ, укрылся въ ресторанѣ, гдѣ и просидѣлъ до времени отъѣзда на пароходъ. Только къ этому часу дождь прекратился. Прогулка вышла до-

вольно неудачною. Какъ бы поддразнивая меня, солнце осилило тучи какъ разъ въ то время, какъ я входилъ по трапу «Петербурга». Освѣженная дождемъ природа роскошно зеленѣла подъ лучами склоняющагося къ западу солнца. Эта яркая зелень, это благоухающее тепло, теплая ласковая волна, голубое небо особенно радуютъ и веселятъ взоръ послѣ глухой холодной владивостокской осени, нами оставленной три дня тому назадъ.

XVIII.

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЯПОНІИ.

> Пью за здравіе Мери... Можно краше быть Мери... Но нельзя быть милѣй доброй, ласковой Мери.
>
> *А. Пушкинъ.*

Факты и слухи.—Временные браки.—Драма русскаго моряка и японки.—Измѣна.—Взглядъ на измѣну и проституцію.—Японскія чайныя.—Древній гетеризмъ.—Два пути къ моногаміи.—Не здѣсь-ли надо искать объясненія?—Европейское вліяніе.

Выше я натолкнулся на нѣкоторые факты при посѣщеніи Нагасакъ, весьма страннаго, чтобы не сказать болѣе, характера. Я обѣщалъ подробнѣе остановиться на нихъ и изъ сопоставленія съ другими, мнѣ извѣстными, постараться выяснить ихъ значеніе. Я уже упомянулъ, что извѣстные мнѣ факты отрывочны, не систематизированы и не прокритикованы. За что купилъ, за то и продаю. Я собиралъ, во всякомъ случаѣ, только такіе, которые передавались мнѣ людьми правдивыми. Попробуемъ, однако, разобраться въ этой японской «безнравственности».

Общеизвѣстенъ существующій въ Японіи обычай временныхъ браковъ, заключаемыхъ на опредѣленный срокъ. Кажется, японское правительство теперь приняло мѣры къ ограниченію и регулированію этого старинняго обычая въ примѣненіи его къ иностранцамъ, временно пребывающимъ въ Японіи. До недавняго времени, однако, ни законъ, ни обычай не дѣлали никакого въ этомъ отношеніи различія между японцами и иностранцами.

Временно пребывающіе въ Японіи иностранцы, оставлявшіе большею частью свои семьи на родинѣ, широко пользовались этимъ японскимъ установленіемъ. Наши моряки, конечно, въ томъ числѣ. Извѣстно, что русская тихо-океанская эскадра зимуетъ постоянно въ Нагасакахъ (всѣ русскіе тихо-океанскіе порты замерзаютъ зимою). Естественно, что многіе изъ нашихъ моряковъ заключали въ Нагасакахъ временные браки на тѣ нѣсколько лѣтъ, сколько обыкновенно судно бываетъ въ плаваніи въ водахъ Тихаго океана. Естественно поэтому также, что въ Владивостокѣ циркулируетъ много разсказовъ изъ семейной жизни нашихъ моряковъ въ Нагасакахъ. Общій отзывъ о характерѣ японокъ, ихъ воспитанности, ихъ добромъ и привязчивомъ сердцѣ, ихъ отличныхъ качествахъ, какъ хозяекъ и матерей, — сводится къ обрисовкѣ самаго симпатичнаго и нѣжнаго женскаго образа. Одного не могли будто-бы никогда понять эти любящія жены, зачѣмъ это ихъ европейскіе мужья желаютъ, чтобы онѣ соблюдали имъ вѣрность лѣтомъ, во время плаванія эскадры, когда жены остаются однѣ? Зимою онѣ всегда были вѣрны своимъ мужьямъ и развращенными или даже вѣтренными ихъ никто не рѣшался называть. Вѣрность въ отсутствіе мужа не входитъ, однако, въ кодексъ ихъ морали. Мнѣ передавали одинъ поистинѣ трогательный эпизодъ. Молодой и холостой морской офицеръ познакомился съ пользующеюся общимъ уваженіемъ японскою зажиточною семьею. Красивая, только вышедшая изъ дѣтства, дочь этой семьи очень понравилась нашему молодому человѣку. Взаимность была имъ заслужена и родители благословили временный бракъ влюбленныхъ. Зиму провели они очень счастливо. Красота, нѣжность, доброта и умъ молодой жены окончательно покорили сердце мужа, который полюбилъ ее столь же нѣжно и страстно, сколько прочно и глубоко. Онъ рѣшился временный бракъ обратить въ постоянный и увезти эту прелестную женщину съ собою въ Россію, когда кончится срокъ его дальняго плаванія. Спѣшить было нечего, однако. Онъ проводилъ свою первую зиму изъ обычныхъ трехъ. Ихъ временной бракъ признавался всѣми законнымъ,

и семейное положеніе не представляло никакихъ неудобствъ. Хотѣлось получить благословеніе изъ Россіи отъ родителей. Надо было наставить молодую въ догматахъ христіанской вѣры и окрестить. Среди этихъ заботъ и неоконченныхъ приготовленій наступила весна, и счастливый мужъ съ горестью разстался съ милою женою. Недолгая разлука, правда съ мая по октябрь, никакъ не дольше, но для влюбленныхъ и эти пять мѣсяцевъ могутъ показаться вѣчностью. Такою вѣчностью она была для молодого мужа... Онъ не сомнѣвался въ своей милой. Пусть разсказываютъ о другихъ японкахъ, что угодно, но это не относится къ его женѣ, чистой, нравственной, горячо любящей! Наконецъ, наступаетъ желанный день, красивый фрегатъ бросаетъ якорь на рейдѣ Нагасакъ и счастливый мужъ спѣшитъ обнять любимую жену... Радость встрѣчи должна быть описана перомъ художника. Прелестная женушка неподдѣльно счастлива возвращеніемъ нѣжно любимаго мужа, а мужъ плаваетъ въ блаженствѣ... Но что это за молодой человѣкъ, очевидно, живущій въ квартирѣ и теперь собирающій свои пожитки, чтобы удалиться?

— Съ твоимъ возвращеніемъ онъ, конечно, немедленно исчезнетъ,—отвѣчаетъ нѣжная жена, сіяя счастливою улыбкою.—На этомъ условіи я его и приняла послѣ твоего отъѣзда...

Ударъ, сразившій молодого человѣка, былъ слишкомъ неожиданъ и слишкомъ жестокъ. Всѣ его мечты о счастьѣ, любви, семейныхъ радостяхъ разсѣялись какъ дымъ... Вмѣсто вѣрной, любящей жены онъ видѣлъ въ ней коварную измѣнницу. Вмѣсто чистой, прелестной женщины, матери его будущихъ дѣтей, ему представилась она гнусною развратницей. Блѣдный, сраженный обидою и горемъ, онъ немедленно оставилъ ея домъ и порвалъ съ ней всякія отношенія. Ея страшное горе, горькія слезы, болѣзнь, сразившая ее отъ горя, ничто не могло возстановить нарушенное счастье...

— О, если бы я знала, что это тебѣ непріятно,—твердила она ему передъ разлукою, я бы никогда не приняла этого молодого человѣка... Я такъ тебя люблю, зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ раньше?

Но какъ могъ сказать онъ ей раньше? Это значило бы оскорбить ее, унизить свое чувство, разрушить счастье самимъ подозрѣніемъ! Глубоко сраженная отчаяніемъ, бѣдная женщина вернулась въ домъ своихъ родителей, а оскорбленный мужъ—въ свою холостую каютку на грозномъ фрегатѣ... Дальнѣйшей судьбы молодыхъ людей мнѣ не передавали, да она и не представляетъ интереса для нашего вопроса... Разсказанная же мною со словъ одного моряка, исторія эта представляетъ глубокій интересъ и проливаетъ лучъ свѣта на эти странные нравы, которые, мѣряя на нашъ аршинъ, мы готовы назвать развратными и безнравственными. Но бѣдная молодая женщина съ своей точки зрѣнія не была ни развратна, ни безнравственна. Если осудить ея связь съ этимъ молодымъ японцемъ въ отсутствіе русскаго моряка, то надо осудить и ея связь съ этимъ самымъ морякомъ!.. И та, и другая связь временная, но и та и другая въ свой срокъ единственная и безкорыстная. Для временнаго русскаго она готова была пожертвовать временнымъ японцемъ, даже въ отсутствіе русскаго, но это для нея именно и было бы даромъ любви, а не дѣломъ долга. Свои обязанности, какъ она ихъ понимала, она строго выполняла и своего поступка не скрывала отъ мужа. Она не обманывала,—это несомнѣнно, но она и не измѣняла и не развратничала съ своей точки зрѣнія. Эта-то «точка зрѣнія» и составляетъ центръ всего вопроса... Въ чемъ она заключается, эта особая японская точка зрѣнія, я не рѣшаюсь утверждать съ достовѣрностью, но представлю еще нѣкоторые факты, а затѣмъ позволю себѣ и нѣкоторыя соображенія, которыя, мнѣ кажется, могутъ нѣсколько освѣтить этотъ сложный и щекотливый вопросъ.

Мой рабочій кабинетъ во Владивостокѣ находился во второмъ этажѣ и окномъ своимъ (у котораго я работалъ) выходилъ во дворъ, отдѣленный невысокимъ заборомъ отъ сосѣдняго двора, гдѣ въ небольшомъ домикѣ проживало зажиточное японское семейство. Открытый обширный дворъ этихъ сосѣдей съ группами кое-гдѣ разбросанныхъ невысокихъ деревьевъ былъ виденъ изъ

моего окна, какъ на ладони. Скромная, тихая жизнь этой почтенной семьи однимъ лѣтнимъ днемъ была нарушена оживленнымъ празднествомъ. Маленькій домикъ былъ слишкомъ тѣсенъ для многочисленныхъ гостей и хозяева сдѣлали во дворѣ, среди группъ деревьевъ, обширный полотняный навѣсъ на столбахъ. Въ тѣни этого навѣса и было приготовлено угощеніе. Изъ моего окна были ясно различимы лица собравшихся гостей. Самые почетные представители японской колоніи были на лицо, вмѣстѣ съ своими семьями. Въ ихъ числѣ мнѣ указали японскаго консула во Владивостокѣ. Меня поразило преобладаніе японской женской молодежи среди собравшихся на празднество. Молодыя красивыя женщины положительно заслоняли своею численностью остальную публику. Выраженное мною удивленіе скоро получило совершенно неожиданное для меня объясненіе. Интересно было поглядѣть на японскій праздникъ и ко мнѣ въ кабинетъ собралось довольно любопытныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе опытные, сообщили, что въ этой женской молодежи, такъ весело, на равной ногѣ, проводившей время съ почтенными японскими семьями, они узнаютъ многочисленныхъ японскихъ пансіонерокъ веселыхъ домовъ Владивостока. Я уже упомянулъ, что во Владивостокѣ главный контингентъ проституціи составляютъ японки... Оказывается, что онѣ приняты въ почтенныхъ буржуазныхъ японскихъ семьяхъ! Какъ же смотрятъ японцы на ихъ ремесло? Предосудительна ли въ ихъ глазахъ проституція? Припомнимъ теперь кстати отца японца, предлагавшаго продать свою дочь; мать, продававшую своихъ дочерей; японскую даму, плѣнившую смѣлаго финляндца; японскихъ проститутокъ, заполоняющихъ всѣ азіятскіе берега Тихаго океана... Всѣ эти факты не находятъ ли себѣ объясненія въ фактѣ, мною видѣнномъ изъ окна моего рабочаго кабинета и вышеописанномъ? Помнится мнѣ, гдѣ-то я читалъ, что въ Токіо, столицѣ Японіи, существуютъ (или существовали) чайныя, въ которыхъ угощали посѣтителей молодыя дѣвушки, дочери лучшихъ фамилій, причемъ онѣ предавались здѣсь же и проституціи. Это былъ будто бы обычай для дѣвушки проводить нѣкоторое время въ подобныхъ

чайныхъ, что не мѣшало не только выходить имъ замужъ, но и быть потомъ примѣрными женами и матерями.

Таковы факты. Отрывочные, не систематизированные, не прокритикованные, но всетаки факты, совершенно дикіе и непонятные съ европейской точки зрѣнія. Попробуемъ, однако, найти другую точку зрѣнія... Давно то было... Человѣкъ жилъ немногочисленными племенами, изолированными, замкнутыми въ себѣ, въ постоянной борьбѣ со всѣмъ окружающимъ міромъ, властными силами природы, неукротимою растительностью лѣсовъ, ядовитыми испареніями болотъ, непобѣдимымъ зломъ неисчислимаго гнуса, кровожадною силою плотояднаго животнаго... Въ томъ числѣ и съ столь же жалкими, слабыми, дикими племенами сосѣднихъ людей... Въ это время общаго отчужденія и горестной борьбы слабаго и немощнаго дикаря съ властною мощью побѣдоноснаго хищничества, племя было всѣмъ для человѣка, его семьею, отечествомъ, религіей. Усопшіе герои его племени были его богами, настоящіе герои — его вождями, женщины—его сестрами и его женами, малолѣтки — его дѣтьми, совокупность племени — его закономъ, обороною, убѣжищемъ. Семьи въ позднѣйшемъ смыслѣ слова не было. Все племя составляло семью. Всѣ женщины были женами всѣхъ мужчинъ, всѣ мужчины были мужьями всѣхъ женщинъ, всѣ дѣти были сыновьями и дочерьми всего племени. Это — эпоха, которую антропологи и этнографы называютъ періодомъ коммунальнаго брака или гетеризма. Послѣднее выраженіе удачнѣе, потому что утверждаетъ не установленіе брака (въ этотъ періодъ никакихъ установленій брачныхъ предполагать невозможно), а только состояніе сознанія. Состояніе это обнимало половыя отношенія и предполагало ихъ полную свободу. Ничего предосудительнаго, противузаконнаго или безнравственнаго люди не видѣли въ этомъ смѣшеніи половъ, гдѣ женщина могла по произволу мѣнять связи, когда хотѣла и какъ хотѣла. Состояніе это длилось гораздо дольше, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ: «Браци у нихъ не бываху»,—говоритъ

Несторъ о сѣверянахъ и вятичахъ, «но игрища между селъ», съ которыхъ каждый мужчина и уводилъ себѣ жену по соглашенію, «оумыкиваху себѣ жены, съ нею же кто свѣщашеся». Остатки гетеризма здѣсь еще ясны, хотя уже могли и должны были возникнуть и нѣкоторыя установленія, регулировавшія дальнѣйшую брачную жизнь.

Черезъ періодъ гетеризма прошло все человѣчество, но далѣе пути его семейной эволюціи далеко разошлись по двумъ сначала прямо противуположнымъ направленіямъ. Значительное большинство племенъ вступило на путь полигаміи и экзогаміи, другіе перешли къ поліандріи и эндогаміи. Впрочемъ, трудно сказать, что большинство избрало первый путь, но несомнѣнно, что въ борьбѣ за жизнь и мѣсто въ исторіи одержали верхъ полигамическія и экзогамическія племена, а поліандрическія и эндогамическія составили невліятельное и безсильное меньшинство, затерявшееся среди торжествующихъ полигамовъ. Оно и естественно: полигамы размножались гораздо быстрѣе, а въ междуплеменной борьбѣ численность играла, конечно, рѣшающую роль. Извѣстенъ процессъ, которымъ гетеризмъ перешелъ въ полигамію. Трудность прокармливать дѣтей вызвала столь распространенный среди дикарей обычай дѣтоубійства, преимущественно дѣвочекъ, какъ не усиливающихъ военныхъ силъ племени. Возникшій отсюда недостатокъ женщинъ повелъ къ похищенію женщинъ изъ другихъ сосѣднихъ племенъ. Соплеменница была свободна и выбирала мужчину по произволу; похищенная явилась рабынею мужа и его единственною исключительною собственностью. Выгоды для мужчинъ этого новаго обычая должны были повести къ его распространенію, т. е. къ установленію экзогаміи, брака съ иноземкою, и вмѣстѣ къ установленію первой постоянной семьи, постояннаго брака. Жена была впервые обязана мужу вѣрностью, потому что она была его собственностью. Дальнѣйшее развитіе привело къ полигаміи; полигамія къ размноженію; размноженіе къ вытѣсненію и истребленію племенъ, не перешедшихъ къ экзогаміи и полига-

міи, а затѣмъ къ образованію большихъ народовъ. Полигамическое племя, выросшее въ большой народъ, фактически поневолѣ переходило къ моногаміи. Для громаднаго большинства негдѣ было взять нѣсколько женъ. Исчезала и экзогамія за отсутствіемъ чуждыхъ племенъ. Но законы противъ кровосмѣшенія оставались памятью экзогамическаго періода, какъ подчиненіе жены мужу и требованіе ея безусловной вѣрности явились послѣдствіемъ эпохи, когда, похищенная силою и порабощенная, она представлялась исключительною собственностью мужа и господина. Намъ не зачѣмъ слѣдить за дальнѣйшими фазами развитія семьи, когда подъ вліяніемъ религіи и просвѣщенія ея формы возвышались и очищались, вырабатывались и упрочивались. Съ насъ довольно знать, что народы, не прошедшіе черезъ періодъ экзогамической полигаміи, не могли выработать и понятія о супружеской вѣрности, о женской воздержности, о предосудительности свободныхъ половыхъ отношеній.

Другая часть человѣчества пошла, какъ я сказалъ, другою дорогою. Такое же истребленіе дѣвочекъ вызвало такой же недостатокъ женщинъ, а этотъ недостатокъ привелъ къ поліандріи или многомужеству. Когда же истребленіе дѣвочекъ прекратилось и равновѣсіе половъ возстановилось, поліандрія естественно перешла въ моногамію. Какъ всюду, моногамія внесла очищеніе и возвышеніе нравовъ, прочную организацію семьи, нѣжныя чувства супружескія и родительскія, всю поэзію и всѣ радости семейнаго счастія но моногамія, естественно развившаяся изъ поліандріи, должна сильно отличаться отъ моногаміи, развившейся изъ полигаміи. Драма молодого русскаго моряка и его любящей жены-японки, выше мною разсказанная, можетъ представить, повидимому, яркую иллюстрацію этого столкновенія двухъ идеаловъ моногамической семьи. Она, въ самомъ дѣлѣ, по своему честная жена, глубоко огорчена разрывомъ, глубоко обижена, что такъ жестоко покинута! Онъ тоже по своему честный мужъ, потрясенный горемъ измѣны, глубоко оскорблен-

ный любимою женщиною! И оба—лучшие, благородные представители своихъ народовъ, стоящіе вполнѣ на высотѣ нравственныхъ понятій, господствующихъ въ ихъ средѣ! Если бы всѣ факты походили только на этотъ романъ двухъ молодыхъ людей, то едва ли нужно было бы искать иныхъ объясненій того, что мы, мѣряя на нашъ аршинъ, готовы заклеймить японскою безнравственностью и развратомъ. Къ сожалѣнію, не всѣ факты, выше цитированные, такъ чисты, такъ логичны и такъ вполнѣ чужды корысти.

Переходъ отъ гетеризма къ полигаміи былъ разрывомъ, рѣзкимъ и рѣшительнымъ, съ прежними порядками. Это была цѣлая революція, лишь въ религіозныхъ обрядахъ сохранившая слѣды прежняго быта. Идеи и обычаи гетеризма исчезли въ дальнѣйшемъ развитіи семьи этихъ народовъ. Переходъ же отъ гетеризма къ поліандріи ни мало не былъ разрывомъ съ прошлымъ, а лишь его приспособленіемъ. Это была умѣренная реформа быта, которая должна была сохранить въ населеніи чувства и понятія прежней эпохи. Переходъ отъ полигаміи къ моногаміи такъ же, какъ и отъ поліандріи къ моногаміи, являлся такою же постепенною реформою. Поэтому, натурально, если въ сознаніи однихъ моногамическихъ народовъ сохранились чувства и понятія, свойственныя полигамическому быту, а въ сознаніи другихъ, тоже моногамическихъ народовъ, доселѣ живутъ чувства и понятія, свойственныя не только поліандрическому быту, но и эпохѣ гетеризма. Японскія чайныя въ Токіо—типическое завѣщаніе временъ гетеризма. Повидимому, это была въ то время безкорыстная проституція. Съ приходомъ европейцевъ она обратилась въ корыстную. Отчего въ самомъ дѣлѣ не взять у заѣзжаго финляндца два доллара за поступокъ, который не считается предосудительнымъ? Или отчего не воспользоваться съ тою же цѣлью красотою и невинностью дочери, если находятся европейцы, которые за это платятъ? Вотъ это «если» и является, повидимому, тѣмъ жестокимъ факторомъ, который остатки наивнаго гетеризма постепенно обращаетъ въ

подлинный развратъ. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, что создало въ Европѣ развратъ и проституцію (какъ, впрочемъ, и въ полигамической мусульманской Азіи), но къ нимъ уже привыкло европейское человѣчество и привыкло и дѣйствовать всюду соотвѣтственно. Сомнительно, чтобы въ Японіи до появленія европейцевъ были развратъ и проституція въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ. Патріархальные нравы, достатокъ населенія, сравнительно хорошее положеніе женщины, сама свобода половыхъ отношеній являлись предохранителями отъ разврата и проституціи. Не было причинъ для ихъ возникновенія. Не было горькой нужды, бросающей европейскихъ дѣвушекъ на улицу. Не было безсемейныхъ одинокихъ мужчинъ, питающихъ проституцію. Не было ни предложенія, ни спроса... Учрежденія вродѣ «чайныхъ» были не притонами разврата, а пережиткомъ гетерической эпохи. Наконецъ, и это особенно важно, женщина не пережила періода рабства и гарема. Она уважалась и цѣнилась, а гдѣ женщина уважается и цѣнится, тамъ нѣтъ мѣста для развитія всякихъ противуестественныхъ пороковъ и порочнаго (невынужденнаго) разврата. Мусульманскій востокъ—страна рабства женщинъ и полигаміи, но этотъ же востокъ есть и страна всякихъ гнусныхъ пороковъ и утонченнаго разврата. Ничего этого не было и не могло быть въ Японіи и нынѣшняя японская проституція, возникшая на памяти живущаго поколѣнія (лѣтъ тридцать только, какъ иностранцамъ окончательно открытъ доступъ въ Японію), является, повидимому, вполнѣ безсознательною проституціей, какимъ-то недоразумѣніемъ со стороны большинства японцевъ, или растлѣніемъ подъ европейскимъ вліяніемъ со стороны меньшинства. Трудно, конечно, провести точную границу между двумя этими теченіями, старымъ, безсознательнымъ, по своему честнымъ, и новымъ, мутнымъ, навѣяннымъ Европою. Сознаніе, повидимому, просыпается, однако, и начинаютъ даже приниматься коекакія мѣры... Съ какимъ негодованіемъ, гнѣвомъ и отвращеніемъ должны будутъ отнестись японцы къ своимъ европейскимъ просвѣтителямъ, когда поймутъ, въ какомъ гнусномъ направленіи

эти культуртрегеры воспользовались ихъ древними наивными нравами, сколько нравственной порчи и растлѣнія внесли они въ душу японской женщины, сколько инфекціи и вырожденія влили въ ея кровь!

Таковы тѣ бѣглыя соображенія, которыя я обѣщалъ выше предложить для нѣкотораго освѣщенія фактовъ, странныхъ, мало совмѣстимыхъ съ общимъ складомъ трудолюбиваго и нравственнаго быта японскаго народа. Факты мои не достаточно полны и недостаточно прокритикованы. Мое знакомство съ Японіей еще недостаточнѣе. Поэтому, и соображенія эти предлагаю лишь гипотетически, не настаивая на ихъ точности... Кто лучше знаетъ, пусть лучше объяснитъ, но пора освѣтить этотъ вопросъ и снять незаслуженное клеймо разврата съ симпатичнаго и культурнаго народа дальняго Востока. Одно несомнѣнно. Японскіе нравы нельзя мѣрять нашимъ аршиномъ. Изолированный и замкнутый, прошедшій своею особою долгою историческою дорогою, создавшій совершенно самостоятельно свою культуру, цивилизацію, просвѣщеніе, нравы, выработавшій свои собственныя вѣрованія и понятія, японскій народъ долженъ быть судимъ и оцѣниваемъ на основаніи его собственной исторіи, установленій и воззрѣній...

XIX.

ИЗЪ ЯПОНІИ ВЪ ВЕЛИКІЙ ОКЕАНЪ.

...Теперь куда же меня бъ ты
вынесъ океанъ? Судьба людей
повсюду та же: гдѣ капля блага,
тамъ на стражѣ предразсужденье иль тиранъ...

А. Пушкинъ.

Рынокъ на кораблѣ.—Лакированныя и эмальированныя издѣлія.—Черепаховыя издѣлія.—Вышивки по шелку.—Японскій фарфоръ.—Издѣлія изъ металла.—Отплытіе.—Роковой для христіанъ островокъ.—Японская раса.—Выходъ въ океанъ.

Я вернулся на «Петербургъ» къ назначенному для отплытія сроку, но отходъ парохода отсроченъ на два часа, и палуба представляетъ сплошной рынокъ самыхъ разнообразныхъ японскихъ издѣлій. Прибывшіе торговцы ведутъ оживленную торговлю и, кажется, не пожалѣютъ о потраченныхъ часахъ. Дурная погода очень многимъ помѣшала насытиться обходомъ японскихъ лавокъ и поневолѣ они вознаграждаютъ себя на этомъ импровизованномъ рынкѣ. Впрочемъ, многое тутъ такъ же добротно и дешево, какъ и въ хорошихъ магазинахъ города. Хорошо извѣстныя въ Европѣ лакированныя и эмальированныя издѣлія здѣсь представлены довольно слабо, только мелкіе предметы. Но и они плохо идутъ: эти издѣлія такъ дешевы и во Владивостокѣ, такъ тамъ обыкновенны и, въ сущности, такъ не разнообразны, что очень скоро надоѣдаютъ. Ѣдущіе изъ Одессы накидываются на нихъ, благодаря ихъ дешевизнѣ и

изяществу. Ѣдущіе изъ Владивостока рады, что оставили ихъ, и мечтаютъ замѣнить соотвѣтствующими европейскими издѣліями. Всѣ эти столики, этажерки, шкафики, полки, шкатулки положительно заполняютъ владивостокскія квартиры, шаблонно повторяя себя самихъ и поневолѣ отливая по шаблону и заставленныя ими квартиры. Впрочемъ, нѣкоторые покупаютъ ихъ, какъ дешевые, но цѣнимые подарки для европейскихъ друзей. Пожившіе во Владивостокѣ знаютъ болѣе цѣнныя и болѣе интересныя произведенія японскаго труда. Черепаховыя издѣлія, по своей дешевизнѣ, изяществу работы, добротности матерьяла и разнообразію примѣненія, должны быть поставлены едва ли не впереди всего остальнаго. Черепаховыя шкатулки, письменные и столовые приборы, альбомы, вѣера, рамки, ножи, красивыя бездѣлушки, все это очень разнообразно, очень изящно и очень практично. Дешевизна же, сравнительно съ черепаховыми издѣліями въ Европѣ, просто поражаетъ. Пошлина многое объясняетъ, но далеко не все. Мнѣ говорили, будто при перевозкѣ черезъ тропики значительный процентъ черепаховыхъ издѣлій коробится, трескается и приходитъ въ негодный видъ. Мои, однако, покупки, правда, не очень многочисленныя (два ножа, ложка, вилка, портретная рамка, папиросница и гребенка), прошли совершенно благополучно. Конечно, это еще не доказательство. Можно бы и теперь обойти тропики провозомъ черезъ Америку, но высокая пошлина и тутъ помѣхою. Облегчитъ ли въ этомъ отношеніи доставку сибирская желѣзная дорога, зависитъ отъ того, будетъ ли допущенъ транзитъ. Для Россіи во всякомъ случаѣ облегчитъ и удешевитъ.

Послѣ черепаховыхъ издѣлій нельзя не остановиться на шелковыхъ вышивкахъ, чрезвычайно красивыхъ и изящныхъ. Гардины, ширмы, альбомы, рамы, вѣера, вышитые шелкомъ по шелку, продаются сравнительно дешево и могутъ составить очень цѣнное и оригинальное пріобрѣтеніе, въ Европѣ рѣдкое и дорогое. Японскій фарфоръ, соперничающій съ китайскимъ,

хорошо извѣстенъ и въ Европѣ, но онъ не дешевъ и въ Японіи. Мелкія металлическія издѣлія дешевы, практичны и изящны такъ же, какъ и мелкія издѣлія изъ бамбука. Все это ручная работа и кустарная промышленность, дѣлающая большую честь трудолюбію, вкусу и искусству японскаго народа.

Всему, однако, бываетъ конецъ. Японскому рынку на палубѣ «Петербурга» тоже наступилъ конецъ. Товары убраны, продавцы удалились, якорь поднятъ и пароходъ медленно заворачиваетъ, стѣсненный въ своихъ движеніяхъ гиганта этими стаями японской мелюзги, что наполняетъ сравнительно узкій рейдъ. Повернули, однако, и, постепенно прибавляя ходъ, медленно двигаемся по лазуревому проливу, подъ лазуревыми небесами, среди живописныхъ, зеленыхъ береговъ, окруженные оживленіемъ значительнаго порта, ярко освѣщенные косыми лучами, спускающимися къ горизонту солнца... Мелкіе то зеленые, то скалистые островки мелькаютъ по сторонамъ, усѣивая собою проливъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ выходу въ океанъ, тихій ропотъ котораго уже долетаетъ до нашего слуха. Вотъ справа подлѣ рисуется на все расширяющейся глади пролива небольшой зеленый островокъ, такой радостный и веселый съ виду. На южномъ его краѣ отвѣсно изъ моря поднимается высокая сѣрая скала, врѣзываясь въ волны, постоянно пѣнящіяся вокругъ ея неподвижной инертной громады. Разсказываютъ, будто съ этой скалы, въ XVII вѣкѣ, разъяренный японскій народъ потопилъ въ морѣ всѣхъ японскихъ христіанъ, послѣ чего надолго закрылъ христіанамъ и европейцамъ доступъ въ свои предѣлы. Исключеніе было сдѣлано для голландцевъ, враждовавшихъ и раньше съ испанцами и португальцами, чьи патеры основали первыя христіанскія общины въ Японіи. Но и голландцамъ японцы разрѣшили посѣщеніе только однихъ Нагасакъ, обставивъ и здѣсь ихъ пребываніе всевозможными стѣсненіями, формальностями, подозрительностью, недовѣрчивымъ надзоромъ. Не зная Японіи и ея народа, можно было объяснять эти факты религіозною нетерпимостью, фанатизмомъ, жестокими

варварскими нравами... Кто рѣшится теперь говорить объ этомъ? Сколько зла, интриги, обмана, вражды должны были проявить испанскіе патеры, чтобы вызвать этотъ взрывъ гнѣва со стороны миролюбиваго и доброжелательнаго японскаго народа! Прошли вѣка прежде, чѣмъ японцы рѣшились снова пустить къ себѣ европейцевъ и разрѣшить въ своихъ предѣлахъ исповѣданіе христіанской религіи. Это открытіе Японіи для христіанской религіи, европейской цивилизаціи и всемірной торговли открыло ее и для европейской науки. Загадка японской народности и японской культуры стоитъ еще почти не тронутою и не разгаданною... Что за раса населяетъ эти благодатные острова? Что за культуру съумѣла она выработать въ сторонѣ отъ большого свѣта всемірной исторіи? Эти вопросы въ ихъ научно-теоретическомъ значеніи еще мало интересовали науку. Своеобразныя особенности японской цивилизаціи немедленно бросаются въ глаза при самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ Японіей. Выше я уже говорилъ о нѣкоторыхъ совершенно непонятныхъ съ нашей европейской точки зрѣнія контрастахъ японскаго быта. Не менѣе интереса, по моему мнѣнію, представляетъ и вопросъ о японской національности, вопросъ очень простой на первый взглядъ, но, повидимому, принадлежащій къ числу весьма сложныхъ научныхъ проблеммъ.

Принято считать японцевъ монголами. Монгольскіе корни языка, монгольско-китайскій алфавитъ, кожа, болѣе смуглая, нежели у европейцевъ, отсутствіе бороды у мужчинъ, да сосѣдство съ монголами материка восточной Азіи,—таковы тѣ данныя, которыя, безъ дальнѣйшей критики, были положены въ основу ученія о монгольскомъ происхожденіи японскаго народа. Между тѣмъ, рѣзкое отличіе типа лица и фигуры, другой оттѣнокъ кожи, но болѣе всего совершенное несходство народнаго характера, быта, нравовъ, склонностей, составляютъ другой рядъ фактовъ, по меньшей мѣрѣ столь же важныхъ и доказательныхъ. Извѣстно, что Японія была уже населена, воздѣлана, религіозно развита и государственно организована, когда она была завоевана выходцами съ материка. Эти выходцы были вѣроятно монголы (хотя быть можетъ и тунгусо-манджуры). Изъ слiянія этого монгольскаго меньшинства съ туземнымъ большинствомъ возникъ японскій народъ. Завоеватели дали языкъ, но этнически потонули въ туземномъ населеніи, принявъ его религію и его первобытную культуру. На этой почвѣ выросла японская цивилизація, заимствовавшая коечто изъ Китая, какъ теперь заимствуетъ изъ Европы. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, кто были туземцы? Изученіе аиновъ Сахалина, родственныхъ имъ курильцевъ и быть можетъ даже камчадаловъ и алеутовъ и сличеніе этнологическаго матерьяла, здѣсь добытаго, съ этнологическимъ матерьяломъ, добытымъ въ Японіи, могло бы разъяснить многое. Сюда невольно, прежде всего, обращается вниманіе, а эта дорога ведетъ далеко отъ Монголіи и можетъ привести даже къ американскимъ расамъ. Не здѣсь-ли лежитъ ключъ къ установленію связи расъ Стараго и Новаго свѣта?

Кромѣ этой сѣверной дороги интересно прослѣдить и южную, черезъ Ликейскіе острова, Формозу, Аннамскіе острова и Гайнанъ, связывающую японскій архипелагъ съ архипелагами Филлипинскимъ и Малайскимъ. Формоза теперь населена китайцами, но въ ея горахъ сохранились туземцы совершенно другой расы. Внутренность Гайнана тоже населена аборигенами не монгольскаго происхожденія. Всѣ эти изчезающіе остатки полувымершихъ расъ, разсѣянные и къ сѣверу, и къ югу отъ Японіи по островамъ, составляютъ послѣдніе обломки, по которымъ наука могла бы разгадать загадку японскаго происхожденія.

Высокій ростъ, яично-желтая пигментація кожи, длинныя ноги, круглое лицо, маленькіе глаза, развитыя скулы—отличаютъ монгола, медлительнаго, малочувствительнаго, съ малоразвитымъ эстетическимъ вкусомъ, жестокаго по натурѣ. Ничего подобнаго не находите среди японцевъ. Небольшой ростъ, цвѣтъ кожи отъ коричнево-смуглаго до бѣлаго (не доказываетъ-ли это смѣшеніе южныхъ и сѣверныхъ расъ?), короткія ноги (очень характерная

особенность), правильно поставленные и болѣе значительные глаза, лицо безъ выдающихся скулъ,—составляютъ антропологическіе признаки японцевъ, живыхъ, впечатлительныхъ, мягкихъ и доброжелательныхъ отъ природы, съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ (судя по издѣліямъ). Къ этому надо прибавить нѣкоторыя особо замѣчательныя антропологическія особенности, какъ своеобразное строеніе челюстей и развитые пальцы на ногахъ, которыми японцы могутъ хватать. Вмѣстѣ съ короткостью ногъ эти признаки рѣзко отдѣляютъ антропологически японцевъ отъ сосѣднихъ монгольскихъ народовъ и заставляютъ сильно усомниться въ общепринятомъ мнѣніи о принадлежности ихъ къ монгольской расѣ. Совершенное отсутствіе столь общей всѣмъ монголамъ холодной жестокости, отличающей дикія орды Чингисъ-хана столько же, сколько и цивилизованныхъ китайцевъ,—кладетъ, по моему мнѣнію, еще болѣе рѣзкую черту между этими расами... И однако, эти же мягкіе, добросердечные, терпимые японцы проявили себя звѣрями два вѣка тому назадъ! Одинокая сѣрая скала, вѣчно обдаваемая пѣною вѣчно ропщущаго прибоя, стоитъ здѣсь у входа въ Японію свидѣтелемъ этой жестокости, нѣмымъ предостереженіемъ и японскому народу, и его гостямъ противъ международной вражды и раздоровъ... Сколько такихъ нѣмыхъ свидѣтелей стоитъ въ разныхъ концахъ міра! И сколько ихъ еще будетъ призвано свидѣтельствовать все о томъ же, противъ чего не устаютъ протестовать и разумъ, и вѣра въ добро!

Проходимъ, однако, роковую скалу. Вскорѣ за этимъ печальнымъ памятникомъ людской вражды и раздоровъ открывается впереди на югѣ широкая перспектива Великаго океана, позлащенная лучами заходящаго солнца... Великанъ спокоенъ, но не мертвъ. Его мѣрное тихое дыханіе немедленно чувствуется нашимъ кораблемъ, какъ только нашъ винтъ начинаетъ вспѣнивать его полудремлющія воды. Сумерки спускаются надъ безконечною водною скатертью. Ею намъ предстоитъ идти десять длинныхъ сутокъ до Сингапура. Это не только самый длинный переходъ на нашемъ пути, но и самый капризный и опасный. Нагасаки еще

и сейчасъ полны разсказами о недавнемъ ураганѣ, вспѣнившемъ эти пучины и съ страшною силою преградившемъ дорогу многимъ судамъ, постоянно рискующимъ по этимъ предательскимъ водамъ. Громадный англійскій почтовый пароходъ съ нѣсколькими стами пассажировъ поглощенъ на дняхъ этими нынѣ тихо дышущими, спокойно плещущимися водами. Другой такой же почтовый пассажирскій корабль добрался до ближайшаго порта безъ мачтъ, со смытыми рубками, съ многими жертвами, унесенными вѣчно не сытымъ океаномъ. Красивый норвежскій корабль, которымъ еще такъ недавно я любовался на Владивостокскомъ рейдѣ, нашелъ себѣ конецъ въ борьбѣ съ тѣмъ же ураганомъ. Одинъ почтовый пароходъ шелъ только вслѣдъ за ураганомъ, но и оставленной ураганомъ зыби было достаточно, чтобы вынудить его оставить назначенный маршрутъ и искать убѣжища въ ближайшей китайской гавани. Осень—время ураганов, по китайски «тайфуновъ», въ этихъ мѣстахъ. Въ сентябрѣ и октябрѣ они проносятся въ западной части Великаго океана одинъ за другимъ, дѣлая эти воды опасными, какъ никакія другія.

Однако, хотя чорта и малюютъ ужаснымъ, но опытные люди давно сказали, что онъ вовсе не такъ страшенъ. И даже тогда, когда его называютъ ураганомъ... Тихая теплая звѣздная ночь спустилась надъ спокойно дремлющею, тихо дышущею грудью Великаго океана и ласково обняла и нашу ничтожную щепку, беззаботно разсѣкающую эту покуда мирную водяную гладь и готовую встрѣтить на ней все, что капризной судьбѣ угодно будетъ послать.

XX.

ШТИЛЬ И УГРОЗЫ БУРИ.

Гроза молчитъ, съ волной бездонной въ сіяньи спорятъ небеса и вѣтеръ ласковый и сонный едва колеблетъ паруса; — корабль бѣжитъ красиво, стройно, и сердце путниковъ спокойно, какъ будто вмѣсто корабля подъ ними твердая земля.

Н. Некрасовъ.

Мимо Формозы. — Дамскія тревоги.—Океанъ въ оцѣпенѣніи штиля.— Тайфунскіе разговоры.—Закатъ солнца 30 октября.—Вѣтеръ свѣжѣетъ.— Ночныя картины.

28-го октября «Петербургъ» проходитъ мимо Формозы. Справа, далеко, порою показываются отдѣльныя возвышенности китайскаго берега, слѣва виднѣются джонки формозскихъ рыбаковъ, пользующихся прекрасною погодою и мирнымъ сномъ Тихаго океана. Сама Формоза не видна, окутанная облаками. Послѣполуденное время; тропическій зной уже начинаетъ охватывать пассажировъ (сегодня мы перешли тропикъ рака). Палуба заставлена лонгъ-шезами; на нихъ лежатъ и полулежатъ пассажиры и пассажирки, получитаютъ, полудремлютъ, перекидываются фразами.

— Какое тихое плаваніе,—слышится замѣчаніе дамы, обращенное къ морскому офицеру,—была маленькая качка въ Японскомъ морѣ, а затѣмъ въ океанѣ все тишина.

— Время такое наступаетъ, конецъ октября.

— А насъ пугали тайфунами...

— Тайфуны бродятъ по здѣшнимъ мѣстамъ въ сентябрѣ и октябрѣ, но теперь уже позднее время, очень мало вѣроятія.

— Но всетаки еще возможны?—тревожится другая дама.

— Вотъ погодите еще денекъ, другой, тутъ есть банка, какъ ее пройдемъ, можете забыть о тайфунахъ, туда они не любятъ заходить.

— Какая банка?

— Отъ Аннамскаго берега отдѣляется и уходитъ въ океанъ подводный хребетъ, вотъ это и есть банка; за нею къ югу въ это время года океанъ спитъ, одни муссоны кончились, другіе еще не начались, тайфуны въ это время вообще мало ходятъ, а туда и подавно...

Океанъ, дѣйствительно, спитъ и спитъ крѣпкимъ сномъ, отдыхая отъ только что кончившагося бурнаго періода муссоновъ и ургановъ. Поверхность гладкая, какъ въ прудѣ, даже не рябитъ. Пароходъ, мѣрно разсѣкая волны и быстро несясь надъ бездонными пучинами, не вздрогнетъ, не покачнется, какъ бы врѣзанный въ застывшую массу отвердѣвшаго океана. Слѣжу глазами безконечную водяную даль и всюду та же картина глубокаго соннаго оцѣпенѣнія въ другое время столь безпокойной стихіи. Поверхность океана синѣетъ лазурью отраженныхъ ясныхъ небесъ и сіяетъ, обливаемая горячими лучами тропическаго солнца. Горизонтъ вокругъ обставленъ, какъ гигантскими бѣло-сѣрыми горами, причудливою сомкнутою цѣпью облаковъ. Вѣтра никакого и только ходъ судна даруетъ намъ маленькое движеніе воздуха, столь необходимое подъ тропиками. Я прохожу второй разъ этотъ океанъ. Проходилъ и Индійскимъ океаномъ, но никогда не видѣлъ такой тишины и атмосферы, и воды. Если тихо въ атмосферѣ, то, наслѣдство прежнихъ тревогъ, тихая размашистая широкая зыбь продолжаетъ шевелить грудь задремавшаго океана. Когда же и это дыханіе прекратилось, то атмосфера уже проснулась, и ласковый тропиче-

скій вѣтерокъ рябитъ морскую поверхность и тихо будитъ спящаго великана. Теперь же все спало: спало море, спалъ надъ нимъ воздухъ, спали повисшія въ воздухѣ облака, спало, кажется, само солнце, заливъ вселенную свѣтомъ и зноемъ безъ свѣтотѣней и переливовъ. Заснули повисшія на мачтахъ паруса рыбачьихъ лодокъ, заснуло и водное царство; не видно фонтановъ кита, не вылетитъ летучая рыба, не заиграютъ дельфины, не покажется акула, не прорѣжетъ воздуха морская птица. Не спитъ только человѣкъ. На мостикѣ дежурный офицеръ слѣдитъ морскую даль, отдаетъ нужныя приказанія. Подъ мостикомъ штурманъ дѣлаетъ свои наблюденія и вычисленія, по которымъ мы идемъ. Около машины—дежурятъ механикъ и машинисты. У топки, въ этомъ корабельномъ аду, работаютъ кочегары. Дежурный ученикъ (положеніе, соотвѣтствующее гардемарину военнаго флота) провѣряетъ лагъ. Матросы на своихъ постахъ... Всѣ дѣлаютъ свое дѣло и корабль съ увѣренностью спокойно рѣжетъ дорогу по сонному морскому царству. Этотъ человѣкъ, сюда явившійся изъ далекой Европы, уже вышелъ изъ-подъ опеки природы и, когда она спитъ, усыпляя и убаюкивая своихъ питомцевъ, онъ дѣлаетъ свое дѣло и дерзко нарушаетъ ея сонъ. Онъ съумѣетъ исполнить свое дѣло и тогда, когда проснувшаяся гнѣвная природа со всѣмъ своимъ могуществомъ ополчится на бой съ нимъ. Тогда гибнутъ всѣ эти питомцы природы, убаюканные ея недавними ласками, а этотъ пришедшій издалека бѣлый человѣкъ бодро свершаетъ свой путь, не покоряясь ея ласкамъ и побѣждая ея гнѣвъ... Посмотрите, вотъ и теперь онъ спокойно ѣстъ кислую капусту и жуетъ черный хлѣбъ, ни мало не смущаясь, что находится въ поясѣ кокосовъ и банановъ! И въ этомъ онъ не рабъ природы, но самъ себѣ господинъ... Мы скоро убѣдимся, что онъ останется себѣ господиномъ и въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ. Штиль былъ ужаснымъ бичомъ для парусниковъ. Съ повисшими парусами, какъ подстрѣленная птица съ повисшими крыльями, стояли недѣлями корабли, ожидая голода или урагана, столь обычнаго послѣ штиля... Теперь мы презираемъ штиль и бодро и быстро дѣлаемъ свой путь.

Формоза давно пройдена. Миновали сутки; медленно и монотонно протекаютъ другія; сонное царство не нарушаетъ своего покоя и спящій великанъ не шевелится. Дамы интересуются, скоро ли пройдемъ «банку», въ которую, повидимому, увѣровали, какъ въ спасительнаго фетиша. «Сегодня ночью, а можетъ быть и вечеромъ»,—отвѣчаютъ имъ. Это было утромъ 30 октября. Извѣстіе, конечно, утѣшительное. «Къ тому же,—соображаютъ утѣшенныя,—сегодня по новому стилю 11-е ноября, а въ ноябрѣ тайфуновъ уже не бываетъ»... Изъ этого я заключаю, что ураганы болѣе одобряютъ грегоріанскій календарь, нежели юліанскій. Впрочемъ, на этотъ разъ пріятно, что дамы утѣшены, а то въ Нагасакахъ столько было самыхъ неутѣшительныхъ разсказовъ объ ураганѣ, незадолго пронесшемся надъ этими самыми, теперь сонными, водами, о гибели судовъ, о погибшихъ смытыхъ людяхъ, о бѣдствіяхъ и аваріяхъ, что дамскія тревоги были далеко не безосновательными. Тихій океанъ въ своей западной части совсѣмъ не оправдываетъ своего имени. Одни періодическіе, лѣтніе и зимніе муссоны достаточно непріятны. Ураганы же проносятся такъ часто, какъ, кажется, нигдѣ болѣе. Здѣшніе ураганы даже получили въ наукѣ особое названіе Тифоновъ. Вѣроятно передѣлка изъ китайскаго названія «Тайфунъ». Естественно, если и въ такую тихую погоду разговоръ о тайфунахъ всѣхъ занимаетъ.

— Скажите, пожалуйста, вы были въ тайфунѣ? — слышу вопросъ, обращенный къ моряку.

— Да, случалось... Хорошо построенному, хорошо снаряженному и хорошо управляемому большому океаническому судну нечего бояться урагана. Конечно, могутъ быть неотвратимыя случайности, но случайности вездѣ бываютъ.

— А какія, напримѣръ, случайности?

— Напримѣръ, столкновеніе съ другимъ судномъ, или наткнуться на неизвѣстный камень...

— А опрокинуться?

— Хорошо построенное и правильно нагруженное судно не должно опрокинуться.

— Но мы, напримѣръ, идемъ почти порожнякомъ.

— «Петербургъ» обладаетъ прекрасными мореходными качествами. Лишь бы машина исправно работала, чтобы корабль слушался руля, серьезной опасности быть не можетъ. Къ тому же, ни время, ни мѣсто не благопріятствуютъ появленію урагана, да и Богъ съ нимъ... Если и мало вѣроятія погибнуть для самого судна, то очень не мало шансовъ для гибели отдѣльныхъ лицъ на суднѣ, для поврежденій, аварій.

Отхожу отъ бесѣдующихъ... Все то же я слышу не первый разъ. Время послѣ полудня, легкій вѣтерокъ начинаетъ набѣгать съ востока, изъ открытаго океана, но эти первыя заигрыванія проснувшейся атмосферы не оставляютъ никакого впечатлѣнія на глубоко спящемъ океанѣ. Легкая рябь поверхности не даетъ еще даже какихъ бы то ни было незначительныхъ волнъ. Ласковое дыханіе вѣтерка оживило истомленныхъ безвѣтреннымъ зноемъ пассажировъ. Съ повеселѣвшими лицами они толпятся у бортовъ, слѣдятъ за разростающеюся рябью, за летучими рыбами, за причудливыми облаками, тѣснящимися на горизонтѣ, за красивыми большими птицами, быстро и граціозно проносящимися надъ водою. «Какія большія чайки,— наивно замѣчаетъ кто-то,—и такъ далеко отъ берега».—«Это, кажется, альбатросы», — отзывается другой голосъ. — «Нѣтъ, должно быть, фрегаты...» — спѣшитъ замѣтить морской офицеръ, не желая встревожить публику, но публика и безъ того не тревожится. Очевидно, она не знаетъ, что альбатросы обыкновенно появляются въ бурю. «Буревѣстниками» именовали ихъ даже въ старыхъ учебникахъ зоологіи. Весною 1891 года я ихъ уже видѣлъ недалеко отъ этихъ самыхъ мѣстъ. Тогда я шелъ во Владивостокъ и нашъ «Петербургъ», огибая Формозу съ восточной стороны (теперь мы обогнули съ западной), углубился далеко внутрь Великаго океана. Небо хмурилось,

море глухо рокотало, волны бѣжали навстрѣчу кораблю, разбиваясь о его носъ и далеко отбрасывая сорвавшуюся пѣну и брызги. Барометръ падалъ и осторожный капитанъ принималъ свои мѣры. Тентъ былъ убранъ, всюду протянуты канаты, съ палубы все убиралось или крѣпилось винтами и веревками. Въ это-то время весело носились вокругъ красавцы-альбатросы, а мачты и такелажъ унизывали небольшія сѣрыя птички. Мнѣ сказали, что это штормовки, пташки, сопровождающія обыкновенно бурю... Но тогда буря прошла стороною, а насъ лишь слегка задѣла крыломъ своимъ. И вотъ теперь снова носятся буревѣстники, но штормовокъ не видно, море спокойно, небо ясно, вѣтерокъ ласкаетъ и оживляетъ, и никто никакихъ мѣръ не принимаетъ. Не всегда же бушуетъ буря, а и въ тихую погоду нужно же гдѣ-нибудь устроиться альбатросамъ. Красивая, граціозная птица—этотъ альбатросъ, стремительно пронизывающій воздухъ, черкающій крыломъ морскую гладь и снова быстро возносящійся надъ нею. Пріятно любоваться его движеніями, исполненными силы и изящества. И зачѣмъ ему, право, буря? «Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури, надъ нимъ лучъ солнца золотой, а онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ бурѣ есть покой!» И прекрасно знаетъ, гдѣ ее искать и гдѣ встрѣтить и найти...

Но и альбатросы не испортили общаго оживленія пассажировъ. Нѣсколько дней штиля, при тропическомъ солнцепекѣ, заставили всѣхъ обрадоваться понемногу свѣжѣвшему вѣтру, приносившему прохладу, бодрость, веселость. Вѣтеръ понемногу разводилъ волненіе, но эти поверхностныя волны только казались значительными. Онѣ еще недостаточно разшевелили спокойную стихію и разбивались о корабль, но не качали его. Закатъ солнца превзошелъ, въ этотъ вечеръ 30 октября, самого себя. Какіе-то темно-зеленые съ яркою каймою столбы поднимались по небу отъ заходящаго солнца, простираясь на половину небосклона. Промежутки между зелеными столбами— розоваго цвѣта, а волнующееся море переливаетъ эти цвѣта

вмѣстѣ съ золотомъ косыхъ солнечныхъ лучей. Пассажиры бросили обѣдъ и стоятъ прикованные къ этому чудному зрѣлищу, каждое мгновеніе мѣняющемуся съ перемѣною въ положеніи садящагося солнца. Кто-то говоритъ о сѣверномъ сіяніи, другой голосъ что-то припоминаетъ о зодіакальномъ свѣтѣ, третій—о вулканахъ Аннамской имперіи (лежащей отъ насъ къ западу на нѣсколько сотъ верстъ). Я выражаю мнѣніе, что это наши друзья французы, владѣющіе Аннамскою имперіей, въ нашу честь иллюминовали небеса. Страннымъ образомъ, мое объясненіе вызываетъ больше сомнѣній, нежели зодіакально-вулканически-полярныя гипотезы. Солнце, однако, сѣло и — вопреки всѣмъ нашимъ ученымъ гипотезамъ! — унесло съ собою и сѣверное сіяніе, и зодіакальный свѣтъ, и вулканы. Публика возвращается къ своимъ тарелкамъ, вся занятая картиною только что погаспіаго яснаго запада и мало обращая вниманія на картину все болѣе хмураго востока. Тучки выползаютъ изъ-за горизонта и вѣтеръ, посылаемый востокомъ, медленно, но постоянно свѣжѣетъ; бѣлые гребешки уже бѣгаютъ по морской поверхности и корабль начинаетъ покачиваться, но небо надъ нами ясно, звѣзды ярко сіяютъ, кругомъ вѣетъ тепломъ и прохладой и пассажиры веселы и оживлены, какъ рѣдко. Одна дама пріятнымъ груднымъ сопрано запѣваетъ «Смѣло, братья, вѣтромъ полный»... Нѣсколько голосовъ присоединяются и по безконечной, волнующейся, слегка вспѣненной поверхности океана разносится вызывающая мелодія. «Будетъ буря, мы поспоримъ, поетъ пѣвица, и поборемся мы съ ней...» — «Еще чего добраго накличетъ, ворчитъ моя пожилая сосѣдка, не къ добру что-то распѣлась!» Никто не обращаетъ вниманія на эту воркотню и всѣ, повидимому, готовы вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ не боятся бури. Что значитъ освѣжающій вѣтерокъ послѣ изнурительнаго штиля! Вѣтеръ свѣжѣетъ? — спрашиваю старшаго офицера. «Окрѣпъ, слава Богу, ставимъ паруса—милю или полторы въ часъ выиграемъ; все доходъ». Не раньше полуночи успокаивается публика и отходитъ ко сну.

Подъ тропиками всѣ спятъ на палубѣ на лонгъ-шезахъ (кресла-кушетки изъ бамбука, приспособленныя и для сидѣнія, и для лежанія) или на скамьяхъ. Спятъ одѣтые, конечно, и размѣщаются, кому гдѣ кажется удобнѣе, дамы и мужчины, не стѣсняя другъ друга. Такъ и теперь, понемногу затихая, палуба уставилась кушетками, оставляя проходы, и публика предалась сну. Навѣвая прохладу, вѣтеръ скоро усыпилъ пассажировъ, измученныхъ полусномъ знойныхъ безвѣтренныхъ ночей. Я обыкновенно выбираю мѣсто у борта, чтобы видѣть надъ собою не тентъ, а звѣздное небо и слышать плескъ океана. Пробираюсь и теперь къ своему излюбленному мѣсту у праваго борта, ближе къ кормѣ, съ перспективою, обращенною къ милому сѣверу и сѣверному небу, съ родными созвѣздіями, давно знакомыми звѣздами, кажется, дружески провожающими заблудившагося сѣверянина. Волненіе уже довольно значительное и корабль мѣрно покачивается. Съ трудомъ прохожу между спящими фигурами, не тревожа ихъ своею эквилибристикою неопытнаго морехода. Море глухо ропщетъ, вскипая то тамъ, то здѣсь бѣлою пѣною; по небу бѣгутъ въ разныхъ мѣстахъ облака, то закрывая собою, то снова открывая ярко сіяющія звѣзды. Я лежу и прямо надо мною, почти въ зенитѣ, мнѣ въ глаза сверкаютъ Плеяды. Ясно, простымъ глазомъ, отличаешь каждую звѣзду созвѣздія, столь слитнаго у насъ. Почти надъ горизонтомъ, передо мною (сзади кормы), тихо свѣтитъ Полярная Звѣзда. Надъ нею горятъ звѣзды Большой Медвѣдицы. Опрокинутая вверхъ ногами Кассіопея виднѣется тоже надъ горизонтомъ, тогда какъ многія другія изъ нашихъ сѣверныхъ созвѣздій уже ниже горизонта. Нашъ чудный звѣздный куполъ сѣвера лежитъ какъ бы на боку, причемъ нижняя его половина погружена въ море. Мѣрные взмахи качки правильно, какъ маятникъ, измѣняютъ горизонтъ и перспективы. Когда судно накрениваетс направо, передъ мною безконечная поверхность волнующагося океана съ бѣлыми гребешками вспѣнившихся вершинъ и небольшою лентою звѣзднаго

купола съ быстро бѣгущими облаками. Когда же судно дѣлаетъ розмахъ налѣво, взбрасывая меня кверху, тогда море совершенно исчезаетъ изъ виду и я вижу только небеса, звѣзды и облака, но все растущій ропотъ моря, какъ и эти все увеличивающіеся розмахи корабля, не даютъ возможности ни на минуту забыть, что это еще ласковое небо раскинуто надъ моремъ, уже далеко не ласковымъ.

Невольно припоминается такая же ночь изъ перваго моего проѣзда по океану... Такъ же правильно дѣлало свои боковые розмахи судно, такъ же рокотало, волновалось и вспѣнивалось море, такъ же попеременно исчезая изъ глазъ и опять появляясь во всю свою ширину, такъ же оторванная вѣтромъ пѣна порою обдавала меня теплыми брызгами и такъ же ярко мнѣ въ глаза сверкали Плеяды. Я тогда лежалъ лицомъ къ югу и Южный Крестъ сіялъ передо мною надъ горизонтомъ, а вокругъ него и надъ нимъ свѣтились невѣдомыя мнѣ созвѣздія и звѣзды, глядѣло на меня чужое небо южнаго полушарія. Я перемѣнилъ тогда положеніе, чтобы уснуть подъ взглядами родного сѣвернаго неба, и, мечтая о далекой родинѣ, отъ которой все дальше и дальше уносилъ меня «Петербургъ», мирно заснулъ и такъ же мирно проснулся на утро. Солнце всходило на ясныя небеса, океанъ тихо плескался о бока корабля, который шелъ твердою поступью, забывъ объ угрозахъ протекшей ночи. Такая-же ночь; будетъ такое же утро... И вслѣдъ за своими сосѣдями, и я погружаюсь въ сонъ, убаюкиваемый рокотомъ моря и ласкаемый теплымъ тропическимъ вѣтромъ.

XXI.

ВЪ УРАГАНѢ.

Но громъ ударилъ, буря стонетъ, и снасти рветъ, и мачту клонитъ.

Н. Некрасовъ.

Утро 31 октября.—Налетѣлъ шквалъ.—Что такое штормъ?—Боковая качка.—Опасеніе тифона.—Встрѣча со смертью.—Второй шквалъ.—Каютная жизнь во время бури. — Пожаръ на кораблѣ.—Апогей урагана.—Ночныя картины.—Миѳы.

Что же это, однако, такое? Гдѣ я и что со мною случилось? Чувствую, что нахожусь въ водѣ, что она плещетъ на меня и черезъ меня и что я получилъ какой-то толчокъ, послѣ котораго и проснулся въ этомъ печальномъ положеніи, озаряемый тощимъ свѣтомъ ненастнаго утра. Моя кушетка перевернута, я лежу у борта на боку, подо мною и поверхъ меня вода, дождь льетъ... Корабль, какъ и я, лежитъ тоже на правомъ боку и тоже въ водѣ. Это, конечно, утѣшительно, что меня повалило вмѣстѣ съ такимъ гигантомъ, но размышлять объ этомъ некогда и я пытаюсь встать. Такую же попытку дѣлаетъ и пароходъ и сообща намъ удается это, мнѣ и ему, но онъ, не долго думая, валится на лѣвый бокъ, чему я стараюсь сопротивляться, ловлю довольно успѣшно руками воздухъ и успѣваю поймать спинку привинченной къ палубѣ скамейки. Благодаря этому, я не слѣдую за кораблемъ ни въ его паденіи на лѣвый бокъ, ни въ вставаніи, ни въ новомъ паденіи на правый

бокъ. Кушетка съ едва проснувшеюся, испуганною дамою прокатывается мимо меня къ лѣвому борту, налетаетъ на какія-то барахтающіяся тѣла и опрокинутыя кушетки и съ грохотомъ опять мимо возвращается къ правому борту. Я успѣваю сѣсть на скамью и впиваюсь въ нее обѣими руками; катающаяся дама хватается за скобу торчащей надъ палубою вентиляціонной трубы, кушетка останавливаетъ свое движеніе, но туфельки ея злополучной пассажирки продолжаютъ плаваніе по водѣ, съ плескомъ переливающейся отъ борта къ борту справа налѣво и обратно. Пробѣгающій матросъ ихъ спасаетъ и подаетъ; кислая гримаска искривляетъ хорошенькое личико, но дѣлать нечего и туфли, полныя воды, одѣваются на ноги. Кушетка, однако, желаетъ возобновить свое фатальное катаніе, приходится ее бросить, и моя бѣдная сосѣдка пускается вслѣдъ за другими спасаться въ каюту. Я сижу на своемъ посту и наблюдаю гимнастическія упражненія удирающей публики, очевидно, болѣе всего полагающейся на воздухъ, который всѣ ловятъ съ упорствомъ и энергіей, достойными болѣе благодарной задачи. Хорошо, если кому удается вмѣстѣ съ воздухомъ поймать веревку, перила, скамейку, остальные же падаютъ, скользятъ и принимаютъ ванны на палубномъ полу. Мало-по-малу, однако, всѣ спасающіеся укрываются за дверями пассажирской рубки и дальнѣйшая судьба ихъ остается для меня тайной. Два, три человѣка, подобно мнѣ, остаются на палубѣ. Матросы убираютъ мечущіеся и катающіеся лонгъ-шезы и прикрѣпляютъ ихъ веревками; пароходная прислуга охотится за плавающими подушками, ботинками, шалями, шляпами; судно продолжаетъ свои порывистые розмахи, дождь льетъ, вѣтеръ треплетъ тентомъ, моря почти не видно за струями ливня и только его ревъ подаетъ намъ вѣсть о его состояніи.

«Налетѣлъ шквалъ»—первое объясненіе, которое приходитъ каждому въ голову, но если только шквалъ, то онъ и улетитъ такъ же скоро, какъ прилетѣлъ. Нѣсколько минутъ, четверть часа, много полчаса, и все снова приметъ прежній видъ. Дождь перестанетъ, тучи умчатся, ясное небо засіяетъ солнечными лучами, и обезпокоенное шкваломъ море будетъ только глухо роптать на неожиданныя проказы этого сорванца. Шквалы въ тропикахъ—вещь самая обыкновенная, особенно въ Индійскомъ океанѣ. Въ Маллакскомъ проливѣ ихъ проносится, съ грозою и ливнемъ, по нѣскольку въ день. Порою видишь сразу на различныхъ пунктахъ горизонта по четыре, по пяти несущихся шкваловъ. Не разъ случалось и ночью удирать отъ ихъ капризныхъ налетовъ... Такой, однако, шквалъ, какъ сегодня,—изъ ряду вонъ, да и корабль такъ раскачало, что волненіе должно быть очень значительное, но густой ливень совершенно заслоняетъ море... и мятущаяся поверхность океана едва неясно различима. Очевидно, нечего высиживать на палубѣ, надо внизъ, заняться приведеніемъ въ порядокъ туалета, чаепитіемъ и вообще всѣмъ, чѣмъ русскому культурному человѣку утромъ заниматься полагается.

Когда черезъ два съ лишнимъ часа, въ началѣ десятаго утра, я снова выползаю наверхъ, картина палубы совершенно иная, картина природы—совершенно та же самая. Тѣ же широкіе розмахи корабля (говорятъ, кренитъ до двадцати градусовъ, т. е. розмахъ 40 гр.), тотъ же натискъ вѣтра, тотъ же ревъ моря, по прежнему едва виднаго за такою же густой завѣсой непрекращающагося ливня. Но палуба прибрана, все прикрѣплено, привинчено, привязано, лишнія вещи унесены и только вода съ шумомъ и плескомъ переливается отъ борта къ борту при каждомъ розмахѣ судна. Пробираюсь на скамейку, что укрѣплена впереди кормовой рубки (гдѣ помѣщается руль). Вѣтеръ попутный, такъ что рубка вмѣстѣ съ тентомъ, при центральномъ положеніи скамьи, хорошо защищаютъ отъ ливня. Отсюда хорошо видны оба борта и впереди судно на довольно значительное разстояніе. Далѣе къ носу, гдѣ не натянутъ тентъ, ливень мѣшаетъ видѣть такъ же, какъ и за бортами. Наше маленькое общество, утвердившееся на этомъ центральномъ посту, можетъ видѣть отсюда развѣ немногимъ меньше, нежели съ вахтеннаго мостика, гдѣ теперь собрались, кромѣ дежурнаго офицера и де-

журнаго ученика, и командиръ, и старшій офицеръ. Но такъ какъ мы, кромѣ палубы, почти ничего не видимъ, то и они могутъ быть бдительны, сколько имъ угодно, а увидѣть дальше корабельнаго носа ничего не увидятъ. Это очень печально, потому что мы на большой корабельной дорогѣ и встрѣча съ судномъ весьма возможна и вѣроятна. Увидимъ другъ друга не раньше, какъ одинъ другого уже потопитъ, а свистковъ при этомъ ревѣ океана и воѣ вѣтра и совсѣмъ не услышимъ. Беремъ курсъ нѣсколько лѣвѣе (въ океанъ), чтобы, какъ говорятъ, сойти съ большой дороги. Паруса натянуты, машина работаетъ подъ всѣми четырьмя котлами и «Петербургъ», правильно и мѣрно дѣлая свои исполинскіе розмахи, стремительно несется въ невѣдомую, занавѣшенную даль. Говорятъ, дѣлаемъ до восемнадцати узловъ (около 32 верстъ) въ часъ... Кто-то изъ моихъ партикулярныхъ товарищей по скамейкѣ дѣлаетъ робкое замѣчаніе въ томъ направленіи, что шквалъ очень ужъ затянулся, и, пожалуй, можно ждать шторма.

— Вы ждете шторма,—смѣется морской офицеръ, мой сосѣдъ съ другой стороны,—да какого еще вамъ нужно другого шторма!? Съ четырехъ часовъ утра идемъ форменнымъ штормомъ.

— Но шквалъ былъ около шести.

— Штормъ начался раньше, а потомъ набѣжалъ шквалъ, и буря послѣ того усилилась, но она насъ гонитъ уже больше шести часовъ сряду.

При этомъ нашъ собесѣдникъ намъ любезно объясняетъ, что сила вѣтра считается баллами. Самый сильный вѣтеръ на земномъ шарѣ зачисленъ, какъ имѣющій двѣнадцать балловъ. Бурю можно уже считать съ шести балловъ, а десять балловъ и больше буря достигаетъ лишь во время урагана. Все это, конечно, очень интересно, но я пробую выразить предположеніе, не было ли бы цѣлесообразно, если бы на время нашего путешествія придерживаться общепринятой пятибалльной системы, а опыты съ институтской системой двѣнадцатибалльной отложить до другого раза. Установленіе единой кассы должно было устранить хищенія: не устранила-ли бы и ураганы единая система отмѣтокъ? Единообразіе, прежде всего... Чиновники всѣхъ вѣдомствъ, конечно, оцѣнили бы мою идею... Мой другъ морякъ смотритъ, однако, на меня съ удивленіемъ и не понимаетъ меня. Я огорченъ, что столь геніальная мысль не оцѣнена и не будетъ примѣнена. Останавливаемъ пробѣгающаго ученика.

— Какая сила вѣтра?

— Дошла до восьми балловъ.

— Барометръ?

— Двадцать девять съ половиной.

— Падаетъ?

— Понемногу...

Очевидно, буря идетъ въ затяжку, а ливень не хочетъ дать отдыха и просвѣта. Намъ объясняютъ, однако, что въ этомъ есть своего рода и выгоды. Ливень своею силой сбиваетъ верхушки волнъ, а водой выполняетъ частью промежутки между волнами, вообще, сильно умѣряетъ волненіе. «Развѣ такая была бы качка при этой бурѣ, если бы не этотъ четырехчасовой безпрерывный ливень?» Спасибо, однако, за объясненіе, какой же еще нужно качки! Я постоянно вижу себя на катальной горѣ, но поминутно мѣняющей свой наклонъ. Сижу, держась всѣми четырьмя конечностями и, вмѣстѣ со всѣми сосѣдями, представляю своимъ туловищемъ маятникъ съ самыми широкими и быстрыми розмахами... Меня не укачиваетъ, но и этихъ удовольствій вполнѣ достаточно для моей пытливости и жажды познанія.

— А долго ли можетъ продолжаться эта игра природы?

— Штормъ можетъ длиться много дней, ураганъ же отзвонилъ бы въ сутки; но это едва ли можно считать началомъ урагана.

Однако, справляюсь съ часами, уже одиннадцать, время завтрака—и нѣтъ никакого основанія подражать всѣмъ дамамъ и большинству кавалеровъ, отказывающимся отъ пищи по случаю этого неожиданнаго приключенія. Такой жертвы не только про-

стой бурѣ, но и двѣнадцатибалльному урагану приносить не вижу основанія.

За часъ времени, употребленный на завтракъ (прошедшій среди довольно комическихъ приключеній, которыхъ не описываю, потому что спѣшу съ вами, читатель, на палубу), картина существенно мѣняется. Ливень прекратился, вѣтеръ усилился (говорятъ уже до девяти балловъ), перемѣнилъ направленіе (вмѣсто нордъ-эста перешелъ въ нордъ), качка значительно усилилась (говорятъ, до 30 градусовъ крена, или 60 градусовъ розмаха), море сбросило съ себя покрывало и во всей своей ярости предстало теперь предо мной. Пробираюсь сначала на среднюю часть корабля, гдѣ тентъ не прикрываетъ неба и панорама должна быть обширнѣе и полнѣе. Держась за перила, окружающія рубку, наблюдаю наше судно. Эти плавные, но быстрые, широкіе розмахи достигаютъ теперь степени, которую трудно себѣ представить, не видавъ собственными глазами. Рейки фокъ-мачты (гротъ-мачта «Петербурга» имѣетъ оснастку безъ рей) при каждомъ кренѣ направо и налѣво касаются воды и, какъ бы отпрянувъ отъ этого столкновенія, поднимаютъ съ собою и судно, ложащееся немедленно на другой бортъ и купающее въ океанѣ другую оконечность рей, чтобы снова отпрянуть и снова лечь, опять отпрянуть и опять лечь, до безконечности... При каждомъ розмахѣ, когда судно ложится на бокъ, оно характерно вздрагиваетъ всѣмъ корпусомъ. Это винтъ обнажается и вертится на воздухѣ. Реи, которыя должны уходить въ небо, купаются въ волнахъ; винтъ, который долженъ работать подъ судномъ, выскакиваетъ на воздухъ и рвется къ небесамъ,—все это столь необычайно, столь странно и вмѣстѣ столь жутко, что стоишь, какъ гипнотизированный и не можешь оторвать глазъ отъ этого стремительно несущагося впередъ корабля, съ его исполинскими плавными колебаніями, съ реями, опускающимися на уровень винта и съ вздрагиваніями, отбивающими тактъ розмаховъ. Стоишь, видишь только эти описывающія полуокружность своими вершинами гигантскія мачты, чувствуешь всѣмъ существомъ грозное значеніе окружающаго, отмѣчаешь по вздрагиваніямъ парохода ритмъ его колебаній и долго не видишь ничего другого,— ни моря, въ которомъ купаются снасти, ни неба съ его тучами, ни открывшагося теперь обширнаго горизонта. Сколько я простоялъ, прикованный этимъ невиданнымъ, невѣроятнымъ зрѣлищемъ, не знаю. Времени никто не считалъ. Руки онѣмѣли цѣпляться за перила, на которыхъ онѣ застыли въ судорожномъ положеніи. Шляпу сорвалъ вѣтеръ и каталъ по палубѣ. Отрываемая вѣтромъ морская пѣна промочила съ ногъ до головы. Кое-какъ выловивъ шляпу и осторожно цѣпляясь за перила, веревки, скамьи, направляюсь къ своему прежнему утреннему посту, на кормовой скамейкѣ, гдѣ застаю въ сборѣ почти все утреннее маленькое общество, не поддающееся укачиванію и предпочитающее открытыя опасности палубы каютному ужасу невидимой и невѣдомой опасности.

Застаю бесѣду о злобѣ дня...

— Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ тайфунъ,—говоритъ морякъ.

— Но вѣдь мы прошли банку и сегодня двѣнадцатое ноября по новому стилю, — пробуетъ одинъ голосъ устранить опасность.

— Какъ видите, тайфуны не всегда принимаютъ въ соображеніе эти препятствія.

— Но почему вы полагаете?

— Видите ли, вѣтеръ дошелъ до девяти балловъ и барометръ упалъ до 29,2—это очень зловѣще; но не это главное. Самое непріятное, что ночью буря началась прямо съ востока, съ налетѣвшимъ по утру шкваломъ она перешла къ сѣверовостоку, а теперь уже прямо съ сѣвера, и все усиливается. Болѣе осторожный командиръ уже распорядился бы не только паруса, но и тентъ убрать.

— Отчего-же не убираютъ?

— Хотятъ выиграть на ходѣ, покуда вѣтеръ попутный, да, кажется, еще не вѣрятъ въ ураганъ.

Я оглядываюсь и думаю, какого еще нужно урагана? Снасти

купаются въ морѣ, винтъ выскакиваетъ на воздухъ. Исполинскія волны летятъ одна за другой съ стремительною быстротой, обгоняя судно и подгоняя его ударами. Какъ заоблачныя горы съ ихъ снѣжными пиками, такъ и эти движущіеся колоссы бѣлѣютъ пѣною своихъ вершинъ, срываемой вѣтромъ и несущеюся рядомъ съ нами, черезъ насъ и на насъ, постоянно обдавая теплою влагой. Тентъ стонетъ подъ натискомъ бури, отовсюду несутся хаотическіе звуки, и мы, сидя рядомъ, едва можемъ слышать другъ друга, едва удерживаясь на мѣстѣ въ этомъ бѣшеномъ движеніи стихій, играющихъ нашимъ судномъ и нашею судьбой. Тучи нависли, кажется, надъ самымъ моремъ и принимаютъ участіе въ этомъ общемъ опьяненіи бурнымъ движеніемъ. Онѣ несутся куда-то съ бѣшеною быстротой, волнуются и клубятся... Въ самомъ дѣлѣ, какого еще вамъ нужно урагана? Что онъ можетъ прибавить къ этой картинѣ и къ этому неистовству?—«Очень многое,—улыбается бывалый морякъ,—вотъ, не дай Богъ, увидите»...

Справа на горизонтѣ показывается громадное четырехмачтовое судно, идущее противъ бури (мы идемъ за бурею). Нѣкоторое время мы слѣдимъ жаднымъ взоромъ за его геройскою борьбою съ натискомъ бури, преграждающей ему путь. Судно то садится на корму, высоко поднимая носъ, то зарываетъ носомъ въ бушующее море, вздымая корму. По курсу судя, надо полагать, англійскій почтовый пароходъ идетъ въ Гонъ-Конгъ. Пронеслись мы мимо него и снова вокругъ насъ одно яростное море, а подъ нами мечущаяся зыбкая щепка...

Часы проходятъ безъ измѣненія... Небольшая публика нашей скамьи понемногу расходится по каютамъ. Остается насъ двое, я да подошедшій судовой офицеръ. Внизъ не хочется, да и тутъ вниманіе понемногу утомляется, впечатлительность притупляется. Я пробую даже прилечь на скамейкѣ, но взмахи слишкомъ сильны и, покуда усталость не оковала еще тѣла, это періодическое созерцаніе собственныхъ ногъ гдѣ-то высоко надъ головою мѣшаетъ уснуть. Мой сосѣдъ, умостившійся на

лонгъ-шезѣ, успѣваетъ въ этомъ болѣе меня. Онъ полагаетъ, что хорошо укрѣпилъ кушетку, и дремлетъ въ сознаніи полной безопасности. Оказывается, однако, что онъ жалко заблуждается: лонгъ-шезъ срывается и вмѣстѣ съ нимъ совершаетъ нѣкоторое время рейсы по палубѣ. Найдя новую пристань, онъ укрѣпляетъ болѣе надежно свое ложе (слѣва около скамьи, на которой я сижу) и хочетъ снова предаться дремотѣ, но, вмѣсто этого, «хватайтесь, за что можете»... раздается его взволнованный окликъ мнѣ. Но я уже и самъ хватаюсь обѣими руками за мѣдную скобу скамьи: — передо мною справа поднимается высоко надъ самымъ бортомъ громадная волна, зловѣще сверкая своимъ бѣлымъ, на насъ съ пѣною и брызгами наклонившимся, гребнемъ. Обрушится на палубу — и все смететъ, и скамьи, и лонгъ-шезы, и насъ, жалкихъ, слабыхъ людишекъ, ищущихъ обороны въ какихъ-то мѣдныхъ скобахъ... Смерть, съ разстоянія двухъ-трехъ шаговъ, съ высоты этой водяной горы, прямо глядѣла въ глаза, вскипая блѣдною пѣною и запечатлѣвая свой образъ навѣки. Прошло мгновеніе, судно легло на лѣвый бортъ, волна пошла подъ киль и только обломившаяся на палубу верхушка обдала насъ съ ногъ до головы клокочущею пѣною. «Спасены,—слышу голосъ товарища,— но другая можетъ не пощадить, уходимъ!»

Тамъ, гдѣ теперь описываетъ вершиною свою гигантскую дугу исполинская гротъ-мачта, къ этой вершинѣ поднимаются отъ обоихъ бортовъ широкіе (внизу сажени двѣ-три ширины) веревочныя лѣстницы. Это — ванты, черезъ которыя волна не можетъ выбросить человѣка. Здѣсь я нѣкоторое время нахожу убѣжище, держась лѣваго борта, чтобы не зашибла волна, перекинувшаяся черезъ правый бортъ... Невольно соображаю, что это появленіе волнъ у праваго борта должно означать, что вѣтеръ еще разъ измѣнилъ направленіе и заходитъ къ западу. Это означало бы, что ни доводами о преимуществахъ пятибалльной системы, ни ссылкою на грегоріанскій календарь, ни даже пресловутою банкою устранить ураганъ уже невозможно.

Это—первое дыханіе тайфуна вчера мы всѣ такъ радостно привѣтствовали послѣ изнурительнаго штиля; это—его могущество мало-по-малу развертывается въ теченіе сутокъ. Намъ предстоитъ увидѣть его и въ полномъ развитіи, во всей силѣ и ужасѣ. Сотни матросовъ, быстро наполнившихъ кормовую палубу, прервали мои размышленія. Что такое? «Приказано убрать тентъ». Команда наша очень малочисленна, всего восемнадцать человѣкъ, и если бы только на нихъ разсчитывать, то давно слѣдовало бы убрать и тентъ, и паруса. При теперешней силѣ вѣтра, они уже не управились бы. Но съ нами возвращаются со службы свыше четырехсотъ матросовъ съ военныхъ судовъ нашей тихо-океанской эскадры и сибирской флотиліи. Они-то теперь, въ серьезную минуту, высыпали на помощь... Надо было видѣть, какъ эти ловкіе и сильные люди быстро усѣяли борта и снасти и начали отвязывать и свертывать двойной, тяжелый, намокшій тентъ при бѣшеномъ натискѣ бури, при этихъ страшныхъ взмахахъ судна, подъ прибоемъ яростнаго моря. Скоро, споро и благополучно былъ убранъ тентъ и низкое клубящееся тучами небо повисло, кажется, надъ самою головою. Глаза опять невольно приковываются къ мачтамъ и ихъ роковому колебанію отъ моря до моря. Паруса убраны тоже. Очевидно, начинаютъ вѣрить въ ураганъ. «Шквалъ!» слышу откуда-то громкое восклицаніе. Поспѣшно обращаюсь лицомъ къ сѣверо-западу (я уже соображаю, что оттуда онъ можетъ ожидаться въ настоящій моментъ),—и вижу сѣрую стѣну, занявшую половину небосклона и быстро нагоняющую насъ. Черезъ минуту все застонало и заметалось, ливень закрылъ все вокругъ и воцарился какой-то первобытный хаосъ въ быстро наступившемъ сумракѣ. Вечеръ и такъ приближался. Я укрываюсь въ рубку и спускаюсь внизъ. По дорогѣ слышу: «Теперь ужъ несомнѣнно, только безъ грозы».—«Этотъ ливень хуже грозы»,—отзывается другой голосъ. Это разговариваютъ компетентные люди.

Внизу, въ помѣщеніи, гдѣ находится и моя койка, застаю бесѣду людей некомпетентныхъ. Говорятъ, конечно, тоже объ

уранганѣ, но какъ о явленіи, прямо даже невозможномъ и потому интересномъ больше со стороны теоретической. Въ спасительную банку и приверженность тайфуновъ грегоріанскому календарю увѣровали, очевидно, не однѣ дамы. Въ одномъ углу передаются слышанныя въ Нагасакахъ подробности о недавнемъ ураганѣ и всѣ радуются, что мы опоздали нѣсколько выходомъ, а то, чего добраго, попали бы въ ураганъ!.. «И какъ пить дать, попали бы»,—авторитетно отзывается кто-то. Эта твердая вѣра авторитетнаго голоса, конечно, утѣшительна, но его рѣчь заглушается жаркимъ споромъ въ другомъ углу.

— Мнѣ хорошо знающіе китайскій языкъ говорили, что тайфунъ значитъ по китайски могила,—кричитъ одинъ голосъ.

— Я знаю изъ совершенно вѣрнаго источника, что это значитъ просто большой вѣтеръ, — перекрикиваетъ другой голосъ, — да и посудите сами, — обращается онъ уже ко всей предсѣдящей публикѣ,—посудите сами, если Суй-Фунъ значитъ большая рѣка, то, ясно, Тай-Фунъ будетъ большой вѣтеръ.

— Совсѣмъ неясно, откуда это ясно?

— Да кто же не знаетъ, что Суй или Су на всѣхъ монгольскихъ языкахъ значитъ рѣка?

Эта побѣдоносная диверсія на время заставляетъ умолкнуть противника. Я пользуюсь паузой, чтобы возстановить миръ; замѣчаю, что пусть по китайски ураганъ называется большимъ вѣтромъ или могилой, но только пусть онъ не будетъ могилой; и выражаю надежду, что съ этимъ, вѣроятно, всѣ согласны. Ничуть! Съ этимъ никто не согласенъ, всѣ полагаютъ, что ураганъ именно могила. «И даже большая могила, если только правда, что фунъ значитъ большой» — торжествующе обращается одинъ изъ филологовъ къ стороннику другой лингвистической теоріи. На сторонѣ могилы, повидимому, всѣ сочувствія и никто изъ этихъ добрыхъ людей, столь любящихъ ученость, не подозрѣваетъ еще, что рѣчь идетъ о настоящей минутѣ, о нашей судьбѣ! Если бы вчера сказать этимъ людямъ, когда они столь обрадовались начинавшемуся вѣтерку,

что это первые порывы шторма, они не повѣрили бы, или были бы поражены этимъ извѣстіемъ. «Штормъ» казался тогда еще ужаснымъ и маловѣроятнымъ, но сегодня они уже примирились съ этимъ фактомъ, приспособились къ нему и возобновили ученые споры. Филологическій споръ о словѣ «тайфунъ» смѣнилъ собою зодіакально-вулканическія объясненія солнечнаго заката и русская безпечность вступила снова во всѣ права свои. Но что вчера былъ «штормъ», то сегодня «тайфунъ». Ему не вѣрятъ, но его имени ужаснулись бы, еслибы повѣрили... Имя для этихъ людей, заключенныхъ въ подпалубную коробку, страшнѣе самого факта. Къ бѣшеной боковой качкѣ уже привыкли, объяснили ее штормомъ, испытали ея относительную безопасность, а развитіе остальныхъ явленій, шагъ за шагомъ проходившихъ тамъ, вверху, на нашихъ глазахъ, они пропустили и замѣтятъ это только тогда, когда эти явленія отразятся и внутри этой коробки. Это будетъ, но еще не скоро.

Отобѣдали. Отпили кофе. Положенное время побесѣдовали. Пробую выйти на палубу (около половины восьмого), но черная ночь виситъ надъ нею, ливень безъ отдыха и перерыва заливаетъ ее потоками, вода ходитъ по палубѣ волнами, а окрестность, погруженная во тьму и занавѣшенная ливнемъ, совершенно недоступна глазу. Даже поднятые у насъ фонари еле можно различить. Спускаюсь назадъ. Временно нарушенная судовая жизнь снова возстановилась, страдающіе отъ качки лежатъ пластомъ, нестрадающіе винтятъ или спорятъ. Странно, что среди пассажировъ никто еще не догадывается объ урaганѣ, уже превзошедшемъ высшую норму обыкновеннаго шторма. Въ нашемъ помѣщеніи четыре неисправимыхъ винтера устроились на койкѣ и винтятъ; на столѣ абсолютно невозможно, такъ какъ карты рѣшительно ни секунды не желаютъ оставаться на столѣ. Нѣкоторое время наблюдаю нашихъ винтеровъ и нахожу, что, въ интересахъ гигіены и развитой ловкости и граціи, было бы небезполезно распространеніе этого

особаго рода винта, такъ сказать, гимнастическаго, или даже акробатическаго винта. Въ другомъ концѣ, гдѣ вокругъ столика сидитъ маленькое общество и пьетъ пиво, слышна оживленная бесѣда. Столъ прикрѣпленъ неподвижно, но всетаки оказывается совершенно безполезнымъ безъ тѣхъ особыхъ приспособленій, которыя ставятся при качкѣ во время обѣда (переплеты для тарелокъ и гнѣзда для стакановъ и бутылокъ). Посуда все равно не держится на немъ. Подсаживаюсь и я къ этому столику. Не взирая на полныхъ десять балловъ, которыхъ достигъ уже тифонъ, пробки такъ же хлопаютъ, какъ и на сушѣ, и жидкость, приготовленная въ Одессѣ на пивномъ заводѣ Ени и К°, такъ же шипитъ и пѣнится въ стаканѣ, какъ и на Приморскомъ бульварѣ въ Одессѣ. И совершенно такъ же эти стаканы выпиваются. Публика уже привыкла не расплескивать изъ стакана. Публика, конечно, занимается критикой. Мы критикуемъ наше судовое начальство и полагаемъ, что, конечно, гораздо лучше распорядились бы на его мѣстѣ.

Приходъ матросовъ съ плотничными инструментами прерываетъ бесѣду.

— Зачѣмъ это?

— Приказано двери прорубить къ бабамъ.

— Какъ къ бабамъ?

— Да вотъ тутъ за этой переборкой (простѣнкомъ) третьеклассныя бабы помѣщаются, ну, значитъ, къ нимъ дверь рубить.

— Для чего же?

— Не могу знать.

Заработали топоры и молотки, скоро одна за другою оторваны доски и образовано широкое отверстіе для сообщенія. Удивленныя и нѣсколько испуганныя лица пассажирокъ выглядывали на насъ въ ожиданіи чего-то неизвѣстнаго и, можетъ быть, очень непріятнаго. Дѣти жались къ матерямъ и съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ смотрѣли на это вторженіе въ ихъ владѣнія. «Гдѣ же это вы, ребята, прорубили проходъ,— раздается голосъ спустившагося офицера,—зачѣмъ къ бабамъ?

Вѣдь не дай Богъ, что случится, не черезъ бабъ же бѣжать, недолго и дѣтей подавить». Плотникамъ приказано снова задѣлать сообщеніе съ бабьей каютой и указано мѣсто, гдѣ можно прорубить проходъ въ помѣщеніе военныхъ матросовъ, возвращающихся изъ Владивостока на родину. На вопросъ, зачѣмъ понадобился теперь проходъ, намъ объясняютъ, что, въ виду всякихъ возможныхъ случайностей, необходимо имѣть непрерывное сообщеніе вдоль всего парохода не только по верхней палубѣ, но и здѣсь. Объясненіе, конечно, вполнѣ резонное, но оно дѣйствуетъ на публику не совсѣмъ пріятно. Значитъ, ожидается и нѣчто худшее уже испытаннаго и пережитаго. Впрочемъ, неисправимый оптимизмъ, присущій человѣку, скоро возстановляетъ доброе настроеніе всѣхъ, не страдающихъ отъ качки, а появленіе чая возвращаетъ къ привычкамъ милой родины.

Въ десять часовъ вечера я дѣлаю новую безуспѣшную попытку выйти на палубу. Съ пяти часовъ ливень не прекращается. Захожу въ машинное отдѣленіе, гдѣ, кромѣ дежурнаго механика, собрались старшій механикъ и нѣсколько офицеровъ. Вѣтеръ все свѣжѣетъ, барометръ падаетъ; недавно прошло поперекъ нашей дороги большое судно и едва разсмотрѣли огни, когда оно уже прошло; надо думать, въ Маниллу. Могла быть непріятная случайность; мы были очень близко. Остальное до сихъ поръ все благополучно. Да покуда машина работаетъ исправно и судно повинуется рулю, опасаться нечего. Смотримъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ на эти громадные поршни, поочередно выскакивающіе изъ цилиндровъ. Ихъ тяжкая работа—гарантія нашей судьбы. Теперь, когда вотъ уже почти полсутки, при каждомъ розмахѣ корабля, обнажается винтъ, постоянно измѣняя среду сопротивленія и постоянно непосредственно принимая удары волнъ, вся эта жестокая неправильность работы винта не можетъ не отражаться до самыхъ нѣдръ машины. Испытаніе тяжелое и одною изъ главныхъ причинъ, что и теперь гибнутъ нерѣдко корабли, надо считать недостаточное вниманіе судохозяевъ къ полной и совершенной исправности и прочности машины. Изъ машиннаго отдѣленія перехожу, по зову хозяина, въ одну изъ офицерскихъ каютъ. Роспиваемъ кахетинское вино и бесѣдуемъ о далекой родинѣ. Голодъ, холера, политика, сибирская дорога заставляютъ насъ совершенно забыть о злобѣ текущей минуты. Горячіе споры о постройкѣ Уссурійской дороги особенно долго занимаютъ насъ и мы не замѣчаемъ, какъ наступаетъ полночь. Я предлагаю подняться наверхъ (мнѣ, новичку, все хочется поглядѣть), но ливень продолжается и дѣлаетъ это предпріятіе безполезнымъ. Неправильная качка судна, которое, на-ряду съ мѣрною боковою качкою, порою даетъ килевую (продольную), обнаруживаетъ, что вѣтеръ зашелъ еще болѣе къ западу и начинаетъ заходить къ намъ на встрѣчу. Попутная зыбь даетъ боковую качку, а встрѣчная килевую. Перемѣна вѣтра, однако, не сразу измѣняетъ направленіе зыби, и въ этотъ-то періодъ борьбы двухъ направленій зыби судно пріобрѣтаетъ эту смѣшанную непріятную качку, съ какимъ-то коловращеніемъ, толчками, неравномѣрностью и неплавностью розмаховъ. Мы проходимъ этотъ періодъ смѣны боковой качки килевою, періодъ, характеризующій въ такой мѣрѣ почти что только одни ураганы и на неприготовленнаго пассажира наводящій особенный ужасъ. И теперь, когда я вхожу къ себѣ, вижу, какое смятеніе и панику поселилъ новый періодъ урагана. Слово «тайфунъ» уже произнесено и мои спутники находятся подъ гнетомъ сознанія вѣроятной, близкой гибели. Пренія о словопроизводствѣ брошены и «большая могила» смотритъ своими черными глазами во всѣ иллюминаторы (окошки) каюты. А эта адская толчея двухъ борющихся зыбей дѣйствуетъ все новыми и неожиданными положеніями судна, какъ признакъ чего-то новаго наступающаго и непонятнаго, быть можетъ, даже конца. «Несомнѣнно, мы попали въ тайфунъ» — встрѣчаютъ меня тихимъ сообщеніемъ.—«Знаю,—стараюсь я успокоить нѣсколько публику,—только это такъ себѣ тайфунишка какой то, десять балловъ всего, да и безъ грозы». Укрѣпивъ себя, по возможности, такъ, чтобы не упасть, ложусь на койку. Недав-

няя бесѣда о давно невидѣнной родинѣ воскрешаетъ въ мозгу родныя картины, любимыя лица, заслоняя всякія заботы и иныя тревоги, а усталое тѣло, бодрствующее среди невѣроятныхъ впечатлѣній уже втеченіе почти двадцати часовъ, требуетъ отдыха,—и я засыпаю на зло тайфуну и всѣмъ аггеламъ его.

Удушливый дымъ, крики людей, топотъ бѣгущихъ ногъ пробуждаютъ меня. Мгновенно соображаю, что на кораблѣ пожаръ и гдѣ-то оченъ близко. Хочу вскочить съ койки, но толпы матросовъ наполняютъ проходъ. «Не спѣшите, господа, не спѣшите» — успокоиваютъ матросы — «уже все погашено». Въ сосѣднемъ съ нами корридорѣ, въ аптекѣ качкою разбило керосиновую лампу, отъ которой загорѣлась занавѣска, отъ занавѣски—деревянная стѣна (или дверка), но дальше распространеніе пожара было остановлено матросами, прибѣжавшими черезъ тотъ самый проходъ, который вечеромъ прорубили. Все хорошо, что хорошо кончается, но мысль, что около тысячи человѣкъ могло погибнуть только отъ того, что добровольный флотъ освѣщаетъ свои корабли керосиномъ, должна привести въ ужасъ всякаго. Ураганъ и горящая керосиновая лампа въ стекляномъ резервуарѣ—простое сопоставленіе это способно удивить всякаго здравомыслящаго, но, и съ другой стороны, нельзя корабль оставлять во время урагана безъ освѣщенія! Очевидно, необходимы иные способы. Послѣ случая съ пароходомъ «Вѣра» на Волгѣ, кажется, керосиновое освѣщеніе на судахъ было запрещено, но распространяется ли это запрещеніе на суда добровольнаго флота? На Волгѣ еще можно выплыть на берегъ, можно ожидать помощи со стороны, но не въ океанѣ.

Послѣ такого пріятнаго пробужденія, конечно, не скоро уснешь. Къ тому же дымъ еще наполняетъ наше помѣщеніе и сосѣдніе корридоры. Надо выбираться на палубу; страшная килевая качка показываетъ, что буря зашла уже совсѣмъ намъ на встрѣчу и новая встрѣчная зыбь окончательно осилила и устранила прежнюю попутную, насъ погонявшую втеченіе почти сутокъ. Справляюсь со временемъ: — четыре часа ночи.

Справляюсь о состояніи погоды: ливень пересталъ, вѣтеръ одиннадцать балловъ, натисками доходитъ и до двѣнадцати. Дальше идти некуда. Мы въ самомъ апогеѣ урагана. Еще выдержать часъ, другой — и дѣло пойдетъ на убыль. Прохожу машинное отдѣленіе, поршни работаютъ, дежурный механикъ на вахтѣ, дверь въ освѣщенную каюту старшаго механика полуоткрыта и онъ не спитъ. Выползаю на верхъ, пытаюсь осторожно отворить дверь на палубу, но напоръ вѣтра такъ силенъ, что удается это мнѣ не сразу. Дверь за мною захлопывается и я, уцѣпившись обѣими руками за перила, окружающія стѣны рубки, съ трудомъ нахожу положеніе, въ которомъ могу выдерживать ни съ чѣмъ несравнимые натиски бури, которая мчится прямо намъ на встрѣчу.

Море теперь предо мною... Его я не вижу, однако... Кажется, вижу вокругъ снѣжный сибирскій буранъ. Гонитъ тундрою онъ пыль снѣговую и хлопья; застланъ кругомъ небосклонъ, застланы вьюгой глаза! Но предо мною не вьюга, несущая снѣжныя хлопья, и предо мной не тундра, сѣверной ночи дитя... Страшный ударъ урагана въ нѣдра проникъ океана, вспѣнилъ его до глубинъ, снѣга окрасивъ бѣлѣй, пѣну же поднялъ до тучи, низко клубящейся, черной. Бѣлую пыль водяную, пѣны сорвавшейся хлопья буря несетъ намъ въ лицо... Мечется, стонетъ вокругъ море больное, сраженное натискомъ злымъ урагана! Съ грохотомъ мчатся валы бѣшеной пѣны морской. Съ яростью ихъ обгоняютъ бѣлыя тучи густыя пѣны, что сорвана съ моря силою страшной тифона.

Судно назадъ опрокинулось, сѣвъ на корму всею силой. Бѣлою пѣною сзади пройденный валъ отливаетъ; палуба склону крутому подобна, впередъ поднимаясь; мачты склонились къ кормѣ; бѣлыя стѣны съ боковъ...

Судно вскочило на валъ. На мгновеніе все измѣнилось: палуба горизонтальна; снасти же въ мракъ погрузились; кажется, въ тучу ушла мачта вершиной своей... Вкругъ далеко открывается море смятенное, бѣлое, снѣжной мятели картину собой представляя...

Судно спускается съ вала, нынѣ впередъ наклонившись. Дрогнулъ корабль весь. То винтъ обнажился подъ корпусомъ сзади. Судно скользитъ какъ бы въ бездну по склону пройденнаго вала. Бѣлой стѣной наступаетъ другой намъ навстрѣчу. Кажется, будто стремительно мчится ко дну наше судно; встрѣчный же валъ насъ спѣшитъ массой своею прикрыть, насъ заливая сначала тучами бѣшеной пѣны! Жутко становится въ эти минуты предъ встрѣчей съ тайфуномъ: что если судно зароется въ валъ наступающій носомъ? Что если массою встрѣчной волны оно будетъ прикрыто? Сколько немедленно жертвъ, съ палубы смытыхъ волной! Сколько аварій, поломокъ, вреда, испытаній жестокихъ! Если же разъ и другой повторятся случайности эти, судно, пожалуй, не вынырнетъ больше изъ пѣны кипящей...

Судно, однако, спускаетъ корму, начинаетъ опять подниматься, снова и снова взбираясь на валъ и съ него низвергаясь. Но испытаніе каждое, спускъ въ глубину межъ валами, натиски бѣшеныхъ встрѣчныхъ валовъ, — все волнуетъ. Смотришь на весь этотъ ужасъ, глазъ оторвать невозможно: это уже не хаосъ, когда штормъ равновѣсье нарушилъ силъ безпокойныхъ, разрушивъ гармонію ясной погоды! Нѣтъ, здѣсь опять равновѣсье, гармонія, твердый законъ, но равновѣсье стихій, солидарныхъ во гнѣвѣ и битвѣ. Правильно все здѣсь. Въ самомъ грохотѣ слышится ритмъ, звуковъ гармонія слышится: правильной мчатся чредою... Ясно, сомнѣнія болѣе нѣтъ, ураганъ въ апогеѣ. И потому равновѣсье, гармонія, правильность звуковъ...

— Что, баринъ, на Врагана посмотрѣть вышли? — раздается около моего уха голосъ стараго матроса. — Поосторожнѣе бы, баринъ, а то онъ этого не любитъ. Смоетъ, неровенъ часъ... Уйти бы лучше...

— А ты много разъ бывалъ въ ураганахъ?

— Случалось, бывали... Не хорошее это дѣло, какъ встрѣтится Враганъ. Лютѣе его нѣтъ, много губитъ. Сегодня тоже зашибъ матросика.

— На смерть?

— Нѣтъ, сволокли въ лазаретъ, можетъ помереть, а не то отлежится. Вдарилъ онъ волной.

— А больше сегодня не было несчастій?

— Съ людьми, кажется, Господь миловалъ, а шлюпку слизнулъ волной, носовую, совсѣмъ расколотилъ и званія не осталось... Очень лютъ...

Старикъ пошелъ своею дорогою. Пора и мнѣ, промокъ до костей и теперь, когда старый матросъ вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія передъ картиною урагана, я чувствую, что продрогъ и что руки мои окоченѣли, цѣпляясь за перила. Осторожно возвращаюсь внизъ къ своей каютѣ (каюту уже провѣтрило и въ ней даже прохладно), сбрасываю мокрую одежду и укутываюсь, чтобы согрѣться...

«Вдарилъ волною Враганъ», «Лютый, онъ шлюпку слизнулъ», — «Лютый не любитъ...» мелькаютъ въ умѣ выраженья матроса... Что же такое тифонъ для него, лютый, сердитый Враганъ? Демонъ иль Врагъ-великанъ, живое созданіе, злое? Видится мнѣ и наружность Врагана, могучаго, злого: въ тучу уходитъ чело, до пояса гнѣвное море, мантія бѣлая, въ складкахъ гигантскихъ, мохнатая, въ пѣнѣ; складки касаются неба, съ косматою тучей сплетаясь; въ складкахъ запутались люди, борются, мечутся, гибнутъ; черная шапка изъ тучи; голосъ громовой Врагана, страшная сила его, гнѣвныя злыя дѣла!.. Съ грезами ночи сливаясь, эти картины тифона выросли въ образъ могучій Гиганта-Врагана: лютый и злой Исполинъ бродитъ по морю вокругъ, черная шапка на немъ и бѣлымъ плащемъ онъ окутанъ... Миѳы порою подобнымъ путемъ создаются. Порою такъ усыпляются миѳами люди, народы, эпохи...

По примѣру многихъ великихъ народовъ, и я, усыпляемый миѳологическими грезами, погружаюсь въ глубокій сонъ.

XXII.

МАЛАЙСКИМЪ АРХИПЕЛАГОМЪ.

Благословенный край, плѣнительный предѣлъ.

А. Пушкинъ.

Послѣ урагана.—Сингапурскія ожиданія.—Въ виду острововъ Малайскаго архипелага. — Очарованіе архипелага. — Гончаровъ, Уоллесъ, Маклай.—Особенности края.—Виды.

Утро 1-го ноября. Просыпаюсь не рано. Судно продолжаетъ дѣлать свои колоссальные килевые розмахи, но свѣтло и ясно и доносящіеся сюда звуки океана тише, однообразнѣе. Море, очевидно, утомилось борьбою, согласно и на миръ. Нѣкоторые изъ спутниковъ уже встаютъ, большинство лежитъ, блѣдные, измученные жестокими впечатлѣніями ночи, угнетаемые этою, не прекращающеюся килевою качкою (которая дѣйствуетъ гораздо губительнѣе боковой и многіе, отлично переносящіе боковую качку, сваливаются при килевой). Поспѣшно одѣваюсь и поднимаюсь наверхъ. Въ рубкѣ слышу, какъ офицеры подводятъ итоги нашихъ счетовъ съ ураганомъ: сорвало марсъ, разбило шлюпку, зашибло матроса, былъ небольшой пожаръ и все. Нельзя не признать, что очень благополучно. Докторъ говоритъ, что зашибленный долженъ оправиться. Разсказываютъ, что послѣ полуночи (когда я первый разъ уснулъ) было нѣсколько минутъ совершеннаго штиля. Такъ близко мы прошли отъ центра урагана. Позднѣе, когда былъ вычерченъ путь урагана, опредѣлилось, что мы прошли всего въ трехъ миляхъ отъ центра (около пяти верстъ). Если бы проходили эту точку днемъ, то надъ во-

сточнымъ горизонтомъ могли бы видѣть, пожалуй, и зловѣщее око урагана. Немногіе, видѣвшіе это око, увидѣли потомъ что-либо другое. Все это доказываетъ, что бываютъ ураганы, еще болѣе лютые, чѣмъ вчерашній. Я полагаю, однако, что съ меня вполнѣ достаточно и этой лютости... Освѣдомляюсь, какъ теперь сила вѣтра?—«Упала, кажется, до семи балловъ и будетъ быстро падать, барометръ поднимается». Выходитъ, однако, что мы все-таки идемъ еще штормомъ. Волненіе же продолжится довольно долго и послѣ того, какъ уляжется вѣтеръ.

Выхожу на палубу и занимаю свой наблюдательный постъ на кормовой скамейкѣ, гдѣ вчера я перемигнулся со смертью. Ясно. По небу въ разныхъ мѣстахъ стремительно бѣгутъ разорванныя безпорядочныя тучи, то затѣняя панораму моря, то открывая ее солнечнымъ лучамъ. Хребты громадныхъ волнъ съ бѣлыми кипящими вершинами несутся намъ навстрѣчу и судно скользитъ, перепрыгивая черезъ нихъ. Все грандіозно и было бы даже страшно, еслибы не вчерашнія ночныя картины, которыя кажутся какими-то странными фантастическими грезами, переплетаясь съ сонными видѣніями Исполина-Врагана и выростая въ легенду, едва вѣроятную.

Къ утру 2-го ноября и эти послѣднія тучи разсѣянной бури умчались съ небесъ, море успокоилось, начали мелькать острова Малайскаго архипелага, пассажиры оправились и судовая жизнь вошла въ свою обычную колею. 3-го ноября мы входили въ гавань Сингапура. Остановившись на рейдѣ, чтобы обождать, пока очистится мѣсто на пристани, мы уже не могли сами подойти. Машина не дала хода. Избитая ураганомъ, она, какъ раненый звѣрь, добѣжала до логова и свалилась. На буксирѣ подтянули насъ къ пристани и принялись чинить машину. Невольно приходило въ голову, что̀ было бы, еслибы она отказалась работать во время урагана? Насъ и то почти уже не ждали въ Сингапурѣ, присоединивъ къ списку многихъ иныхъ, не выдержавшихъ страшнаго испытанія, но мы, оказывается, не пожелали оправдать эти великодушныя надежды сингапурскихъ гражданъ.

Малайскій архипелагъ, въ предѣлы котораго «Петербургъ» меня доставилъ (какъ уже упомянуто) 2-го ноября 1892 года, пріобрѣлъ прочную и заслуженную славу земного рая, раскинувшагося на необъятную площадь, измѣряемую въ длину и ширину тысячами верстъ. Всѣ путешественники съ XVI вѣка и по настоящее время не находятъ словъ, чтобы выразить чувства восторга и умиленія, возбуждаемыя этими несравненными, восхитительными странами. Между прочимъ, и Гончаровъ заплатилъ дань этому восторгу и оставилъ чудесныя картины мимоходомъ посѣщенныхъ имъ уголковъ Малайскаго архипелага. Ява, Сингапуръ и омывающія ихъ воды Индійскаго и Великаго океановъ, здѣсь смѣшивающихъ свои струи, нашли себѣ художественное отраженіе во «Фрегатъ-Палладѣ» и какъ бы сроднились съ русскимъ читателемъ, воспринимающимъ эти образы съ первыхъ шаговъ своего литературнаго развитія. Художественныя картины природы и жизни Малайскаго архипелага въ извѣстной книгѣ Альфреда Уоллеса, а затѣмъ очерки Миклухи-Маклая расширяютъ и систематизируютъ чувства и образы, намѣченные Гончаровымъ, и невольно дѣлаютъ эти страны какою-то заманчивою мечтою, страшною и привлекательною. Невыносимый зной, такъ жестоко изображенный Гончаровымъ; зловредныя болѣзненныя испаренія джунглей и болотныхъ зарослей; тигры, крокодилы, удавы—на сушѣ, акулы—въ морѣ; пираты, людоѣды, ураганы, шквалы, землетрясенія—все это жутко и заманчиво своею жуткостью... А рядомъ съ этимъ—все, что можетъ пожелать самое пылкое воображеніе сѣверянина: красоты природы, передъ которыми въ благоговѣніи преклонялись ученые и художники; чудеса растительнаго и животнаго міра, о которыхъ, казалось бы, только въ сказкахъ разсказывать; плоды и произведенія, о которыхъ мы не имѣемъ никакого представленія, или лишь самое слабое по тепличнымъ образцамъ; иные люди, иные обычаи, нравы, вѣрованія. Все неиспытанное, необычное, невѣдомое, заманчивое и притягательное—это и есть Малайскій архипелагъ. Не мудрено, поэтому, если, имѣя

Гончарова—въ сердцѣ, Уоллеса, Дарвина и Миклуху—въ головѣ, вступаешь въ легендарный край съ нѣкоторымъ трепетомъ ожиданій, надеждъ и опасеній. Впервые прикоснулся я къ этому прославленному краю въ 1891 году съ 6-го по 11-е апрѣля, а теперь 2-го ноября 1892 г. я вторично вхожу въ его предѣлы, чтобы опять только прикоснуться къ нему мимоходомъ, прорѣзать его сѣверо-западную окраину.

Тропическихъ странъ на свѣтѣ много, а Малайскій архипелагъ—только одинъ. Тропики захватываютъ въ ширину около 5,000 верстъ, простираясь въ длину во всю окружность земного шара по экватору, т. е. до 40,000 верстъ, а кромѣ Малайскаго архипелага, только немногіе изолированные уголки, какъ Цейлонъ, или Таити, могутъ съ нимъ соперничать по силѣ, роскоши и благости природы. Все же остальное рѣзко и характерно отличается гораздо менѣе благопріятными условіями жизни, ни мало не вызывая представленія о земномъ раѣ. Позволительно спросить, какая тому причина? Исключительное стеченіе благопріятныхъ условій для какого нибудь пункта, какъ Цейлонъ или Таити,—это одно, а сочетаніе такихъ условій для цѣлой обширной страны—совсѣмъ другое. Большому кораблю—большое и плаваніе. Но и большое плаваніе только большому кораблю. Великія послѣдствія должны имѣть и великую причину, а послѣдствія дѣйствительно большія, простираясь по обѣ стороны экватора на площадь шириною 1,500—2,000 верстъ при длинѣ, болѣе нежели вдвое значительнѣйшей... Расположеніе суши и моря, какъ въ предѣлахъ самого Малайскаго архипелага, такъ и вокругъ, въ сосѣдствѣ, и составляетъ эту причину. Возьмемъ сосѣднія тропическія страны и посмотримъ, что отличаетъ ихъ отъ счастливаго архипелага и чѣмъ онѣ угнетены.

Прежде чѣмъ 2-го ноября увидѣть вокругъ себя смѣющіеся и манящіе къ себѣ островки Малайскаго архипелага, мы, съ читателями, прошли съ 28-го октября длинный тропическій поясъ, пронесясь въ ураганѣ по океану, омывающему тропи-

ческіе берега южнаго Китая и Аннама. Остановимся сначала на природѣ и условіяхъ развитія этихъ странъ. Это обширный край уже знакомыхъ намъ восточныхъ муссоновъ, которые являются главными господствующими причинами при распредѣленіи тепла, влаги, дождя, вѣтра на всемъ этомъ длинномъ побережьи, какъ и далеко къ сѣверу отъ него въ Сѣверномъ Китаѣ, Кореѣ и Южно-Уссурійскомъ краѣ. Лѣтомъ нагрѣтый материкъ Азіи всасываетъ въ себя воздухъ Великаго океана, растилающагося къ востоку и юго-востоку безконечною площадью. Зимою же, наоборотъ, болѣе теплая атмосфера океана всасываетъ холодный воздухъ Центральной Азіи. Отсюда — лѣтніе восточные и юго-восточные муссоны, насыщенные и пресыщенные влагою, осѣдающею на берегахъ въ баснословномъ количествѣ, между тѣмъ какъ зимніе, западные и сѣверо-западные муссоны несутъ тѣмъ же странамъ сухость и холодъ. Вслѣдствіе этого, напр., Китай, несмотря на свое тропическое положеніе, не имѣетъ растеній, извѣстныхъ гораздо болѣе сѣвернымъ странамъ Запада (холодъ зимняго муссона — тому причиною), тогда какъ Аннамъ, Тонкинъ, Кохинхина отличаются изъ рукъ вонъ нездоровымъ климатомъ, затопляемые лѣтними дождями какъ разъ во время сезона отвѣсныхъ солнечныхъ лучей. Ядовитыя испаренія джунглей, размноженіе всякаго вреднаго гада и гнуса, наводненія, бури, неукротимая сила природы, — все это послѣдствія муссоновъ, господствующихъ на этихъ берегахъ. Принося влагу, муссоны составляютъ гарантію органической жизни этихъ странъ, но излишество лѣтней влаги, какъ недостатокъ ея зимою при несоотвѣтственномъ пониженіи температуры — являются бичемъ страны. То же самое или подобное должно сказать о климатѣ экваторіальной Африки, Ост-Индіи, Центральной Америки, но именно нельзя этого сказать о климатѣ Малайскаго архипелага. Муссоны и здѣсь господствуютъ, принося и здѣсь влагу, но распредѣлена она гораздо равномѣрнѣе по всѣмъ временамъ года (какъ и температура) и осаждается въ количествѣ, болѣе умѣренномъ. Восточная Азія періодически обмѣнивается

воздухомъ съ океаномъ; поэтому она то всасываетъ массу влаги, то высылаетъ совершенную сухость. Надъ Малайскимъ же архипелагомъ проносятся муссоны, представляющіе собою обмѣнъ воздуха не материковаго и океанскаго, а двухъ материковыхъ. На сѣверо-западѣ отъ архипелага лежитъ, вся въ предѣлахъ сѣвернаго полушарія, Азія, нагрѣвающаяся въ періодъ съ апрѣля по сентябрь, и въ это время всасывающая болѣе холодный воздухъ съ юго-востока, гдѣ на противоположной окраинѣ архипелага лежитъ материкъ Австраліи, весь въ предѣлахъ южнаго полушарія, т. е. охлажденный именно въ это время. Австралійскій сухой воздухъ и проносится въ это время надъ архипелагомъ, насыщаясь влагою именно изъ моря архипелага и здѣсь же по дорогѣ осаждая ее на разсѣянныхъ островахъ. Въ періодъ же съ октября по мартъ нагрѣвается Австралія и всасываетъ сухой азіатскій воздухъ, который совершенно такъ же по дорогѣ насыщается влагою изъ моря и по дорогѣ же осаждаетъ ее на островахъ. Изъ этого ясно, что оба муссона осаждаютъ влагу, но, гораздо менѣе ею насыщенные, и осаждаютъ ее меньше, умѣреннѣе. Равномѣрное, обильное, но не излишнее осажденіе влаги (при равномѣрномъ и обильномъ теплѣ, происходящемъ и отъ экваторіальнаго положенія и отъ умѣряющаго вліянія океана) представляется характеристическимъ отличіемъ этихъ странъ и является главною могучею причиною роскошной, несравненной природы сказочнаго края.

Гдѣ бы вы ни встрѣтили на своемъ водномъ пути острова, вы всегда увидите берега, обнаженные обрывы, утесы, отмели, иногда украшенные и декорированные растительностью. Только здѣсь, въ Малайскомъ архипелагѣ, всѣ эти безчисленные острова, которые безпрерывною густою сѣтью проходятъ передъ вами втеченіе четырехъ сутокъ (на моемъ короткомъ пути), носятъ совсѣмъ другой характеръ. Ничего, кромѣ зелени, вы не видите. Кажется, что лѣса, рощи, джунгли выросли прямо изъ моря. Кажется, что горы, порою очень высокія (на Суматрѣ или Маллакѣ), представляютъ тоже какое-то причудливое произведеніе исполин-

ской мощи растительнаго міра. Все зелено, все переливаетъ то мягкими ласкающими тонами (это пальмовыя рощи, плантаціи, джунгли), то болѣе темными, какъ будто упорными въ своихъ намѣреніяхъ, непреклонными въ своей силѣ фонами (это дѣвственные лѣса), но все непрерывно, сплошь зелено и мохнато. Облака ползаютъ не по утесамъ и обрывамъ вершинъ, а по косматымъ и зеленымъ шапкамъ этихъ исполиновъ. Молніи сверкаютъ на фонѣ не стремнинъ и обнаженныхъ каменныхъ громадъ, своими яркими зигзагами бороздятъ не сѣрые, бѣлые и красные, изрѣзанные и исколотые, причудливые склоны, выступы и гребни, но все тѣ же косматыя, зеленыя, отливающія разными тонами, не менѣе причудливыя по своимъ фигурамъ лѣсныя поверхности, собранныя въ громадныя живописныя складки, прикрытыя круглыми, остроконечными и всякихъ иныхъ формъ такими же зелеными и мохнатыми шапками. Такова тутъ сила растительности. Отъ урѣза морского прибоя до высоты 8—9 тысячъ футовъ, на пескѣ, на кораллѣ и на гнейсѣ, по самымъ крутымъ склонамъ и стремнинамъ, всюду растительная жизнь завоевала себѣ невозбранное господство, всюду превращая инертную мертвую природу разныхъ угрюмыхъ и упорныхъ каменныхъ громадъ и сыпучихъ песковъ въ роскошный садъ неукротимаго развитія. Передъ вами проходятъ и низкіе, здѣсь безчисленные коралловые атолы; и не менѣе безчисленные мелкіе обломки прежнихъ материковъ, щеголяющіе своими возвышенностями и неправильными фигурами; и недавніе вулканическіе острова съ правильными остроконечными сопками; и, наконецъ, цѣлые своего рода міры, какъ Суматра. И все это безконечное разнообразіе природы, условій, происхожденія, видовъ, величины и значенія сходится только въ одномъ, въ этомъ всеподавляющемъ торжествѣ органической жизни. Природа какъ бы закуталась въ эту красивую, то мягкую и манящую, то суровую и пугающую, зеленую мантію, накинутую на нее союзомъ тропическаго солнца и тропической влаги, съ любовью соединившихся въ этомъ краѣ и не знающихъ здѣсь періодической разлуки, неизбѣжной въ другихъ мѣстахъ.

Всѣ эти необычные образы и картины природы въ Малайскомъ архипелагѣ видѣлъ я большею частью съ борта парохода втеченіе тѣхъ четырехъ сутокъ, которыя путь нашъ перерѣзываетъ архипелагъ. Высаживался же я только въ Сингапурѣ, небольшомъ островѣ, гдѣ культура человѣка внесла значительныя преобразованія, не нарушая, однако, вышенамѣченной основной черты яркаго преобладанія органической жизни. 3-го ноября мы, какъ уже извѣстно читателю, причалили къ пристани Сингапура.

XXIII.

ПЕРВЫЯ СУТКИ ВЪ СИНГАПУРѢ.

Шквалъ.—Рейдъ.—Дженнери.—Кареты.—Шоссе и осушительныя работы.—Европейскій городъ.—Тропическія гостинницы.—За городомъ.—Кокосовая пальма.—Лѣса и джунгли.—Культура Сингапура.—Ботаническій садъ.—Отдыхъ на сушѣ.

«Это было 24-го мая, часовъ въ одиннадцать утра,—пишетъ Гончаровъ, — мы вошли въ Сингапурскій проливъ, лавируя. Пошелъ дождь, да еще со шкваломъ: шквалъ прошелъ, а дождь продолжался и освѣжилъ атмосферу. Мы отдохнули отъ жара. Реомюръ показывалъ $23^{1}/_{2}^{0}$ въ тѣни». Это было 24-го мая 1853 года, но это же самое было и 3-го ноября 1892 года. Точно такъ же «пошелъ дождь, да еще со шкваломъ; шквалъ прошелъ, а дождь продолжался» и т. д. И то же самое я долженъ былъ бы сказать и о первомъ моемъ прибытіи 9-го апрѣля 1891 года... Должно быть въ Сингапуръ иначе не приходятъ, какъ со шкваломъ и ливнемъ. Но если Гончаровъ сорокъ лѣтъ тому назадъ былъ очень радъ шквалу и ливню, такъ какъ «дождь освѣжилъ атмосферу» и «мы отдохнули отъ жара»; если полтора года тому назадъ, 9-го апрѣля, и я рѣшительно ничего не имѣлъ противъ буйнаго набѣга тропическаго шквала съ ливнемъ, такъ какъ тоже радъ былъ освѣжить атмосферу и отдохнуть отъ жара (доходившаго до $+32^{0}$ R въ тѣни), то никакъ не могу сказать того же о такой же радушной встрѣчѣ, устроенной сингапурскою погодою теперь, 3-го ноября. Не болѣе сутокъ прошло, какъ мы свели свои

послѣдніе счеты съ ураганомъ. И впечатлѣніями бури были всѣ мы переполнены черезъ край. Для всѣхъ насъ берегъ, суша, твердая почва подъ ногами являлись какою-то органическою потребностью, страстнымъ желаніемъ, необходимымъ отдыхомъ отъ этой зыбкости, что истомила и изнервила въ теченіи трехъ сутокъ. И всякое неожиданное препятствіе стремленію прикоснуться поскорѣе, сейчасъ же, къ берегу выростало въ нѣчто лично враждебное, ненавистное. Передъ самымъ входомъ въ гавань разразился шквалъ. Ливень совершенно занавѣсилъ рейдъ. Входить было опасно: ничего не видно. Мы начали прогуливаться у входа въ обѣтованную землю и, хотя это кочеваніе продолжалось не сорокъ лѣтъ (какъ это было суждено бѣднымъ евреямъ), но и сорокъ минутъ показались вѣчностью. Вошли, наконецъ. Пріостановились на рейдѣ, чтобы дать очиститься мѣсту у пристани; но когда нужно было подходить, машина, измученная недавними испытаніями, не дала хода. Ураганъ оставилъ намъ это завѣщаніе. Новая ненавистная остановка, новая отсрочка, покуда буксирный пароходъ не цѣпляетъ насъ съ лѣваго борта и потихоньку подводитъ правымъ бортомъ къ пристани. Притягиваемся, бросаемъ сходни и сами бросаемся стремглавъ на берегъ. Мы знаемъ, что отходимъ не раньше послѣ завтра, 5-го ноября, и можемъ располагать временемъ для отдыха отъ сильныхъ впечатлѣній.

Сингапуръ имѣетъ двѣ гавани и два рейда. Мы причалили къ пристани новой гавани, лежащей съ южной стороны острова. Старая гавань, болѣе обширная и расположенная прямо въ виду города, лежитъ съ восточной стороны. Набережныя обѣихъ гаваней, если бы ихъ продолжить, должны бы были встрѣтиться почти подъ прямымъ угломъ. Ихъ раздѣляетъ, однако, вдающійся въ море мысъ. Если, стоя на палубѣ судна, вы повернетесь лицомъ къ пристани (въ новой гавани), то старая гавань будетъ за пристанью правѣе. Гончаровъ стоялъ въ старой гавани, но ѣздилъ осматривать и новую, только тогда заложенную. Угольные склады и небольшое количество товарныхъ пак-

гаузовъ, да таскающихъ грузы китайцевъ, видѣлъ тогда здѣсь нашъ художникъ. Прошло сорокъ лѣтъ и набережная обратилась въ обширное предмѣстье, въ которомъ, однако, и теперь угольные склады и товарные пакгаузы занимаютъ главное мѣсто. Грузы, однако, таскали больше малайцы. Я выхожу на пристань, засыпанную угольнымъ мусоромъ, и по мосткамъ направляюсь на сушу, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ насъ китайскіе дженнери, малайскіе извозчики, проводники. Начинаютъ скопляться и продавцы плодовъ и раритетовъ. Три малайскихъ красавицы благосклонно осматриваютъ проходящую публику.

Не могу привыкнуть безтрепетно и безъ конфуза ѣздить на людяхъ, хотя бы то были сами китайцы. Поэтому, огорчаю предлагающихъ свои услуги дженнери и нанимаю карету. На Сингапурѣ дженнери—все сплошь китайцы. Я не видѣлъ между ними ни малайцевъ, ни индусовъ. Одѣтые въ однѣ шаровары, съ обнаженною верхнею частью бронзоваго туловища, въ широкой грубо сплетенной тростниковой шляпѣ и съ мотающеюся сзади длинною, но всегда тощею черною косою, эти упряжные люди, то несущіеся рысью, то даже галопирующіе, чтобы конкуррировать съ извозчиками, были бы даже забавны порою, если бы только можно было забыть это несчастное соображеніе, что и китаецъ всетаки человѣкъ и ближній. Правда, мы привыкли къ явленіямъ, порою не менѣе противорѣчащимъ такому соображенію, но здѣсь это противорѣчіе уже слишкомъ цинично. Упряжные люди безъ всякой надобности замѣняютъ упряжныхъ животныхъ. Сингапуръ изрѣзанъ прекрасными удобными экипажными дорогами.

«Кареты и кучера — не послѣдняя достопримѣчательность города и тотчасъ бросится въ глаза», — пишетъ Гончаровъ о сингапурскихъ извозчикахъ.—«Кареты безъ рессоръ, — продолжаетъ онъ,—но покойны, какъ люльки; внутри собственно два мѣста, но если потѣсниться, то окажется, пожалуй, и четыре. Подушки и стѣны обиты цыновками... Для кучера мѣста нѣтъ:

онъ что есть мочи бѣжитъ рядомъ, держа лошадь за узду, по этой нестерпимой жарѣ, а европеецъ едва можетъ сидѣть въ каретѣ... Индіецъ, полуголый, съ маленькимъ передникомъ, бритый въ чалмѣ, или съ большими волосами, смотря по тому, какой онъ вѣры, бѣжитъ ровно, граціозно, далеко и медленно откидывая ноги назадъ, улыбаясь и показывая рядъ отличныхъ зубовъ». Теперь все это лишь преданіе временъ «Фрегатъ-Паллады» и, признаться, преданіе, не очень привлекательное. Дѣло не въ томъ, что цыновка теперь замѣнена кожею, шелковыми или бумажными матеріями, или что кареты дѣлаются болѣе просторными, но, думается мнѣ, что созерцаніе галопирующаго индуса-извозчика едва ли много достойнѣе созерцанія галопирующаго упряжнаго китайца-дженнери. Теперь извозчики (индусы или малайцы) сидятъ на козлахъ, достаточно просторныхъ, чтобы принять и второго пассажира, напр., проводника, если его пригласятъ джентльмены, нанявшіе карету. Я отклоняю, однако, предложеніе проводниковъ. По опыту перваго моего посѣщенія Сингапура въ 1891 г. я уже знаю, что кромѣ ботаническаго сада, гдѣ мнѣ проводникъ безполезенъ, здѣсь нечего осматривать. А погулять, поѣздить по окрестностямъ, поглазѣть можно отлично и безъ проводника. Къ тому же сейчасъ, прежде всего, хочется въ гостинницу, занять нумеръ и почувствовать себя, хотя бы только на два дня, сухопутнымъ человѣкомъ. Приказываю везти себя въ «European Hôtel», лучшую гостинницу, содержимую, кажется, нѣмцемъ. Лондонской гостинницы, нѣкогда принимавшей Гончарова, уже не существуетъ.

Ливень пересталъ, но дождь еще накрапываетъ (или, вѣрнѣе, опять накрапываетъ). Усѣвшись въ моей ажурной кареткѣ и съ трудомъ найдя мѣсто, отъ дождя безопасное, трогаюсь по отличному шоссе отъ пристани, сначала прямо внутрь острова подъ прямымъ угломъ къ нашей набережной. По сторонамъ скоро прекращаются строенія, тѣснящіяся къ берегу. Впереди въ нѣкоторомъ разстояніи виднѣется крутая гора съ вы-

рубленною растительностью и красными обрывами. Вырубленная растительность съ тропическимъ буйствомъ стремится завоевать потерянное мѣсто, зелеными шатрами всюду прорываясь къ жизни, но упорный британецъ ведетъ систематическую борьбу и гора стоитъ раздѣтая. Такъ нужно англичанину. Онъ выламываетъ изъ нея камень, а ея вулканическую почву скапываетъ, засыпая низменныя болотистыя окрестности. Эти мокрыя низины разстилаются по обѣ стороны отъ шоссе, высокою плотиною прорѣзывающаго эти мѣста, отнятыя британцемъ изъ-подъ власти джунглей. Непроницаемыя заросли бамбука, древовиднаго папоротника, саговой пальмы, болотныхъ травъ и водяныхъ растеній должны были въ оно время покрывать эти низины. Здѣсь вырабатывались почвою и растительностью ядовитыя міазматическія испаренія, всасываясь отсюда въ окрестную атмосферу. Здѣсь плодились и множились злые и ядовитые гады и всякій мелкій зловредный гнусъ. Отсюда же предпринимали свои грабительскіе набѣги тигры и крокодилы. Все это миновало. Джунгли вырублены и уничтожены; болота, мочежины, мелкія, но широкія заводи изрѣзаны осушительными каналами и постепенно засыпаются скапываемою горою. На этой новой почвѣ уже выросъ цѣлый пригородъ у новой гавани. Завоеваніе систематически продолжается. Еще весною 1891 года я видѣлъ здѣсь обширныя водныя пространства, мутныя, заплѣсневѣлыя, нынѣ уже спущенныя и полуосушенныя. Я вижу и теперь изъ окна кареты группы малайцевъ, работающихъ около осушительныхъ канавъ. Скоро эта обширная низменная площадь станетъ неузнаваемою. Сюда расширится пригородъ новой гавани; здѣсь будутъ красоваться сады, а плантаціи снабжать жизнью и здоровьемъ населеніе, отсюда ждавшее гибели, болѣзней, нападенія. Вмѣсто дѣвственнаго лѣса—каменоломни; вмѣсто болотъ — плантаціи; вмѣсто джунглей — улицы и пристани,- какое баснословное и благотворное торжество творческой энергіи, по всему міру разливающейся съ туманнаго острова на сѣверо-западѣ Европы!

Не доходя Красной горы, шоссе сворачиваетъ направо и мы скоро выѣзжаемъ на берегъ старой гавани, вдоль котораго мы и продолжаемъ нашъ путь (взявъ нѣсколько влѣво). Усиливающійся дождь скрываетъ панораму обширнаго рейда. Скоро въѣзжаемъ въ городъ, именно въ его европейскіе кварталы. Европейская архитектура, мостовая, тротуары, магазины, конторы, двѣ редакціи газетъ, красивая англиканская церковь, обширный почтамтъ, масса европейцевъ, спѣшащихъ подъ зонтиками по своимъ дѣламъ, особенно въ связи съ прохладою, принесенною дождемъ, все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ почти полную иллюзію Европы... И какъ эта иллюзія пріятна послѣ почти двухлѣтняго пребыванія среди варварства и дикости! Переѣзжаемъ красивый мостъ черезъ рѣчку Сингапуръ, сворачиваемъ направо къ морю и почти на его берегу останавливаемся у подъѣзда «Европейской гостинницы».

Гостинницы, устраиваемыя для европейцевъ подъ тропиками, имѣютъ настолько оригинальныя особенности и приспособленія, что, быть можетъ, небезъинтересно будетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. «European Hôtel» на Сингапурѣ можетъ служить для этого типомъ. Это двухъ-этажное зданіе, имѣющее фигуру буквы Ш. Горизонтальная линія протянута вдоль улицы и, не знаю, заключаетъ ли она въ себѣ нумера, или только лавки, магазины, конторы и пр. Въ трехъ корпусахъ, вдающихся во дворъ, расположены нумера. Раздѣляющіе ихъ квадратные дворы представляютъ сады, сверху прикрытые сѣткою, увитою ліанами. Корпуса—очень узкіе, окружены крытыми увитыми плющемъ галлереями, изъ которыхъ входъ въ нумера. Каждая комната имѣетъ отдѣльный входъ изъ галлереи и такой же выходъ съ другой стороны на противоположную галлерею. Точно такъ же и окна расположены другъ противъ друга, выходя на противоположныя галлереи. Благодаря такому устройству, имѣется безпрерывное движеніе воздуха черезъ комнату, а доступъ солнцу загражденъ деревьями сада, его зеленою ліановою кровлею, навѣсомъ и плющемъ галлерей. Окна и двери снабжены всетаки еще

жалюзи. Кровать ставится не у стѣнки, а посреди комнаты, все съ тою же цѣлью дать больше движущагося воздуха. Она подъ шатромъ изъ тонкой сѣтки, которую безъ труда можно подобрать такъ, что никакое насѣкомое или пресмыкающееся не проникнетъ на постель. Движеніе же воздуха совершенно свободно. Три большихъ кувшина свѣжей воды и нѣсколько широкихъ полотенецъ, какихъ-то полупростынь, дополняютъ убранство нумера, предусматривая стремленіе европейца къ широкому орошенію собственной персоны. Остальное убранство не заслуживаетъ вниманія, потому что заключается въ стараніи, по возможности, воспроизвести обычный европейскій обиходъ.

Занявъ одинъ изъ такихъ нумеровъ во второмъ этажѣ, я просто наслаждаюсь сознаніемъ сухопутнаго комфорта, потомъ принимаюсь за свой туалетъ, отдаю полную честь всѣмъ тремъ кувшинамъ воды и выхожу къ Tiffin'у (второй завтракъ около двухъ часовъ дня) вполнѣ счастливымъ и даже согласенъ, безъ особаго огорченія, претерпѣть за завтракомъ ту же участь, которую уже испыталъ въ этой же гостинницѣ въ 1891 году. Дѣло въ томъ, что, по здѣшнему обычаю, каждому нумеру комнаты присвоено опредѣленное тоже занумерованное мѣсто за табльд'отомъ. Моя комната была двѣнадцатая и мнѣ суждено было сидѣть на двѣнадцатомъ стулѣ отъ края стола. Кругомъ меня были бритты, а соотечественники—далече. Несмотря на то, что несообщительность и нелюбезность англичанъ есть просто басня, сочиненная людьми, не умѣющими отличать любезность отъ амикошонства, тѣмъ не менѣе, мои сосѣди были для меня совершенно безполезны. Ихъ неумѣнье достойно оцѣнить мое безподобное искусство объясняться по-англійски — было тому главною причиною. Все, однако, перемѣняется на свѣтѣ и, къ удивленію моему, въ 1892 году отъ насъ уже не требовалось соблюденія нумеровъ. Намъ, русскимъ, отвели особый столъ и предоставили садиться какъ угодно, внѣ всякаго установленнаго порядка. Очевидно, ознакомившись втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ дикими нравами сарматскихъ стенныхъ обитателей, хозяинъ

отеля отчаялся водворить между ними культуру и порядокъ. Онъ выпустилъ ихъ на свободу, этихъ русскихъ варваровъ. Поэтому мы довольно-таки весело и шумно позавтракали, а затѣмъ, въ виду прекращенія дождя, разбрелись по Сингапуру, куда кого влекли его склонности и желанія. Я взялъ карету и приказалъ себя везти въ ботаническій садъ.

Дорога въ ботаническій садъ пролегаетъ прямо на западъ, вглубь острова. Выѣхавъ изъ европейскаго города, мы пересѣкаемъ китайскій городъ и затѣмъ дальше ѣдемъ шоссейною дорогою Nelson Road среди англійскихъ виллъ, пальмовыхъ рощъ, банановыхъ плантацій, мимо изрѣдка попадающихся группъ малайскихъ хижинокъ. Гигантскіе филодендроны, вѣерныя и другія декоративныя пальмы, разноцвѣтные кротоны, порою отдѣльно стоящіе исполинскіе баньяны составляютъ оправу англійскимъ дачамъ. Кокосовая пальма преобладаетъ на всемъ остальномъ пространствѣ, уступая около малайскихъ хижинокъ мѣсто бананамъ, а на мокрыхъ низинахъ, иногда и саговой пальмѣ. Орѣховая пальма, хлѣбное дерево, манго, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, группируются у малайскихъ хижинокъ. Господство кокосовой пальмы всюду на тропическихъ островахъ утвердилось, повидимому, прочно и невозбранно. На Цейлонъ она ввезена въ XIX вѣкѣ, но и тамъ она занимаетъ столько же мѣста какъ и здѣсь на Сингапурѣ, гдѣ она, сколько мнѣ помнится, тоже не туземная, а только близкая сосѣдка съ болѣе восточныхъ острововъ Малайскаго архипелага. Дикая первобытная природа не очень ее баловала. Это сравнительно слабое растеніе не выдерживало борьбы съ могучими исполинами тропическаго лѣса, ни съ буйною растительностью низменныхъ джунглей. Баньяны, диленіи, фикусы, дуріанги вытѣсняли ее изъ лѣса, сгоняли съ горъ, отнимали плодородныя сухія равнины и долины. Бамбуки, папоротники, саговыя пальмы не допускали ее на болотистыя равнины и котловины джунглей. Только по болѣе сухимъ островкамъ и гривкамъ въ джунгляхъ, да на опушкахъ лѣсовъ могла она находить себѣ рѣдкій пріютъ, оспариваемый и тутъ дру-

гими пальмами, древовидными папоротниками, буйными кустарниками. Не мудрено, если кокосовая пальма сбѣжала на коралловыя атолы, слишкомъ скудныя почвою для тропическаго лѣса и слишкомъ сухія для джунглей. Здѣсь она разработывала почву, удобряла ее, а вмѣстѣ съ травяною и кустарною растительностью заболачивала болѣе низкія мѣста, подготовляя условія для развитія и лѣса и джунглей. Усердными самоотверженными піонерами тропической жизни проникали кокосовыя пальмы даже на рифы, благо море съ его теченіями, бурями и приливами разносило всюду громадные легкіе орѣхи. И въ благодарность за этотъ трудъ перваго растительнаго разселенія, могучія растенія лѣсовъ и джунглей шли по пятамъ граціозныхъ и нѣжныхъ труженицъ, постоянно угнетая, истребляя и изгоняя ихъ съ покоренныхъ ихъ работою мѣстъ, которыя безъ нихъ остались бы безплодными и безжизненными коралловыми образованіями. Такова была судьба кокосовой пальмы до вмѣшательства человѣка, который объявилъ войну злому могуществу первобытнаго лѣса, ополчился на непримиримую борьбу съ ядовитою силою джунглей, а въ союзницы пригласилъ эту стройную тропическую красавицу, столь же прелестную, сколько благодѣтельную, въ избыткѣ благодарности осыпающую своими щедрыми дарами такъ давно желаннаго и, наконецъ, обрѣтеннаго друга и союзника.

Вѣроятно, большая часть этой равнины, по которой мы теперь ѣдемъ прекраснымъ шоссе Nelson Road, въ первобытныя времена находилась подъ джунглями и только меньшая, болѣе возвышенная и сухая, высилась гигантскими темно-зелеными шатрами тропическаго лѣса среди болѣе яркой и мягкой зелени джунглей. Гончаровъ еще засталъ эту первобытность: «Кругомъ (хижинъ) все заросло пальмами areca или кокосовыми, обработанныхъ полей съ хлѣбомъ немного; есть плантаціи кофе и сахара, и то мало: мѣста нѣтъ, все болота и густые лѣса». Теперь все перемѣнилось. Обработанныхъ полей съ хлѣбомъ совсѣмъ не видно, какъ и плантацій кофе (сахарныхъ

очень мало), но зато и лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ, а съ болотами борьба тоже подходитъ къ концу. Сплошной садъ, сплошная плантація—вотъ Сингапуръ въ его современномъ видѣ, какъ я его видѣлъ. А я его объѣздилъ почти весь. «Гладкая, окруженная канавками дорога,—описываетъ одну загородную прогулку Гончаровъ,—шла между плантацій, фруктовыхъ деревьевъ, или низменныхъ и болотистыхъ полей. Съ дороги уже видны густые непроходимые лѣса, въ которыхъ гнѣздятся рыси, лѣнивцы, но всего болѣе тигры», и прибавляетъ, что тигры пожираютъ среднимъ числомъ, по два человѣка въ день, большею частью китайцевъ. Оставляя на отвѣтственности художника эту статистику, а равно рысей и лѣнивцевъ (первые — жители сѣвера, а вторые—Новаго Свѣта), могу сказать только о тиграхъ, что о нихъ теперь на Сингапурѣ уже не слышно, какъ ни откуда не видно и «густыхъ непроходимыхъ лѣсовъ». Плантаціи, пальмовыя насажденія, живописныя дачи съ декоративными садами, пересѣкающіяся по всѣмъ направленіямъ шоссейныя дороги, еще болѣе густая сѣть осушительныхъ и оросительныхъ каналовъ и канавокъ, полныхъ струящимися, сверкающими и журчащими водами, разбросанныя тамъ и сямъ малайскія деревушки, оживленное движеніе по дорогамъ, работающія группы на плантаціяхъ — такова картина острова всюду, гдѣ за три дня я успѣлъ побывать, т. е. несомнѣнно въ наибольшей его части. 3-го ноября я высадился на южномъ берегу и, пересѣкши юго-восточную часть, выѣхалъ на восточный берегъ въ городъ. Отсюда я проникъ далеко на западъ въ глубь острова, вѣроятно, болѣе нежели на половину его ширины. 4-го ноября, повторивъ эту экскурсію внутрь острова другою дорогою, я затѣмъ отправился на сѣверъ, куда углубился болѣе нежели на полчаса ѣзды (верстъ на шесть), ознакомившись съ сѣвернымъ побережьемъ; а 5-го ноября объѣхалъ кругомъ всѣ ближайшія окрестности города и, выѣхавъ къ южному берегу, западнѣе нашей гавани, видѣлъ и юго-западную часть острова. Только западное побережье и бли-

жайшія къ нему части острова не посѣщены мною. Если прибавить къ этому впечатлѣнія 1891 года и виды съ борта корабля при двукратномъ прибытіи и отплытіи (въ томъ числѣ и западнаго берега, болѣе гористаго), то—думается мнѣ—все это представляется достаточнымъ матеріаломъ для нѣкоторыхъ обобщеній, выше мною допущенныхъ. Тропическую природу въ ея неубранномъ, непреобразованномъ, а естественно-нарядномъ видѣ, во всей ея роскоши и во всемъ ея могуществѣ искать, конечно, надо не на Сингапурѣ.

Сингапурскій ботаническій садъ представляетъ, собственно говоря, роскошный паркъ, разбитый на живописной холмистой мѣстности и служащій мѣстомъ прогулки для всей значительной европейской колоніи острова. Экипажная аллея обходитъ его во всю окружность и сингапурскихъ леди здѣсь можно видѣть катающихся въ коляскѣ или верхомъ въ кавалькадахъ. Садъ разбитъ съ большимъ вкусомъ и искусствомъ и, по обширности открытыхъ мѣстъ, зеленымъ лужайкамъ, искусному сочетанію древесной, кустарной и травяной растительности, по лабиринту аллей—переноситъ васъ далеко отъ тропиковъ, буйная и непокорная растительность которыхъ имѣетъ совершенно другіе обычаи и законы. Но упорная энергія европейца надѣла узду и на эту неукротимую силу, заставила ее отлиться въ привычную европейцу и ему любезную форму европейскаго парка. Собственно же ботаническаго въ Сингапурскомъ саду не очень много. Это особенно чувствуется послѣ того, какъ побываешь въ Пераденійскомъ ботаническомъ садѣ на Цейлонѣ. Но для того, чтобы полюбоваться оригинальными, незнакомыми формами тропической растительности, насладиться рѣдкими и оригинальными пейзажами, успокоить нервы созерцаніемъ красоты, вниманіемъ къ этому чудесному разнообразію формъ, красокъ, линій, словомъ, чтобы отдохнуть душою и тѣломъ и съ удовольствіемъ занять досугъ стоянки въ порту,—лучше этого учрежденія, называемаго Сингапурскимъ ботаническимъ садомъ, и при-

думать трудно. Его устройство и содержаніе представляетъ истинное благодѣяніе для путешественниковъ.

Уже не такъ рано, четвертый часъ дня, когда я вхожу черезъ дальнія ворота сада (ближними я намѣренъ выйти, куда и отправляю карету). Въ 1891 году я два раза посѣтилъ садъ, 9 и 10 апрѣля, и сегодня смотрю на него, какъ на хорошаго знакомаго. Слѣва отъ главной аллеи протягивается мокрая долина и я съ удовольствіемъ вижу, что роща саговыхъ пальмъ, такъ восхитившая меня, благополучно процвѣтаетъ на своемъ мѣстѣ, по прежнему живописно группируясь на болѣе низкихъ и влажныхъ мѣстахъ. Удивительно живописны и оригинальны эти саговыя пальмы, въ видѣ гигантскихъ густо-зеленыхъ тюльпановъ открывающія свои вѣнчики небесамъ и скрывающія за перистыми, плотно столпившимися, какъ бы сросшимися листьями свои драгоцѣнные стволы. Сердцевина этихъ стволовъ и есть саго. Вдоль долины по ея склону вьется узенькая дорожка-тропка. Въ первое мое посѣщеніе мы избрали ее (я и мои спутники) и послѣ кустарныхъ зарослей, гдѣ едва проходили гуськомъ, вышли къ пруду. Живописная папортниковая и кустарная растительность береговъ своими невиданными и красивыми формами вполнѣ вознаградила насъ за нашу экскурсію въ сторону. Въ прудѣ мы тоже увидѣли разныя водяныя растенія, въ томъ числѣ лотосы въ цвѣту, крупные розовые и бѣлые цвѣты которыхъ напоминаютъ наши нимфеи (только больше и изящнѣе). На прудѣ плавало нѣсколько черныхъ лебедей. Сегодня я не сворачиваю по тропинкѣ къ пруду. Послѣ ливня слишкомъ мокро, да и опять дождь начинаетъ накрапывать... Медленно обхожу главную аллею, не увлекаясь, какъ прежде, чтеніемъ названія видовъ. Я знаю, что все равно не запомню, да не въ этомъ и интересъ для неспеціалиста. Сворачиваю, однако, чтобы поздороваться съ антилопами, содержимыми въ загородкѣ. Милыя козочки такъ же симпатичны и привѣтливы, какъ и въ 1891 году. Другой разъ сворачиваю къ исполинскому баньяну, стоящему особнякомъ. Этотъ

самый могущественный властелинъ тропическихъ лѣсовъ имѣетъ одну оригинальность. Рядомъ съ обыкновенными торчащими сучьями и вѣтвями, онъ пускаетъ съ верхнихъ раскинувшихся вѣтвей вѣтви плакучія, достигающія земли, здѣсь пускающія корни и скоро превращающіяся въ новые стволы, сообща питающіе этотъ громадный шатеръ листьевъ и сообща поддерживающіе зеленый куполъ, какъ живая естественная колоннада.

Обходя безъ торопливости садъ, останавливаюсь или даже присаживаюсь на скамьяхъ, чтобы полюбоваться наиболѣе выдающимися ландшафтами, съ замѣчательнымъ искусствомъ скомпанованными рукою садовника. Одна аллея, обсаженная пальмами всевозможныхъ видовъ, увлекаетъ меня далеко въ сторону отъ главной аллеи. Виды пальмъ не повторяются на этой аллеѣ и каждый новый экземпляръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и новый видъ или разновидность. Всевозможныя породы зонтичныхъ и вѣерныхъ пальмъ проходятъ передо мною; капустная, масличная, сахарная, орѣховая, нѣсколько породъ кокосовой, одна за другою знакомятся со мной. Конечно, въ этой аллеѣ нѣтъ саговой; она любитъ болото. Нѣтъ и финиковой, она проситъ небо о безводіи и безплодіи. Не вижу моихъ европейскихъ земляковъ, латаніи и хамеропса. Не нахожу также и Atallea Princeps, которую сроднила съ русскою литературою муза Гаршина. Послѣ пальмъ выхожу къ обширному лугу, украшенному клумбами и цвѣтниками. Съ радостью привѣтствую здѣсь старыхъ европейскихъ друзей. Маргаритки, флоксы, тагетесы, резеда покрываютъ клумбы. Но бѣдныя, занесенныя на чужбину, растенія выглядятъ не такъ роскошно и красиво, какъ у себя дома. Должно быть, и имъ такъ же чужды эти страны, какъ и пересадившему ихъ сюда бѣлому человѣку. Совсѣмъ иначе, бодро и радостно выглядятъ же здѣсь разбросанные красивыми группами кротоны. Кротонусъ разводится и у насъ въ комнатахъ и читатель, вѣроятно, знакомъ съ нимъ. Это кустарникъ съ красивыми крупными разноцвѣтными кожистыми листьями. Разноцвѣтность эта доходитъ до виртуозности. Кромѣ синяго цвѣта,

кротоны образуютъ листья всѣхъ цвѣтовъ радуги. Красные, желтые, оранжевые, зеленые и фіолетовые, сплошнаго цвѣта, съ прожилками другихъ цвѣтовъ, въ крапинкахъ—таково разнообразіе цвѣтовъ и красокъ, которыми щеголяютъ листья кротоновъ. Группы изъ нихъ, поэтому, чрезвычайно живописны и въ этомъ отношеніи Сингапурскій садъ можно особенно рекомендовать. Подборъ и расположеніе сортовъ сдѣланы съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ. Заглянувъ еще на орхидеи и другія нѣжныя растенія, укрываемыя подъ стеклянную крышу отъ ливней, я подошелъ къ каретѣ. Уже темнѣло и дождь, повидимому, собирался возобновиться не на шутку. Съ зажженными фонарями, среди совершенно безпросвѣтнаго тропическаго мрака, подъ проливнымъ дождемъ, добрались мы до Юропіанъ-Отеля въ седьмомъ часу вечера.

Сервировали къ столу, когда я вскорѣ послѣ того спустился изъ своего нумера въ столовую. Желаніе мое и нѣсколькихъ русскихъ, чтобы по причинѣ, о которой я уже упоминалъ (см. гл. XV), намъ накрыли особый (еще особый!) столъ и подавали обѣдъ, нѣсколько болѣе приспособленный къ нашимъ вкусамъ, было не только удовлетворено, но даже не вызвало удивленія со стороны метръ-д'отеля. «Отъ этихъ русскихъ всего можно ожидать», очевидно, думалъ почтенный распорядитель нашихъ обѣдовъ... Онъ, конечно, не знаетъ Карамзина, но все же увѣренъ, что «народы дикіе любятъ свободу, а народы образованные любятъ порядокъ». Онъ намъ и даровалъ свободу, а въ 1891 году было еще очень строго. Покуда обѣдали, дождь пересталъ и послѣ обѣда пріятно выйти на террасу пить кофе и холодные напитки. Теплая, но не жаркая (благодаря цѣлому дождливому дню) ночь ласкаетъ благоуханіемъ. Полулежимъ на лонг-шезахъ, бесѣдуемъ о сегодняшнихъ впечатлѣніяхъ, прихлебываемъ холодное питье и знаемъ, что будемъ спать на настоящихъ постеляхъ, на твердой почвѣ, на сушѣ и отъ зыбкости на сегодня свободны. Послѣ двухнедѣльнаго плаванія и перенесенныхъ испытаній это сознаніе особенно отрадно и даже какъ-то забывается, что

счастью этому такой недолгій срокъ (всего двѣ ночи), а затѣмъ еще около пяти недѣль до желаемой пристани! Далеко мы еще отъ конечной цѣли, а потому безполезно о ней и думать... До нея занимаютъ другія цѣли. Покуда былъ Сингапуръ и отдыхъ, чему мы теперь и посвящаемъ себя. Далѣе будетъ Цейлонъ, Перимъ, Суецъ и т. д. Дневи довлѣетъ злоба его.

XXIV.

РАЗНЫЯ ТРОПИЧЕСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

...тамъ луна въ сіяніи восходитъ, тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой, тамъ море движется роскошной пеленой подъ голубыми небесами.

А. Пушкинъ.

4 Ноября.—Зной.—Бамбукъ-гарденъ.—Китайскіе кварталы Сингапура.—Окрестности.—Свайная деревня.—Рынокъ на пристани.—Попугаи.—Обезьяны.—Фрукты.—Маллакскій проливъ. — Виды.—Бенгальскій заливъ.—Въ виду Цейлона.

Утро 4 ноября. Ясно, безоблачно, безвѣтренно. Зной уже съ утра густымъ покровомъ окуталъ землю. Трудно дышется. Испарина, покрывающая тѣло, не поглощается неподвижною и влажною атмосферою; она скопляется, обволакиваетъ тѣло и только сугубо угнетаетъ, вмѣсто того, чтобы облегчить. Я рискую, однако, возобновить мою экскурсію, беру карету и приказываю везти въ ботаническій садъ, но другою дорогою. Характеръ мѣстности и культуры, виды и люди и на этой дорогѣ—такіе же самые. Зной не дозволяетъ мнѣ, какъ я желалъ, докончить осмотръ сада или вѣрнѣе, нѣкоторыхъ его уголковъ, мнѣ еще неизвѣстныхъ. Ѣздить еще кое-какъ можно, но ходить такъ тягостно, что, конечно, я отказываюсь отъ своего намѣренія, немного отдыхаю въ тѣни тропическихъ исполиновъ и возвращаюсь къ экипажу. На возвратномъ пути посѣщаю нѣсколько лавокъ, дѣлаю кое-какія покупки и попадаю домой, въ гостинницу, такъ что, принявъ холодную ванну, не опаздываю къ Tiffin'у. Холодная ванна помо-

гаетъ ненадолго. То же должно сказать и о ледяномъ питьѣ, хотя всетаки искусственный ледъ—великое благодѣяніе для европейца подъ тропиками. Немного освѣжившись, я опять беру карету и ѣду за городъ на сѣверъ. Выѣхавъ за городъ, мы ѣдемъ верстъ шесть въ этомъ новомъ направленіи. Прекрасное, возвышенное, какъ плотина, шоссе, обсаженное высокими деревьями, прорѣзываетъ низменность, которая, очевидно, еще недавно была сплошнымъ болотомъ. Теперь это сплошныя плантаціи сахарнаго тростника и бананов. Я нигдѣ больше не видалъ такихъ обширныхъ банановыхъ насажденій. Видно, что эти плантаціи прокармливаютъ городъ, гдѣ тридцать тысячъ китайцевъ и малайцевъ питаются преимущественно бананами. Послѣ получаса ѣзды за городомъ, мой возница останавливается у красивыхъ воротъ, обвитыхъ плющемъ, съ двумя изваянными драконами по бокамъ. «Въ чемъ дѣло»,—спросилъ я. «Это—бамбукъ гарденъ»—мнѣ отвѣчаетъ мой малаецъ. Такъ какъ, повидимому, это все, что онъ знаетъ по-англійски, то я рѣшаюсь самъ освѣтить мѣстность, сдѣлать рекогносцировку. За воротами виденъ правильно разбитый садъ; бамбуковъ, однако, не замѣчаю. Широкая аллея отъ воротъ ведетъ къ дому, Пренебрегая угрозами драконовъ, я вхожу въ аллею и направляюсь къ дому, гдѣ никакихъ признаковъ жизни. Я хорошо понимаю, что это частный садъ и притомъ китайскій, но зная любезность китайцевъ, полагаю, что мнѣ позволятъ его осмотрѣть, разъ уже меня извозчикъ завезъ сюда. Приближаясь къ дому, я замѣчаю, что два громадныхъ пса выскочили оттуда и съ рычаніемъ заграждаютъ дальнѣйшій путь. Оглядываюсь и не вижу больше ни единой живой души. Имѣя въ виду, что въ тылу мною оставлены непріятельскіе драконы, я соображаю, что по всѣмъ правиламъ стратегіи и тактики благоразумнѣе всего будетъ отступленіе въ порядкѣ. Это мнѣ вполнѣ удается. Умные псы сохраняютъ свои позиціи, а я сажусь въ карету и ѣду обратно. Истомленный зноемъ, все безвѣтреннымъ и безоблачнымъ, я мечтаю только о ваннѣ и вижу себя вынужденнымъ на сегодня прекратить мои объѣзды.

Такъ же ясно, безоблачно, знойно и 5 ноября, но рѣзвый вѣтерокъ, всасывающій испарину, все измѣняетъ. Можно и ходить, и смотрѣть, и интересоваться не только ванною и холоднымъ лимонадомъ. Беру экипажъ и приказываю обвозить меня по всѣмъ улицамъ китайскаго города. Болѣе часа шагомъ или мелкою рысью дѣлаемъ этотъ объѣздъ. Двухъэтажныя зданія тянутся по обѣ стороны, всѣ одинаковой архитектуры, одинаково грязныя и одинаково неблаговонныя. Верхній этажъ занятъ жилищами, а нижній сплошь лавками и мастерскими. Невозможно сообразить, зачѣмъ такое громадное число лавокъ, тѣмъ болѣе, что сравнительно немногія предназначены для некитайцевъ. Остальныя всѣ торгуютъ низкопробнымъ китайскимъ товаромъ для китайской бѣдноты. Внутренность лавокъ ясно видна и весь жалкій, не обильный товаръ. Торговцы всюду сидятъ полуголые, въ однѣхъ лишь шароварахъ, обыкновенно темно-синихъ, цвѣтъ очень удобный для такихъ чистоплотныхъ людей, какъ китайцы. Всякій другой цвѣтъ, даже сѣрый, выдалъ бы головою эту образцовую опрятность, только не синій. Нельзя не похвалить и скромности, съ которою китайцы скрываютъ эти достоинства свои, и смышленности, съ которою они это умѣютъ дѣлать. Не додумались они, къ сожалѣнію, до идеи также скрыть и свое благовоніе. Англичане, повидимому, не считаютъ нужнымъ поощрять ихъ на этомъ пути. Поэтому, я не безъ удовольствія вижу себя у конца этого испытанія. Китайскій городъ осмотрѣнъ и мой извозчикъ интересуется дальнѣйшимъ маршрутомъ. Я желаю объѣхать кругомъ всего города, его окрестностями, отъ моря до моря.

Начинаемъ объѣздъ съ сѣвера и сначала ѣдемъ довольно долго по мѣстамъ, мнѣ уже знакомымъ. Дачи англичанъ занимаютъ сѣверныя и западныя окрестности города. Далѣе, двигаясь на югъ, мы выѣзжаемъ на сравнительно открытое пространство. Здѣсь можно замѣтить огороды овощей. Есть плацъ для ученія войскъ. Мы продолжаемъ подвигаться на югъ. Впереди слѣва видна уже извѣстная намъ «Красная гора», за ко-

торою дорога къ новой гавани. Впереди справа виднѣются другія возвышенности. Тамъ бѣлѣютъ казармы и вырисовываются какія-то сооруженія, кажется, укрѣпленія. Извозчикъ хочетъ ѣхать туда, но я вспоминаю, что никто не склоненъ поощрять любознательныхъ иностранцевъ къ осмотру своихъ укрѣпленій, и останавливаю извозчика. Широкая дорога спускается передо мною въ низменность между «Красною горою» слѣва и укрѣпленными возвышенностями справа. Я выбираю этотъ нейтральный путь. Пропустивъ мимо себя партію закованныхъ каторжныхъ арестантовъ (все китайцевъ), конвоируемыхъ на работы сипаями, мы спускаемся въ эту ложбину. Широкая и низменная, она прорѣзана посрединѣ дорогою, насыпанною, какъ высокая плотина. Еще недавно ложбина была подъ водою, но теперь вода уже спущена. Большая малайская деревня здѣсь расположена по обѣ стороны дороги. Всѣ хижины на высокихъ сваяхъ, какъ и должно быть въ озерныхъ поселеніяхъ. Озеро, однако, уничтожено и селеніе является какимъ-то страннымъ анахронизмомъ, реликвіей отжившаго строя и уже не существующихъ условій. Впереди виднѣется другое селеніе, еще окруженное водою, но туда проникнуть на лошадяхъ нельзя. Нужно лодку. Изъ сосѣднихъ хижинъ выглядываютъ на насъ любопытныя лица, все дѣти, женщины и старики. Взрослые мужчины, очевидно, на работѣ. Типъ малайцевъ вообще не похожъ на негритянскій, скорѣе на монгольскій. Встрѣчаются довольно красивыя лица. Одобренное въ наукѣ названіе цвѣта ихъ кожи оливковымъ нельзя не признать удачнымъ. Можно было бы тоже назвать его каперцовымъ. Встрѣчаются, однако, оттѣнки съ краснотою, почти мѣдно-красные, иногда коричневые, хотя оливковый цвѣтъ, повидимому, преобладаетъ. Костюмъ состоитъ изъ куска матеріи вокругъ поясницы. Курчавые волосы удерживаются обручемъ. Шляпъ или шапокъ на малайцахъ я не видалъ, а равно и обуви.

Этимъ посѣщеніемъ свайной малайской деревни я и закончилъ мои экскурсіи по Сингапуру и возвратился къ ларамъ и

пенатамъ «Петербурга». Здѣсь, на пристани, около нашего корабля, засталъ я цѣлый обширный рынокъ. Китайцы, малайцы и индусы сошлись сюда для торговли. Фрукты, кораллы, раковины, мѣстныя издѣлія предлагались въ изобиліи. Быть можетъ, не безъинтересно будетъ сказать нѣсколько словъ о составѣ этого своеобразнаго импровизованнаго базара. Наиболѣе интересную и занимательную его отрасль составляютъ, конечно, животныя. Сингапуръ на большую сумму торгуетъ животными для звѣринцевъ, но, конечно, не тигровъ, леопардовъ, удавовъ доставили на нашъ базаръ. Обезьяны и попугаи составляютъ предметъ торговли. Тѣ и другіе очень дешевы. При мнѣ одна дама купила зеленаго попугая за одинъ долларъ. Бѣлые какаду дороже. У насъ, на пароходѣ, было куплено два крупныхъ бѣлыхъ какаду и уплачено за нихъ по два фунта. Въ Россіи, однако, такіе экземпляры едва ли можно пріобрѣсть даже по сто рублей (десять фунтовъ). Какаду прекрасно переносятъ плаваніе и всѣ благополучно прибыли въ Одессу. Нельзя того же сказать о бѣдныхъ обезьянахъ-макакахъ. Послѣ Сингапура ихъ появляется, обыкновенно, по нѣскольку на пароходѣ, но частью околѣваютъ при переходѣ въ болѣе суровые климаты, большею частью гибнутъ въ морѣ, благодаря своей страсти всюду лазать и прыгать. На моихъ глазахъ одна бѣдная макака вскочила на бортъ и оттуда хотѣла вспрыгнуть на кровлю рубки, но не разсчитала, конечно, движенія судна. Бортъ ушелъ изъ-подъ нея и она, какъ ключъ, пошла ко дну океана. Передавали мнѣ тоже одинъ по-истинѣ драматическій случай, какъ утопилась бѣдная макака. Живая и любопытная, она какъ-то проникла, въ отсутствіе хозяина, въ каюту офицера. Вскочила на столъ и прельстилась золотыми часами. Можно себѣ представить восхищеніе бѣднаго животнаго, овладѣвшаго этою блестящею тикающею игрушкою. Входъ хозяина ее спугнулъ и она шмыгнула мимо его ногъ на палубу. Устроенная за ней погоня заставила ее взобраться на одну изъ реекъ мачты. Когда же бѣдняга увидѣла, что и здѣсь ее настигаютъ, она прижала свое сокровище къ груди и

ринулась прямо въ океанъ, который и поглотилъ немедленно бѣдное привязчивое созданіе, но не отнялъ, по крайней мѣрѣ, предмета ея привязанности.

Послѣ попугаевъ и обезьянъ, сингапурская торговля можетъ заинтересовать кораллами и раковинами, которыя приводятъ въ изумленіе разнообразіемъ и причудливостью фигуры и окраски. Изъ тропическихъ плодовъ преобладаютъ бананы, ананасы и кокосы. Очень оригинальны мангустаны, величиною съ яблоко, но заключающіе съѣдобный плодъ не больше сливы. Студенистый и кислосладкій, мангустанъ принадлежитъ къ числу самыхъ вкусныхъ плодовъ тропиковъ. Можно еще отмѣтить попельмусы, родъ померанцевъ, очень крупныхъ, сладкихъ, но суховатыхъ. Апельсины хуже европейскихъ. Апельсины и лимоны здѣсь имѣютъ ярко зеленую кожицу. Накупивъ кое-какихъ мелочей на этой ярмаркѣ, я покончилъ свои счеты съ Сингапуромъ и приготовился къ отплытію, съ которымъ «Петербургъ» и не замедлилъ.

Сотни зеленыхъ островомъ приняли насъ въ свою густую непрерывную сѣть. Къ вечеру вскрывается справа Малакка, а ночью огибаемъ ея южную оконечность и любуемся и слѣва и справа вершинами Суматры и Маллаки, освѣщенными непрекращающимися грозами. Около трехъ дней идемъ у этихъ береговъ и грозы все время видны на разныхъ вершинахъ. Бѣлыя облака, сѣрыя и бурыя тучи разорванными клочьями цѣпляются за зеленыя мохнатыя горы, то всасываясь въ ихъ стремнины, то выползая изъ широкихъ складокъ. Гроза грохочетъ безъ перерыва въ этихъ тучахъ и молніи сверкаютъ сразу на многихъ вершинахъ, доступныхъ зрѣнію. Особенно красиво и жутко это зрѣлище по ночамъ.

Три ночи мы идемъ по Маллакскому проливу вдоль Суматры, постепенно отдаляясь отъ уходящей на С.-З. Маллаки. Три ночи мы идемъ этимъ корридоромъ, обставленнымъ съ обѣихъ сторонъ высокими вершинами, которыя пылаютъ вѣчно сверкающими молніями. Порою и болѣе низкія темныя стремнины и

склоны бороздятся зигзагами молній. А между этимъ двойнымъ рядомъ грандіозныхъ маяковъ, отъ вѣка учрежденныхъ здѣсь природою, чернѣетъ морская гладь, по временамъ вспыхивающая звѣздами фосфорическаго свѣта. Черный небесный куполъ съ яркими звѣздами прикрываетъ всю эту оригинальную панораму. Легкій береговой бризъ ласкаетъ, обнимая измученное дневнымъ зноемъ тѣло. Стоишь и любуешься этою ночью, теплою, ласковою, освѣжающею и вмѣстѣ грозною и своимъ мракомъ на морѣ и своимъ свѣтомъ на горныхъ вершинахъ... Мы идемъ полнолуніемъ, но мѣсяцъ всходитъ поздно, послѣ полуночи. Восходъ мѣсяца все преобразуетъ внезапно. Миріады яркихъ серебряныхъ лучей какъ-то сразу все обливаютъ свѣтомъ, и море, и горы, и небеса. Минуту назадъ черное, море теперь переливаетъ миріадами алмазовъ. Недавно темные силуэты горъ, лишь зловѣще сверкавшихъ своими вершинами, вдругъ выступаютъ ясно, рельефно, въ какомъ-то дымчато-голубоватомъ, серебристо-зеленоватомъ тонѣ. Какъ-то прозрачно-свѣтло и пробужденный прохладными лучами мѣсяца, путникъ долго стоитъ у борта, заколдованный волшебствомъ тропической ночи, чарами яснаго мѣсяца. Надо быть поэтомъ, чтобы изобразить это внезапное преображеніе природы. Надо быть приэтомъ сыномъ тропиковъ, чтобы найти на своей палитрѣ достаточно яркія краски для этого. Предоставимъ же слово поэту тропиковъ. Пусть онъ намъ разскажетъ о томъ, что мы, люди сѣвера, можемъ только помнить.

Ануманъ, одинъ изъ героевъ индусской поэмы Рамаяна, посланъ Рамою, главнымъ героемъ поэмы, на Цейлонъ для рекогносцировки. Тропическая ночь висѣла надъ чудеснымъ островомъ. «Царствовалъ мракъ надъ землею», говоритъ поэтъ. «Тогда Ануману на помощь, какъ бы спѣша, окруженный множествомъ звѣздъ и созвѣздій, мѣсяцъ на небо взошелъ, яснымъ лучомъ засіявъ... Жемчугомъ дивнымъ блистая, предстало свѣтило герою. Цвѣтомъ бѣлѣй молока, лотоса цвѣтомъ нѣжнѣй, встало и сразу, мгновенно, яснымъ лучомъ озарило царство эфира,

что сномъ было объято ночнымъ. Тихо плыветъ небесами оно, точно лебедь прекрасный темную озера гладь грудью своей бороздитъ. Волны холоднаго свѣта льетъ повсемѣстно свѣтило, медленно вверхъ восходя, тихо сіяя лучомъ. Звѣздъ хороводы, намъ съ неба сверкающихъ, мѣсяцъ обходитъ, словно какъ буйволъ степной, страстію вдругъ воспылавъ, стадомъ своихъ буйволицъ, не спѣша, озираясь, проходитъ. Выше и выше межъ тѣмъ мѣсяцъ сіяетъ съ небесъ, міръ обливаетъ волной холоднаго бѣлаго свѣта, жаръ утоляетъ, гася свѣжестью бодрой своей пламя, что днемъ истомило міръ и природу жестоко. Онъ за собой изъ глубинъ къ брегу влечетъ красотой воды съ любовью спѣшащаго встрѣчу ему океана, все освѣщая, лучомъ всюду проникнувъ своимъ... Ночи Эдема, конечно, и тѣ никогда не могли бы прелестью райской своей чудную ночь превзойти, ночь эту свѣтлую, преображенную дивно, внезапно, чарами ясной луны тихихъ спокойныхъ лучей». («Рамаяна», пѣснь 5, франц. переводъ.

Прохожденіе Маллакскаго пролива является однимъ изъ самыхъ яркихъ и пріятныхъ эпизодовъ нашего пути. Только 8-го ноября мы прощаемся съ невѣдомымъ міромъ, смотрѣвшимъ на насъ съ вершинъ почти неизвѣстной европейцамъ Суматры. Утромъ мы вступаемъ въ струю открытаго океана, справа постепенно съуживающагося въ Бенгальскій заливъ, а слѣва безконечною водною скатертью волнующагося до льдовъ южнаго полюса. Легкій пассатъ намъ по пути и мы почти весь переходъ до Цейлона пользуемся парусами. 9-го ноября справа видны какіе-то острова. Говорятъ, Никобарскіе. 11-го ноября мы уже противъ острова Цейлона. Ближайшій путь лежалъ бы проливомъ между Индіей и Цейлономъ, но длинная мель связываетъ юго-восточный берегъ Индіи съ островомъ. На ней лучшее въ мірѣ мѣсторожденіе жемчуга. Индусскій эпосъ разсказываетъ, что эта мель есть остатокъ плотины, построенной Рамою для перехода войска. Чудесному построенію плотины посвящена цѣлая прекрасная пѣснь «Рамаяны». Такимъ образомъ, родина лучшихъ перловъ, эта мель породила еще и чудные

перлы поэзіи. Тѣмъ не менѣе, она удлиняетъ намъ путь и мы должны огибать Цейлонъ съ юга. Раннимъ утромъ 12 ноября, мы уже всматриваемся въ берега легендарнаго острова, гдѣ роскошь природы соперничаетъ съ поэзіей сказаній, гдѣ все такъ заманчиво, интересно, неизвѣданно и гдѣ мы должны простоять около пяти сутокъ.

XXV.

НА РЕИДѢ КОЛОМБО.

Гавань.—Картины и сцены.—Продолжительность стоянки.—Планы.— Влеченіе къ Адамовой горѣ. — Тропическая природа и тропическое человѣчество.

Около полудня, 12 ноября, «Петербургъ», при ясной погодѣ и легкомъ морскомъ бризѣ, замедляя движеніе, входитъ въ гавань Коломбо, главнаго порта и столичнаго города Цейлона. Справа узкою дамбою, прорѣзывая волны, желтѣетъ брекватеръ, за которымъ по ту сторону шумитъ и пѣнится прибой Индійскаго океана. Слѣва виднѣется низкій и плоскій берегъ, зеленѣющій сплошною рощей пальмъ, манговъ, банановъ; группы гигантскихъ бамбуковъ съ роскошною темнозеленою листвою, съ желтыми, ярко-зелеными и красными стволами, рисуются на перистозеленомъ фонѣ пальмовыхъ зарослей. Спереди, въ глубинѣ бухты, виднѣется городъ съ плоскими крышами, утопающими въ зелени пальмъ и другихъ деревьевъ. Словомъ, обычныя тропическія картины, ласкающія взоръ и чарующія своею прелестью впечатлительнаго неизбалованнаго сѣверянина.

Гавань переполнена судами всѣхъ флаговъ, французскій пароходъ привѣтствуетъ насъ салютомъ, мы отвѣчаемъ и подтягиваемся къ бочкѣ. Десятки узкихъ сингалезскихъ лодокъ и челноковъ окружаютъ насъ. У одного борта скопляются маленькіе челноки съ голыми темнокожими мальчуганами, которые съ крикомъ и плескомъ ныряютъ въ воду за швыряемыми съ парохода мелкими серебряными монетами. Барыня бросаетъ монету по-

крупнѣе, десятокъ мальчугановъ головою внизъ мгновенно исчезаютъ подъ водою, гдѣ, и на значительной глубинѣ, яркое тропическое солнце освѣщаетъ радужными отливами ихъ распластанныя движущіяся тѣла. Черезъ минуту курчавыя смѣющіяся головки появляются снова на поверхности, у одного счастливца въ зубахъ блеститъ монета. У другого борта толпятся узкія, длинныя лодки, нагруженныя фруктами. Кокосовъ, банановъ' ананасовъ—въ изобиліи. Между ними виднѣются кучи зеленокожихъ апельсиновъ, коричневые мангустаны, желтые попельмусы. — Господинъ, господинъ! — раздается изъ иллюминатора (окошка) нижней палубы (крытой), гдѣ помѣщаются возвращающіеся съ Амура въ отставку матросы и солдаты, причемъ выставляется кусокъ хлѣба. «Господинъ», возсѣдающій въ челнокѣ и обладающій бананами, въ полномъ блескѣ національнаго костюма (т. е. совсѣмъ безъ костюма, съ однимъ короткимъ передникомъ, небрежно обмотаннымъ вокругъ бедръ), подаетъ взамѣнъ на шестѣ связку банановъ. Другіе голые джентльмены немедленно слѣдуютъ его примѣру и оживленный торгъ завязывается прежде, нежели остановился корабль и спустили трапъ. Словомъ, обычныя тропическія сцены, всегда, однако, пріятныя послѣ утомительнаго морского перехода, послѣ долгой разлуки съ землею. Недаромъ и теперь всѣ стремятся поскорѣе на берегъ. Едва брошенъ якорь, едва спущенъ трапъ, какъ на немъ тѣснятся принарядившіяся пассажирки и пассажиры, спѣша сѣсть на шлюпки и съѣхать на сушу. Сегодня не надо даже ждать заявленія командира о времени простоя въ порту. Еще отъ Владивостока всѣ знали, что въ Коломбо мы должны грузиться и простоять не менѣе четырехъ дней.

Конечно, и я заранѣе зналъ объ этомъ и заранѣе всячески размѣривалъ это сравнительно продолжительное пребываніе въ порту, чтобы получше и поумнѣе имъ воспользоваться для ознакомленія съ легендарнымъ островомъ второго земного рая, съ однимъ изъ самыхъ роскошныхъ и очаровательныхъ уголковъ тропическаго пояса. Экскурсія внутрь страны была рѣшена мною

въ принципѣ, но предстояло выбрать направленіе и ея цѣль. Поѣздка по желѣзной дорогѣ въ Кенди, прежнюю столицу Цейлона во времена его независимости, и осмотръ знаменитаго тамъ по близости находящагося ботаническаго сада «Перадені я-гарденъ» должны были, конечно, входить въ программу, но это могло занять не больше сутокъ. Коломбо съ его окрестностями, парками, музеемъ и буддійскими храмами былъ мною осмотрѣнъ въ первое мое посѣщеніе Цейлона, въ апрѣлѣ 1891 года, когда я располагалъ срокомъ около сутокъ. Теперь меня привлекали другія перспективы. Знаменитый Адамовъ Пикъ, священная гора буддистовъ, браманитовъ и мусульманъ, многія тысячелѣтія привлекающая благочестивыхъ поклонниковъ со всѣхъ концовъ Азіи, манила мое воображеніе прежде всего. Легенды и миѳы народовъ всей Азіи окружили эту колоссальную гору рѣдкимъ и неотразимымъ очарованіемъ необъяснимой и могущественной власти, оковывающей умы сотенъ милліоновъ втеченіе не одного тысячелѣтія. Нѣтъ другой горы въ мірѣ, которая въ этомъ отношеніи могла бы соперничать съ Адамовымъ Пикомъ. Германскій Брокенъ, эллинскій Олимпъ, иранскій Альборджъ,—все это націо-нальные исполины оковавшіе своею властью умы великихъ націй, жившихъ у ихъ подножія, но для другихъ націй эти горы не представляли ничего священнаго, миѳы о нихъ не покоряли воображенія народовъ, которые не спѣшили высылать со всѣхъ сторонъ и по всѣмъ путямъ пилигримовъ и поклонниковъ. Совершенно такъ же, вѣдьмы Лысой Горы вѣдомы и опасны только кіевлянамъ и ихъ ближайшимъ сосѣдямъ. И совершенно наоборотъ, Адамова Гора почитается и вселяетъ благоговѣйный трепетъ и благочестивое поклоненіе среди индусовъ и китайцевъ, арабовъ и персовъ. Она знаменита и славна среди восьмисотъ милліоновъ человѣческихъ существъ! Въ чемъ же это обаяніе, откуда эта всепокоряющая власть? Взглянуть вблизи, ощупать собственными руками, испытать и извѣдать эту чудесную гору — не можетъ не казаться

заманчивымъ всякому, для кого не пустой вымыселъ эта удивительная связь природы и человѣческой исторіи, которая съ такою силою и поэтическою прелестью раскрывается Адамовою Горою и ея властью надъ окружающими ее поклонниками близкихъ и далекихъ странъ! Прикоснуться къ этой связи и, если возможно, хотя частью воспринять ее душою своею—для этого, конечно, стоитъ преодолѣть всяческія трудности и опасности, если бы даже чудесная гора не обѣщала и многаго другого. Съ нея, однако, долженъ открыться видъ, въ своемъ родѣ единственный въ мірѣ, какъ свидѣтельствуютъ немногіе европейцы, посѣтившие ее. По ея склонамъ рука человѣка еще не дерзнула коснуться первобытной природы и дѣвственные тропическіе лѣса покрываютъ сверху до низу эти склоны во всей первобытной красѣ своей, быстро и характерно мѣняясь сообразно различной высотѣ. Этого одного достаточно для привлеченія вниманія путешественника, желающаго въ непродолжительное время ознакомиться съ тропическою природою. Не мудрено, поэтому, если посѣщеніе Адамова Пика стояло на первомъ планѣ въ моихъ предположеніяхъ относительно Цейлона, не говоря уже о томъ, что лестно быть первымъ русскимъ на этой знаменитой вершинѣ. Совершенно, однако, незнакомый съ путями и способами осуществленія этого предпріятія, я не былъ увѣренъ въ его возможности. Можно было думать, что не хватитъ времени. На всякій случай у меня имѣлись и другія предположенія.

Нувера-Элія, цейлонскій sanitarium, расположенный на равнинѣ въ 6,200' надъ уровнемъ океана, гдѣ европейцы отдыхаютъ отъ тропическаго зноя среди вѣчно умѣренной температуры и гдѣ англичанами разведенъ акклиматизаціонный садъ для растеній умѣреннаго пояса,—являлась несомнѣнно желаннымъ мѣстомъ посѣщенія. Анарадапура, древнѣйшая столица Цейлона, а нынѣ центръ буддійскаго духовнаго управленія съ обширными монастырями, знаменитымъ заводомъ слоновъ и замѣчательными развалинами храмовъ, дворцовъ, каналовъ, окруженная дѣвственнымъ тропическимъ лѣсомъ, сохранившимся

благодаря принадлежности буддійскимъ монастырямъ,—представлялась тоже немаловажною приманкою, но, конечно, лишь въ случаѣ неосуществимости восхожденія на Адамову Гору. Теперь я знаю, что въ тѣ шесть сутокъ, которыя «Петербургъ» простоялъ въ Коломбо, я могъ бы совмѣстить если не всѣ три, то хотя два изъ этихъ предположеній, но я потерялъ вначалѣ сутки на собираніе свѣдѣній и полторы сутки, въ концѣ, на напрасное сидѣніе на пароходѣ, запоздавшемъ выходомъ (вслѣдствіе уже извѣстной намъ порчи машины).

Пассажиры и пассажирки быстро очищали палубу парохода, устремляясь въ Коломбо. Я съ сожалѣніемъ провожалъ ихъ глазами. Мнѣ нужно было остаться покуда, чтобы отъ ожидаемыхъ свѣдущихъ людей получить необходимыя свѣдѣнія для путешествія внутрь края. Вначалѣ, по выходѣ изъ Владивостока, было очень много желающихъ среди пассажировъ и даже пассажирокъ предпринять путешествіе внутрь острова и даже подняться на Адамову Гору, но съ приближеніемъ къ Цейлону, истомленные тропическою жарою, мало поощряющею предпріимчивость, потрясенные жестокимъ ураганомъ, насъ постигшимъ въ Великомъ океанѣ, съ встревоженными нервами отвращающіеся отъ новыхъ опасностей, грозящихъ изъ дѣвственнаго лѣса, съ его тиграми, дикими слонами, леопардами и медвѣдями, удавами, змѣями, скорпіонами и сухопутными піявками, почти всѣ они бросили эту затѣю и спѣшили на берегъ въ гостинницы и рестораны, эти любимѣйшіе предметы изученія русскихъ путешественниковъ. Г-нъ К., натуралистъ и профессоръ одного изъ нашихъ университетовъ, присоединившійся къ намъ въ Сингапурѣ, г. М., молодой человѣкъ, ѣхавшій изъ Владивостока въ Европейскую Россію по торговымъ дѣламъ, и я—всего только и остались при прежнемъ намѣреніи, не унывая осуществить задуманное путешествіе.

Справки перваго дня оказались, однако, неудачными. Насъ пугали продолжительностью восхожденія на Адамову Гору, будто бы не меньше двухъ сутокъ туда и обратно, не считая желѣзнодорожнаго пути, который туда и обратно потребуетъ столько же. Далѣе, намъ указывали на опасность дѣвственнаго лѣса, сплошнымъ покровомъ одѣвающаго горный массивъ Адамова Пика и населеннаго опасными и хищными животными. Намъ обѣщали, впрочемъ, къ завтрашнему утру собрать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, особенно объ Анарадапурѣ, на которой мы останавливались въ случаѣ неосуществимости восхожденія на Адамову вершину. Пришлось отсрочить рѣшеніе и, чтобы не потерять дорогой день, погулять хотя бы по Коломбо. Передъ вечеромъ я съѣхалъ на берегъ и сдѣлалъ небольшую прогулку по городу и его окрестностямъ. Я уже упомянулъ, что въ апрѣлѣ 1891 года я имѣлъ случай осмотрѣть эти интересныя мѣста и теперь я воспользуюсь обоими моими посѣщеніями (1891 и 1892 гг.), чтобы ввести читателя въ сферу цейлонскихъ впечатлѣній.

«Страна вѣчной весны», край неувядающей молодости составляетъ самую завѣтную и плѣнительную мечту сѣвернаго человѣчества... Въ сказкахъ и легендахъ всѣхъ народовъ сѣвера эта мечта сказывается какимъ-то вздохомъ по вѣчности и безсмертію, плѣняя слушателя среди завываній пурги, со стужею и гибелью стучащейся въ засыпанное снѣгомъ жилище сѣверянина. Воображеніе наше съ дѣтства привыкаетъ къ этимъ представленіямъ о сказочныхъ странахъ не прекращающейся весны, населенныхъ особыми сказочными животными, покрытыхъ особыми незнаемыми растеніями, отдѣленныхъ отъ насъ пучинами и бурями океановъ. Позднѣе, уроки географіи и чтеніе путешествій сочетаются съ этими народными легендами и «тропики» остаются для насъ въ той же роли страны вѣчной весны, неувядающей природы, тою же мечтою о вѣчной молодости... Да намъ, сѣверянамъ, иначе трудно и представить себѣ страну, не знающую осенняго увяданія жизни и зимняго ея замиранія. Подъ тропиками нѣтъ зимы и осени, говорятъ намъ. Что же мы можемъ себѣ представить въ такомъ случаѣ, какъ не весну или лѣто? Между тѣмъ, когда вы сами прикоснетесь къ тропикамъ,

вы убѣждаетесь, что тамъ нельзя найти весны и лѣта въ той же мѣрѣ, какъ нельзя встрѣтить зимы и осени. Если тропическая жизнь не знаетъ періодическаго увяданія и оцѣпенѣнія нашей природы, то какъ же можетъ она знать то чудное пробужденіе къ жизни, которое мы называемъ весною? И зачѣмъ ей то усиленное, сосредоточенное, напряженное біеніе пульса жизни, которое характеризуетъ наше лѣто и которое должно завершить въ два мѣсяца процессъ, подъ тропиками располагающій всѣми двѣнадцатью мѣсяцами? Ни зимы, ни лѣта, ни осени, ни весны не имѣютъ тропики и не могутъ имѣть, такъ что не здѣсь должно воображеніе наше искать плѣнительной страны вѣчной весны и неувядающей молодости.

Не сразу устанавливается у васъ это отношеніе къ очаровательной въ своемъ родѣ тропической природѣ, не сразу вы разстаетесь съ мечтою о вѣчной веснѣ. Но сразу чувствуется что-то новое, неожиданное, что-то такое, на что въ вашемъ сердцѣ сѣверянина не находится гармоническаго отвѣта, въ вашемъ умѣ соотвѣтственнаго представленія, въ вашемъ воображеніи подходящаго образа... Голубыя небеса, разлитое всюду тепло, яркая зелень, журчащія и сверкающія воды, благоуханіе—все возбуждаетъ въ васъ обычныя весеннія чувства, настраиваетъ на веселый весенній ладъ. Хочется, какъ у насъ весной, отвѣчать на этотъ хоръ ликующей жизни. Но только первыя впечатлѣнія вызываютъ у васъ это настроеніе и только потому, что у васъ уже давно, съ дѣтства, прочно сочетались воспринимаемые нынѣ образы съ другими, всегда и всюду ихъ сопровождающими въ нашихъ краяхъ. Нашъ май плѣняетъ тоже ясными, голубыми небесами, журчащими веселыми ручьями, яркою зеленью, благоуханіемъ и тепломъ, но эти ясныя небеса разстилаются надъ лѣсами, гдѣ каждая почка только что проснулась отъ тяжелаго зимняго сна и каждый листикъ зеленѣетъ первою молодостью, надъ полями, гдѣ ковромъ разстилаются узоры благоухающихъ цвѣтовъ, порхаютъ радостные мотыльки, рѣютъ мошки, весело летаютъ только что вернувшіяся пташки.

Воздухъ наполненъ звуками весны, юности, любви. Соловьи, иволги, грачи, лягушки, кузнечики, все участвуетъ въ этомъ хорѣ и эта гармонія радостныхъ, свѣтлыхъ звуковъ сочетается съ гармоніей молодыхъ свѣтлыхъ красокъ именно въ тотъ аккордъ весны, плѣнительнѣе котораго не знаетъ наше сѣверное сердце, въ аккордъ вѣры, надежды и любви. Ясныя голубыя небеса тропиковъ не видятъ подъ собою ничего подобнаго. Столѣтія стоятъ эти древесные гиганты, вѣчно зеленые, со старою, могучею листвою, гдѣ свѣтлая молодость какъ бы прячется въ морщинахъ этой неувядающей старости, не желающей дать волю и просторъ молодой жизни. Поляны не пестрѣютъ цвѣтами, не разстилаются чуднымъ узорчатымъ ковромъ; растенія здѣсь цвѣтутъ не одновременно, какъ у насъ, и немногіе цвѣты, выпадающіе на данное время, теряются въ мощной, старой зелени. Мотыльки летаютъ (красивѣе нашихъ), но опять таки нѣтъ этихъ ликующихъ хороводовъ, такъ характеризующихъ нашу весну. Наконецъ, что особенно поражаетъ васъ, это отсутствіе тѣхъ разнообразныхъ и несмолкаемыхъ звуковъ, которыми полна весна и которые на всѣ лады воспѣваютъ молодость и любовь, пробуждаютъ надежды и стремленія. Да и кто будетъ воспѣвать здѣсь молодость, когда здѣсь торжествуетъ старость? Не страна вѣчной весны и неувядающей молодости, а край властной и неувядающей старости, всюду оттѣсняющей и давящей молодость,—таковы тропики. Броунъ-Секаръ мечталъ объ изобрѣтеніи способа, какимъ можно было бы молодость замѣнить бодрою и неувядающею старостью, замѣнить и оттѣснить. Его эмульсія призвана укрѣпить арену жизни за старостью, которой, съ ея общественнымъ положеніемъ и богатствомъ, не доставало только неувядаемости, чтобы не завидовать молодости и отнять у нея естественное ея положеніе. Кажется, почтенному академику не удалось подойти къ разрѣшенію этой задачи для человѣчества (и притомъ сѣвернаго человѣчества, знающаго весну, лѣто и зиму), но несомнѣнно, что тропическое солнце и обильная влага тропическихъ дождей разрѣшили ее для тропи-

ческой природы. Молодость лишь кое гдѣ терпима; молчитъ и дремлетъ въ своей неувядаемой красотѣ могучая старость; молчитъ и не отзывается и наше сѣверное сердце на красоты этой природы, равнодушной и холодной, хотя и облитой горячими лучами полуденнаго солнца.

Столь же мало общаго — между тропическою природою и природою и жизнью нашего сѣвернаго лѣта. Для насъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ поколѣній, которыя еще имѣли счастье вырости въ деревнѣ (и которыя, поэтому, только и могутъ чувствовать нашу природу), лѣто есть прежде всего время страды. Напряженный, доходящій до предѣловъ человѣческой природы, трудъ неразрывно связанъ съ нашимъ представленіемъ о лѣтѣ; состояніе погоды, благопріятное урожаю и труду — предметъ всѣхъ лѣтнихъ заботъ и помышленій; быстрое развитіе и созрѣваніе отличительная особенность сезона, который только одинъ и знаетъ созрѣваніе и отвѣчаетъ за весь остальной годъ. Эта страда природы, спѣшащей выполнить свои задачи, дополняетъ собою страду человѣчества и окрашиваетъ лѣто особымъ колоритомъ сердечнаго единенія человѣка съ природою, которое нарушаетъ злая зима и которое не возстановляетъ въ такой мѣрѣ даже обворожительная сѣверная весна. Подъ тропиками нѣтъ спеціальнаго періода созрѣванія, нѣтъ сезона страды для природы и для человѣка, нѣтъ и единенія между ними въ этомъ напряженномъ трудѣ, въ этомъ стремленіи запастись силами, чтобы перетерпѣть зимнее оцѣпенѣніе и съ новыми надеждами и благословеніями встрѣтить весеннее пробужденіе. Этотъ смыслъ сѣвернаго лѣта не существуетъ для тропической природы; не существуетъ онъ и для тропическаго человѣка. Въ мартѣ, апрѣлѣ, ноябрѣ вы встрѣчаете у туземцевъ тѣ же свѣжіе плоды и любуетесь тѣми же картинами природы. Тѣ же грозди банановъ, которые я засталъ на деревьяхъ въ апрѣлѣ, я видѣлъ тамъ же въ ноябрѣ. Рядомъ съ желтѣющею, только что собранною клѣткою риса, волнуется уже выбросившая стрѣлку рисовая нива; далѣе ярко зеленѣютъ молодые всходы риса; подлѣ, съ одной стороны,

блеститъ подъ водою еще не проросшій его посѣвъ, съ другой, темнѣетъ приготовленное для посѣва поле. Весенняя картина молодыхъ всходовъ, лѣтніе виды сжатой полосы, осенніе—приготовляемаго поля, со всѣми промежуточными звеньями, вы обнимаете однимъ взглядомъ на протяженіи нѣсколькихъ десятинъ земли, подобно тому, какъ бутоны, цвѣты, завязи и плоды, вы наблюдаете на одномъ и томъ же бананѣ въ складкахъ его гигантскихъ листьевъ (больше сажени длины и свыше аршина ширины)! Со старческимъ постоянствомъ, безъ молодыхъ весеннихъ порывовъ сѣверной природы, безъ напряженія силъ въ ихъ полномъ разцвѣтѣ сѣвернаго лѣта, тропическая природа повторяетъ изо дня въ день одно и то же, поражая своею неувядающею мощью и неистощимыми силами. Это изумительное, едва доступное даже пылкому воображенію сѣверянина могущество тропической природы и составляетъ ея главное обаяніе, источникъ ея власти надъ человѣчествомъ, такой власти, какой не знаетъ наша сѣверная суровая природа, со всѣми ея осенними и зимними невзгодами.

Бокль въ своей знаменитой книгѣ указалъ на значеніе этого могущества тропической природы для исторіи тропическаго человѣчества, которое пало ницъ передъ непобѣдимыми силами, отчаялось въ борьбѣ и побѣдѣ и застыло въ первобытной косности, не дерзая отступать отъ указаній могущественныхъ силъ природы. Эти идеи англійскаго мыслителя невольно приходятъ въ голову, когда проникаешь въ первобытные дѣвственные лѣса тропиковъ, но не это подавляющее злое могущество тропической природы имѣлъ я въ виду, когда заговорилъ о ея мощи и власти. Человѣкъ тропиковъ, хотя и подавленный первобытною природою, долженъ былъ жить, для чего долженъ былъ культивировать землю, срубать древесные исполины, истреблять заросли, отбиваться отъ дикихъ животныхъ, воздѣлывать культурныя растенія, разводить мирныхъ домашнихъ животныхъ. Человѣкъ тропиковъ, хотя и истребляемый враждебнымъ могуществомъ первобытной природы, всетаки размножался, и съ размноженіемъ все расширялъ культуру, все отодвигалъ гроз-

ную первобытную природу. Въ настоящее время какой нибудь Цейлонъ или Ява, Мартиника или Ямайка заключаютъ весьма сравнительно небольшое пространство, занятое первобытною природою. Культурная тропическая природа заняла ея мѣсто; рисовыя поля, безконечныя рощи пальмъ, плантаціи банановъ покрываютъ сплошь всѣ равнины западнаго Цейлона, мною видѣннаго, оставляя горные склоны подъ плантаціи чаю, кофе и хинина и лишь немногое на недоступныхъ и малодоступныхъ высотахъ и среди нездоровыхъ болотистыхъ долинъ во власти первобытной флоры и фауны. Но и новая культурная природа поражаетъ тѣмъ же могуществомъ. Это благодѣтельное могущество не подавляетъ и не угнетаетъ человѣка, но, подобно злому могуществу дѣвственнаго лѣса, оковываетъ умъ преклоненіемъ передъ своею силою, а несмѣняемостью безъ перерыва, пробужденія и напряженія воспитываетъ въ тѣхъ же свойствахъ и тропическаго человѣка. Сингалезы и малайцы — симпатичный, интеллигентный и нравственный народъ (особенно сингалезы), но они, подобно своей природѣ, застыли въ незыблемыхъ, неизмѣнныхъ процессахъ жизни, не зная весенняго возбужденія силъ, обновляющаго и тѣло, и душу человѣка; ни лѣтняго напряженія, заставляющаго превзойти самого себя и служащаго залогомъ развитія человѣческихъ силъ и способностей; ни зимняго досуга для отдыха и размышленія. Эта косность, покровительствуемая благодѣяніями культурной тропической природы, можетъ быть нарушена возбужденіемъ извнѣ, со стороны народовъ сѣвера, менѣе счастливыхъ благодѣяніями природы, но болѣе ею возбуждаемыхъ къ труду, изслѣдованіямъ и стремленіямъ. Но это ли пробужденіе душевныхъ силъ несутъ европейцы талантливымъ племенамъ Цейлона? или же европейская плутократія только протягиваетъ и сюда свои жадныя лапы за благодѣяніями тропической природы, которыми тысячелѣтія эта природа осыпала своихъ наивныхъ, добрыхъ сыновей? Нѣкоторые намеки на отвѣтъ читатель встрѣтитъ по пути этихъ очерковъ, а теперь пора возвратиться къ нити нашего повѣствованія.

XXVI.

КОЛОМБО ВЪ 1891 ГОДУ.

Посѣщеніе Коломбо 1 Апрѣля 1891 года.—Первыя впечатлѣнія.—Голые сингалезы.—Завтракъ.—Заклинатель змѣй.—Прогулка.—Сиваистскій храмъ.—Викторія-паркъ.—Музей.—Буддійскій храмъ.—Прогулка 2 Апрѣля.—За городомъ.—Буддійскій монастырь.—Отъѣздъ.

Инженеръ П., съ наилучшими намѣреніями ѣхавшій строить Уссурійскую желѣзную дорогу; его молодая жена, съ живымъ и осмысленнымъ интересомъ знакомившаяся съ новыми, необычными странами, черезъ которыя мы ѣхали вотъ уже три недѣли; десятилѣтняя Лиля Н., довѣренная намъ на время прогулки ея родителями, оставшимися на пароходѣ, и я—составляли, уже знакомое читателямъ, маленькое общество, которое 1 апрѣля 1891 года спѣшило съѣхать на берегъ Коломбо съ съ того же «Петербурга», на которомъ 12 ноября 1892 года я вторично увидѣлъ тѣ же прелестныя картины, уже нѣсколько знакомыя читателю по этому блѣдному очерку. Утреннее ясное солнце косыми лучами позлащало морскую даль въ то время, какъ вокругъ нашей шлюпки тихое зеркало бухты соперничало своею лазурью съ ясными, глубокими небесами. Все какъ бы привѣтствовало неофитовъ, впервые вступающихъ въ чудный храмъ тропической природы. Намъ, по крайней мѣрѣ, такъ казалось, и съ радостными, счастливыми улыбками мы привѣтствовали и эти зеленымъ кружевомъ рисующіяся на небѣ пальмовыя рощи, и эти журчащія подъ нами спокойныя, ласковыя волны, и синія, безоблачныя небеса, и привѣтливыя

красивыя лица нашихъ голыхъ лодочниковъ. Мы уже высаживались подъ тропиками въ Перимѣ, но тамъ была тропическая пустыня, а здѣсь, роскошная, могучая тропическая жизнь; тамъ были безобразные, неуклюжіе, сомалійскіе дикари, съ тупымъ, полуживотнымъ выраженіемъ маленькихъ глазъ, а здѣсь красивое стройное племя сингалезовъ съ интеллигентными, совершенно европейскими лицами, съ привѣтливымъ, открытымъ нравомъ, съ культурною сдержанностью и вѣжливостью обращенія. Нагота ихъ темныхъ (но не черныхъ) тѣлъ только на первыхъ порахъ шокируетъ европейца. Внутренняя благопристойность, если можно такъ выразиться, съ которою держатъ себя сингалезскіе мужчины и женщины (почти столь же мало прикрытыя, какъ и мужчины), скоро заставляютъ васъ, если не придти къ убѣжденію (для этого сначала нѣтъ времени подумать), то почувствовать, что непристойное и пристойное опредѣляется не условнымъ количествомъ истраченной матеріи, а намѣреніями, съ которыми люди одѣваются или раздѣваются и которыми невольно диктуются и впечатлѣнія, производимыя этими одѣтыми, полуодѣтыми и раздѣтыми дамами и кавалерами. Съ ногъ до головы укутанныя, скрывающія даже лицо подъ покрываломъ, аравитянки Портъ-Саида или Суэца, но думающія единственно лишь о своихъ прелестяхъ и о способѣ получше ими воспользоваться, и тѣ толпы прекрасно одѣтыхъ кавалеровъ всѣхъ націй, которые съ такими же мыслями вглядываются въ эти закутанныя, сверкающія одними всеобѣщающими глазами фигуры, конечно, непристойны. Портъ-Саидъ, гдѣ вы вовсе не увидите голыхъ людей, можетъ смутить стыдливость молодой женщины, тогда какъ Цейлонъ съ его толпами почти голыхъ мужчинъ и женщинъ останется всетаки однимъ изъ самыхъ пристойныхъ и нравственныхъ мѣстъ земного шара. Существуютъ голыя расы, сказалъ кто-то, но нравственно одѣтыя своею душевною чистотою, и есть расы, прячущія свое тѣло въ матеріи, но въ сущности гораздо болѣе раздѣтыя своими грязными помышленіями и нравственною испорченностью.

Крытая деревянная пристань для гребныхъ судовъ, окруженная сотнями челноковъ, шлюпокъ, узкихъ и длинныхъ своеобразныхъ сингалезскихъ лодокъ, скоро приняла насъ подъ свои навѣсы. Два шага отсюда до Oriental Hôtel, гдѣ мы рѣшились позавтракать прежде прогулки по окрестностямъ. Хорошо говорящій по французски метр-д'отель и обыкновенный англійскій Tifin съ его безчисленными, но микроскопическими порціями всевозможныхъ блюдъ, не представляли ничего особеннаго или достойнаго описанія. Можно, пожалуй, отмѣтить особое индійское блюдо, называемое Kerry; это отварной рисъ, къ которому подается коричневая подливка. Въ ней, въ этой подливкѣ,—все дѣло и вся оригинальность блюда, но «не приготовленному» вкусу я не рѣшился бы посовѣтовать отвѣдать этой оригинальности. И приготовляться надо хорошо. Во славу сербскаго оружія, въ 1876 г., я ѣдалъ сербскій паприкашъ, гдѣ, кромѣ краснаго перца, вы ничего не чувствуете (хотя туда кладется и всякая другая всячина), и въ простотѣ души думалъ, что это уже и есть опытъ самосожженія, но индійское «керри» меня убѣдило, что я жалко заблуждался и что нѣкоторые народы охотно замѣняютъ медленный огонь паприкаша быстрѣе дѣйствующимъ пламенемъ этого индійскаго снадобья. Примѣшиваемое въ микроскопическихъ дозахъ, керри можетъ быть пріятно порою. Другою новостью нашего завтрака были манги въ дессертѣ. Это зеленые плоды, величиною и видомъ напоминающіе нашу грушу, если бы ее сплюснуть съ двухъ сторонъ. Съѣдобны именно только эти сплюснутыя стороны, срѣзываемыя съ обѣихъ сторонъ пластинками, бѣлое, сочное и кисловатое мясо которыхъ довольно вкусно, дѣйствуя освѣжающимъ образомъ на истомленнаго зноемъ человѣка.

Кофе пить мы вышли на широкую террассу, выходящую въ садъ, гдѣ немедленно насъ окружили продавцы драгоцѣнныхъ каменьевъ, которыми славится Цейлонъ, продавцы фотографическихъ видовъ и типовъ, фокусники и всякіе другіе искатели поживы у кармановъ неопытныхъ путешественниковъ. Среди

нихъ останавливалъ вниманіе заклинатель змѣй; кто-то заказалъ представленіе. Мы подошли посмотрѣть на столь прославленное зрѣлище. Заклинатель открылъ двѣ плоскія круглыя корзинки, въ которыхъ въ каждой лежало по одной свернувшейся въ клубокъ змѣѣ. Это были страшныя очковыя змѣи громадной величины, съ большими плоскими пятнистыми головами. Змѣи спокойно спали подъ начинавшими припекать лучами поднявшагося къ зениту полуденнаго солнца. Повидимому, онѣ вовсе не были расположены доставить своимъ лицедѣйствомъ жестокое развлеченіе заморскимъ гостямъ. Когда крышки были сняты: одна приподняла было голову, но снова спрятала ее въ кругахъ своего канатоподобнаго тѣла; другая даже не шевельнулась. Индусъ-заклинатель зорко, во всѣ глаза, слѣдилъ за своими страшными артистками. Держа въ зубахъ дудочку, онъ началъ насвистывать на ней рѣзко-непріятную, монотонную мелодію и, хватая руками за шею змѣй у самой головы, выпихивалъ ихъ изъ корзинокъ. Недолго продолжалась эта борьба со сномъ. Выведенныя изъ сладкаго забытья, змѣи пришли въ ярость и съ остервенѣніемъ бросились на заклинателя, который ловко и проворно снова схватилъ ихъ подъ головою и отбросилъ отъ себя. Долго, слишкомъ долго для непривычныхъ нервовъ длилась эта тягостная борьба одного человѣка съ двумя разъяренными, смертельно ядовитыми чудовищами. Въ ярости, съ открытыми зубастыми ртами, бросаются онѣ на заклинателя, который, сидя на корточкахъ, не спускаетъ съ нихъ глазъ, напряженно слѣдитъ за ихъ движеніями, ловитъ удобный моментъ и отбрасываетъ то одну, то другую, то обѣ разомъ отъ себя искусными однообразными движеніями, все усиливая звуки мелодіи на дудочкѣ. Все громче и громче звучитъ эта непріятная мелодія. Все медленнѣе становятся движенія змѣй, все болѣе поддающихся вліянію этой монотонной музыки. Одна изъ нихъ вытягиваетъ вертикально свою шею и начинаетъ медленно, въ тактъ музыкальному мотиву, раскачивать свою голову. Загипнотизированная музыкою,

она уже забылась въ очарованномъ снѣ, но другая еще продолжаетъ борьбу. Нѣкоторые изъ опытныхъ англичанъ, смотрящихъ на это зрѣлище, высказываютъ сомнѣніе, чтобы удалось очаровать это злое и упрямое животное. Они совѣтуютъ заклинателю поймать ее въ корзину, пока не поздно. Бѣдный заклинатель обливается потомъ и выбивается изъ силъ, отбиваясь отъ яростныхъ аттакъ и во всю мочь выдувая свою мелодію, эту единственную его надежду и союзницу. Она не обманула и, въ концѣ концовъ, усыпила и вторую змѣю. Обѣ, вытянувши вертикально шеи, мѣрно, въ тактъ музыки, раскачивали своими безобразными головами. Потянувъ кверху, заклинатель поставилъ ихъ почти на кончикъ хвоста и въ такомъ положеніи онѣ продолжали свое движеніе, подобно маятникамъ. Схвативъ одну изъ нихъ, онъ обмоталъ ее вокругъ шеи и голаго тѣла, завязалъ узломъ и оставилъ только ея торчащую кверху голову продолжать качаніе надъ своимъ плечомъ, въ уровень своей головы. То же онъ сдѣлалъ и со второю змѣею, и въ такомъ убранствѣ, съ двумя раскачивающимися змѣиными отвратительными головами по бокамъ своего лица, съ извивающимися червеобразными тѣлами ихъ вокругъ шеи и туловища блѣдный отъ утомленія, съ дрожащими колѣнями, въ поту,— онъ началъ обходить зрителей, собирая мзду за ужасное зрѣлище. Бросивши нѣсколько рупій, мы поспѣшили оставить мѣсто этихъ тягостныхъ сценъ. Говорятъ, что неопытные заклинатели бываютъ порою жертвою ярости отвратительнаго животнаго и забавы праздной публики, требующей такихъ зрѣлищъ и за нихъ дающей прокормленіе этимъ бѣднымъ дѣтямъ тропическихъ лѣсовъ. Чѣмъ эти забавы отличаются отъ забавъ римлянъ, выпускавшихъ людей на борьбу съ дикими звѣрями. Очковая змѣя стоитъ хорошаго леопарда или медвѣдя. Интересно бы узнать, какъ часто за неудачи заклинателя въ его борьбѣ со змѣею платятся и забавляющіеся зрители. Надо надѣяться, что очковая змѣя не очень-то отличаетъ голаго индуса, старающа-

гося ее усыпить, отъ одѣтаго европейца, заказавшаго это мучительное представленіе.

Блѣдная, съ раскрытыми неподвижными глазами, отошла отъ зрѣлища моя маленькая десятилѣтняя дама. Но и мы взрослые, были не менѣе взволнованы ненужностью и глупостью этихъ опасныхъ экспериментовъ. Для индуса представленіе это есть проявленіе сверхъестественной силы, волшебство, равно подчиняющее человѣка и змѣю, а гибель неудачнаго гипнотизера есть лишь кара шарлатану, который, не состоя въ достаточно близкихъ отношеніяхъ съ небесами, дерзнулъ злоупотребить ихъ именемъ. Для индуса, такимъ образомъ, заклинаніе сохраняетъ свой религіозный интересъ глубокаго значенія. Сравнительно недавно, и для европейца эти опыты могли имѣть свой интересъ. Для него это была загадка, которую онъ старался разгадать. То онъ утверждалъ, что у этихъ змѣй вырваны зубы и вырѣзаны ядовитыя железы; то онъ хотѣлъ объяснить воспитаніемъ съ дѣтства; то просто терялся въ догадкахъ... Время это прошло, явленіе—ясно до очевидности. Единственный интересъ, который теперь оно можетъ имѣть для европейца,—интересъ жестокой забавы вродѣ римскаго цирка съ гладіаторами, или испанскаго боя быковъ, забавы не только жестокой, но и постыдной.

Мы взяли четырехмѣстную карету, пригласили сингалеза-проводника и приказали везти за-городъ, покатать по окрестностямъ и завести въ музей. Каретка открыта со всѣхъ сторонъ и имѣетъ лишь крышу, поддерживаемую нѣсколькими столбиками. Промежутки между столбиками могутъ быть занавѣшаны шторами. На козлахъ сидятъ сингалезъ-кучеръ и проводникъ; оба, кромѣ обычнаго передника, щеголяютъ, какъ высшимъ словомъ европейскаго вліянія, короткими куртками безъ рукавовъ; на головѣ и на ногахъ, какъ вообще у сингалезовъ, ничего. Карету везутъ двое муловъ и везутъ ее не очень скоро, безъ излишней торопливости, направляясь черезъ городъ на югъ. Коломбо лежитъ на западномъ берегу Цейлона и расположенъ въ глубинѣ бухты къ югу отъ нея, имѣя съ запада открытое море, къ

сѣверу гавань и къ востоку рѣку **Келани-Гангъ**. На полуостровѣ, между бухтою и моремъ, выстроенъ фортъ и высится изящная колонна маяка. Отъ форта къ сѣверу, врѣзываясь въ море, значительно увеличивая бухту и защищая ее отъ морского волненія, тянется выстроенный недавно англичанами молъбрекватеръ, заканчивающійся тоже маякомъ. Этотъ брекватеръ я упомянулъ въ началѣ этого очерка. Онъ лежалъ справа отъ насъ, когда мы входили. Зеленѣвшія слѣва рощи обрамляютъ теченіе Келани-Ганга, а виднѣвшійся въ глубинѣ бухты городъ, стѣсненный между моремъ и долиною Келани, главными своими частями вытягивается къ югу. Теперь отъ Оріенталь-Отеля, расположеннаго на берегу бухты, мы и направлялись по главной (Іоркской) улицѣ къ югу, чтобы пересѣчь лучшую часть города и объѣхать его южныя окрестности, единственныя, приспособленныя англичанами для европейцевъ. Къ западу и сѣверу вѣчно шумитъ океанъ, къ востоку за Келани-Гангомъ идутъ туземныя поселенія.

Улицы Коломбо, обсаженныя прекрасными деревьями, отлично вымощены. Удобные троттуары сдѣланы по обѣ стороны, гдѣ тянутся сплошь магазины и лавки. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ мы выѣзжаемъ на берегъ большого озера, лежащаго позади форта (къ югу отъ него) и отдѣленнаго на западѣ узкимъ перешейкомъ отъ моря. Озеро это, красиво обрамленное гигантскими деревьями, очень живописно. Оно нѣкоторое время сопровождаетъ нашу дорогу справа, а слѣва продолжается еще городъ. Здѣсь находится и желѣзнодорожная станція. На озерѣ, виднѣется островъ, зеленѣющій деревьями и бѣлѣющій какими-то строеніями. Говорятъ, на этомъ островѣ (или на другомъ этого озера) построенъ самый почитаемый изъ сиваистскихъ храмовъ Цейлона, но эти сектанты браманизма, отвергнувшіе творца Браму и мірохранителя и міроправителя Вишну и поклоняющіеся одному разрушающему началу въ лицѣ Сивы, не пускаютъ въ свои храмы иновѣрцевъ. Грозный Сива не допускаетъ къ лицу своему не поклоняющихся ему и двери его

святилищъ закрыты для нихъ. Безполезно было, поэтому, и пытаться проникнуть туда, гдѣ со страхомъ и трепетомъ, въ сознаніи ужаса своего безсилія, чернокожіе малабары и тамилы приносятъ жертвы своему страшному богу и молятъ его о пощадѣ и снисхожденіи. Сингалезы не исповѣдуютъ сиваизма, который распространенъ между населяющими сѣверную оконечность Цейлона тамилами, ближайшими родичами малабаровъ южной Индіи, вывозимыхъ сюда англичанами для работы на плантаціяхъ.

Миновавъ озеро, мы свернули налѣво и скоро въѣхали въ паркъ имени королевы Викторіи. Громадное насажденіе это, изрѣзанное прекрасными шоссированными дорогами и благодѣтельными водоносными каналами, не можетъ, конечно, замѣнить ботаническаго сада, но очень пригодно для перваго ознакомленія съ тропиками, или, вѣрнѣе, съ ихъ растеніями. Группы деревьевъ, смѣняющіяся зелеными полями, отдѣльныя группы кустарниковъ, довольно широкія перспективы, все это, собственно говоря, противорѣчитъ обычаямъ тропической природы, но все это привычно намъ, и въ этой формѣ намъ сначала удобнѣе вглядываться въ новыя явленія, насъ окружающія. Все то, чѣмъ въ оранжереяхъ, теплицахъ и комнатахъ мы привыкли восхищаться въ маломъ, сравнительно мизерномъ видѣ, предстояло гигантами. Пальмы, пальмы и пальмы всевозможныхъ видовъ и формъ, прежде всего останавливаютъ вниманіе, но при всей своей величинѣ онѣ былинки рядомъ съ истинными исполинами тропиковъ. Въ паркѣ королевы Викторіи такихъ исполиновъ немного, но всетаки попадаются экземпляры фикусовъ, манговъ поистинѣ головокружительныхъ размѣровъ. Пряныя благоухащія деревья и кустарники васъ преслѣдуютъ съ перваго въѣзда въ паркъ. Послѣ ни въ одномъ тропическомъ саду я не испытывалъ этого ощущенія какого-то полуопьянѣнія отъ благоуханія, а голые ребятишки, толпою сопровождающіе нашу карету, еще усиливаютъ впечатлѣніе, поминутно подскакивая къ намъ съ новы-

ми и новыми образцами деревьевъ и кустарниковъ, такъ что скоро весь экипажъ нашъ начинаетъ благоухать корицою, камфарою, кардамономъ. Толпы ребятишекъ этихъ сопровождаютъ насъ отъ самаго города, стараясь всячески услужить намъ. Нѣкоторые заявляютъ намъ, что они католики, вѣроятно, думая выиграть этимъ въ нашихъ глазахъ (во времена владычества португальцевъ часть сингалезовъ приняла христіанство и осталась ему вѣрна до сихъ поръ). Эта миловидная маленькая публика не безпокоитъ, а скорѣе забавляетъ насъ, но вотъ къ ней присоединяется новый, совершенно неожиданный членъ. Молодой слонъ, привѣтливо помахивая хоботомъ и хлопая длинными ушами, подходитъ къ намъ и съ ласковымъ взглядомъ протягиваетъ хоботъ за подачкою. Лиля даетъ ему что то. Вполнѣ удовлетворенный, онъ останавливается и, проводя насъ глазами, продолжаетъ свою прогулку. Ребятишки снова овладѣваютъ сценою и нашимъ вниманіемъ въ то время, какъ мы продолжаемъ, не торопясь, объѣзжать дорожки парка. Наконецъ, подъѣзжаемъ къ воротамъ музея.

Большое изящное зданіе музея въ два этажа расположено посреди обширнаго двора, обнесеннаго изгородью и засаженнаго живописными группами деревьевъ и кустарниковъ. Передъ входомъ въ музей, на открытой площадкѣ стоитъ на высокомъ пьедесталѣ бронзовая фигура бывшаго губернатора Цейлона сэра Грегори, правившаго островомъ въ 1872—1877 гг. и принадлежащаго къ числу самыхъ выдающихся англійскихъ администраторовъ въ Индіи. Заботы о расширеніи культуры чая, кофе, хинина, пряностей, устройство Коломбійскаго порта, прекрасныя шоссе, прорѣзывающія по всѣмъ направленіямъ Цейлонъ, наконецъ, желѣзныя дороги, все это создано или проэктировано и подготовлено въ управленіе Грегори. Между прочимъ имъ-же положено основаніе и Цейлонскому музею, передъ дверями котораго, на мѣстѣ, гдѣ перебываютъ всѣ посѣтители острова, благодарные плантаторы-англичане воздвигли по подпискѣ этотъ памятникъ.

При входѣ въ музей насъ встрѣтилъ спеціально-подготовленный проводникъ, порядочно говорившій по англійски. Сначала мы поднялись въ верхній этажъ, гдѣ расположены естественно-историческія коллекціи. Чучелы тигровъ, леопардовъ, медвѣдей, громадныхъ крокодиловъ, чудовищныхъ удавовъ (до трехъ саженей длины), всевозможныхъ змѣй сразу напомнили намъ, что та чудная природа, которою мы только что любовались въ паркѣ, враждебна человѣку, какъ никакая другая природа. Съ этихъ восхитительныхъ деревьевъ, изъ-за этихъ благоухающихъ прелестныхъ кустарниковъ, изъ глубины рѣкъ, изъ подъ каждаго камня грозитъ человѣку гибель и сторожитъ его опасный, неодолимый врагъ. Чучелы слоновъ, оленей, обезьянъ, попугаевъ и безчисленныхъ породъ красиво окрашенныхъ пташекъ направляютъ ваше воображеніе въ другую сторону, болѣе гармонирующую съ только что воспринятыми, еще смутными впечатлѣніями живой тропической растительности. Необозримое собраніе насѣкомыхъ поневолѣ пробѣгаешь мелькомъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, оно необозримо по своей многочисленности. Въ отдѣлѣ водяныхъ животныхъ вы остановитесь передъ исполинскимъ скелетомъ рыбы, пойманной въ 1883 гогоду въ морѣ, у селенія Моратува, въ 20 верстахъ къ югу отъ Коломбо. Длиною это чудовище 23 фута (свыше десяти аршинъ). Обращаютъ также на себя вниманіе коллекціи драгоцѣнныхъ каменьевъ въ минералогическомъ отдѣлѣ. Цейлонъ издревле славится этими каменьями. Красные и синіе яхонты (рубины и сафиры) только здѣсь добываются въ изобиліи, самые крупные и самыхъ высокихъ качествъ. Лунный камень и александритъ (камень зеленаго изумруднаго цвѣта—днемъ, краснаго рубиноваго цвѣта—вечеромъ, абсолютно недоступный фальсификаціи, но очень рѣдкій) добываются, кажется, кромѣ Урала, только здѣсь. Опалы, топазы и гранаты дополняютъ этотъ списокъ. Самыя изобильные ловы самыхъ дорогихъ жемчуговъ производятся тоже у береговъ Цейлона. На Іоркской улицѣ цѣлый кварталъ занятъ лавками драгоцѣнныхъ каменьевъ.

И въ музеѣ этому отдѣлу отведено подобающее мѣсто. Остановившись затѣмъ въ ботаническомъ отдѣлѣ на гигантскихъ пняхъ деревьевъ, вы выходите изъ естественно-историческаго музея съ довольно-таки смутными впечатлѣніями. Здѣсь надо изучать, а не бѣгло пройти по заламъ, и притомъ полезно это дѣлать не раньше, а послѣ объѣзда Цейлона. Тогда эти коллекціи лишь классифицируютъ и уясняютъ ваши живыя наблюденія.

Эти замѣчанія еще болѣе примѣнимы къ этнографическому и историческому музею, занимающему нижній этажъ зданія. Не зная исторіи острова, не познакомясь съ его племенами и классами, вы поневолѣ бродите, какъ въ лѣсу, среди богатыхъ коллекцій утвари, одежды, оружія, инструментовъ, украшеній, среди типовъ разныхъ народностей и ихъ произведеній. Всѣ эти предметы очень интересны, но не пріуроченные къ опредѣленному мѣсту, они скоро утомляютъ ваше вниманіе. Манекены племенныхъ типовъ болѣе другого занимаютъ въ такомъ случаѣ. Особенное вниманіе заслуживаютъ манекены мужчины и женщины изъ племени веддаховъ, сдѣланные въ натуральную величину. Веддахи, которыхъ осталось теперь не больше пяти тысячъ человѣкъ, принадлежатъ, вѣроятно, къ тѣмъ темнокожимъ аборигенамъ, которыхъ покорили пришлые съ сѣвера арійцы, и смѣшавшись съ ними, произвели смѣшанную сингалезскую расу европейскаго типа, но съ болѣе темною кожею весьма различныхъ оттѣнковъ. Веддахи до сихъ поръ исключительно охотники, не знаютъ ни одежды, ни религіи (кромѣ, конечно, первобытнаго фетишизма), ни грамоты, ни даже счета дальше пяти. Они не строятъ хижинъ, живутъ на деревьяхъ и въ пещерахъ и прекрасно владѣютъ своими луками и ядовитыми стрѣлами. Такъ, по крайней мѣрѣ, изображаютъ ихъ англичане. Они живутъ въ недоступныхъ трущобахъ первобытныхъ лѣсовъ, куда не проникаютъ не только англичане, но даже сингалезы и тамилы. Выставленные въ музеѣ манекены этихъ дикарей, впрочемъ, далеки отъ того отталкивающаго

полузвѣринаго вида, которымъ такъ непріятно поражаютъ сомалійскіе дикари Перима.

Съ утомленнымъ вниманіемъ, переполненные еще не опредѣлившимися и не выяснившимися впечатлѣніями, вышли мы изъ музея. Надо было впечатлительность, притупленную этимъ обозрѣніемъ мертваго воспроизведенія цейлонской природы и жизни, обновить и возбудить прикосновеніемъ къ живой дѣйствительности. Къ природѣ мы прикоснулись до музея и теперь она опять стояла передъ нами во всей, еще нами не разгаданной, красѣ своей. Надо было попробовать прикоснуться теперь и къ жизни человѣка. Если интересна тропическая природа, то человѣкъ, ею пользующійся и ею воспитанный, еще интереснѣе, но гдѣ можно столкнуться съ этимъ человѣкомъ въ такое короткое время, какъ не въ его храмахъ? Мы приказали везти насъ въ ближайшій буддійскій храмъ. Мимо роскошныхъ дачъ англичанъ, мимо какой-то христіанской часовни, мы подъѣхали къ низкому небольшому зданію съ портикомъ, выходящимъ на дорогу и съ небольшимъ куполомъ надъ среднею частью. Это и былъ храмъ. Нашъ переводчикъ вызвалъ священника, такъ какъ въ это время богослуженія не производилось. Среднихъ лѣтъ, съ пріятнымъ лицомъ священникъ встрѣтилъ насъ привѣтливо и охотно показалъ свой маленькій храмъ. Небольшое, но довольно свѣтлое помѣщеніе, изображенія Будды и сценъ изъ его жизни по стѣнамъ, жертвенникъ передъ главнымъ его изображеніемъ (напротивъ входной двери), на жертвенникѣ цвѣты лотоса, лилій, розъ и другіе, на боковыхъ столикахъ рукописи на папирусахъ,—таковы существенныя черты этого храма. Священникъ недурно объяснялся по англійски, такъ что можно было обходиться безъ всегда путающаго посредничества переводчика. На память нашего посѣщенія онъ подарилъ мнѣ одну сингалезскую рукопись на папирусѣ, а дамамъ предложилъ цвѣты съ жертвенника. Опустивши въ кружку по монетѣ, мы простились со священникомъ и поспѣшили самою краткою дорогою на пароходъ ко времени его отхода, который былъ назначенъ на 6 часовъ вечера. Кстати, въ шесть часовъ подъ тропиками наступаетъ ночь и что либо обозрѣвать все равно нельзя.

Я не былъ удовлетворенъ этою маленькою экскурсіею. Мы многое видѣли, многое перечувствовали, но всѣ эти совершенно необычныя впечатлѣнія, всѣ эти отрывочныя наблюденія не давали цѣльнаго и опредѣлительнаго представленія. Я очень обрадовался, поэтому, когда узналъ, что отходъ отстроченъ до полудня 2 апрѣля и, слѣдовательно, можно будетъ дополнить сегодняшнюю экскурсію и, быть можетъ, понемногу разобраться во всемъ. Вечерняя прогулка по Коломбо и парку дала новаго немного. Погода хмурилась, начиналъ нѣсколько разъ накрапывать дождикъ, фонари освѣщали только стволы деревьевъ, вершины которыхъ терялись во мракѣ тропической ночи, и только прянное благоуханіе еще сильнѣе наполняло и переполняло воздухъ.

Утромъ 2 апрѣля, въ прежнемъ составѣ нашего маленькаго общества, мы снова съѣхали на берегъ и, взявъ экипажъ, приказали везти въ главный буддійскій храмъ при монастырѣ, лежащемъ въ лѣсу за Келани-Гангомъ. Храмъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся буддійскихъ святынь Цейлона. По преданію, онъ былъ основанъ еще при жизни Будды и удостоился его личнаго посѣщенія; по достовѣрнымъ лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, главный храмъ этого святилища былъ выстроенъ царемъ Яталатисою въ 306 г. по Р. Х. Самая большая на Цейлонѣ дагоба (куполообразное зданіе надъ священными реликвіями) находится при этомъ храмѣ, какъ и самое большое священное дерево Бо. При монастырѣ школа и типографія. Такимъ образомъ, несомнѣнно, это святилище есть самое знаменитое и почитаемое въ Западномъ Цейлонѣ. Мы выѣхали на востокъ и сначала долго ѣхали предмѣстьями, населенными туземцами, пока не достигли берега Келани-Ганга, медленно катящаго свои мутно-желтыя волны. На берегу большой туземный базаръ. Прекрасный мостъ на плашкотахъ, дли-

ною около 70 саж., перекинутъ здѣсь черезъ рѣку. Мы медленно переѣхали черезъ мостъ, но крокодиловъ, которыми изобилуетъ Келани-Гангъ, какъ и великій Гангъ Индостана, видѣть не удалось. Съ переѣздомъ рѣки мы вступаемъ въ сплошныя рощи пальмъ и другихъ культурныхъ деревьевъ. Сначала вы думаете, что ѣдете лѣсомъ, но вглядываясь, вы съ удивленіемъ замѣчаете, что почти вовсе не встрѣчаете туземныхъ цейлонскихъ растеній. Едва-ли манго не составляетъ даже единственнаго такого растенія, сколько нибудь часто встрѣчающагося. Кокосовыя пальмы, господствующія надъ всѣми остальными растеніями, хлѣбное дерево, орѣховая пальма, дуріанги привезены сюда сравнительно недавно изъ Океаніи; бананы изъ Африки; ананасы, какао, ваниль изъ Америки; бамбуки изъ Китая, Бирмы, Явы; гвоздика, кардамонъ—съ Моллукскихъ острововъ. Все это переселенцы, и окружаютъ насъ не лѣса, а плантаціи. Группы сингалезскихъ хижинокъ, отъ времени до времени разнообразящихъ видъ, указываютъ и на тѣ трудолюбивыя руки, которыя совершили это гигантское преобразованіе природы. Впечатлѣнія, производимыя этою природою, однако, уже гораздо опредѣленнѣе. Здѣсь рука европейца не создаетъ подстриженныхъ полянъ, подстриженныхъ, чтобы дать волю молодымъ растеніямъ; кустарники съ тою же цѣлью не выдѣляются въ отдѣльныя группы, а деревья не разсаживаются съ промежутками, все съ тѣми же намѣреніями обмануть чувство европейца и напомнить ему родную природу. Здѣсь крупныя и характерныя черты тропиковъ выступаютъ гораздо рельефнѣе и въ чувствѣ восхищенія, безъ котораго вы не можете встрѣчать эти пальмовыя рощи, все болѣе и болѣе сказывается все болѣе проникающее васъ чувство отчужденія отъ этой неувядающей, но потому и не разцвѣтающей природы.

Дорога идетъ этимъ пальмовымъ лѣсомъ около пяти верстъ. Все время она очень оживлена. Многочисленныя группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей двигаются, по одному направленію съ нами, на молитву и поклоненіе къ священному храму. Всѣ они

останавливаются при нашемъ проѣздѣ и привѣтливо кланяются. Все это уже настоящее сельское населеніе. Мужчины обвязаны только вокругъ бедръ передникомъ. Женщины къ этому прибавляютъ еще одинъ кусокъ матеріи, закрывающій имъ грудь и затѣмъ пропущенный черезъ плечо и свернутый въ жгутъ, наискосокъ пересѣкающій спину. Спереди и сзади этотъ кусокъ закрѣпляется подъ передникомъ, который, повидимому, тѣмъ длиннѣе, чѣмъ старше женщина. Молодыя дѣвушки не всегда носятъ нагрудникъ. Болѣе чѣмъ костюмомъ, нарядъ мужчинъ и женщинъ отличается прической. Мужчины собираютъ свои волосы съ затылка напередъ и здѣсь надо лбомъ укрѣпляютъ ихъ гребнями и булавками. Женщины поступаютъ наоборотъ и зачесываютъ волосы спереди назадъ, гдѣ скручиваютъ ихъ и заматываютъ весьма похоже на то, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя и у насъ. Эта красивая прическа очень идетъ сингалезскимъ дамамъ, но онѣ очень портятъ свою наружность серьгами, которыя носятъ въ носу; мужчины носятъ въ ушахъ. Я уже упоминалъ, что большею частью сингалезы не знаютъ ни шляпъ, ни обуви.

Болѣе получаса мы ѣхали этимъ корридоромъ пальмъ и этою галлереею сингалезскихъ типовъ, пока нашъ экипажъ не остановился у воротъ монастыря. Группы сингалезской, вѣроятно, учащейся молодежи, отъ десяти до четырнадцати лѣтъ, встрѣтили насъ за воротами. Одинъ юноша подошелъ спросить насъ, чего мы желаемъ. Узнавъ, что мы русскіе путешественники, желающіе осмотрѣть буддійскія святыни, онъ ввелъ насъ въ калитку и, проведя на крытую террасу, просилъ обождать, пока онъ доложитъ кому слѣдуетъ. Скоро вышелъ молодой священникъ, которому мы повторили наше желаніе, прибавивъ, что, вчера пріѣхавъ въ Коломбо, сегодня черезъ два часа уѣзжаемъ и потому дорожимъ временемъ. Это нечаянно брошенное упоминаніе было очень кстати. Оказывается, что доступъ въ этотъ храмъ чрезвычайно затруднителенъ, нужно всегда напередъ испрашивать у настоятеля раз-

рѣшеніе, которое не всегда дается. Насъ, однако, скоро пригласили въ храмъ, гдѣ привѣтливо встрѣтилъ насъ самъ настоятель монастыря и главный священникъ храма. Къ сожалѣнію, онъ вовсе не говорилъ по англійски, а переводчикъ весьма плохо понималъ вопросы, отчасти потому, конечно, что и я не очень вразумительно умѣлъ ихъ объяснять ему. Послѣ первыхъ же неудачныхъ попытокъ, я оставилъ всякіе вопросы. Пришлось ограничиться почти только тѣмъ, что можно было увидѣть.

Внутренность храма довольно обширна, но очень темна, очень недостаточно освѣщаемая только боковыми окнами. Верхняго освѣщенія совсѣмъ нѣтъ. Продолговатая четырехугольная зала, съ окнами въ короткихъ стѣнахъ, съ дверью посерединѣ одной изъ длинныхъ стѣнъ — такова форма храма. Прямо напротивъ дверей, на противоположной длинной стѣнѣ, изваяна горельефомъ громадная лежачая фигура Будды. Она имѣетъ болѣе пяти сажень (36 футовъ) длины, при соотвѣтственныхъ размѣрахъ. Будда лежитъ на правомъ боку, головою въ лѣвую сторону храма (отъ двери), въ состояніи нирваны. У его изголовья и у его ногъ, на той же стѣнѣ, высятся двѣ громадныя стоячія фигуры. Мнѣ сказали, что это стражи храма (temple guardians), но я не знаю, насколько удачно мнѣ передалъ переводчикъ и въ чемъ тутъ смыслъ. На правой короткой стѣнѣ (у ногъ Будды), влѣво отъ окна, я замѣтилъ большую сидячую фигуру довольно свирѣпаго вида. Мнѣ объяснили, что это — Сива! Я переспросилъ лично у главнаго священника и онъ повторилъ имя Сивы, указывая на интересовавшую меня фигуру, причемъ указалъ и на сосѣднюю, сидящую ближе къ углу, въ тѣни, фигуру, назвавъ ее Вишну! Мое удивленіе дошло до послѣдней степени, когда со словъ священника переводчикъ обратилъ мое вниманіе на маленькую фигуру, прятавшуюся въ тѣни угла, и назвалъ ее Верховнымъ Богомъ (High God!!). Остальныя стѣны всѣ заняты изображеніями разныхъ сценъ изъ жизни Будды, которыя могли представить большой интересъ, если бы мы лучше знали жизнь Будды, если бы въ храмѣ было свѣтлѣе, и если бы намъ не надо было спѣшить на пароходъ. Обширный жертвенникъ передъ Буддою былъ наполненъ жертвами, священными лотосами и другими цвѣтами. Настоятель предложилъ намъ взять этихъ святыхъ цвѣтовъ на память. Мы опустили свои пожертвованія въ кружку и распрощались съ добрымъ старикомъ.

Если читатель, подобно мнѣ, нѣсколько удивленъ появленіемъ Сивы, Вишну и Верховнаго Бога въ буддійскомъ храмѣ, гдѣ имъ быть не полагается, то я могу сообщить ему по этому поводу объясненіе, вычитанное мною въ одной англійской книжкѣ. Въ исторіи Цейлона былъ періодъ, когда буддійское населеніе острова подпало подъ власть царей браминской религіи. Эти властители-браманиты воздвигли гоненіе на буддизмъ и дозволяли его исповѣдовать лишь подъ условіемъ постановки въ буддійскихъ храмахъ браминскихъ идоловъ. Съ тѣхъ поръ они будто бы и стоятъ тамъ, хотя давно исчезли поводы и причины къ тому. Съ своей стороны, я только напомню, что въ Страсбургскомъ (кажется) соборѣ есть знаменитая картина средневѣковаго искусства, изображающая фигуры семи смертныхъ грѣховъ. Неужели изъ этого слѣдуетъ, что эти семь женщинъ выставлены въ храмѣ для поклоненія? Дьяволъ тоже нерѣдко изображается на стѣнахъ храмовъ тоже, конечно, не для поклоненія. Не въ этихъ-ли сближеніяхъ слѣдуетъ искать объясненія изображенія Сивы и Вишну въ буддійскихъ храмахъ? Тщедушная фигура Верховнаго Бога, мнѣ показанная переводчикомъ въ Келанійскомъ храмѣ, не поддается ни моему сближенію, ни презрительному объясненію англійской книжки, довольно таки свысока третирующей сингалезовъ, которые долгою исторіею доказали, что умѣютъ любить и отстаивать свою религію и въ этомъ отношеніи могутъ подать примѣръ самимъ господамъ, англиканскимъ пасторамъ, составлявшимъ книжку.

Было одиннадцать, когда мы вышли изъ храма. Надо было спѣшить къ двѣнадцати на пароходъ, пришлось отказаться отъ

обхода остальныхъ святынь и учрежденій знаменитаго святилища. У воротъ мы снова были встрѣчены толпою сингалезской молодежи. Одна дѣвочка, постарше, поднесла намъ букетъ изъ лотосовъ, окруженныхъ лиліями, розами и еще какими-то желтыми цвѣтами въ видѣ глоксиній, но рѣшительно, даже обидѣвшись, отказалась отъ денежной благодарности. Пришлось знаками выразить ей признательность и извиниться за недоразумѣніе съ платою. Повидимому, она удовлетворилась, потому что вмѣстѣ со всею толпою сверстниковъ и сверстницъ радушно провожала улыбками и поклонами. Интересно, что такое мерещилось въ этой смуглой головкѣ, когда она совершила свою маленькую сочувственную демонстрацію невѣдомымъ чужеземцамъ, или это былъ просто необдуманный порывъ добраго сердца, нечаянный для нея, какъ и для насъ?

Черезъ два часа «Петербургъ», медленно огибая брекватеръ съ бѣлою колонною маяка на его концѣ, выходилъ изъ гавани и заворачивалъ къ югу въ океанъ вокругъ Цейлона, увозя меня съ этого перваго свиданія съ тропическою природою и тропическимъ человѣчествомъ.

XXVII

ИЗЪ КОЛОМБО ВЪ КЕНДИ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы оживлены дубравы и луга, гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды и мирные ласкаютъ берега, гдѣ на холмы подъ лавровые своды не смѣютъ лечь угрюмые снѣга.

А. Пушкинъ.

Желѣзная дорога.—Западно-цейлонская равнина.—Природа, человѣкъ и культура.—Въ горахъ. — Долина Мага-Ойя.—Англійская культура.—Желѣзнодорожное сооруженіе.—Пріѣздъ въ Кенди.

Когда 2 апрѣля 1891 года «Петербургъ» меня увозилъ изъ Коломбо, я не думалъ, что менѣе, чѣмъ черезъ два года послѣ перваго моего посѣщенія Цейлона, судьба меня приведетъ опять къ его пристанямъ и даже предоставитъ мнѣ время для болѣе полнаго ознакомленія. Однако, 12 ноября 1892 года, тотъ же «Петербургъ» снова привезъ меня сюда, но вотъ уже наступило утро 13 ноября, а я все сижу на пароходѣ въ ожиданіи необходимыхъ свѣдѣній. Мой предполагаемый товарищъ по путешествію, натуралистъ К., уже уѣхалъ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ въ Кенди. Пріѣзжаетъ, наконецъ, индусъ, обѣщавшій доставить свѣдѣнія. Все та же путаница. Надо спѣшить, чтобы уѣхать, по крайней мѣрѣ, двухчасовымъ поѣздомъ.

До Кенди отъ Коломбо 74½ англійскихъ миль или 130 верстъ. Стоимость билета 1 класса 6 рупій, т. е, 4½ рубля

а помножая на пять, получится за 620 верстъ (разстояніе отъ Петербурга до Москвы) 23 рубля, приблизительно та же цѣна, что и у насъ. Разстояніе это (130 в.) поѣздъ дѣлаетъ въ $4^1/_2$ часа (отходя изъ Коломбо въ часъ съ половиною, приходя въ Кенди въ шесть), т. е. около тридцати верстъ, какъ наши почтовые поѣзда. Наконецъ, мы пришли въ Кенди съ опозданіемъ на четверть часа. Словомъ, покуда, tout comme chez nous.

Первую половину пути отъ Коломбо дорога пролегаетъ равниною, медленно поднимающеюся съ запада къ востоку, куда прямо мы и направляемъ нашъ путь. Все это время, около шестидесяти верстъ, мы ѣдемъ сплошными рощами кокосовыхъ пальмъ, къ которымъ лишь примѣшиваются другія породы и которыя вокругъ хижинъ и деревушекъ уступаютъ мѣсто бананамъ и въ меньшей степени хлѣбнымъ и манговымъ деревьямъ. Безконечные пальмовые лѣса повсемѣстно изрѣзаны рисовыми полями. Сѣть этихъ то узкихъ, то широкихъ рисовыхъ полей весьма напоминаетъ собою сѣть рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ на обильно орошенной сушѣ. Обильно орошена и суша Цейлона, вслѣдствіе чего и пальмовый садъ западно-цейлонской равнины обильно изрѣзанъ рисовыми полями, нуждающимися въ постоянномъ обильномъ орошеніи. Нѣкогда, не пальмовый и фруктовый садъ покрывалъ эту обширную плодоносную равнину, а первобытный дѣвственный лѣсъ съ его тысячелѣтними исполинами и сплошною кустарниковою и травяною зарослью, въ которой скрывались тысячи всевозможныхъ опасныхъ и мирныхъ звѣрей, милліоны опасныхъ и мирныхъ гадовъ, гдѣ гнѣздились сотни тысячъ птицъ и миріады насѣкомыхъ размножались для ихъ пропитанія. Слабый первобытный человѣкъ, подобно современному Веддаху, его потомку прятался на деревьяхъ (гдѣ его находили леопарды и удавы), въ дуплахъ, въ жалкихъ шалашахъ. Слоны, носороги, тигры, удавы и крокодилы были господами и властелинами этихъ лѣсовъ, изрѣзанныхъ по всѣмъ направленіямъ рѣками, рѣчками, ручьями, глубокія русла и крутыя берега которыхъ были единственными,

открытыми солнцу просвѣтами. Здѣсь ютились пальмы, не смѣющія проникать подъ многовѣковыя темныя своды дѣвственнаго лѣса. Здѣсь древовидные папоротники обрамляли урѣзы береговъ, цвѣли цвѣты, щебетали птицы, кричали обезьяны и весело журчали воды.

Здѣсь же великій герой индійскаго эпоса Рама гулялъ рука объ руку съ своею подругою Ситою и воспѣвшая покореніе имъ Цейлона «Рамаяна» сохранила намъ поэтическую картину первобытнаго состоянія этой могучей природы. «Берегъ Мандаки красивый ты видишь-ли, милая Сита» обращается къ своей подругѣ Рама, «здѣсь намъ природа вездѣ приготовила отдыхъ прекрасный, ложе цвѣтами усыпала, кровлей зеленой укрыла... Склонъ этотъ видишь-ли, Сита, коврами ліановъ одѣтый, или тотъ лѣсъ, гдѣ щебечутъ, поютъ миріадами птицы, бродятъ большими стадами слоны, а газели пасутся, скачутъ, играютъ, рѣзвятся, гдѣ счастливы мы, моя Сита, вмѣстѣ свершая свой путь? Поднимижъ свои черныя очи: видишь-ли тамъ надъ рѣкою кустарникъ кинсуки красивой? Ярко пылающихъ факеловъ будто огнями сверкая, массою дивныхъ блестящихъ цвѣтовъ насъ встрѣчаетъ кинсука! Или посмотримъ, другъ милый, сюда, гдѣ надъ рѣчкой склонились рощи деревъ карникаръ, золотыми цвѣтами сіяя, рощи балтаковъ и вильвовъ съ пригнутыми къ почвѣ вѣтвями тяжестью дивныхъ плодовъ... Или эти потоки и рѣчки! Здѣсь заструитъ серебромъ, тамъ — опаломъ заблещетъ на солнцѣ, дальше въ тѣни—изумрудомъ зеленымъ, прозрачнымъ, иль засіяетъ внезапно, усѣянный массой алмазовъ! Въ водахъ потоковъ подъ сладкою тѣнью лѣсныхъ исполиновъ, лебеди плещутся бродитъ журавль, голубѣетъ нимфея, лотосъ прекрасный цвѣтетъ, острова зеленѣютъ травою...» Человѣкъ, который заговорилъ этимъ языкомъ, уже не былъ рабомъ природы. Эти чудныя долины, украшенныя цвѣтами, изобильные плодами, оживленные солнцемъ и водою, окруженные злымъ лѣсомъ съ его чудовищами, послужили этому человѣку первыми опорными пунктами.

Отсюда онъ началъ свою долгую борьбу съ первобытною,

немилосердною природою. Этотъ человѣкъ борьбы и побѣды пришелъ съ далекаго сѣвера, изъ горныхъ долинъ Гинду-Куша, изъ холодныхъ равнинъ, разстилавшихся травяною степью за этими долинами. То была бѣлая раса энергичныхъ, смѣлыхъ и трудолюбивыхъ арійцевъ. Распространеніе буддизма въ IV вѣкѣ до Р. Х. застало на Цейлонѣ арійское государство, основанное въ VI в. до Р. Х. Легендарный походъ Рамы еще гораздо древнѣе. Смѣшавшись съ туземцами завоеватели арійцевъ произвели сингалезскую расу, дали ей свой языкъ (индо-европейскаго семейства, какъ теперь признано,) возпроизвели въ ней свои черты и внѣшній видъ и сохранили въ ней настолько отваги и силы, что борьба съ природою западно-цейлонской равнины кончилась полною побѣдой человѣка. Звѣри ушли вглубь острова; гады скрылись въ рѣки или тоже удалились въ центральныя горы; неприступные исполины растительнаго міра уступили мѣсто этой благодѣтельной растительности. Въ это же время рѣчки и ручьи преобразовывались рукою человѣка въ рисовыя поля. Русла засыпались, берега скапывались; всѣ эти искусственныя уширенныя долины террасировались внизъ по теченію, во-первыхъ, и отъ береговъ къ тальвегу русла, во-вторыхъ; террасы обносились невысокими земляными валами, и вода, вмѣсто узкаго глубокаго потока, мелкою пеленою покрыла все это широкое пространство, постоянно двигаясь изъ верхнихъ клѣтокъ въ нижнія и постоянно орошая всю растительность, раскинувшуюся и роскошно развившуюся на плодоносной вулканической почвѣ извилистыхъ, то расширяющихся, то съуживающихся рисовыхъ долинъ. Ручьи превратились по своей ширинѣ въ рѣчки, рѣчки — въ широкія рѣки, катящія свои благодѣтельныя зеленыя волны. И въ этихъ зеленыхъ волнахъ купаются бродящіе сингалезы, наблюдающіе, чтобы ниже подъ зеленою волною всюду журчала и переливалась изъ клѣтки въ клѣтку живая серебряная волна, чтобы не засаривались сообщенія, чтобы ни одна клѣтка не оставалась безъ этого постояннаго оживотворенія снизу. Чудное зрѣлище представляетъ это торжество человѣка надъ природою

особенно, когда поѣздъ изрѣдка поднимается на пологія возвышенности, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣкающія нашъ путь. Тогда открывается широкая перспектива обширной равнины представляющей одинъ пальмовый садъ, испещренный пятнами свѣтлой зелени банановъ, подъ гигантскими листьями которыхъ прячутся сингалезскія деревушки, и изрѣзанный по всѣмъ направленіямъ извилистыми потоками рисовыхъ полей. Проѣзжія дороги, какъ корридоры, прорѣзывающія пальмовый садъ, или какъ плотины въ волнахъ зелени, пересѣкающія рисовыя долины, всюду оживлены. Горбатые яки, мулы, ослы и лошади тащутъ арбы, сингалезы и сингалезки съ ношами на головахъ или за работою на рисовыхъ поляхъ всюду напоминаютъ о томъ великомъ трудѣ, который многія поколѣнія въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій затрачивали въ эту почву, чтобы побѣдить жестокую природу и приспособить ее для удобствъ человѣческой жизни. И природа побѣждена, но не обездолена и не обобрана, а возрождена къ лучшей, роскошнѣйшей жизни не всеобщей борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, а всеобщаго союза для общаго процвѣтанія. Пальмы, бананы, бамбуки, рисъ, плодовыя деревья, такъ же, какъ яки, мулы, ослы, лошади, такъ же, какъ самъ человѣкъ, соединившій ихъ всѣхъ въ эту картину, всѣ взаимно полезны другъ другу, всѣ помогаютъ и поддерживаютъ другъ друга, всѣ союзники и сотрудники въ стремленіи лучше и полнѣе воспользоваться богатыми дарами тропическаго солнца и обильной влаги тропическихъ дождей. И человѣкъ человѣку здѣсь на этой равнинѣ еще не врагъ. Знаменитое изреченіе Гоббза не про этотъ трудолюбивый, честный и умный народъ сказано. Здѣсь, на западно-цейлонской равнинѣ, населенной исключительно сингалезами и мало удобной для англійскихъ плантацій, еще нѣтъ (или почти нѣтъ) капиталистической культуры. Народная культура и тысячелѣтіями сложившаяся, завѣщанная арійскими колонистами и цивилизаторами, крѣпкая общинная организація еще спасаютъ населеніе отъ благодѣяній европейской цивилизаціи.

Покамѣсть эти и подобныя размышленія навѣваютъ окружающія картины роскошной природы и довольнаго человѣка, поѣздъ дѣлаетъ свое дѣло и уноситъ насъ все дальше и дальше вглубь страны. Хорошенькій желѣзно-дорожный мостъ, въ семи верстахъ отъ Коломбо, переноситъ насъ черезъ Келани-Гангъ, который здѣсь течетъ двумя руслами. Красивая, утопающая въ разноцвѣтной зелени, станція Ганупиція мелькаетъ вслѣдъ затѣмъ; станціи Магара (15 в. отъ Коломбо), Генаратгода (30 в.), Веайнгода (44 в.) и Миригама (54 в.) мы проѣзжаемъ одну за другою среди все тѣхъ же мирныхъ идиллическихъ картинъ западно-цейлонской равнины. Около Миригамы справа и слѣва уже виднѣются издали горы. За этою станціею онѣ начинаютъ быстро сближаться, и, наконецъ, сѣверная цѣпь (слѣва отъ насъ) подходитъ настолько близко, что загораживаетъ намъ дорогу, и на полпути этого переѣзда мы уже вступаемъ въ горную страну центральнаго Цейлона. Слѣдующая станція Амбепусса (65 в. отъ Коломбо, полдороги) лежитъ уже среди совершенно горной мѣстности. Мы здѣсь проходимъ значительный туннель въ отрогѣ сѣвернаго хребта, одна изъ виднѣющихся вершинъ котораго достигаетъ 1908′ надъ уровнемъ моря и своими крутыми склонами, заросшими лѣсомъ и выставляющими среди этого зеленаго покрова гигантскія бѣловатыя скалы, встрѣчаетъ насъ, какъ исполинскій стражъ, у дверей туннеля, этихъ воротъ въ горную область. Грохотъ водопадовъ, сверкающихъ на солнцѣ, уже склоняющемся къ западу и какъ бы желающемъ своими лучами догнать насъ въ нашемъ стремленіи на востокъ, туда въ эту родину каменныхъ громадъ,—говоритъ и слуху, что мы прощаемся съ веселою и ласковою равниною и вступаемъ въ невѣдомую область, гдѣ царствуютъ другіе законы и ожидаютъ насъ иныя отношенія и встрѣчи. Послѣдній прощальный взглядъ бросаемъ на зеленую пальмовую равнину, разстилающуюся тамъ внизу, позади насъ, и залитую косыми лучами солнца, и скрываемся отъ нея въ темнотѣ и грохотѣ туннеля, чтобы черезъ двѣ минуты вынырнуть изъ него въ совершенно новую обстановку. Мы выѣзжаемъ на рельсы, уложенныя на уступѣ, высѣченномъ въ крутомъ косогорѣ главнаго массива сѣвернаго лѣваго хребта (я не знаю его названія, если только онъ имѣетъ названіе), и какъ бы повисшія надъ восхитительною горною долиною рѣки Мага-Ойя, окаймленной, съ противоположной южной стороны, другимъ—высокимъ хребтомъ. Благодаря разстоянію, онъ видимъ на значительномъ протяженіи и самыми причудливыми и оригинальными очертаніями рисуется на темнѣющемъ фонѣ синяго неба, выступая то ломаными, то кривыми, всегда мохнатыми, темно-зелеными линіями, съ сѣдловинами, остроконечными, круглыми, многоугольными вершинами, съ какими-то зелеными складками параллельныхъ, сливающихся въ далекой перспективѣ гребней, съ вертикальными просвѣтами бѣлыхъ обнаженныхъ скалъ и сверкающихъ водопадовъ. Эти мохнатые гребни покрыты уже не пальмовыми садами, не банановыми плантаціями или зелеными рисовыми потоками, а дикимъ лѣсомъ, съ его чудовищными деревьями, подъ которыми, среди которыхъ и на которыхъ еще отстаиваютъ свое господство чудовища животнаго міра. Внизу же, тамъ, гдѣ извивается, между тѣснящими ее каменными громадами, долина Мага-Ойи, нашъ взоръ продолжаютъ еще ласкать только что покинутыя картины мирной трудовой жизни. Мага-Ойя, которая нѣкогда пѣнилась по скаламъ и каменьямъ своего русла, отражая глядѣвшіеся въ нее пальмы и папоротники, давно превращена уже изъ горной рѣчки въ широкую, могучую рѣку рисовыхъ полей. Широко разработано русло и прибрежья Мага-Ойя и вся вода ея распущена на эти зеленые волнующіеся уступы. Отсюда, гдѣ мы находимся, не различаются уже валики, окаймляющіе отдѣльныя клѣтки, не видны и канавы, проводящія воду, ни сообщенія между клѣтками; все это исчезаетъ и глазъ видитъ лишь эту широкую свѣтло-зеленую рѣку среди пальмоваго сада, составляющаго ея берега. Низы горныхъ склоновъ заняты пальмами, среди которыхъ разбросаны деревушки сингалезовъ съ банановыми план-

таціями, но только низы. Выше открываются новыя картины, другая жизнь.

Между косматыми вершинами, еще находящимися въ обладаніи дикой первобытной природы, и долиною Мага-Ойи съ ея рисовыми полями, пальмовыми садами и банановыми плантаціями, пролегаетъ средній поясъ, занятый въ перемежку лѣсами и плантаціями. Но эти лѣса уже не походятъ на могучіе сосѣдніе лѣса вершинъ и эти плантаціи еще менѣе имѣютъ общаго съ сосѣдними плантаціями долины. Лѣса среднихъ склоновъ—это уже рѣдколѣсье, гдѣ рука человѣка обобрала все дорогое и цѣнное (красное и черное дерево, сандальное дерево и т. д.) и оставила доживать свой вѣкъ менѣе нужныя и цѣнныя породы. Ліаны роскошно развились и разрослись въ этомъ, доступномъ солнцу, рѣдколѣсьѣ и, связавши своимъ зеленымъ покровомъ всѣ эти обездоленныя, но не возрожденныя къ новой жизни мѣста, издали обманываютъ взоръ и могутъ быть приняты за настоящіе лѣса какихъ-то болѣе нѣжныхъ, болѣе молодыхъ насажденій. Среди этой ліановой заросли, ближе къ сингалезской культурѣ долины, выступаютъ блѣдно-зелеными квадратами (я рисую передъ читателемъ картину противоположныхъ намъ горныхъ склоновъ) англійскія плантаціи чая, рѣже кофейныя и хинныя. Высокія зданія въ нѣсколько этажей, гдѣ подвергаются броженію, сушенію, сортировкѣ и упаковкѣ чай и другіе продукты, высятся въ чертѣ этихъ квадратовъ новой пришлой культуры. Красивые коттэджи и виллы обозначаютъ мѣстожительство европейскихъ собственниковъ и руководителей. Длинныя низкія зданія около многоэтажныхъ факторій—это казармы рабочихъ. Тамилы изъ сѣвернаго Цейлона приходятъ работать на эти плантаціи, но главную рабочую силу составляютъ ихъ единоплеменники и единовѣрцы изъ южной Индіи, вывозимые для этой цѣли англійскими плантаторами въ большомъ числѣ. Въ 1891 году такихъ индійскихъ «кули» считалось на англійскихъ плантаціяхъ Цейлона 280,000 работниковъ и работницъ, а помѣстья англичанъ занимали уже площадь въ 687,000 акровъ,

находившихся въ рукахъ 1268 плантаторовъ. Эта новая культура сосредоточена въ горной области и мы только въѣзжаемъ въ ея владѣнія. Долина Мага-Ойи, какъ и долины другихъ рѣкъ, вытекающихъ изъ альпійской страны Центральнаго Цейлона на западно-цейлонскую равнину, совмѣщаетъ въ своемъ среднемъ теченіи и поднимающуюся вверхъ по долинѣ сингалезскую общинно-народную культуру, и спускающуюся съ возвышенныхъ долинъ верховьевъ капиталистическую культуру европейскихъ завоевателей. Тамъ, на этихъ высотахъ, гдѣ она въ началѣ XIX вѣка зародилась и быстро развилась и укоренилась, мы снова встрѣтимся съ нею и обстоятельнѣе ознакомимся; здѣсь же между Амбепуссою и Кенди мы видимъ лишь ея піонеровъ, идущихъ на встрѣчу сингалезской культурѣ и лишь начинающихъ оспаривать у послѣдней поприще распространенія. Склонъ сѣвернаго хребта, по косогору котораго мы ѣдемъ, на протяженіи свыше сорока верстъ, до станціи Кадуганова (113 в. отъ Коломбо и 17 в. до Кенди), носитъ тотъ же характеръ. Такъ же выше, слѣва порою вскрываются косматыя вершины, покрытыя дикимъ лѣсомъ; такъ же ниже, подъ собою, видимъ мы сингалезскія поселенія, кокосовыя и банановыя насажденія, а по обѣ стороны рельсоваго пути и слѣва, выше, и справа, ниже его, чайныя плантаціи и красивыя виллы чередуются съ полураздѣтою поверхностью полувырубленныхъ лѣсовъ.

Значительный интересъ представляетъ само сооруженіе желѣзной дороги. Западно-цейлонская равнина, съ которой, начиная отъ Миригамы, мы поднимаемся, возвышается на 100—200′, Кенди же лежитъ на высотѣ 1,700′, и эту разницу нужно поднять на разстояніи всего 60 верстъ. Отъ Амбепуссы до Кадугановы, на протяженіи свыше 40 в., дорога высѣчена въ скалѣ на косогорѣ горной цѣпи. Эта цѣпь постоянно посылаетъ отроги, но желѣзная дорога ихъ не обходитъ, а смѣло прорѣзываетъ, причемъ такъ же мало пытается перейти черезъ нихъ, какъ и обойти. Двѣнадцать туннелей на шестидесяти верстахъ

и гораздо большее число глубокихъ выемокъ въ скалѣ явилось послѣдствіемъ этого британскаго упрямства выпрямить линію, избѣгнувъ и поворотовъ, и усиленныхъ уклоновъ. Почти на всемъ протяженіи участка уклонъ держится одного направленія отъ Кенди къ Коломбо и многочисленные перевалы черезъ поперечные хребты-отроги не вынудили строителей допустить сколько нибудь значительный уклонъ въ обратную сторону отъ Коломбо къ Кенди. И это упрямство, стоившее громадныхъ денегъ, вполнѣ раціонально. Поднимающіеся отъ Коломбо поѣзда возятъ преимущественно пассажировъ и весьма мало товаровъ; спускающіеся отъ Кенди доставляютъ къ пристанямъ все производство центральнаго Цейлона, милліоны пудовъ груза. Для легкихъ коломбійскихъ поѣздовъ можно допустить подъемъ, а для кендійскихъ это было бы невыгодно. Лучше затратить больше денегъ при постройкѣ, но имѣть всѣ выгоды при пользованіи, нежели наоборотъ, какъ стараемся дѣлать мы, русскіе. На 130 верстъ пути отъ Коломбо до Кенди англичане затратили свыше 12 милліоновъ рублей (около 100,000 руб. на версту), за то эксплуатація имъ стоитъ около 550,000 рублей, или 4,200 руб. на версту, при доходѣ въ 1.600,000 рублей, т. е. 12,300 рублей на версту! Это ужъ совсѣмъ не по нашему.

Покуда мы ѣхали надъ долиною Мага-Ойи, постоянно проскакивая туннели и выемки, солнце сѣло и, какъ всегда подъ тропиками, быстро сгустился мракъ. Вдобавокъ хлынулъ дождь и все заволокло сѣрою сѣтью ливня. Подъ этимъ дождемъ, среди полнаго мрака, прибыли мы, я и г. М., въ Кенди, чтобы завтра утромъ осмотрѣть Peраденійскій садъ, отыскать, если возможно, профессора К. и вмѣстѣ сообразить дальнѣйшее путешествіе.

XXVIII.

ПЕРАДЕНІЯ, КЕНДИ И ГАТТОНЪ.

Поѣздка въ Пераденію. — Дорога. — Горные сингалезы. — Ботаническій садъ. — Рѣдкія деревья и растенія. — Общее впечатлѣніе сада. — Городъ Кенди. — Горною желѣзною дорогою. — Гаттонъ. — Интересное interview.

Великолѣпное утро 14 ноября благопріятствовало нашимъ предпріятіямъ. Въ восемь часовъ утра мы, М. и я, уже отъѣзжали отъ Victoria-Hôtel, гдѣ ночевали, по направленію къ Пераденіи. Это разстояніе въ семь верстъ можно сдѣлать по желѣзной дорогѣ или въ экипажѣ. Я предпочелъ послѣдній способъ, какъ дающій болѣе впечатлѣній. Быстро миновавъ городъ, мы направились по прекрасному шоссе къ юго-западу. Котловина, въ которой стоитъ Кенди, окружена со всѣхъ сторонъ живописными горами, покрытыми преимущественно чайными плантаціями англичанъ. Въ болѣе низкихъ мѣстахъ виднѣются нивы сингалезовъ и ихъ поселенія, окруженныя пальмами и бананами. Нѣсколько такихъ поселеній пересѣкаетъ и наша дорога. Жители—горные сингалезы, отличающіе себя отъ равнинныхъ, но малоопытному моему глазу трудно было уловить какое либо существенное отличіе. Тѣ же прекрасно сложенныя, стройныя фигуры мужчинъ и женщинъ, тѣ же красивыя, привѣтливыя, умныя лица, тѣ же оттѣнки кожи отъ смуглаго до коричневаго, та же прическа, тѣ же передники и нагрудники... Серьги въ носу у женщинъ встрѣчаются рѣже, можетъ быть, просто отъ большей бѣдности. Ростъ, кажется, нѣсколько выше,

но и за то не ручаюсь. Мужчинъ въ селеніяхъ было немного, вѣроятно, работали въ полѣ. Женщины суетились около очаговъ внутри хижинъ съ открытыми широкими дверями, работали въ садахъ, попадались постоянно съ кувшинами воды, связками бананов, или наполненными корзинами на головахъ. Ребятишки играли и бѣгали по улицамъ. Словомъ, обычныя сельскія картины, тѣ же самыя подъ полярнымъ кругомъ и подъ экваторомъ. Въ промежуткахъ между селеніями пододвигались къ дорогѣ чайныя и кофейныя плантаціи и нарядно выглядывали прелестныя виллы ихъ собственниковъ, окруженныя самыми разнообразными декоративными растеніями тропическаго пояса. Вкусомъ, изяществомъ, комфортомъ вѣяло отъ этихъ дачъ; знаніе, трудъ и энергія смотрѣли изъ окружающихъ ихъ плантацій. Англичане умѣютъ и работать въ примѣръ всѣмъ, и устроиться на зависть всякому. Если бы они къ этому съумѣли по-божески устроить отношенія къ людямъ, своими руками, подъ ихъ руководствомъ, создающимъ эти на удивленіе всѣхъ богатства, тогда бы... Ну, тогда бы, конечно, было очень хорошо, только этого придется еще подождать немного.

Пераденія-Гарденъ лежитъ на берегу Магавилы, самой большой рѣки Цейлона (Келани—вторая по величинѣ), въ живописной, слегка всхолмленной мѣстности, на высотѣ 1572' надъ уровнемъ океана. Недурно говорящій по-англійски и хорошо знакомый съ садомъ сингалезъ встрѣтилъ насъ у воротъ сада. Долго, часа полтора, водилъ онъ насъ по этому удивительному, въ своемъ родѣ единственному насажденію, совмѣщающему глубокій научный и практическій интересъ съ самыми изысканными требованіями изящнаго вкуса. Красота постоянно мѣняющихся ландшафтовъ, образуемыхъ постоянно новыми, невиданными формами растительности, даже мѣшаетъ ознакомленію съ ними. Общій видъ слишкомъ приковываетъ вниманіе, чтобы останавливаться на деталяхъ. Сингалезъ-проводникъ обязательно возвращаетъ къ дѣйствительности, называя предстоящія породы, указывая плоды, листья, особенности. Вотъ чудесное гигантское

дерево съ густою темно-зеленою листвою и свѣтло-желтыми круглыми плодами. Это мускатное дерево, проводникъ поднимаетъ свѣжій свалившійся плодъ. Беру въ руки и разламываю. Видомъ очень похожъ на абрикосъ; внутри косточка, которая и есть мускатный орѣхъ. Немного далѣе высится исполинъ изъ исполиновъ съ мелкою сравнительно свѣтлою листвою; это гвоздичное дерево. Его толстый сосѣдъ, по крайней мѣрѣ, въ два обхвата, покрытъ ярко-красными со свѣтлыми крапинками, короткими, но толстыми стручками. Разламываю одинъ и оттуда высыпаются бобы-какао. На ліанѣ висятъ длинныя узкія стручья. Ихъ незачѣмъ срывать, чтобы узнать растеніе; знакомый запахъ ванили сразу объясняетъ, кто этотъ чужеземецъ. Громадное дерево высится нѣсколько особнякомъ, затѣняя своими распростертыми вѣтвями громадную площадь. Что это такое? «Это—дуріангъ», отвѣчаетъ проводникъ. Я невольно отодвигаюсь отъ него и заглядываю наверхъ. «Плоды недавно сняты», успокаиваетъ проводникъ. Эти громадные плоды, величиною какъ самые крупные арбузы, очень тяжелые и покрытые твердыми и длинными иглами, имѣютъ неблагородную привычку созрѣвать на головокружительной высотѣ своихъ исполиновъ, а по созрѣваніи, или вслѣдствіе порчи, или по волѣ вѣтра, оттуда сваливаются, какъ и всѣ плоды, но приэтомъ и увѣчатъ, и убиваютъ живыя существа, имѣвшія неосторожность укрыться отъ солнечнаго зноя въ густой тѣни этого предательскаго великана.

Самъ плодъ дуріанга есть своего рода предательство. Еще въ 1891 году, на туземномъ базарѣ, у водъ Келани-Ганга, я купилъ одинъ дуріангъ по-истинѣ чудовищныхъ размѣровъ для плода, висящаго на высокомъ деревѣ. Три четверти аршина длины и около полуаршина толщины имѣло мое сокровище. Привезъ его я на пароходъ и здѣсь на палубѣ его разрѣзали, но послѣдствіемъ этой операціи было немедленное исчезновеніе съ палубы всѣхъ европейцевъ. Разогналъ ихъ сильный, отвратительный запахъ, смѣсь трупнаго запаха съ запахомъ плохого деревяннаго масла. Невыносимое зловоніе это издаетъ бѣлая во-

локнистая масса, наполняющая внутренность дуріанга, но въ этой массѣ въ многочисленныхъ гнѣздахъ, величиною съ яблоко, находятся собственно съѣдобные плоды дуріанга, ярко-желтые, студенистые, облекающіе собою небольшую косточку. Вынутые и обмытые въ чистой водѣ, они не имѣютъ запаха бѣлой массы, ихъ заключающей, но сохраняютъ слабый запахъ оливокъ. Зловоніе бѣлой массы, однако, такъ отвратительно, что послѣ того и этотъ запахъ противенъ, и попробовать дуріангъ рѣшился, кажется, я одинъ на всемъ пароходѣ. Это сочные, сладкіе съ нѣкоторою пріятною кислотою фрукты. Они были бы очень вкусны, если бы не этотъ несравненный запахъ бѣлой массы.

Послѣ дуріанга нельзя не остановиться на отдѣльно стоящемъ баньянѣ умопомрачительнаго размѣра. Группы бамбуковъ всѣхъ странъ, формъ и видовъ заставляютъ долго любоваться собою. Но вотъ черное дерево громадныхъ размѣровъ, отчего же оно такъ дорого? «Въ немъ черна лишь сердцевина», сообщаетъ услужливый проводникъ. Свалите исполина, и воспользуетесь тростинкою внутри его! Отмѣчу еще фикусы, всевозможные виды которыхъ наполняютъ Пераденійскій садъ и достигаютъ истинно тропическихъ размѣровъ. Одинъ видъ Ficus Elastica приковываетъ вниманіе своими корнями, которые распространяетъ по поверхности земли, покрывая ихъ переплетами громадную площадь. Надо видѣть это странное явленіе, чтобы вполнѣ понять интересъ и всю курьезность. Изъ трещины одного такого корня я взялъ немножко смолы, которая застыла обыкновенною, столь хорошо съ дѣтства знакомою, резинкою. Отмѣчу еще исполинское дерево Иланга, изъ котораго добываются модные духи. Два вида хлѣбныхъ деревьевъ, безчисленное число видовъ пальмъ въ, прудахъ Victoria regia и лотосы, единственная въ мірѣ коллекція орхидей—должны быть еще упомянуты, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о томъ, чего обыкновенный посѣтитель можетъ ожидать отъ этого лучшаго въ мірѣ ботаническаго сада. Описывать же этотъ садъ я, конечно, не имѣлъ намѣренія. Для этого есть ботаники, имъ и книги въ руки.

Тою же дорогою мы вернулись въ Кенди ко времени Tiffin'a. Небо начинало хмуриться, предвѣщая обычный въ дождливое время года послѣполуденный ливень. Тучки выползали съ разныхъ точекъ горизонта, красиво пробѣгая по лазури неба и покрывая движущимися темными пятнами широкую залитую солнцемъ панораму кендійской котловины. Красивое озеро занимаетъ середину котловины. Къ озеру примыкаетъ оригинальный городокъ. Знаменитый храмъ зуба стоитъ на его берегу. Въ этомъ храмѣ будто бы хранится зубъ Будды. Тамъ же показываютъ точный будто бы снимокъ съ того слѣда стопы Будды, который находится на вершинѣ Адамова Пика, дѣлая эту гору священною въ глазахъ буддистовъ. Мусульмане считаютъ этотъ слѣдъ Адамовымъ. Кстати, въ Кенди мусульмане встрѣчаются чаще, нежели въ Коломбо. Это—муры, метисы, происшедшіе изъ смѣси арабовъ съ тамилами. Цвѣтъ кожи у нихъ, кажется, темнѣе, нежели у сингалезовъ, но великолѣпныя бороды обнаруживаютъ семитическую кровь. Сингалезы тоже не лишены этого отличія, унаслѣдованнаго отъ арійцевъ, но, повидимому, въ меньшей степени.

По возвращеніи въ Кенди, мнѣ удалось собрать необходимыя, хотя и очень недостаточныя свѣдѣнія о путешествіи на Адамову Гору. Во всякомъ случаѣ предпріятіе это можно было считать осуществимымъ, что и требовалось доказать. Остальное все въ свое время; дневи довлѣетъ злоба его. Отыскавъ К., остановившагося въ другой гостинницѣ, мы всѣ трое, подъ проливнымъ дождемъ, направились на станцію и въ 2 часа дня уже отходили изъ Кенди въ Гаттонъ, станцію горной центрально-цейлонской желѣзной дороги. Изъ Гаттона предстояло взять экипажъ, который долженъ довезти насъ до подножія Адамова Пика, а дальше пѣшкомъ; всего намъ обѣщали не болѣе восьми верстъ пѣшей ходьбы.

Дорога, по которой мы теперь ѣхали, недавно проложена въ виду развитія чайныхъ и другихъ плантацій въ горной области и служитъ для вывоза этого, нынѣ уже громаднаго про-

изводства. Она пролегаетъ по самой гористой и самой возвышенной части Цейлона. Начинаясь у Перадени на высотѣ 1500′, она уже на второй станціи, въ Навалапиціи, достигаетъ высоты 1913′, на третьей въ Гальбодѣ—2500′, на пятой въ Гаттонѣ—4141′, и на послѣдней въ Нану-Ойя свыше 5000′, причемъ по обѣ стороны линіи, въ недалекомъ разстояніи, находятся высочайшія вершины острова Питуру, Адамова и др. Я не буду подробно описывать виды, открывающіеся изъ окошка вагона, такъ какъ это было бы повтореніемъ уже описаннаго по дорогѣ въ Кенди. Какъ тамъ вдоль долины Мага-Ойи, такъ и здѣсь дорога проложена сначала верстъ 40 вдоль долины Магавилы, остающейся вправо, а затѣмъ, когда у Навалапиціи дорога переходитъ черезъ Магавилу по живописному мосту и затѣмъ пробиваетъ туннелемъ сопровождающія эту рѣку горы, она выходитъ на валъ хребта, слѣва отъ котораго временами открывается видъ на долину Магавилы, а справа сопровождаютъ роскошные виды долины Кегельгамы, одного изъ истоковъ Келани-Ганга. Такъ же, какъ и прежде, низы заняты сингалезами съ ихъ рисомъ и бананами (пальмы исчезаютъ послѣ Навалапиціи, встрѣчаясь до Гальбоды лишь отдѣльными экземплярами, а далѣе Гальбоды и совершенно отсутствуя), вершины одѣты первобытными лѣсами, а средніе склоны сплошь заняты плантаціями. Только все тутъ грандіознѣе, горы гораздо выше, лѣса гораздо первобытнѣе, рѣки больше, англійскія плантаціи шире и сильнѣе, только сингалезская культура меньше и слабѣе. Англійскія плантаціи спускаются порою до самыхъ рѣкъ и занимаютъ много пространства въ самой нижней полосѣ. Красивая архитектура многочисленныхъ усадебъ придаетъ много прелести этимъ и безъ того чуднымъ пейзажамъ. За станціею Ватавалой (65 верстъ отъ Кенди) мы поднялись выше 3000′ и выше облаковъ, которыя справа то закрывали отъ насъ долину Кегельгамы, то, разрываясь на короткое время, открывали ее, по своей живописности смѣло выдерживающую сравненіе съ самыми прослав-

ленными мѣстностями. Уже темнѣло, когда мы вышли на платформу станціи Гаттонъ (80 в. отъ Кенди) и подъ продолжающимся ливнемъ направили свои стопы къ тутъ же расположенной гостиницѣ.

Объяснивъ наше желаніе сдѣлать восхожденіе на Адамовъ Пикъ, мы вступили съ хозяиномъ гостиницы въ совѣщаніе о наилучшемъ способѣ осуществленія. Адамовъ Пикъ лежитъ въ горномъ округѣ Маскелія, куда можно доѣхать въ экипажѣ; разстояніе 14 миль (23 версты). Далѣе надо восходить пѣшкомъ; сколько миль, точно онъ не знаетъ. Мы помнили, что въ Кенди намъ сказали пять миль. «Можетъ быть и пять миль», проводника во всякомъ случаѣ берется доставить, а равно и экипажъ, который насъ и довезетъ до конца колесной дороги и отвезетъ обратно. Въ цѣнѣ мы скоро сошлись, оставалось опредѣлить время. Мы хотимъ, если возможно, выѣхать сегодня, чтобы завтра раннимъ утромъ начать восхожденіе. «Едва ли это будетъ удобно, тамъ негдѣ будетъ джентльменамъ переночевать, а передъ восхожденіемъ нужно отдохнуть, къ тому же дождь не перестаетъ, не лучше ли выѣхать пораньше». Намъ кажется это убѣдительнымъ и мы окончательно условливаемся: завтра, въ четыре часа ночи, должно быть все готово, экипажъ проводникъ и нѣкоторый запасъ провизіи. «Все будетъ готово, а теперь не угодно ли будетъ джентльменамъ пообѣдать?» Конечно, угодно...

Въ наилучшемъ настроеніи духа наканунѣ осуществленія задуманнаго предпріятія, которое, казалось, уже ускользало отъ насъ, мы окончили нашъ обѣдъ и заказали чай передъ отходомъ ко сну. М. разсматривалъ картины по стѣнамъ; я прохаживался по комнатѣ; К., нервный и возбужденный, разспрашивалъ слугу-сингалеза о предстоящемъ намъ завтра пути. Принимая во вниманіе, что одинъ такъ же хорошо объяснялся по англійски, какъ другой понималъ, можно было надѣяться на блестящіе результаты этого interview, когда оно было внезапно прервано другимъ interview. Въ дверяхъ появился прилично одѣтый джентль-

менъ, отрекомендовавшій себя репортеромъ цейлонскихъ газетъ. Освѣдомившись, что итальянскій аристократъ прибылъ въ Гаттонъ,—обратился представитель цейлонской прессы къ К.,—онъ, представитель, счелъ своимъ долгомъ явиться засвидѣтельствовать свое почтеніе его милости (причемъ многозначительный почтительный взглядъ въ мою сторону) и рѣшается просить у его спутниковъ свѣдѣній для сообщенія въ газеты. Напрасно К. его увѣрялъ, что мы вовсе не итальянцы и что между нами нѣтъ ни одного герцога, репортеръ продолжалъ держаться своего мнѣнія. Мое заявленіе, что я не потомокъ римскихъ патриціевъ, а только совсѣмъ не знатный русскій журналистъ, тоже, повидимому, не поколебало вѣры представителя прессы въ мое высокое происхожденіе. Этой вѣрѣ много содѣйствовало то обстоятельство, что прежде, чѣмъ предстать предъ очи его милости итальянскаго герцога, «нашъ собственный корреспондентъ», по обычаю русскихъ собратьевъ своихъ, для храбрости хлебнулъ грогу или виски... Слуга-сингалезъ, скоро замѣтившій это убѣжденное состояніе репортера, дружески увлекъ его изъ залы, не поколебленнаго въ своемъ убѣжденіи и только удивленнаго этимъ непонятнымъ incognito. Впрочемъ, не только бароны, но и герцоги имѣютъ свои фантазіи.

XXIX.

ВЪ ЦЕЙЛОНСКИХЪ АЛЬПАХЪ.

Пути на Пикъ.—Нашъ выѣздъ.—Среди плантацій.—Долина Кегельгамы.—Покореніе природы.—Начало покоренія человѣка.—Долина Маскелии.—Конецъ шоссе.

Тысячелѣтія люди восходятъ на Адамову гору, но только съ очень недавняго времени явилась возможность пользоваться дорогою, которой мы должны взойти на желанную вершину. Только послѣ того, какъ долина Кегельгамы и верхняя часть долины Маскеліи (другого истока Келани-Ганга) расчищены англичанами для своихъ плантацій, лѣса вырублены, всюду проложены дороги, построены мосты, подножіе Адамовой горы стало доступно и съ этой сѣверо-восточной стороны, и при томъ болѣе доступно, нежели съ какой либо другой стороны. Прежде ходили или съ юга, отъ города Ратнапуры или съ сѣвера (собственно сѣверо-запада) вверхъ по теченію Маскеліи, питающейся водами священной горы. Первая дорога называлась путемъ Мамы или Евы, такъ какъ по преданію, именно этимъ путемъ шла Ева, отыскивая своего супруга, оплакивавшаго на этой вершинѣ свое грѣхопаденіе. Второй путь — путь Папы или Адама. Онъ труднѣе и опаснѣе перваго. По немъ взошелъ Адамъ на гору, когда, изгнанный изъ рая, въ отчаяніи искалъ уединенія. Чтобы читатель могъ нѣсколько оріентироваться въ этихъ указаніяхъ и дальнѣйшемъ изложеніи, необходимо небольшое географическое отступленіе.

Альпійская страна центральнаго Цейлона на юго-западѣ

отдѣляется отъ равнины двумя перпендикулярными другъ другу хребтами, изъ которыхъ первый или южный идетъ отъ востока къ западу, а второй или западный отъ сѣвера къ югу, и которые сходятся подъ прямымъ угломъ. Гребни этихъ хребтовъ возвышаются на 4000—6000', а почти въ самой вершинѣ прямого угла высится исполинъ въ 7352 фута. Это и есть Адамова гора. Къ югу и западу растилается западно-цейлонская, извѣстная уже намъ, равнина, подходящая къ самому подножію Пика и имѣющая здѣсь не болѣе 100—150' высоты (городъ Ратнапура—109'). Отсюда и идетъ путь Мамы. Пролегая отъ Ратнапуры быстро, но полого возвышающеюся равниною, этотъ путь болѣе, чѣмъ на половину (вся его длина около 30 в.), можетъ быть сдѣланъ на лошадяхъ. Самый же подъемъ на гору отличается тою же крутизною и тѣми же трудностями, какъ и съ сѣверной стороны.

Отъ перваго (южнаго) изъ двухъ названныхъ выше хребтовъ, въ разстояніи отъ Адамовой горы верстъ сорокъ, отдѣляется подъ острымъ угломъ хребетъ по направленію къ сѣверо-западу. Дойдя до второго (западнаго) хребта, онъ образуетъ съ двумя этими хребтами громадный прямоугольный треугольникъ, составляющій юго-западную конечность горной области центральнаго Цейлона. Эта котловина имѣетъ общій склонъ къ сѣверо-западу, гдѣ скоплявшіяся въ ней воды и промыли себѣ выходъ черезъ западный хребетъ, изливаясь въ равнину, уже знакомою намъ рѣкою Келани-Гангомъ. Вверхъ по долинѣ Келани и затѣмъ по долинѣ ея второго (южнаго) истока, Маскеліи, и пролегаетъ путь Папы, вторая древняя дорога на Адамову гору. Сама Маскелія образуется сліяніемъ двухъ рѣчекъ Кулунели и Сулы. Послѣдняя беретъ начало со склоновъ Адамова Пика. Отъ нея начинается восхожденіе на самый массивъ. Начало этого пути, именно по долинѣ Келани, теперь хорошо разработано англичанами, проложившими тутъ шоссе и разбившими свои плантаціи. Но долина Маскеліи очень узкая, пересѣченная потоками, водопадами, скалами, поросшая дѣвственнымъ лѣсомъ, осталась въ первобытномъ видѣ и представляетъ на протяженіи около двадцати верстъ пѣшеходную тропу, по всѣмъ свидѣтельствамъ, необычайно трудную для движенія, исполненную опасности и задержки. Только подходя къ устью Сулы, въ верховьяхъ Маскеліи, дорога эта опять прикасается къ странѣ, уже завоеванной англійскою культурою, хотя все еще не имѣющей колесныхъ дорогъ въ сторону Адамова Пика. За то именно отсюда идетъ прекрасное шоссе на сѣверо-востокъ къ станціи Гаттонъ, откуда мы собираемся ѣхать именно по этому шоссе, чтобы такимъ образомъ, взойти на Адамову гору по Адамову же пути, но оставляя его начало.

Гаттонъ лежитъ въ одной изъ долинъ хребта, обрамляющаго нашу котловину съ сѣверо-востока и составляющаго какъ бы гипотенузу прямоугольнаго треугольника, около вершины котораго поднимается Адамова гора. Отъ середины южнаго катета нашего треугольника, гдѣ скопляются наибольшія возвышенности этихъ хребтовъ (кромѣ, конечно, Пика), выходитъ параллельно сѣверо-восточному хребту (гипотенузѣ), еще одна горная цѣпь, разрѣзывающая котловину на двѣ долины: сѣверную, болѣе длинную долину уже упомянутой Кегельгамы, которая течетъ между параллельными хребтами, и южную, короче на двадцать верстъ, но болѣе уширенную и имѣющую форму треугольника, изъ одного (остраго) угла котораго вытекаетъ Кулунели, изъ другого (прямого, что у Адамова Пика) Сула, сливающіяся въ Маскелію. Шоссе, выходя отъ Гаттона, сначала поднимается на перевалъ хребта и затѣмъ начинаетъ спускъ въ долину Кегельгамы, вверхъ по которой идетъ нѣкоторое время. Перейдя по мосту эту рѣку, оно спускается другимъ берегомъ внизъ по ея теченію и затѣмъ сворачиваетъ влѣво (на юго-западъ), переходитъ черезъ хребетъ и спускается въ долину Маскеліи тамъ, гдѣ она беретъ начало отъ сліянія своихъ истоковъ. Здѣсь оканчивается колесный путь и начинается пѣшій, выводящій на древній путь Папы, описанный

арабскимъ географомъ Ибнъ-Батутой, восходившимъ на священную вершину еще въ XIV столѣтіи.

Въ четыре часа, въ ночь съ 14 на 15 ноября, запряженный экипажъ стоялъ уже у подъѣзда гостинницы. Совершенный мракъ царилъ еще надъ краемъ. Поспѣшно одѣвшись и наскоро напившись чаю, наше маленькое общество по возможности быстро собралось въ дорогу на предстоявшій намъ подвигъ (такъ смотрятъ на это восхожденіе благочестивые пилигримы, его предпринимающіе). Намъ вынесли запасъ сандвичей (бутерброды съ закусками), жареную курицу, хлѣба и полдюжины пива. Хозяинъ отрекомендовалъ намъ проводника и мы вошли въ экипажъ, имѣвшій видъ маленькаго дилижанса. Сидѣнія устроены не поперекъ, а вдоль экипажа, входъ сзади. Спинки имѣютъ такую высоту, чтобы нельзя было соскользнуть, на четырехъ столбочкахъ крыша съ навѣсами, все разсчитано на самую широкую вентиляцію. Пара добрыхъ коней запряжены въ дышло, кучеръ сидитъ на низкихъ козлахъ, рядомъ съ нимъ помѣщается проводникъ, на задней входной ступени занимаетъ постъ, стоя, кондукторъ съ рожкомъ. Въ такой обстановкѣ мы трогаемся въ путь и, минуя желѣзнодорожную станцію, продолжаемъ нѣкоторое время ѣхать параллельно рельсамъ на востокъ. Копыта лошадей постукиваютъ по шоссе; кондукторъ трубитъ, объявляя міру о нашей рѣшимости уловить Адамовы пути; кучеръ покрикиваетъ на лошадей; мы бодры и веселы, и надѣемся на все лучшее. Прекрасное это чувство, отрадное и спокойное, когда начинается осуществленіе давно задуманнаго дѣла...

Гаттонъ—желѣзнодорожная станція, къ которой тяготѣютъ богатые плантаторскіе округа: Дикоя, Нижняя Дикоя, Димбула, Багавантала и Маскелія, но вмѣстѣ съ тѣмъ Гаттонъ есть богатое помѣстье англійскаго плантатора и сингалезская сельская община. Великолѣпное помѣстье, съ громадными чайными плантаціями и усовершенствованными орудіями, остается справа и мы въѣзжаемъ въ длинную улицу деревни. Обыватели

спятъ, хижины темны, движенія никакого, даже собаки не лаютъ. Толко топотъ нашихъ лошадей и стукъ нашего экипажа нарушаютъ эту тишину отдыха трудящагося населенія. Миновали селеніе, дорога взяла вправо и начался подъемъ. Въ темнотѣ глазъ еле различаетъ контуры окружающихъ предметовъ. Издали во всѣ стороны на небѣ смутно рисуется очертаніе горъ; близко у дороги виднѣются все плантаціи чая. Проѣхали помѣстье Гаттонъ (4141′ надъ ур. моря); за нимъ—помѣстья (Денборъ 4302′), Панмюръ, Маникъ Вате (4381′). Красивыя усадьбы еле виднѣются въ ночномъ мракѣ. Ѣдемъ тихо, въ гору. Скоро пять часовъ, когда проѣзжаемъ большое сингалезское селеніе Дикоя, рядомъ въ помѣстьемъ Панмюръ. Въ селеніи уже пробуждаются. Во многихъ хижинахъ, съ раскрытыми настежъ широкими дверями-воротами, ярко пылаютъ огни, освѣщая ясно видную внутренность жилья. Видны спящія и встающія фигуры, хозяйки уже за работою, прибираютъ и стряпаютъ, нѣкоторыя съ кувшинами выходятъ за водою, другія уже возвращаются съ полными, на ходу взглядываютъ на насъ въ то время, какъ кондукторъ неистово трубитъ. Кое-гдѣ выходятъ и мужчины, запрягаютъ горбатыхъ яковъ въ арбы. Словомъ, начинается день. Дорога тоже становится оживленнѣе, начинаютъ попадаться навстрѣчу обозы сингалезскихъ арбъ, очевидно, доставляющихъ продукты плантацій на желѣзную дорогу. Рожокъ не дремлющаго кондуктора заставляетъ цѣлые обозы съ тяжелымъ грузомъ сворачивать съ дороги и останавливаться, давая дорогу нашему легкому экипажу съ парою дюжихъ лошадей. Вспоминается Некрасовское «Покоренъ, добродушенъ, смиренъ, мужикъ торопится свернуть»... Такъ было, когда писалось сорокъ лѣтъ назадъ это стихотвореніе, потомъ этого не было, а теперь? Давно не видалъ я близко родныхъ деревень, да видно деревенская доля всюду одна и та же...

Около горнаго помѣстья Маникъ-Вате, оставляемаго нами влѣво, мы переѣзжаемъ перевалъ цѣпи, на сѣверномъ склонѣ которой стоитъ Гаттонъ и на которую мы все время подни-

мались. Начинаемъ медленно спускаться среди того же мрака на землѣ, горныхъ силуэтовъ на начинающихъ яснѣть небесахъ и чайныхъ насажденій по сторонамъ дороги, Справа, гдѣ то внизу, грохочетъ горный потокъ. Это уже притокъ Кегельгамы, въ долину которой мы съѣзжаемъ. Если подъ тропиками быстро и внезапно темнѣетъ вечеромъ почти безъ сумерокъ, то точно также внезапно и быстро утромъ все озаряется свѣтомъ безъ нашего постепеннаго разсвѣта. Темная непроглядная ночь еще покрываетъ своимъ бархатно-черным куполомъ земли. Глазъ ничего не различаетъ на самомъ близкомъ разстояніи. Небо такъ же черно, какъ и поднебесная. Вдругъ, съ восточнаго горизонта, какъ отъ центра, протягивается по этому черному своду по всѣмъ направленіямъ свѣтлыя широкія полосы. Это—солнечныя кобылицы и буйволицы, говоритъ намъ Ригъ-Веда, онѣ выпущены на небесную пастьбу черезъ багрянныя ворота, раскрытыя зарею. Свѣтлая дочь небесъ сама является вслѣдъ за ними. Востокъ ярко пылаетъ и свѣтъ сразу, внезапно, разливается повсюду Все становится свѣтло, не дожидаясь и солнечныхъ лучей. Заря здѣсь не предвѣстница только свѣта. Она сама даетъ свѣтъ, все пробуждая отъ сна, все возбуждая къ жизни и дѣятельности. Поэты тропиковъ не даромъ ее воспѣваютъ въ своихъ гимнахъ на всѣ лады. Индусская поэзія полна благоговѣйнаго поклоненія благодатной свѣтозарной дѣвѣ. Вотъ напримѣръ какимъ восторженнымъ гимномъ обращается къ зарѣ Кут-ша, одинъ изъ лучшихъ поэтовъ Ригъ-Веды:

«Свѣтъ зародился на небѣ, юный, въ природѣ нѣжнѣйшій... Ясный внезапно весь міръ сразу окрасилъ лучемъ! Нашимъ молитвамъ въ отвѣтъ, въ исполненіе нашихъ желаній, дѣва-заря подняла пологъ свѣтлицы своей. Дню отворила богиня двери для нашего блага, все озарила она, міру улыбку даря... Міру, еще погруженному въ грезы, она возвѣстила: Время пришло, пробудись! Время предаться пришло радостямъ жизни, молитвамъ, трудамъ, повседневнымъ заботамъ! Царствовалъ мракъ надъ землей, дѣва прогнала его, свѣтомъ своимъ озарила далеко

вокругъ горизонты, всюду проникла лучомъ, каждый очагъ посѣтивъ... Въ ризахъ сверкающихъ, юная, чудно прекрасная, дѣва, шлешь ты сіянье съ небесъ нѣжное намъ на землѣ... Благословенно во вѣкъ да будетъ твое посѣщеніе! Зори другія съ небесъ міру сіяли всегда. Вслѣдъ имъ проходишь сегодня и ты, благодатная дѣва, старшей прелестной сестрой будущимъ многимъ другимъ. Шествуй же къ намъ, приходи, живущихъ къ труду пробуждая, мертвыхъ же нѣжнымъ лучомъ къ жизни опять призови! Пламя молитвы зажги, великому солнцу пути приготовивъ, въ нашу же душу вложи доблесть и силу труда! Прежнія зори для счастія прежнихъ людей приходили; къ намъ ты сегодня пришла, наше намъ счастье неся; будутъ иныя и впредь приходить и сіять для того же... Искони зори блестятъ; блещетъ сегодня заря; столь же прекрасныя будутъ сіять и во вѣки другія! Старость не смѣетъ войти хилая къ дѣвѣ младой; той же безсмертной красой сіяетъ она ежедневно, каждое утро одинъ къ намъ обращая призывъ: Люди, вставайте! Духъ жизни воспрянулъ и васъ призываетъ, солнцу могучему дверь на небѣ настежъ открывъ. Мракъ удаляется; свѣтъ приближается къ вашимъ жилищамъ. Каждый къ трудамъ возвратись: творчество жизни въ трудѣ!.. «(Ригъ-Веда, часть I, отдѣлъ VIII, гимнъ 1). Другой поэтъ Сатьясриви въ коротенькомъ энергичномъ гимнѣ сравниваетъ зарю съ красавицею, выходящей изъ волнъ послѣ купанья и очаровывающею міръ своею обаятельной наготой. Нѣжная дочь небесъ представляется поэтому не только любящей и благодѣтельной, но и въ свою очередь ищущей любви и человѣческаго восторга: «Дѣвѣ подобно прекрасной, изъ волнъ выходящей на берегъ, дивной своей наготой прельщая народы земные дѣва-богиня одежды сняла, красотою блистая» (Ригъ-Веда, часть IV, гимнъ 18).

Ревнивое тропическое солнце даетъ, однако, очень мало времени красавицѣ зарѣ для кокетства съ поклонниками на землѣ. Едва ведическій патріархъ успѣвалъ пропѣть свой гимнъ благодатной нѣжной богинѣ, какъ солнце уже посылало ему въ лицо цѣлые

снопы своихъ горячихъ ослѣпительныхъ лучей. Такъ и сегодня.

На перевалѣ было еще совсѣмъ темно, а минутъ черезъ десять въ началѣ спуска уже вся далекая окрестность внезапно выступила изъ мрака и предстала передъ нами новою завлекательною картиною. Значительная высота, съ которой мы смотрѣли, позволяла сразу охватить взглядомъ широкую перспективу. Внизу длинною серебристою лентою извивалась Кегельгама; къ ней головокружительно круто спускался нашъ хребетъ, на которомъ мы находились и съ котораго мы спускались наискось, такъ что Кегельгама была видна справа. За рѣкою такъ же круто поднимались другія горы, которыя казались очень близко. За ними, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выступаетъ другой болѣе далекій хребетъ, въ которомъ долженъ быть и Адамовъ Пикъ, но, къ сожалѣнію, облака, сгущавшіяся на томъ заднемъ хребтѣ, заслоняли вершины. Долина Кегельгамы представляетъ, такимъ образомъ, узкую щель съ очень крутыми стѣнами. Противуположная стѣна была видна намъ отлично сверху до низу и въ длину на протяженіи, вѣроятно, не менѣе десяти верстъ (крутые повороты рѣки и сопровождающихъ ея крутизнъ мѣшали видѣть дальше). Все это видимое пространство зарѣчнаго хребта отъ урѣза берега до самыхъ вершинъ покрыто плантаціями, почти одними чайными. Ни верхи не оставлены здѣсь во власти первобытной растительности, ни низы не уступлены сингалезской культурѣ, все сплошь занято блѣдною зеленью низенькихъ чайныхъ насажденій, среди которыхъ изрѣдка живописно выдѣляется красивая усадьба, окруженная небольшими, но нарядными садами. Громадныя чайныя факторіи съ казармами для рабочихъ и какіе-то заводы, приводимые въ движеніе даровою силою Кегельгамы, выдѣляются на этомъ однообразномъ фонѣ, тѣснясь къ рѣчкѣ. Вокругъ насъ, на нашемъ склонѣ, сколько видитъ глазъ, то же самое: плантаціи, усадьбы, факторіи, казармы. Помѣстья Вана-раджа и Варлей проѣзжаемъ, спускаясь въ долину, одно изъ нихъ выходитъ на дорогу особо

нарядною усадьбою, щеголяющею затѣйливою архитектурою и красивою растительностью. Большія древесныя датуры въ полномъ цвѣту составляютъ чудесное украшеніе по обѣ стороны дороги, какъ бы извиняясь за низкорослую блѣдную растительность плантаціи. Теперь, при яркомъ свѣтѣ, не изъ окна вагона, можно ближе разсмотрѣть эти плантаціи. Чайные кусты, предоставленные себѣ, достигаютъ значительныхъ размѣровъ и имѣютъ очень красивую внѣшность; такихъ тутъ же встрѣчается не мало вдоль дороги для декораціи, какъ и датуры; но не такими они воспитываются на плантаціяхъ. Низенькіе, не выше поларшина, обрѣзанные и общипанные, чайные кустики, засаженные правильными рядами, издали могутъ напомнить наши капустныя плантаціи. Земля всюду чудесно обработана: при этомъ благотворномъ солнцѣ, при этомъ обиліи влаги, при ни съ чѣмъ у насъ несравнимой силѣ тропической растительности, глазъ, при самомъ внимательномъ наблюденіи, не можетъ нигдѣ найти ни признака сорныхъ травъ. Вездѣ темнѣетъ взрыхленная почва, на которой правильными рядами зеленѣютъ эти маленькіе, слабые кустики.

Сколько труда и энергіи, вниманія и знанія постепенно затрачивается, чтобы содержать въ такомъ образцовомъ видѣ эти сотни тысячъ десятинъ плантацій и сколько нужно было вложить уже не только труда, энергіи, знанія и вниманія, но, прямо сказать — генія и таланта, порою даже самоотверженія, чтобы въ такой короткій срокъ (менѣе столѣтія) отвоевать у могущественной природы эти полмилліона десятинъ въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ! Хотя бы эта самая Кегельгама, вверхъ по долинѣ которой мы теперь катимъ мимо великолѣпныхъ богатѣйшихъ помѣстій Глекбернъ и Нью-Валле. Что это было тому назадъ полвѣка? Даже горецъ-сингалезъ не рѣшался проникать сюда; на всемъ верхнемъ и среднемъ теченіи этой рѣчки нѣтъ ни одного сингалезскаго поселенія, ни одной, кажется, даже хижины. Это длинное до 100 верстъ ущелье съ крутыми, изрытыми, пересѣченными боками, сдавливающими бѣшеную горную

рѣчонку, было покрыто сплошь чудовищнымъ лѣсомъ со всѣми тропическими его чудовищами животнаго міра. Горные водопады низвергались одинъ около другого съ крутыхъ склоновъ, скалы загромождали дорогу и нигдѣ въ этихъ отъ вѣка дикихъ дебряхъ не было хотя бы ничтожной площадки, чтобы опереться и начать расчистку подъ ниву, не было тропинки, чтобы проползти хотя ничтожную часть этой долины. Не надо читать описанія прежнихъ очевидцевъ или разспрашивать старожиловъ; достаточно взглянуть на эту долину, на эти склоны, на ихъ очертанія, на низвергающіяся отовсюду воды, чтобы почувствовать и представить докультурную картину мѣстности, которая была одною изъ самыхъ неприступныхъ твердынь первобытной природы. Культура сингалеза тысячелѣтія останавливалась передъ невозможностью одолѣть этотъ оплотъ дикости, но явился въ страну настойчивый, вооруженный образованіемъ и техникой британецъ и его геній совершилъ въ самое короткое время полный переворотъ. Долина Кегельгамы вся завоевана, образовавъ три горныхъ округа, Балавантальскій (верховье), Дикойскій (среднее теченіе) и Нижнюю Дикою (низовье). Эту последнюю я показалъ читателю изъ окна вагона между Навалапиціей и Гаттономъ, а теперь весело катимъ по Дикоѣ.

Сегодня воскресенье, на плантаціяхъ не работаютъ. Тамилы—не христіане, но англичане въ воскресенье всюду прекращаютъ работы; даже изъ четырехъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ по воскресеньямъ идетъ только одинъ. Празднующіе тамилы группами попадались по дорогѣ, при женщинахъ иногда были и дѣти самаго младшаго возраста. Дѣтей другихъ возрастовъ совсѣмъ не видно. Населеніе временное, прошлое, на отхожемъ промыслѣ. Прикрыты тамилы также, какъ сингалезы. Лица и фигуры грубѣе, нежели у сингалезовъ, особенно малo выразительности, но, несмотря на свою черную кожу, они совсѣмъ не походятъ на сомалійцевъ и негровъ. По типу они скорѣе напоминаютъ монголовъ. Они, дѣйствительно, причисляются къ драидійской расѣ, образовавшейся изъ смѣшенія первобытныхъ чернокожихъ туземцевъ сначала съ монголами, потомъ съ тюрками. Тамилы, повидимому, очень веселаго и общительнаго характера, постоянно улыбаются и безъ умолку болтаютъ, не взирая на суровую религію Сивы, которая должна бы заставить ихъ постоянно трепетать всего худшаго.

Дорога идетъ по долинѣ Кегельгамы вверхъ и поднимается очень быстро, такъ что мы скоро поднимаемся до высоты свыше 4000′ и вступаемъ въ обширное помѣстье Ирби, гдѣ и переѣзжаемъ Кегельгаму по отличному каменному мосту на сводахъ. Дорога поднимается на средній хребетъ и по его склону, пролегаетъ теперь внизъ по теченію, такъ что мы снова проѣзжаемъ тѣ же помѣстья, Ирби, Нью-Валле, Глекбернъ. Только теперь мы ѣдемъ по лѣвому берегу рѣки и видимъ во всю вышину и на значительное протяженіе въ длину сѣверный хребетъ, болѣе высокій. Картина въ сущности та же, только на немногихъ возвышенныхъ мѣстахъ сохранилось кое-гдѣ рѣдколѣсье, увитое ліанами. Теперь и эта полураздѣтая поверхность пріятна глазу, утомленному однообразіемъ чайной культуры. Дорога такъ же прекрасна, какъ и на той сторонѣ. Видно, что потребовалось много труда, изобрѣтательности и знанія, чтобы проложить это шоссе на крутизнахъ, орошенныхъ поражающимъ количествомъ воды, низвергающейся съ силою и натискомъ. Мы теперь спускаемся, что очень обидно, такъ какъ намъ нужно подниматься. Навстрѣчу намъ постоянно попадаются обозы сингалезскихъ арбъ. Сингалезы еще настолько самостоятельны, что могутъ работать въ воскресенье. Очевидно, нагрузивъ съ вечера, они теперь вывозятъ произведенія плантацій. Съ удовольствіемъ наблюдаешь эту экономическую независимость сингалезскаго крестьянина, сидящаго на своихъ земляхъ и работающаго теперь на своихъ волахъ и арбахъ. И это тѣмъ отраднѣе, что именно теперь кругомъ себя видишь это торжество капитализма, покорившаго непобѣдимую природу этихъ горъ и эту твердыню дикости превратившаго въ цитадель англійской культуры. Оглянитесь кругомъ и на десятки верстъ увидите это торжество. Да, англій-

ская культура воздвигла себѣ здѣсь живой памятникъ, но и превратила его въ цитадель своей завоевательной арміи. Отсюда она наступаетъ во всѣ стороны, и туда на югъ, за этотъ хребетъ, вдоль котораго мы ѣдемъ, въ долину Маскеліи, которую уже начала покорять и отвоевывать у дикости, и сюда, внизъ по теченію на западъ, въ долину Келани-Ганга, навстрѣчу сингалезской культурѣ... Навстрѣчу или на смѣну?

Доселѣ сингалезы не шли въ батраки и помѣстья обрабатывались привозными кули, но цейлонскій календарь на 1892 годъ сообщаетъ «отрадный» фактъ, что они начинаютъ наниматься, покуда больше поденно. Въ 1891 году эта наемка стала уже замѣтна, особенно женщинъ для сбора чая; въ день женщина получала 13 центовъ (т. е. 11 копѣекъ)! Составитель календаря сэръ Фергюсонъ съ удовольствіемъ констатируетъ этотъ фактъ, открывающій надежду замѣнить привозныхъ тамиловъ мѣстными сингалезами. Перспективы, конечно, широкія...

— Почемъ получаютъ у васъ поденные рабочіе на плантаціяхъ?—спрашиваю я у проводника.

— Мужчина получаетъ 25 или 30 центовъ (16—20 к.), но поденныхъ работаетъ меньше, больше постоянныхъ тамиловъ.

— А поденными бываютъ сингалезы?

— Сингалезы, только больше женщины.

— А почемъ имъ платятъ?

— 15 центовъ, иногда и больше.

Прогрессъ, очевидно, начался. Онъ еще не бросается въ глаза, сингалезовъ еще не видно среди чернокожихъ батраковъ плантацій, но они уже стучатся въ эти двери, охотно и радушно имъ открываемыя. Что же ихъ гонитъ отъ своего дѣла, отъ родной нивы, а затѣмъ должно погнать и отъ родного очага? Въ томъ же календарѣ г. Фергюсона есть табличка, намекающая на суть дѣла. Цейлонъ, во времена своей независимости, вывозилъ рисъ, а теперь ввозитъ, изъ года въ

годъ увеличивая ввозъ, а рисъ — главный хлѣбъ сингалеза! Хлѣба не хватаетъ на благословенномъ островѣ: въ 1840 году ввезено рису на 202 тыс. ф. ст., въ 1850 г.—412 т., въ 1860 г.—636 т., въ 1870 г.—1,539 т., въ 1880 г.—1,981 т. и въ 1890 г.—2,112 тыс. Краснорѣчіе цифръ не требуетъ комментаріевъ. За то чаю, котораго еще вовсе не вывозили до 70-хъ годовъ, вывезли въ 1880 году на 15 тыс. ф. ст., а въ 1890 г.—на 2,280 тыс. ф. ст. Ясно, что̀ ростетъ, какъ сказочный богатырь, и что уступаетъ мѣсто? Главныя завоеванія, конечно, сдѣланы англійскою культурою у дикой природы, но, видно, не одна дикая природа попала въ безпощадныя жернова «желѣзнаго закона» экономической эволюціи.

Однако, уже седьмой часъ... Мы достигаемъ живописно расположеннаго на берегу Кегельгамы помѣстья Блеръ-Атоль (на высотѣ всего 3600′, столько мы спустились) и круто сворачиваемъ налѣво на гору отъ Кегельгамы, перерѣзываемъ перевалъ у помѣстья Ло-Броунъ (высота около $4^1/_2$ т. ф.), начинаемъ спускъ въ долину Маскеліи, и по пути встрѣчаемъ, наконецъ, сингалезское селеніе Маскелія-Базаръ, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ довольно обширный рынокъ. Спустившись въ долину, мы останавливаемся на берегу; здѣсь конецъ нашему конному путешествію. Семь часовъ, надо спѣшить, и мы, дѣйствительно, только нѣсколько попачкавъ въ тѣни бамбуковъ свои руки о съѣстное, двигаемся въ путь. Исходная точка—на высотѣ около 4000′.

XXX.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА АДАМОВЪ ПИКЪ.

На берегу Маскеліи.—Пѣшеходный мостъ на струнахъ.—Двухъ-этажныя плантаціи.—Чай, кофе и хина.—Виды.—Путь Папы.—Лѣсная тропа.—Скалистая прогалина.—Долина Адамова потока.—Дѣвственный лѣсъ.—Восхожденіе.—Ливень.—Скалы и цѣпи.—Облака.—У цѣли.

Около половины восьмого, въ ясное утро тронулись мы въ путь. Отъ хижины сингалеза, у которой мы оставили экипажъ, мы спускаемся къ рѣкѣ, весело переливающей свои быстрыя струи, и переходимъ ее по висячему мосту. Стоитъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ странномъ произведеніи англійской изобрѣтательности. Къ деревяннымъ перекладинамъ, утвержденнымъ по обѣ стороны рѣки на устояхъ, прикрѣплены четыре металлическихъ проволоки, какъ струны, натянутыя надъ рѣкою. Двѣ струны, натянутыя повыше по сторонамъ, составляютъ перила моста; на двухъ же нижнихъ струнахъ укрѣплены поперекъ деревянныя дощечки, шириною около четверти аршина и на такомъ же приблизительно разстояніи одна отъ другой. Это очень остроумно, можетъ быть, но крайне головоломно. Струны пружинятъ и, если вы становитесь не посрединѣ настилки (между двумя струнами), а ближе къ краю, то эта сторона быстро опускается и мостъ становится крутымъ косогоромъ. Перила столь же предательски уступаютъ давленію. Надо идти, держась за оба перила, ступая посрединѣ мостика, и стараясь не попасть между дощечками въ свободные промежутки, черезъ которые далеко внизу вы видите шумящую и

пѣнящуюся рѣку. Приэтомъ при каждомъ шагѣ васъ подкидываетъ, какъ на хорошихъ пружинахъ. Чтобы не оборвать струнъ этого милаго инструмента, переходимъ поочереди. Идемъ смѣшанною кофейно-чайною плантаціей. Высокіе красивые кусты кофе рѣдкими рядами покрываютъ плантацію; между ними и подъ ними густыми рядами покрываютъ почву чайные кустики. Рядомъ такая же смѣшанная плантація хины и чая; рѣдко посаженныя, высокія хинныя деревца, ростущія, подобно кофейнымъ, одинокими штамбами, развѣтвляющимися лишь у верхушки, не препятствуютъ чаю покрывать почву. Эта культура въ два яруса, если можно такъ выразиться, встрѣчается здѣсь нерѣдко. Тропическое солнце все дозволяетъ и согласно надѣлить свѣтомъ и тепломъ и больше, чѣмъ два яруса растительности, какъ то доказываетъ дикая тропическая растительность. Смѣшеніе на одной плантаціи чая съ кофе объясняется еще и вытѣсненіемъ кофейной культуры чайною, такъ что многія смѣшанныя кофейно-чайныя плантаціи являются лишь переходною ступенью, пока не окрѣпнетъ и не достигнетъ полной доходности чайное насажденіе. Это не относится къ смѣшанной хино-чайной культурѣ. Культура хины проникла на Цейлонъ одновременно съ чайною для замѣны кофейной, сильно пострадавшей отъ микробовъ.

Идемъ дальше, все время чайными плантаціями, по тропинкамъ между ними, но едва ли мы поднимаемся, или очень мало. Мы переходимъ массу потоковъ и рѣчушекъ по мостикамъ, по каменьямъ или въ бродъ, поднимаемся и спускаемся и ничего не видимъ, кромѣ чая, усадьбъ, казармъ и группъ тамиловъ, рѣже сингалезовъ. Здѣсь, въ долинѣ Маскеліи, попадаются отъ времени до времени группы сингалезскихъ хижинъ. При встрѣчѣ съ нами, тамилы сходятъ съ тропинки въ сторону и продолжаютъ путь, только когда мы ихъ совершенно проходимъ. К. говоритъ, что то же самое дѣлаютъ при встрѣчѣ съ европейцами малайцы на Явѣ (съ путешествія по которой онъ теперь возвращался, присоединившись къ намъ въ Сингапурѣ),

но приэтомъ они еще поворачиваются спиною или бокомъ и садятся. Таковъ законъ, изданный голландцами и строго соблюдаемый на Явѣ. Цѣль его—обезопасить европейца отъ нечаяннаго нападенія. Цейлонъ одно время тоже принадлежалъ голландцамъ; но съ того ли времени этотъ обычай, или англичане сами издали подобный законъ, или это только особая тамильская галантность обращенія?

Идемъ больше часа, все тѣ же виды и тотъ же путь. Гдѣ же Адамовъ Пикъ? «Мы прошли уже больше половины пути», утѣшаетъ проводникъ. Какого пути? «До начала подъема». А сколько всего пути до этого подъема? «Отъ мѣста, гдѣ мы оставили карету, четыре мили». Семь верстъ пѣшаго пути до начала подъема, а мы думали всего восемь до вершины! Идти часами среди несмѣняющейся картины чайныхъ плантацій, видѣть ихъ повсюду, подъ собою и надъ собою, около себя и вдалекѣ, куда только достигаетъ зрѣніе,—становится скучно. Невольно вспоминаешь, какъ эти самые англичане, такъ раздѣвшіе эту столь любящую и умѣющую богато и нарядно одѣваться природу, любятъ и умѣютъ у себя на родинѣ беречь нарядность природы, дорогую для ея постояннаго обитателя. Но англичане—пришлецы, имъ не дорога эта природа, она ихъ временная данница. Взять, что можно, и поскорѣе удалиться въ родную Британію. И эта культура не имѣетъ для страны другого смысла. Прибыль съ нея вывезутъ съ острова англичане; скудную заработную плату унесутъ тамилы; продукты будутъ отправлены въ Европу, Америку, Австралію; что же останется въ странѣ? Все взять и ничего не дать — таково экономическое значеніе для края этой блестящей культуры, этой громадной побѣды человѣческаго генія надъ враждебными силами дикой природы!

Половина десятаго, мы проходимъ въ бродъ многоводный потокъ, оставляя въ сторонѣ слѣва могучій водопадъ образуемый этимъ потокомъ. Слѣва уже нѣсколько минутъ, послѣ послѣдняго крутого поворота тропины направо, насъ сопровождаетъ крутой склонъ, покрытый лѣсомъ. Это сѣверо-восточное подножіе Адамовой горы. Это — самые низкіе піонеры покрывающаго его дѣвственнаго лѣса. Это — воды, питающіяся родниками священной горы. Отсюда доступъ на Пикъ абсолютно невозможенъ; вершина его, укутанная облаками, скрыта отъ насъ. Мы еще поворачиваемъ направо и нѣкоторое время снова удаляемся отъ предмета нашихъ желаній, но нѣсколько минутъ ходьбы по скалистой, плохо обработанной мѣстности и мы у начала подъема. Здѣсь стоятъ двѣ сингалезскихъ хижины, шумитъ рѣчонка и наша дорога выходитъ на традиціонный «путь Папы», освященный тысячелѣтнимъ поклоненіемъ милліоновъ. Здѣсь же видимъ мы послѣдніе бананы, низкорослые, не похожіе на могучіе экземпляры равнинъ. Сингалезскіе ребятишки этой далекой горной глуши съ удивленіемъ смотрятъ на скорою походкою проходящее мимо нихъ наше общество.

Передъ нами прямо, почти отвѣсно, вздымается горный массивъ, одѣтый, сколько глазъ могъ видѣть, темно-зеленымъ лѣсомъ. Сюда ниже это рѣдколесье, гдѣ ліаны составляютъ главную силу; выше виднѣются уже сплошныя вершины деревъ; отъ самаго подножія, высоко наверхъ, бѣлѣетъ дорожка, изгибающаяся подобно червю, то закрываемая зарослью, то снова открывающаяся передъ взоромъ. Съ интересомъ ловимъ мы взоромъ изгибы этой вертикальной линіи, по которой намъ придется сейчасъ карабкаться. Маленькая открытая ложбина съ тощимъ ручейкомъ, кустарникъ за нимъ, и мы вступаемъ подъ своды лѣса. Тропинка эта просто крутая промоина, обнажившая гнейсъ, здѣсь залегающій подъ самымъ острымъ угломъ; вынесенные въ промоину каменья и нѣкоторыя естественные выступы и неровности обнаженной каменной породы представляютъ единственную опору по этой первобытной тропѣ Адама. Самыя крутыя лѣстницы въ мірѣ не могутъ дать понятія о крутизнѣ этой тропы, но на лѣстницахъ есть ступени, а здѣсь при каждомъ шагѣ разыскиваемъ, куда ступить, за что зацѣпиться. Однако, съ свѣжими утренними силами, мы бодро беремъ приступомъ эту

тропу и, взойдя на болѣе пологую площадку, собираемся штурмовать ея столь же отвѣсное продолженіе, но проводникъ умѣряетъ наше рвеніе и указываетъ на поворотъ влѣво, по темной лѣсной тропѣ. Минутъ пятнадцать, если не больше, лѣземъ мы вверхъ по этой тропѣ подъ темными лѣсными сводами, въ узкомъ корридорѣ, образуемомъ высокою травяною и кустарниковою зарослью, покрывающею всю почву лѣса и достигающею человѣческаго роста. Порою эти зеленыя кудрявыя стѣны, задѣтыя вами или пробѣжавшимъ вѣтеркомъ, осыпаютъ васъ мелкими, теплыми брызгами вчерашняго дождя. Читатель, конечно, не забылъ, что вчера съ двухъ часовъ дня и до ночи лилъ дождь, подъ монотонную музыку котораго мы уснули въ гостепріимномъ сингалезскомъ отелѣ Гаттона. Карабкаясь по тропинкѣ, мы какъ будто все забираемъ понемногу влѣво, откуда скоро начинаетъ доноситься до насъ грохотъ потока. Все ближе и ближе эти звуки, они уже сопровождаютъ насъ нѣкоторое время слѣва, свѣтлѣетъ впереди просвѣтъ и мы выходимъ на прогалину, заваленную въ безпорядкѣ скалами и гигантскими каменьями. Высокія деревья и густые кусты, обрамляющіе прогалину слѣва, со стороны потока, закрываютъ обрывъ, подъ которымъ мчатся эти воды. Но какъ идти дальше? Ни одной тропинки въ обходъ этой груды скалъ и ни одного признака перелаза черезъ этотъ первозданный хаосъ черныхъ, опаленныхъ тропическимъ солнцемъ громадъ... Однако, тутъ шелъ Адамъ. Нѣсколько раньше его или нѣсколько позже здѣсь прослѣдовалъ Вишну, окончивъ труды міроустройства во время своего послѣдняго воплощенія. Мрачный Сива тоже побывалъ на этой прогалинѣ. За 500 лѣтъ до Р. Х. великій Будда ее проходилъ; за 300 лѣтъ до Р. Х.—Александръ Македонскій; въ 1340 году по Р. Х. прошелъ Ибнъ-Батута, а въ 1882 г.—Эрнстъ Геккель! Неужели, имѣя столькихъ славныхъ предшественниковъ, не считая милліоновъ безвѣстныхъ пилигримовъ, мы остановимся передъ этою преградою? И мы не остановились, а благополучно перелѣзли, пользуясь всѣми четырьмя конечностями, или вѣрнѣе всѣми восемью, считая колѣна и локти.

Около 25 до 30 саженъ этой гимнастики кончаются выходомъ на лѣсную тропу, сворачивающую вправо. Снова крутой подъемъ подъ сводами, теперь уже, очевидно, первобытнаго лѣса. Вершины теряются въ небесахъ, ліаны оплетаютъ стволы, кустарники обрамляютъ и стѣсняютъ тропу, но болѣе всего этого насъ интересуютъ корни. Тропа углублена въ почву лѣса, представляя, очевидно, тоже промоину, лишь не съумѣвшую обнажить каменную породу, потому что мощные корни, порою въ аршинъ и болѣе въ діаметрѣ, своею исполинскою сѣтью мѣшаютъ размыву, но приэтомъ, мимоходомъ, мѣшаютъ и намъ, вовсе не собирающимся размывать почву. Углубленная тропа вся пересѣчена по всѣмъ направленіямъ этими корнями, по которымъ приходится карабкаться, перелѣзая черезъ многіе, какъ черезъ заборы. За этою тяжелою работою не замѣчаемъ времени; полземъ сначала вверхъ, потомъ начинаемъ ползти внизъ. Сначала я думаю, что это такъ себѣ шутка, какой нибудь овражекъ, но спускъ становится все круче, мы быстро теряемъ ту высоту, которую съ такимъ усиліемъ взяли приступомъ. Выходитъ, что это плохія шутки, тѣмъ болѣе, что спускъ труднѣе подъема, и корни, хватая за каблуки моихъ башмаковъ, постоянно желаютъ меня бросить внизъ головой и въ лучшемъ случаѣ расквасить мнѣ носъ. По мѣрѣ силъ, я выдерживаю борьбу съ коварными замыслами корней и, наконецъ, рѣшаюсь спросить проводника, что этотъ сонъ означаетъ, этотъ спускъ?

— Мы спускаемся теперь прямо къ Святой Горѣ.

— А эта гора, на которую мы теперь взбирались и спускались, развѣ не Адамова?

— Нѣтъ, черезъ нее надо только прежде пройти, мы сейчасъ выйдемъ.

Послѣднее «сейчасъ», по крайней мѣрѣ, утѣшительно. Впрочемъ, утѣшительно и то, что всѣ наши великіе предшественники должны были пройти по пути Папы какихъ нибудь 40 или 50 такихъ предварительныхъ переваловъ, а мы, благодаря англійской чайной культурѣ, ограничимся только однимъ. Мы

такъ твердо вѣрили въ пять миль до вершины, а тутъ только до начала подъема, считая и эту гору, выходитъ пять! Мы рѣшаемся спросить проводника, сколько по самой Адамовой Горѣ. Около четырехъ миль. И того девять. Обратно столько же, всего 18 миль или 32 версты, изъ нихъ больше половины акробатическими упражненіями! Все это мы разсчитали позднѣе, а тогда были полны однимъ желаніемъ поскорѣе добраться до завѣтной горы.

Грохотъ, давно доносившійся и слѣва сзади, и справа спереди, теперь начинаемъ слышать передъ собою, вѣрнѣе подъ собою. Скоро мелькаетъ просвѣтъ и мы выходимъ въ очаровательную открытую долину, по которой мчится потокъ и за которою вздымается Священная Гора. Слѣва доносится грохотъ того уже отдаленнаго водопада, мимо котораго мы проходили скалистою прогалиною и ниже котораго мы, кажется, ранѣе того переходили этотъ самый потокъ въ бродъ прежде, нежели достигли послѣдней хижины и вышли на путь Папы. Справа заглушаетъ его грохотъ другого водопада, низвергающагося съ отвѣсныхъ скалъ громадной высоты и вытекающаго изъ нѣдръ Адамовой Горы: — это слезы Адама. Изгнанный изъ рая, несчастный Праотецъ человѣчества на вершинѣ этой горы стоялъ тысячу лѣтъ и оплакивалъ свой грѣхъ. Слезы его пропитали весь колоссальный массивъ горы и теперь тысячелѣтія бьютъ оттуда живыми родниками, собираясь въ два потока. Одинъ обтекаетъ гору съ сѣвера (и теперь мы стоимъ на его берегу), другой съ юга, но обходитъ гору съ востока и, соединившись съ сѣвернымъ, образуетъ Сулу, потомъ Маскелію, потомъ Келани. Ева, оплакивавшая въ это время свой грѣхъ на какой-то горѣ Аравіи, должно быть, не такъ усердно плакала и оттого Аравія такъ безводна. Она первая вспомнила о мужѣ, нашла его здѣсь, утѣшила своею любовью и свела съ суровой вершины, гдѣ на скалѣ остался доселѣ отпечатокъ его стопы. Вмѣстѣ они выстроили пещеру, изсѣкли въ скалѣ прудъ и проводили жизнь по возможности счастливо въ этомъ единственномъ мѣстѣ земного шара, напоминающемъ потерянный ими рай. Надо думать, однако, что коварная прародительница наша намъ на зло устроила эту славную Адамову пещеру и этотъ знаменитый Адамовъ прудъ на южной дорогѣ, на пути Мамы, потому что на пути Папы мы ихъ не видали. Несомнѣнно, однако, что мы стоимъ у чистыхъ водъ Адамова потока. Саженей десять или двѣнадцать ширины, мчится этотъ потокъ по каменьямъ, орошая брызгами невысокіе берега. Только что упавшая съ высоты десятковъ саженъ, вода его еще кипитъ, какъ Нарзанъ. Я припалъ губами къ этимъ слезамъ Адама и съ жаднымъ удовольствіемъ пилъ ихъ святую хрустальную влагу. Долина не широка, саженъ около сорока, не больше. Она заросла мягкою зеленью травы и папоротниками, между которыми живописно выдѣляются древовидныя породы, напоминающія пальмы, здѣсь уже не переносящія климата. Въ зелени долины краснѣютъ группы красивыхъ темныхъ и свѣтлыхъ розъ, у берега высовываютъ изъ заросли свои головки какіе-то желтые цвѣты. За долиною гигантскою стѣною стоитъ первобытный дѣвственный лѣсъ тропиковъ.

Оригинальное и необычное зрѣлище представляетъ этотъ лѣсъ, когда его видишь, какъ я теперь, вблизи, но не изъ него самого, а на разстояніи, позволяющемъ его окинуть взглядомъ на нѣкоторомъ протяженіи. Я уже говорилъ о размѣрахъ. Объ его ростѣ даютъ слабое понятіе даже самые старые нетронутые дубовые и сосновые лѣса. Плотною кровлею смыкаются на недосягаемой высотѣ густолиственныя вершины исполиновъ, но кровля эта не мѣшаетъ растительности роскошно развиваться въ своей тѣни. Между великанами перваго разряда глазъ видитъ мощныя величественныя деревья, нерѣдко въ два-три обхвата, но вершинами своими едва достигающія двухъ третей роста господъ лѣса. И это второе сословіе лѣса тоже плотно смыкаетъ свои тоже густолиственныя вершины, даруя почвѣ вторую крышу, еще гуще и темнѣе затѣняя низы. И въ этомъ сумракѣ поднимаются всяческіе древесные кусты, полу-

деревья, образуя третье сословіе и третью крышу, впрочемъ, менѣе густую и плотную, нежели первыя двѣ. Подъ нею, въ окончательномъ, казалось бы, сумракѣ роскошно и буйно развивается растительность травяная и мелко-кустарниковая, сплошь укрывая почву; это—четвертое сословіе тропическаго лѣса. И все это перевито и перевязано ліанами, поднимающимися иногда до самыхъ вершинъ лѣсныхъ исполиновъ, хотя, вообще, надо замѣтить, что о ліанахъ уже слишкомъ много писано и онѣ вовсе не такъ много занимаютъ мѣста и значенія въ тропическихъ лѣсахъ, какъ принято думать. Ліаны болѣе украшаютъ лѣсъ и разнообразятъ его видъ, нежели заслоняютъ его внутренность. Кустарники, травы и эти многоярусныя крыши, что я только что упомянулъ, гораздо болѣе заслоняютъ внутренность, которая, однако, всетаки видна порою на довольно значительную глубину. Но этими четырьмя сословіями не исчерпывается составъ лѣсной тропической націи, нынѣ впервые во всей красѣ и мощи стоящей передо мною. Взоръ жадно скользитъ снизу вверхъ по этимъ великанамъ чуждой растительности, но что такое тамъ на верху одного изъ нихъ, и у другого тамъ далѣе, и у третьяго цѣлыя группы, и у многихъ группъ въ разныхъ мѣстахъ? Какія это громадныя деревья раскинули надъ ними свои вѣтви, какъ бы вздымаясь своими толстыми, могучими стволами прямо изъ воздуха, безъ опоры и почвы? Эти деревья выросли изъ сѣмянъ, занесенныхъ вѣтромъ, или птицами, или обезьянами въ щели и трещины коры на вершинахъ лѣсныхъ исполиновъ. Они питаются на счетъ этихъ деревьевъ и образуютъ надъ ними новое, высшее сословіе, уже не дотрогивающееся до земли, не извлекающее непосредственно изъ нея свою пищу, а возложившее эту заботу на этихъ дюжихъ силачей растительнаго міра. Все это, и многоярусные темные своды, и воздушныя рощи, и сплошная заросль почвы, и мракъ лѣса—такъ оригинально, такъ непохоже на всѣ наши представленія о лѣсѣ, на все видѣнное и слышанное, что стоишь передъ этою картиною и не сразу съ умѣешь разобраться въ ея деталяхъ.

Веселая, залитая солнцемъ долина, веселая говорливая рѣчушка, яркая зелень травы, еще отдѣляющія меня отъ лѣса, только ярче оттѣняютъ это темнозеленое царство еще неизвѣданнаго мною могущества. Сорокъ саженъ, и я погружусь въ него. Оно молчитъ и не шевелится, не высылая намъ навстрѣчу ни крикливыхъ попугаевъ, ни проказливыхъ обезьянъ, ни всякой малой щебечущей птахи. Вершина Горы задернута тучами; другія быстро мчатся по небу, выползая съ разныхъ сторонъ; солнце еще свѣтитъ, но лѣсная тварь уже чувствуетъ наступленіе ненастья, умолкла, попряталась и притаилась. Потому и молчитъ все; потому и веселая долина не украшаетъ своего прелестнаго ландшафта оживленіемъ одушевленнаго міра. Только мы, безпечные россіяне, весело идемъ навстрѣчу ненастья. Переходимъ въ бродъ Адамовъ потокъ и вступаемъ подъ своды дѣвственнаго лѣса.

Подробно описывать первыя двѣ съ половиною мили восхожденія я не буду, потому что это значило бы повторять уже только что описанное прохожденіе черезъ гору передъ Адамовою; только здѣсь все грандіознѣе, труднѣе и опаснѣе. Тропа попрежнему представляетъ промоину, то углубившуюся до горной породы и тогда заброcанную обломками скалъ, то проложенную водою въ верхней почвѣ и тогда пересѣченную и переплетенную кореньями сосѣднихъ гигантовъ. Каменистая тропа залегаетъ по болѣе крутымъ почти отвѣснымъ склонамъ; по корнямъ приходится пробираться на нѣсколько болѣе пологихъ мѣстахъ, хотя вообще крутизна вездѣ такая, какой я не видалъ на сколько нибудь значительномъ разстояніи ни въ Альпахъ, ни въ Крыму, ни въ Сибири, ни на окружающихъ горахъ того же Цейлона. А между тѣмъ эта крутизна длится безпрерывно на протяженіи семи верстъ, все усиливаясь, все становясь малодоступнѣе и грознѣе. Тропа идетъ почти прямо вверхъ, но дѣлаетъ массу мелкихъ изгибовъ, которые страшно удлиняютъ путь, хорошо, если не втрое. Идя этимъ узкимъ корридоромъ между травяными и кустарными зарослями, вы ни-

когда не видите ни впереди, ни сзади тропинки на сколько нибудь значительное разстояніе. Это происходитъ отъ постоянныхъ ея поворотовъ и потому все для васъ сюрпризъ въ этомъ восхождени, когда вы постоянно заключены въ самой ограниченной перспективѣ.

Скоро сказка говорится, дѣло мѣшкотно творится. Ползу и я понемногу, карабкаюсь, дѣйствуя всѣми четырьмя, а порою и всѣми восемью конечностями и шагъ за шагомъ завоевываю эти высоты. Идемъ часъ, два, все при тѣхъ же условіяхъ, и все въ одной обстановкѣ. Утомленіе сказывается все сильнѣе, разрѣженность воздуха на уже значительной достигнутой высотѣ тоже отражается на организмѣ. А дорога становится все труднѣе, все круче, безнадежно протягиваясь въ безконечность. А небо все сильнѣе хмурится, ненастье надвигается все ближе. М. не выдержалъ испытанія и вернулся одинъ безъ проводника. Тропа одна, сбиться невозможно. Мы продолжаемъ восхожденіе. Хлынулъ дождь, настоящій тропическій ливень, тропа—промоина въ мгновеніе обратилась въ шумный потокъ, съ грохотомъ и пѣною прыгающій по корнямъ и камнямъ, а кстати и по моимъ ногамъ. Смоченный до нитки прежде, чѣмъ успѣлъ сообразить, въ чемъ дѣло, я бреду вверхъ по потоку, нисколько не стѣсняясь попрежнему прибѣгать по надобности ко всѣмъ восьми конечностямъ. Мокрый дождя не боится — въ этомъ теперь уже я не могу сомнѣваться. Двѣнадцать съ четвертью, когда все подъ тѣмъ же дождемъ я выхожу на первую прогалинку этого восхожденія. Скалы и маленькая площадка, съ хижиною сингалеза на ней, представляетъ собою эта прогалина. Мы прошли двѣ съ половиною мили, остается полторы. Не останавливаясь, прохожу дальше (К. нѣсколько опередилъ меня). Крутая, совершенно гладкая, скользкая скала на протяженіи около двадцати саженъ составляетъ нашъ путь. Въ ней вырублены небольшія выемочки, долженствующія служить вродѣ ступеней. Едва носкомъ башмака могу я зацѣпить эти ступеньки, расположенныя одна отъ другой въ самыхъ различныхъ

разстояніяхъ, сплошная пелена воды катится по поверхности скалы и играетъ вокругъ моихъ башмаковъ. Взбираюсь и не могу даже представить себѣ, что эта скала въ смыслѣ пути просто даже верхъ совершенства сравнительно съ предстоящими. Карабкаюсь далѣе. Тропа пріобрѣтаетъ такой наклонъ, что не нужно наклоняться, чтобы руками хвататься за неровности тропинки, по которой бурлитъ потокъ. Послѣ такой тропы—опять скалы со ступеньками, только гораздо круче. Крутизна эта такъ значительна, что, цѣпляясь носками ногъ за ямочки скалы, я уже не могу хотя бы прикоснуться къ скалѣ каблукомъ и уподобляюсь прима-балеринѣ. При моей плотной фигурѣ, внушающей, что уже извѣстно читателямъ, даже идею о герцогскомъ достоинствѣ, эта выработка «стальнаго носка» не очень привлекательна и удобна. Она, впрочемъ, настолько неудобна вообще всякому, что въ эту скалу издревле ввинчена наверху тяжелая желѣзная цѣпь со свободнымъ концомъ внизу. Я берусь за этотъ конецъ обѣими руками, повисаю на немъ, передаю большую часть тяжести на руки, откидывая назадъ корпусъ, и перебираю ногами вверхъ по скалѣ, а руками вверхъ по цѣпи, замѣняя, такимъ образомъ, игру прима-балерины игрою акробата. Но и это хорошо не надолго, цѣпь очень тяжела, а съ присоединеніемъ вѣса моего корпуса, становится обременительною для моихъ рукъ. Я снова пробую конкуррировать съ Цукки и Дель-Эрою, потомъ снова перехожу въ канатные плясуны. Наконецъ, взбираюсь и, можно сказать, отдыхаю, карабкаясь по отвѣсамъ тропинки, которая раньше привела бы меня въ оцѣпенѣніе своею непроходимостью. Но вотъ опять скала съ цѣпью, опять тропинка, опять скала... Ибнъ-Батута въ 1340 г. насчиталъ десять такихъ скалъ съ цѣпями. Эрнстъ Геккель въ 1882 г. подтверждаетъ это. Я имъ вѣрю на слово и не считаю этихъ казней египетскихъ. Жалѣю только, что нѣтъ достойной публики, чтобы оцѣнить мои балетныя и акробатическія упражненія. Низкорослыя деревья верха, смѣнившія собою исполиновъ низа, только одни

и любовались моимъ несравненнымъ искусствомъ. К. тамъ впереди предается тому же искусству; позади меня проводникъ занимается тѣмъ же и вдобавокъ зябнетъ и дрожитъ отъ холода. Только чудныя рододендровыя деревья порою улыбаются мнѣ своими пышными пунцовыми цвѣтами. А дождь продолжаетъ лить и вода не перестаетъ бурлить подъ моими ногами, пока я среди своихъ упражненій совершенно нечаянно не замѣчаю, что, собственно говоря, я мало что замѣчаю вокругъ. Я погрузился (или вѣрнѣе, вознесся) въ густое облако, поливавшее меня ниже дождемъ, а здѣсь просто охватившее меня теплою водою, которая сгущалась изъ него. Тепло, ничего почти не видно и какъ-то странно въ этомъ облакѣ, какъ разъ въ это время посылающемъ дождь туда внизъ, откуда я только что сюда поднялся. Послѣдняя скала съ цѣпью пройдена, представленіе благополучно кончено и я чувствую себя вправѣ опочить на лаврахъ. Небольшая площадка вправо отъ тропы привлекаетъ меня. Я схожу съ тропы, чтобы разсмотрѣть ее въ этомъ густомъ туманѣ. Напрасно проводникъ мнѣ клянется, что верхушка совсѣмъ близко, минутъ десять ходьбы. Я сажусь на камень и отдыхаю. Площадка шаговъ десять ширины и шаговъ тридцать длины, горизонтальна, покрыта невысокою травою, въ одномъ мѣстѣ надъ нею нависла скала, подъ скалою углубленіе, наполненное водою. Не это ли пещера Адама и его прудъ? Облако продолжаетъ мочить насъ. На меня ничего не каплетъ и не льетъ, но всюду, по всему тѣлу я чувствую, какъ течетъ постоянно осѣдающая вода. Одежда напиталась, какъ губка. Кругомъ почти ничего не видно, все подернуто густою дымкою облака. Сижу минутъ десять и вижу, что совсѣмъ заморожу бѣднягу проводника, если просижу еще пять минутъ. Надо идти. Двигаюсь и начинаю карабкаться по тропинкѣ, уже совершенно отвѣсной. Если прежде не нужно было нагибаться, чтобы руками хвататься за выступы и неровности тропы, то теперь уже не нужно и протягивать рукъ. Приходится двигаться больше на рукахъ, нежели на ногахъ.

Около площадки къ намъ присоединился одинъ молодой сингалезъ, спускавшійся сверху и повернувшій съ нами опять на гору. Онъ весело что-то разсказываетъ проводнику и идетъ съ такою легкостью, съ какою не всякій пойдетъ по паркету.

Но вотъ конецъ и облаку. Я высовываю изъ него свою голову, вижу небо, каменную стѣну съ воротами и въ нихъ стоящаго К. «А я васъ жду уже тутъ безъ малаго полчаса», кричитъ онъ мнѣ. Справляюсь съ часами. Половина второго; отъ начала подъема на Адамову гору—три съ половиною часа, отъ начала движенія по пути Папы—четыре часа, отъ начала пѣшеходнаго пути—шесть часовъ, отъ выѣзда изъ гостинницы—девять. Теперь отдохнемъ немного и затѣмъ начнемъ ознакомленіе съ знаменитою вершиной.

XXXI.

НА АДАМОВОЙ ВЕРШИНѢ.

Здѣсь тучи смиренно идутъ
подо мной... Сквозь нихъ низ-
вергаясь, шумятъ водопады...

А. Пушкинъ.

Храмъ на вершинѣ.—Святая скала и святой слѣдъ.—Посѣщеніе Будды.—Дѣянія Вишну.—Мрачный Сива.—Александръ Македонскій.—Адамъ.—Тронъ Самана.—Могущество святой горы.—Видъ.—Облачный океанъ.—Ученыя измѣренія стопы и пасторскія сомнѣнія.—Наше печальное положеніе на вершинѣ.—Сезонъ.—Начало возвратнаго пути.

Вхожу въ ограду: невысокая каменная стѣна съ карнизомъ и широкимъ входомъ. Огороженное мѣсто представляетъ небольшой продолговатый четыреугольникъ, длиннѣе съ востока на западъ, нежели съ сѣвера на югъ. Входъ съ востока; слѣва отъ входа, т. е. въ юго-восточномъ углу ограды, небольшая сингалезская хижинка (другая ниже за оградою), въ которой въ сухое время года (январь по апрѣль) живутъ буддійскіе монахи, принимающіе пилигримовъ. Теперь она не обитаема и никто не дерзаетъ предпринимать восхожденіе, кромѣ, конечно, насъ, безпечныхъ и неунывающихъ россіянъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины (которая внутри ограды), все съ той же южной стороны четырехугольника, возвышается высокая стѣна циклопическаго типа. Она сложена изъ громадныхъ черныхъ скалъ безъ цемента и представляетъ полукругъ. Изъ за нее выглядываетъ небольшой куполъ на столбахъ. Если прибавить, что

огороженный четырехугольникъ вовсе не представляетъ площадки, а имѣетъ довольно крутой подъемъ отъ ограды къ внутренней циклопической стѣнѣ, то читатель легко себѣ представитъ общій видъ этого святилища, если на него смотрѣть со стороны входа. За оградою, подлѣ, разрослись группы рододендровыхъ деревьевъ. Обхожу циклопическую стѣну. Съ сѣверной стороны она имѣетъ тотъ же видъ (хорошее изображеніе этого храма помѣщено въ «Дѣтскомъ Сборникѣ», изданномъ В. В. Лесевичемъ), что и съ востока (со стороны входа), съ юга примыкаетъ къ оградѣ, а съ запада образуетъ входъ въ видѣ каменной лѣстницы. Передъ лѣстницею стоитъ канделябръ съ пятью свѣтильниками, конечно, теперь не освѣщаемыми. Приглашаю К. подняться со мною по ступенямъ этого маленькаго храма и посмотрѣть знаменитый отпечатокъ стопы.—«Я уже поднимался». Крутая лѣстница выводитъ на плоскую скалу, возвышающуюся почти въ уровень ограждающей ее съ востока и сѣвера циклопической стѣны, справа же съ юга къ ней примыкаетъ еще болѣе высокая скала (аршина на полтора выше), составляющая самую высокую точку Пика. Надъ нею и воздвигнутъ куполъ. Ея небольшая темносѣрая верхняя поверхность имѣетъ справа (къ западу) продолговатое углубленіе. Это и есть святой слѣдъ, почитаемый столькими народами...

Когда Будда обходилъ землю, проповѣдуя свое ученіе и насаждая всюду въ сердцахъ людей сѣмена любви, братства и самоотверженія, онъ особенно полюбилъ Цейлонъ. Здѣсь онъ основалъ монастыри, храмы, школы, дагобы, и отсюда же онъ простился съ землею. Онъ поднялся на вершину Святой Горы, послѣдній разъ окинулъ взоромъ землю, послѣдній разъ прикоснулся къ ней стопою своей и исчезъ въ небесахъ, слившись въ нирванѣ съ міровою душою. Это послѣднее прикосновеніе къ землѣ Великаго Учителя и отпечатлѣлось на скалѣ. Благочестивые поклонники воздвигли надъ этимъ слѣдомъ скромный храмъ, слава о которомъ наполняетъ Азію до холодныхъ водъ Байкала, гдѣ бурятъ пасетъ стада своихъ коней и овецъ, до

непріютныхъ береговъ Сахалина, гдѣ японцы и аины Мац-Мая ловятъ морскую капусту, среди пятисотъ милліоновъ, исповѣдующихъ религію Будды.

Когда дѣла этого земного міра приходятъ въ разстройство, природа увядаетъ, человѣчество погрязаетъ въ порокъ и вражду, а правда и добро уступаютъ мѣсто злу и несправедливости, Вишну, этотъ міровой промыслъ религіи индусовъ, спускается на землю. Онъ возстановляетъ своею божественною силою природу и, воплотившись въ великаго царя, мудреца или проповѣдника, обновляетъ сердца людей, изгоняетъ неправду и возстановляетъ добродѣтель. Тысячелѣтія проходятъ между этими воплощеніями, но Вишну бодрствуетъ надъ міромъ. Въ послѣднее свое воплощеніе, когда онъ далъ то устройство міру, которое и теперь длится, хотя уже и сильно испорченное, онъ устроилъ между прочимъ и Цейлонъ, надѣливъ его сокровищами, дарами природы, богатствомъ, какъ никакое другое мѣсто на землѣ. Отсюда же, закончивъ свою миссію, онъ прянулъ на небо и на этой величайшей горѣ остался слѣдъ его послѣдняго прикосновенія къ землѣ. Священный отпечатокъ этотъ напоминаетъ всѣмъ нынѣ униженнымъ и обездоленнымъ сынамъ Брамы, что былъ великій Вишну на землѣ и будетъ опять. А правда и истина будутъ возстановлены. Двѣсти милліоновъ сердецъ бьются этою вѣрою въ грядущее возрожденіе міра и возстановленіе правды. Залогомъ же этой вѣры служитъ эта заоблачная скала, громко свидѣтельствующая вѣрующимъ о быломъ воплощеніи благого міроправителя.

Мрачный мірокрушитель Сива тоже посѣтилъ эту вершину. Онъ спускается на землю, какъ и Вишну, но для кары и жестокаго возмездія. Добро ищите сами, если умѣете и желаете, но за зло вамъ возмѣститъ Сива сторицею и горе странѣ, которая своими беззаконіями призоветъ Сиву. Послѣ одного изъ такихъ страшныхъ визитовъ, сопровождающихся всеистребительными потопами, землетрясеніями, ураганами, грозами, Сива вознесся на небо съ этого цейлонскаго горнаго великана

и углубленіе на верхней скалѣ свидѣтельствуетъ трепетнымъ поклонникамъ Сивы, лучше книгъ и проповѣдей, о его недремлющемъ окѣ. Десятки милліоновъ магаратовъ, малабаровъ, тамиловъ со страхомъ и ужасомъ поклоняются этому вещественному осязаемому слѣду своего немилосерднаго бога.

Древніе персы думали иначе. Великій разрушитель ихъ державы Искандеръ въ своемъ походѣ на Индію дошелъ до этой колоссальной горы и ее поставилъ гранью своего мірового царства. Отсюда онъ обозрѣлъ свои владѣнія и памятью его пребыванія здѣсь остался отпечатокъ его могучей стопы. Конечно, сыны Ормузда не ходили поклоняться этому слѣду злого генія ихъ націи, съумѣвшаго разрушить ея организацію, но не замѣнить другою, и предавшаго Свѣтлый Иранъ въ руки Аримановыхъ дѣтей Злого Турана. Но другіе народы многія тысячелѣтія толпятся вокругъ этой небольшой темносѣрой скалы и съ умиленіемъ, трепетомъ или почтеніемъ прикладываются къ продолговатому углубленію на ея поверхности. Браманиты и сиваисты, буддисты и магометане встрѣчаются здѣсь, чтобы сподобиться узрѣть и поцѣловать этотъ слѣдъ благодѣтельнаго божества (Вишну), грознаго бога-карателя (Сива), великаго учителя (Будда) или праотца всего человѣчества (Адама). Всѣ различно толкуютъ и объясняютъ святость цейлонскаго колосса, но всѣ согласны въ его святости...

Задолго до проникновенія на Цейлонъ всѣхъ этихъ религій, нынѣ предлагающихъ свое объясненіе ея святости, гора эта уже почиталась святою среди туземцевъ-язычниковъ. Верховное божество древней первобытной религіи сингалезовъ (до распространенія браманизма и буддизма), Саманъ, имѣлъ тронъ свой на этой горѣ. Если мы вспомнимъ, что гора эта поднимается прямо изъ низменной западной и южной равнины Цейлона, такъ что, будучи абсолютно далеко не изъ самыхъ высокихъ горъ земли, относительно принадлежитъ къ самымъ высокимъ; что она поднимается узкимъ конусомъ, теряющимся въ облакахъ; что съ нея льются благотворныя воды, по ея склонамъ сверкаютъ молніи

и грохочетъ громъ, то обоготвореніе ея въ эпоху первобытнаго религіознаго воззрѣнія становится и понятнымъ, и необходимымъ. Гдѣ же и быть трону божества, какъ не на этомъ уходящемъ въ небеса столбѣ! Въ ясную погоду Пикъ виденъ и съ моря, съ юга и съ запада. Ибнъ-Батута видѣлъ его съ корабля ясно во всей его красѣ и вершина его курилась облаками, какъ жертвенникъ сожигаемымъ фиміамомъ. Идея необычайности, даже святости этой горы невольно приходитъ каждому вѣрующему сердцу, ищущему опоры въ своихъ сомнѣніяхъ и въ своихъ поискахъ за правдой и истиной. Потребность такой опоры живетъ въ душѣ человѣка и гдѣ же найти ее, какъ не въ этихъ твердыняхъ, сосѣднихъ небу и внемлющихъ его голосу... И что долженъ былъ почувствовать тотъ первый, или тѣ первые, которые, воодушевленные исканіемъ правды и истины, стремленіемъ приблизиться къ небесамъ, чтобы свободнѣе и лучше услышать ихъ велѣнія, что они должны были почувствовать, пережить и передумать, когда они сквозь всѣ препятствія и опасности, заграждающія дорогу сюда, въ сосѣдство неба, взошли все таки на вершину? Что они отсюда увидѣли, чему научились? Я оглядываюсь вокругъ и вижу картину, которую никогда не забуду. Съ мѣста, гдѣ я стою, ничто не мѣшаетъ взору обнять всѣ четыре страны свѣта: циклопическая стѣна мнѣ по поясъ, святая скала немногимъ выше, остальное (кромѣ купола на столбахъ) ниже, много ниже меня.

Подо мною, вокругъ, во всѣ стороны, сколько хватаетъ зрѣніе, на сотни верстъ разстилается непрерывною волнующеюся пеленою молочно-бѣлый океанъ облаковъ. Напрасно искать какой-либо выдѣляющейся изъ за облака вершины или какой-либо бездны среди разступившихся тучъ. Нигдѣ ничего, кромѣ исполинскихъ, клубящихся изъ безконечности въ безконечность, молочныхъ, бѣлыхъ волнъ, порою освѣщаемыхъ лучами солнца, порою затемняемыхъ облаками. Сколько времени я простоялъ, созерцая это удивительное и ни съ чѣмъ не

сравнимое зрѣлище, я не знаю, но я понимаю, что эта завѣса, покрывшая землю, эта видимая поверхность невиданнаго океана, въ которомъ тамъ внизу, на его днѣ, копошатся люди и звѣри, какъ раки и моллюски на днѣ сосѣдняго Индійскаго океана, способна, должна отдѣлять вѣрующаго отъ земли и приближать къ небесамъ, способна вызвать тотъ религіозный экстазъ, который отливается затѣмъ проповѣдью новаго откровенія. Но, и оставляя въ сторонѣ эту историко-психологическую точку зрѣнія, картина оригинальна и восхитительна. Волны, громадныя, измѣряемыя, вѣроятно, верстами, катятся одна за другою, какъ бы поглощая одна другую; внутри ихъ всѣ частицы постоянно въ движеніи, и сгущеніе и разрѣженіе этихъ волнъ правильно чередуется; переливы и оттѣнки цвѣта тоже надо видѣть, чтобы представить. Смотрю и не могу насмотрѣться на эту картину, еще болѣе величавую и красивую, нежели картина океана. Хороша она вдали, но не хуже и вблизи. Облака клубятся и бѣгутъ почти у самыхъ моихъ ногъ. Только огороженное пространство и какихъ нибудь нѣсколько саженъ ниже ограды возвышается надъ облачнымъ моремъ. Какъ настоящее море, оно то наступаетъ, то отступаетъ, и въ этомъ прибоѣ млечной волны купаются деревья, кустарники, скалы, выступая изъ облака и вновь погружаясь. Темно-зеленыя густолиственныя вершины рододендроновъ съ многочисленными букетами пунцовыхъ цвѣтовъ особенно красиво рисуются среди этой ныряющей растительности, то яркими группами красуясь надъ поверхностью облаковъ, то виднѣясь подъ прозрачною сѣткою наступающаго прибоя, то совершенно утопая въ нахлынувшихъ волнахъ.

Еще одинъ послѣдній взглядъ на гигантскій отпечатокъ «стопы» и я схожу со скалы. Ибнъ-Батута въ 1340 г. измѣрилъ слѣдъ и нашелъ его одиннадцати пядей длины; въ 1882 г. его измѣрялъ Гэккель и опредѣлилъ $5^1/_4$ футовъ длины и $2^1/_2$ ширины. Я не измѣрялъ его и готовъ вѣрить обоимъ ученымъ, даже если ихъ измѣренія не сходятся. Не могу только вѣрить, когда

англійскіе пасторы, въ уже цитированной однажды книжкѣ, хотятъ кого-то увѣрить, что всѣ эти углубленія выдолбили обманщики, буддійскіе монахи... Вообще вздоръ объяснять обманомъ жрецовъ народныя вѣрованія, но въ этомъ случаѣ искусные буддійскіе монахи съумѣли обмануть не только буддистовъ, но и браманитовъ, сиваистовъ, магометанъ и даже средневѣковыхъ христіанъ. По крайней мѣрѣ, въ XIV столѣтіи папскій легатъ Іоаннъ-де-Мариньола восходилъ на Адамову Гору поклониться слѣду всеобщаго праотца и, быть можетъ, только пылкая фантазія арабовъ, слишкомъ отклонившаяся отъ библейскаго сказанія, помѣшала римско-католической церкви включить этотъ слѣдъ въ число святынь своихъ.

Въ сухое время года, когда здѣсь живутъ буддійскіе монахи, путники могутъ отдохнуть, отогрѣться, обсушиться, получить кровлю для ночлега и, вообще, собраться съ силами для возврата. Но мы попали во время, когда ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ подниматься сюда, тутъ никого нѣтъ и никакого пріюта или отдыха получить невозможно. Молодой сингалезъ, недавно присоединившійся къ нашему обществу, посѣщаетъ отъ времени до времени храмъ, наблюдая, все-ли цѣло. Живетъ онъ съ товарищемъ ниже, въ той хижинѣ, что стоитъ у перваго подъема по скалѣ, полторы мили отсюда. Онъ очень привѣтливъ и услужливъ, но ничего предложить не можетъ, кромѣ бутылки ключевой воды и пасленовыхъ ягодъ, которыя усердно собираетъ и подноситъ. К. предлагаетъ закусить сандвичами, которые онъ захватилъ съ собою. Вынимаетъ онъ ихъ изъ кармана; бумага, въ которой они обернуты, хлѣбъ, масло, сыръ, мясо, все слилось въ одну нераздѣлимую массу, мокрую, липкую, тѣстообразную. Ѣсть невозможно, но проголодавшійся проводникъ съ благодарностью проглатываетъ. Мы удовлетворяемся ягодами. Хотя бы обсушиться; подаю идею развести костеръ. Идея принимается всѣми съ одушевленіемъ. Вынимаю спички. Увы, все размокло; коробочка превратилась въ безформенную массу, а съ самихъ спичекъ стекла и слѣзла зажигательная масса. Я догадываюсь, что это не столько отъ дождя, сколько отъ облака, въ которомъ я купался, и заключаю, что, если желаете сохранить огонь, то не должно витать въ облакахъ... Конечно, выводъ—очень полезный и поучительный, но теперь онъ насъ не обсушитъ и не согрѣетъ. Похоже, однако, что собирается новый дождь. Облака подъ нами такъ и ходятъ ходенемъ подъ напоромъ вѣтра, въ двухъ мѣстахъ ихъ даже на минуту разрываетъ, обнаруживая страшную зеленую бездну. Сингалезы стучатъ зубами отъ холода; мой товарищъ тоже начинаетъ вздрагивать; нечего ждать, пора возвращаться. Въ два часа десять минутъ собрались мы въ обратную дорогу. Сорокъ минутъ всего пробылъ я на Адамовой Вершинѣ. Сезонъ закрылъ передо мною прославленный видъ и не далъ мнѣ видѣть толпы поклонниковъ всѣхъ религій Востока, мирно стекающихся къ общей святынѣ и, быть можетъ, этимъ общеніемъ и единеніемъ понемногу воздвигающихъ въ сердцѣ своемъ общую святыню правды и добра, гдѣ нѣсть ни эллинъ, ни іудей... Если, въ самомъ дѣлѣ, хотя косвенно служитъ этой идеѣ знаменитая гора, то да будетъ благословенна она во вѣки!

XXXII.

СПУСКЪ СО СВЯТОЙ ГОРЫ.

Трудности спуска.—Помощь молодого сингалеза.—Привалъ въ его хижинѣ.—Ливень и ночь.—Способъ шествія.—Встрѣча съ сингалезами съ факелами.—Лѣсныя нимфы.—Въ сингалезской хижинѣ.—Сингалезское добросердечіе.

Погружаемся въ облако и спускаемся преимущественно на рукахъ. По отвѣснымъ тропинкамъ это возможно, но скалы съ ихъ цѣпями я одолѣваю, главнымъ образомъ, благодаря содѣйствію молодого сингалеза, который поддерживаетъ меня въ трудныхъ обстоятельствахъ. Теперь я уже цѣпляюсь не носками, а каблуками, и такъ какъ при неодинаковости разстоянія между ступенями спускаться задомъ впередъ не могу, то цѣпи для меня безполезны. Если бы не мой молодой другъ, такъ кстати обрѣтенный мною на святой вершинѣ, то я не знаю, какъ и когда я закончилъ бы эту вторую серію моихъ балетныхъ и акробатическихъ упражненій. Проходимъ облака, дождя нѣтъ, относительно сухо и довольно свѣтло. Въ половинѣ четвертаго достигаемъ хижины у послѣдней лѣстницы въ скалѣ. Въ хижинѣ находимъ старшаго товарища моего молодого друга за чаемъ и охотно принимаемъ его угощеніе. Послѣ утомительнаго головоломнаго спуска, гораздо болѣе труднаго, нежели подъемъ, это угощеніе горячею, возбуждающею жидкостью не только очень пріятно, но и очень важно для поддержанія силъ, которымъ предстоитъ еще много испытаній. Рупія, данная мною молодому горцу, за оказанную мнѣ помощь при спускѣ, является хоро-

шимъ ходатаемъ въ пользу моего желанія, чтобы онъ не разлучался со мною до окончательнаго выхода съ пути Папы. Въ четыре часа, послѣ получасоваго отдыха и двухъ чашекъ чая, мы продолжаемъ путь. К. мечтаетъ къ шести часамъ выдти изъ лѣсу. Я выражаю въ томъ сомнѣніе, такъ какъ, поднимаясь, прошли это пространство тоже въ два часа, а спускъ труднѣе подъема и силы наши значительно надорваны.

— Но ночью нельзя идти по тропическому лѣсу, если не желаете стать добычею всякаго звѣря.

— Совершенно понимаю, но если нельзя иначе, придется идти...

— Водятся-ли здѣсь тигры?—спрашиваетъ К. у проводника.

— Тигры не попадаются теперь, но леопарды и медвѣди водятся въ значительномъ числѣ,—сообщаетъ сообразительный проводникъ.

Мы ускоряемъ ходъ.

Мы то скатываемся по почти отвѣснымъ каменистымъ промоинамъ, рискуя постоянно искалѣчиться или разбиться о каменные выступы и наваленные каменья, то путаемся въ кореньяхъ, постоянно готовые головою опередить запутавшіяся ноги. Въ критическіе моменты этого безконечнаго ряда паденій, которыя мы называемъ спускомъ, мой другъ-сингалезъ оказываетъ мнѣ неоцѣнимую помощь. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ К. выражаетъ сожалѣніе, что съ нимъ нѣтъ фотографическаго аппарата, чтобы увѣковѣчить мой спускъ... Каковъ! Еще смѣется. Хорошо ему, когда въ немъ всего одинъ пудъ пять фунтовъ, если даже не меньше того, но мнѣ, человѣку съ вѣсомъ, каково заниматься этою гимнастикою вотъ уже восьмой часъ подъ рядъ! Впрочемъ, такъ или иначе, сначала подвигаемся столь быстро, что можемъ запоздать развѣ очень немного, если, конечно, ничего не перемѣнится... Это «если» не пожелало намъ благопріятствовать; около пяти часовъ, когда мы прошли свыше мили, т. е. безъ малаго половину пути до Адамова потока, внезапно хлынулъ ливень. Въ лѣсу потем-

нѣло такъ, что съ трудомъ можно различать неровности тропы, по которой бурлитъ и пѣнится потокъ. Приходится значительно замедлить ходъ. Когда идемъ вверхъ подъ ливнемъ, то при крутости подъема тропа всегда близко передъ глазами и ее не трудно ощупать руками. Когда идемъ внизъ, наоборотъ, именно, благодаря крутизнѣ, надо зорко смотрѣть, чтобы видѣть далеко тамъ внизу виднѣющіяся неровности, выступы, загражденія и склоны тропинки, а при мракѣ, наступившемъ теперь, видно только направленіе дорожки, на которой блеститъ вода, а самыя неровности и мѣсто для опоры ногамъ приходится частью угадывать, частью познавать медленнымъ всматриваніемъ, частью ощупывать ногою. Все это страшно замедляетъ движеніе, а въ половинѣ шестого сѣло солнце и наступила совершенная тьма. Ливень продолжается. Часто приходится садиться и, спустивъ ноги, ощупывать ими почву, чтобы ступить. Правда, впереди меня идетъ сингалезъ, но и онъ самъ ничего не видитъ и часто прибѣгаетъ къ тѣмъ же пріемамъ. По его движеніямъ я, впрочемъ, замѣчаю приблизительно высоту уступа, крутизну, повороты. Его смуглое тѣло, особенно его бѣлый передникъ всетаки нѣсколько выдѣляется въ сгустившейся тьмѣ. Сначала мы идемъ вмѣстѣ, но потомъ расходимся. Пожилой проводникъ отстаетъ, К. уходитъ впередъ, я ползу подъ покровительствомъ моего молодого друга. Ливень задерживаетъ насъ, но и покровительствуетъ намъ, такъ какъ никакое звѣрье и никакіе гады не выйдутъ на добычу въ такое ненастье. Иду, иду и конца края нѣтъ этому кувырканью. Ни времени не знаешь, ни мѣста, ни количества пройденнаго, ни предстоящей еще продолжительности пытки. Мой сингалезъ не знаетъ по англійски, а проводникъ отсталъ... По высотѣ травяныхъ зарослей заключаю, что уже мы внизу. Повидимому, слышенъ впереди грохотъ Адамова потока, но можетъ быть это только потоки, порожденные ливнемъ, продолжающимся больше часу. Чувствую такое утомленіе, что совершенно равнодушно отношусь къ прекращенію дождя, хотя знаю, что именно теперь

начинается опасность ночного пребыванія въ тропическомъ лѣсу. Напротивъ, мнѣ отчасти пріятно, легче идти, дышется вольнѣе, теплое благоуханіе влажной тропической ночи охватываетъ все существо сладкою истомою. Выбираю первый значительный уступъ и сажусь. Сингалезъ знаками даетъ мнѣ понять, что останавливаться нельзя. Онъ думаетъ, что я не знаю объ опасностяхъ. Видя безплодность своихъ жестикуляцій, онъ дергаетъ меня за рукавъ. Я ему жестами объясняю, что хочу выждать отставшаго проводника. Это онъ понимаетъ и оцѣниваетъ, и мы продолжаемъ путь, когда насъ догоняетъ товарищъ. Проводникъ мнѣ объясняетъ, по просьбѣ сингалеза, что садиться въ лѣсу теперь нельзя и что надо спѣшить выйти, много опасности, но теперь уже недалеко до подножія Святой Горы.

Темные, безпросвѣтные своды лѣса какъ-то внезапно и сразу разступаются. Темная ночь виситъ и надъ долиною, что такъ очаровала насъ утромъ. Звѣзды сіяютъ на чернильно-черномъ сводѣ небесъ. На той сторонѣ въ лѣсу мелькнули огни, мы уже различаемъ двухъ человѣкъ, бѣгущихъ по тропѣ намъ навстрѣчу съ ярко пылающими факелами въ рукахъ. Я сажусь на скалу у шумящаго потока и жду. Вотъ уже они, эти люди съ факелами, выбѣгаютъ на долину. Одинъ старый, съ сѣдою бородою, мускулистая, сильная фигура; другой — юноша, красивый и стройный, съ привѣтливымъ лицомъ. Еще минута и вода въ рѣчушкѣ запѣнилась вокругъ ихъ ногъ и засверкала отражаемыми огнями. Они насъ уже замѣтили и радостными восклицаніями привѣтствуютъ насъ. Старикъ — хозяинъ одной изъ хижинъ, которыя мы прошли передъ выходомъ на путь Папы. Онъ объясняетъ проводнику, что встрѣтилъ одного изъ нашего общества (именно К.), котораго его дѣти замѣтили утромъ, и проводилъ къ себѣ въ хижину, но сообразивъ, что еще нѣсколько человѣкъ остались въ лѣсу въ такое время, онъ взялъ сына и съ факелами побѣжалъ навстрѣчу. Яркіе факелы эти отгоняютъ звѣря. К. мнѣ потомъ сообщилъ, что, съ своей стороны, онъ не дѣлалъ сингалезу ни одного намека на эту встрѣчу

и что все сдѣлано было по собственной инициативѣ и съ возможною скоростью. Эти добрые люди, дѣйствительно, бѣжали намъ навстрѣчу, стараясь не потерять минуты, которая могла быть роковою для насъ.

Напившись еще разъ воды Адамова Потока, продолжаю путь. Впереди идетъ старый сингалезъ съ факеломъ, за нимъ я, далѣе мой молодой другъ со святой вершины, проводникъ и, наконецъ, сынъ старика тоже съ факеломъ. Съ удовольствiемъ сознаю возможность справиться съ часами. Половина восьмого, слѣдовательно, два часа ночного пути до появленiя факеловъ. Теперь идти весело. Яркiй факелъ освѣщаетъ путь вполнѣ ясно. Къ тому же поднимаемся, что гораздо легче, и я какъ будто отдыхаю на подъемѣ. Идущiй за мною сингалезъ мой помогаетъ больше указанiями рукою. Онъ лучше меня умѣетъ выбирать болѣе удобное мѣсто. Начинается спускъ. Впереди опять замелькалъ огонь и скоро предо мною останавливаются двѣ дѣвушки. Младшая, съ задорнымъ смѣющимся личикомъ, несетъ факелъ. Старшая, красивая и стройная, съ серьезнымъ, улыбающимся одними глазами лицомъ, держитъ въ рукѣ большую глиняную чашку, покрытую банановымъ листомъ, на которомъ лежатъ бананы. Снявъ листъ съ бананами, она мнѣ протягиваетъ чашку, наполненную горячею водою. Просто горячая, только что вскипяченная вода, но съ какою жадностью я выпиваю половину чашки! Мнѣ не холодно, но со вчерашняго дня у меня ничего не было во рту, кромѣ сырой воды и того чая, что выпилъ у сингалеза. Горячая вода какъ бы разливается живительнымъ сокомъ по жиламъ. Другую половину передаю моимъ спутникамъ. Они же воспользовались и бананами, отъ которыхъ я отказался. Это все, что могли предложить эти бѣдные сингалезы, и они не только предложили, что имѣли, но и вынесли навстрѣчу, чтобы оживить силы утомленныхъ путниковъ... Не могу иначе, какъ съ чувствомъ сердечной признательности вспоминать этихъ добрыхъ людей.

Старшая сингалезка взяла факелъ у отца, который отошелъ

назадъ и пошелъ за проводникомъ. Младшая дочь его, тоже съ факеломъ, заняла мѣсто посрединѣ, сейчасъ за моимъ молодымъ другомъ. Теперь за мною раздается оживленная бесѣда. Старикъ говоритъ съ проводникомъ и замыкающiй шествiе сынъ его постоянно вмѣшивается въ бесѣду (я ясно различаю прiятныя ноты его молодого голоса). За мною, не менѣе оживленно, болтаютъ молодые люди и, увы, лукавыя глазки молодой красавицы заставили моего друга забыть обо мнѣ. Я былъ бы предоставленъ собственной горькой участи, если бы заботу обо мнѣ не приняла на себя милая лѣсная нимфа, идущая передо мною съ факеломъ. Она очень скоро оцѣниваетъ неподражаемое совершенство моего акробатическаго искусства и поощряетъ меня указанiями. Она заботливо освѣщаетъ мнѣ всѣ неровности и зигзаги тропы, а правою, свободною ручкою, съ тремя бѣлыми обручиками-браслетами на ней, показываетъ мнѣ мѣста, гдѣ мой талантъ можетъ особенно развернуться. А послѣ того, какъ я дѣлаю попытку упасть ницъ къ ея ногамъ (проклятые коренья рѣшительно не хотѣли выпускать моихъ башмаковъ, увы, сохранившихъ лишь одну идею обуви, но приэтомъ и каблуки), эта ручка начинаетъ протягиваться мнѣ въ болѣе серьезныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, измѣна моего молодого друга меня нисколько не огорчаетъ. Скалистую прогалину прохожу съ неожиданною легкостью. Дѣло въ томъ, что вмѣсто того, чтобы брать приступомъ эти скалы, какъ это мы дѣлали утромъ, моя руководительница усваиваетъ систему обходныхъ маршей. Грацiозно скользя между этими громадами, она и меня увлекаетъ за собою, гдѣ нужно, помогая своею маленькою, но сильною ручкою. Опять лѣсная тропа, затѣмъ почти отвѣсный каменный спускъ, гдѣ я иду, опираясь на плечо проводницы, и мы въ ложбинѣ, по которой журчитъ вздувшiйся отъ дождя ручеекъ, а за нимъ, на пригоркѣ, изъ дверей хижины привѣтливо льется свѣтъ. Факелы погашены и мы поднимаемся къ хижинѣ. Мы сошли съ пути Папы и всѣ трудности и опасности остались позади насъ. Часы показываютъ восемь; спускъ

занялъ безъ малаго шесть часовъ, вмѣсто четырехъ часовъ подъема, а всего съ пребываніемъ на вершинѣ мы пробыли во власти первобытной дикой природы десять съ половиною часовъ.

Въ хижинѣ встрѣчаетъ меня хозяйка. Сѣдина въ волосахъ, сравнительно длинный (до колѣнъ) передникъ, нагрудникъ, все обнаруживаетъ немолодой возрастъ, но привѣтливое лицо моложаво, глаза свѣтятся жизнью, фигура отличается увѣренностью и достоинствомъ. Она ласково приглашаетъ меня къ очагу, у котораго уже сидитъ К. и къ которому одна изъ молодыхъ хозяекъ пододвигаетъ мнѣ табуретъ, тогда какъ другая уже подноситъ горячую воду и бананы. Отвѣдавъ банана, мнѣ, однако, дурно, и нѣсколько глотковъ холодной воды нужно, чтобы отогнать дурноту. Утомленный организмъ не принимаетъ пищи. Любезная хозяйка предлагаетъ переночевать, но надо спѣшить къ утреннему поѣзду. Завтра изъ Коломбо отходитъ нашъ пароходъ. Справившись, что М. благополучно засвѣтло прошелъ мимо хижины, мы прощаемся съ добрыми хозяевами. Молодой хозяинъ зажигаетъ фонарь, чтобы проводить насъ до экипажа; остальные выходятъ изъ хижины и провожаютъ насъ улыбками, поклонами и добрыми пожеланіями...

Не могу иначе, какъ съ сердечною признательностью вспоминать этихъ добрыхъ, простыхъ людей, съ такою радушною заботою встрѣтившихъ невѣдомыхъ случайныхъ чужеземцевъ... И съ заботою, совершенно безкорыстною, потому что мнѣ надо было прибѣгнуть ко всему краснорѣчію проводника, чтобы хозяйка согласилась принять нѣкоторое серебряное вознагражденіе за бананы, горячую воду, факелы и хлопоты. Не могу не пожелать имъ отъ всего сердца, имъ и всему симпатичному привѣтливому сингалезскому народу, всякихъ благъ земныхъ и, главнѣе всего, сохранить неприкосновеннымъ и этотъ гостепріимный собственный очагъ, и эту трудовую ниву, политую потомъ тысячъ поколѣній, и эти чистые наивные семейные нравы, и эту экономическую независимость самостоятельнаго хозяина, покуда поддерживаемую тысячелѣтіями сложившеюся

крѣпкою народно-общинною организаціей... Со всѣхъ сторонъ атакованы уже эти драгоцѣнныя блага. Красныя крыши рабочихъ казармъ уже зовутъ сингалеза отъ домашняго очага, зовутъ покуда, а скоро и погонятъ... Могучая, вооруженная знаніемъ и капиталомъ культура англійскаго плантатора сдавливаетъ все тѣснѣе кольцомъ своимъ древнюю культуру сингалеза... Европейскій капитализмъ посягаетъ на экономическую независимость; европейское растлѣніе жадныхъ искателей наживы, устремляющихся въ колоніи, подкапывается подъ чистоту нравовъ, спрашивая на рынкѣ и красоту, и невинность, и эту цѣломудренную наготу неиспорченной расы... Со всѣхъ сторонъ атакованъ старый строй, но покуда онъ на всѣ стороны отбивается отъ сомнительныхъ даровъ европейской цивилизаціи. На долго-ли хватитъ силъ въ этой неравной борьбѣ?.. Можно надѣяться, однако, что силъ этихъ хватитъ до того срока, когда и сама Европа пойметъ вредъ и неправду созданной ею плутократіи, пойметъ и отмѣнитъ ее и у себя, и у зависимыхъ отъ нея народовъ! Отъ всей души желаю вамъ, мои радушные хозяева, благополучно дожить до этого срока. Прощайте, добрые люди, и примите мою искреннюю признательность за ваши безкорыстныя услуги, за вашъ привѣтъ и ласку.

Такъ кончилось наше восхожденіе на Адамову Гору. Оно было предпринято при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ сезонъ тропическихъ дождей, при весьма скудныхъ свѣдѣніяхъ о ея способахъ. Тѣмъ не менѣе, объ этомъ эпизодѣ нашего путешествія, вѣроятно, не пожалѣетъ никто изъ насъ.

XXXIII.

ПРОЩАЛЬНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЦЕЙЛОНА.

Ночью пѣшеходной тропой.—Экипажный путь и экипажныя бесѣды.—Ночлегъ.—Обратнымъ поѣздомъ.—Рынокъ на кораблѣ.—Отходъ.

Восхожденіе кончено. Мы сошли съ Адамова пути. Передъ нами путь по культурной странѣ. Это, конечно, правда, но ликвидація длиннаго счета, оставленнаго уже совершеннымъ дѣломъ, еще предстоитъ тяжелою задачею измученному и утомленному тѣлу. Въ половинѣ девятаго мы оставляемъ радушныхъ сингалезовъ и, сопровождаемые сыномъ хозяина, освѣщающаго дорогу фонаремъ, двигаемся въ путь пѣшеходною тропою. Предстоитъ пройти около восьми верстъ по каменистой тропѣ, по холмамъ и лощинамъ, черезъ вздувшіяся рѣчонки и потоки. Фонарь и нуженъ преимущественно при переходѣ потоковъ въ бродъ. Впереди идетъ молодой сингалезъ съ фонаремъ; затѣмъ, порою рядомъ, порою гуськомъ, К. и я; замыкаетъ шествіе проводникъ. Идемъ сначала молча. Усталость не располагаетъ къ разговорчивости. Идемъ не спѣша. Кругомъ непроглядная тьма обступаетъ насъ черными стѣнами, какъ бы двигающимися вмѣстѣ съ нами. Небо опять заволокло тучами. Звѣздъ не видно и, чего добраго, опять польетъ дождь. Впрочемъ, просвѣщенные путешественники должны быть къ этому готовы: теперь дождливое время года. Что касается меня, я оказываюсь на высотѣ задачи и чувствую себя совершенно готовымъ къ новому ливню. На мнѣ все равно нѣтъ

нитки сухой. Я одѣтъ по европейски, въ суконномъ платьѣ и триковомъ пальто. Все это напитано, какъ хорошая губка. Что можетъ прибавить къ этому самый тропическій ливень? Очевидно, ровно ничего... Поэтому, я совершенно равнодушенъ къ угрозамъ небесъ и не раздѣляю опасеній моего товарища, одѣтаго въ легкомысленную парусину, уже просохшую на вѣтрѣ. Онъ со вниманіемъ выбираетъ переходы черезъ рѣчонки и потоки; я же бреду, пренебрегая ихъ глубиною. Онъ опасается ненастья и хочетъ прибавить шагъ; я же презираю стихіи и нахожу, что спѣшить рѣшительно некуда... И въ самомъ дѣлѣ, что значитъ выиграть полчаса въ сравненіи не только съ вѣчностью, но даже съ моею водяною одеждою?

Прошли сильно поднявшуюся рѣчку, которую такъ весело переходили утромъ и которая, надо полагать, есть продолженіе Адамова потока. Лѣсъ, справа на крутизнахъ подходящій на короткое время къ тропинкѣ, освѣщенный снизу нашимъ огнемъ, кажется какимъ-то уходящимъ въ черное небо косматымъ чудовищемъ.

Дальше идемъ между плантаціями. Въ усадьбахъ кое-гдѣ видны огни. Въ другихъ уже погашены. Тихо и темно. Многія тропинки разбѣгаются въ разныя стороны между плантаціями... Всѣ точь въ точь такія же, какъ и та, по которой мы бредемъ. Вспоминаю сбѣжавшаго М. и размышляю на тему, съумѣлъ ли онъ одинъ здѣсь оріентироваться?

— Какъ вы думаете, не могъ ли здѣсь заблудиться нашъ М.?

— Чего добраго, но тутъ кругомъ плантаціи и усадьбы. Ему укажутъ дорогу...

— Но вѣдь онъ ни слова не разумѣетъ по англійски и, кажется, не знаетъ названія того урочища, гдѣ мы оставили экипажъ... Конечно, онъ не пропадетъ здѣсь, но искать его придется намъ...

— Но въ такомъ случаѣ намъ придется остаться до завтра!

— Конечно, придется.

— А пароходъ?

Идемъ нѣкоторое время молча. Перспектива опоздать на пароходъ не утѣшительна. К. снова предлагаетъ ускорить движеніе, чтобы узнать нашу участь. Я ему представляю, что это совершенно безполезно. Выиграемъ двадцать минутъ, которыя все равно ни на что не употребимъ. Поиски можно будетъ начать лишь завтра. Продолжительное молчаніе. Дорога кажется безконечною. «М. проходилъ здѣсь днемъ и ему было легче оріентироваться». Это соображеніе насъ успокаиваетъ на время, но тревога возобновляется, когда мы соображаемъ, что М. могъ предположить, что мы заночевали на вершинѣ. Въ такомъ случаѣ, онъ могъ уѣхать въ Гаттонъ и прислать за нами къ утру. К. снова требуетъ поспѣшить, но я снова нахожу, что или М. заблудился, или насъ ждетъ, или уже уѣхалъ и появленіе наше десятью минутами раньше ровно ничего не измѣнитъ. К., однако, настолько волнуется, что, освѣдомившись у проводника о дорогѣ, уходитъ впередъ. Черезъ полчаса и мы начинаемъ спускаться къ уже извѣстному струнному мосту. М. выходитъ ко мнѣ на встрѣчу. Онъ не заблудился, засвѣтло пришелъ къ экипажу, здѣсь закусилъ сандвичами и курицей, выпилъ пива и мирно уснулъ. Лишь приходъ К. его разбудилъ. Лошадей уже запрягаютъ...

— Нѣтъ ли здѣсь брода?—говоритъ М.,—а то этотъ проклятый мостъ на струнахъ: чего добраго, провалишься...

— Что вы, вѣдь мы еще не начали разсказывать о нашемъ путешествіи!

И мы благополучно, поочередно, проходимъ по пружинамъ оригинальнаго британскаго учрежденія. Въ половинѣ одиннадцатаго мы садимся въ карету. Мы шли со скоростью около четырехъ верстъ въ часъ, т. е. со скоростью обыкновеннаго походнаго марша. Для усталыхъ пѣшеходовъ, бредущихъ съ утра и ничего не ѣвшихъ втеченіе всего дня, это, право, не дурно и я еще болѣе убѣждаюсь, что К. напрасно волновался и спѣшилъ. Онъ не выигралъ даже столько времени, чтобы до моего прихода успѣли запречь карету. Кони, наконецъ, запряжены; фонари зажжены; кондукторъ неистово трубитъ, возвѣщая о нашемъ торжествѣ, и мы трогаемся среди мрака и тишины, насъ объемлющихъ со всѣхъ сторонъ.

Сначала я полагаю заснуть, но это мнѣ не удается. Не на что опереться, а потомъ становится холодно. Напитанная водою губка, въ которую я заключенъ, при довольно сильномъ вѣтрѣ и вентиляціонномъ устройствѣ экипажа, порождаетъ этотъ холодъ. Сначала это пріятно во всѣхъ отношеніяхъ; черезъ полчаса это просто пріятно; черезъ часъ это становится непріятно; черезъ полтора—непріятно во всѣхъ отношеніяхъ; черезъ два я нахожу, что просто зябну, а черезъ два съ половиною, что зябну во всѣхъ отношеніяхъ. Именно въ это время мы останавливаемся у дверей гаттонской гостинницы. Это разнообразіе субъективной температуры (если позволено будетъ такъ выразиться) не одно утѣшаетъ меня во время двухъ съ половиною часовъ нашей ночной поѣздки. Благоуханіе, распространяемое древесными датурами и какъ бы клубящееся въ этой теплой, густой тьмѣ,—порою дѣйствуетъ на нервы до головокруженія. Датуры пахнутъ преимущественно по ночамъ. Дремота тоже очень утѣшительна, но особенно обрывки бесѣды между К. и проводникомъ, которые доходятъ до моего слуха среди полугрезъ моего полусна. Приэтомъ оба собесѣдника полагаютъ, что они говорятъ по англійски.

— Что за прекрасная страна вашъ островъ,—говоритъ К. проводнику,—великолѣпная природа, плодородная почва, сколько повсюду богатства!

К. говоритъ на эту тему долго и краснорѣчиво, все о Цейлонѣ. Слушатель понимаетъ по своему.

— О, да,—отзывается проводникъ,—кто же не знаетъ, что Россія самая богатая и могущественная страна въ мірѣ!.. Объ этомъ даже въ нашихъ далекихъ горахъ мы кое-что слыхали...

Я пробуждаюсь и смотрю съ любопытствомъ на К., что-то онъ скажетъ на эту блистательную реплику сингалеза?

— Конечно, Россія страна сильная, но... но у насъ бываетъ холодно...

Проводникъ слушаетъ и, вѣроятно, соображаетъ, въ чемъ выгода этого новаго достоинства легендарной державы.

— Такъ холодно,—продолжаетъ К.,—что вода замерзаетъ, дѣлается льдомъ!

Теперь проводникъ сразу сообразилъ.

— Да, я былъ въ Кенди,—говоритъ онъ съ радостью человѣка, наконецъ рѣшившаго трудную задачу.—Да, я былъ въ Кенди и тамъ видѣлъ ледъ. Это очень хорошая вещь и дорогая; а въ Россіи его много?!

Я смѣюсь. К. умолкаетъ, нѣсколько сконфуженный неожиданнымъ оборотомъ бесѣды. Проводнику, однако, хочется, повидимому, продолжать разговоръ о Россіи. Онъ повторяетъ, что это самая могучая и богатая держава на землѣ. «И самая справедливая», прибавляетъ онъ, «говорятъ, тамъ не обижаютъ бѣдныхъ людей, тамъ простому народу живется хорошо». Мы молчимъ. Умолкаетъ и старый сингалезъ.

— Представьте себѣ,—говоритъ К. по русски, обращаясь ко мнѣ,—эту самую легенду о могуществѣ и справедливости русской державы слышалъ я и на Явѣ, отъ малайцевъ самыхъ глухихъ деревушекъ центральной части острова! Откуда только она заносится?

Въ самомъ дѣлѣ, откуда? Не указываютъ ли эти легенды на великую историческую отвѣтственность? Въ насъ вѣрятъ эти далекіе народы, на насъ смотрятъ, отъ насъ ждутъ... Дождутся ли? «Спитъ, словно мертвая, Русь недвижимая, а загорѣлась въ ней искра незримая! Встала не бужена, вышла — непрошена... Рать подымается неисчислимая! Сила въ ней скажется несокрушимая!» И въ эту рать, и въ эту силу и вѣрятъ обиженные народы... Жаль только, читатель: «жить въ эту пору прекрасную ужь не придется ни мнѣ, ни тебѣ». Отъ насъ, однако, читатель, до нѣкоторой степени зависитъ, чтобы эта пора не была лишь благородною иллюзіей русскаго поэта.

Ѣдемъ долго молча. Я дремлю. Полугрезы, полудумы уносятъ далеко туда, гдѣ «спитъ словно мертвая Русь недвижимая» и куда послѣ двухлѣтней разлуки рвется сердце... Начинаю сильнѣе зябнуть на высотѣ, обвѣваемой вѣтромъ и начинаю снова слышать ухомъ обрывки возобновившейся бесѣды между неугомоннымъ К. и любознательнымъ сингалезомъ. Сначала это неинтересно. К., хотя и ботаникъ, интересуется сингалезскимъ языкомъ. Проводникъ сообщаетъ сингалезскія слова. Ему помогаетъ и кучеръ, тоже знающій нѣсколько англійскихъ словъ, повидимому даже немного больше проводника. Моему ученому товарищу очень хочется, чтобы огонь по сингалезски непремѣнно назывался «агни» (санскритское названіе огня). Сингалезы почему-то не хотятъ удовлетворить этого скромнаго желанія русскаго путешественника. Они называютъ совершенно другіе звуки. Подъ эти филологическія бесѣды я снова забываюсь на короткое время.

— Откуда вы научились такъ хорошо говорить по англійски?—слышу слова К., обращенныя къ проводнику.

Я мгновенно просыпаюсь и приготовляюсь оборонять моего неосторожнаго соотечественника отъ послѣдствій такого явнаго оскорбленія, такого смѣлаго глумленія надъ почтеннымъ старикомъ... Оказывается, однако, что сингалезъ доволенъ комплиментомъ и объясняетъ, что онъ одно время занимался торговлею и въ это время научился языку. Онъ тоже посѣщалъ и школу. К., повидимому, тоже вполнѣ доволенъ своимъ собесѣдникомъ и его языкомъ. Я успокаиваюсь и болѣе не вслушиваюсь въ назидательную бесѣду. Въ часъ ночи мы всходимъ по лѣстницѣ гаттонскаго отеля.

Внимательный хозяинъ отеля изготовилъ къ нашему возвращенію цѣлый обѣдъ, но мы отлагаемъ его до завтра и спѣшимъ къ своимъ постелямъ. Я долженъ сдать слугѣ сингалезу все свое одѣяніе, платье, бѣлье, обувь, потому что все полно воды.

Я ему объясняю, что все это надо просушить къ утру и полагаю, что съумѣлъ объяснить мою мысль вполнѣ удовлетворительно. Слуга раздѣляетъ мое мнѣніе и полагаетъ съ своей стороны, что вполнѣ удовлетворительно меня понялъ: yes, sir! говоритъ онъ совершенно серьезно въ то время, какъ я въ костюмѣ Адама бросаюсь въ постель, укутываюсь въ одѣяло и мгновенно засыпаю мертвымъ сномъ. Испытавъ Адамовы пути, не естественно ли испытать и Адамовъ костюмъ? Тогда меня это нисколько не интересовало, однако...

Въ шесть часовъ утра, вмѣстѣ съ первыми солнечными лучами, вслѣдъ за первыми призывами зари, я просыпаюсь и звоню слугу. Черезъ полтора часа отходитъ поѣздъ. Нельзя мѣшкать. Является слуга съ моими одеждами, увы, столь же полными воды, какъ и вчера! При малѣйшемъ давленіи вода течетъ изъ нихъ струями. Вчера мы оба ошиблись, когда полагали, что взаимно понимаемъ. Я такъ же хорошо объяснялъ, какъ онъ хорошо понималъ, и въ этомъ отношеніи была между нами дѣйствительно полная взаимность. Сегодня это намъ удается лучше. Яркое солнце и свѣжій вѣтеръ должны помочь намъ. Покуда же я драпируюсь полотенцами и простынями. Въ этомъ оригинальномъ костюмѣ итальянскій герцогъ и входитъ въ салонъ, съ жадностью истребляетъ вчерашній обѣдъ, пьетъ пиво и чай и ожидаетъ своего жалкаго костюма. Башмаки, однако, пришлось совершенно бросить и купить мѣстные, дважды подкованые, подъ пяткою и подъ носкомъ.

Едва успѣвъ надѣть кое какъ просохшую одежду, едва успѣваю вскочить въ поѣздъ. У меня обратный билетъ перваго класса, но блистательное состояніе моего костюма заставляетъ избрать купэ второго класса. Я бы охотно забрался и въ третій классъ, да въ англійскихъ колоніяхъ не принято, чтобы европеецъ садился въ третій классъ. За то туземецъ не смѣетъ сѣсть въ первый или во второй классъ. Французскій путешественникъ Лебонъ, съ ученою цѣлью посѣтившій Индію, разсказываетъ, какъ однажды индуса, осмѣлившагося сѣсть въ первый классъ,

вошедшій пассажиръ-англичанинъ вывелъ изъ вагона за ухо! Индусъ былъ англійскимъ чиновникомъ и получилъ европейское образованіе. Ученый французъ говоритъ объ этомъ весьма одобрительно и очень сожалѣетъ, что французы въ своихъ колоніяхъ держатся иной системы... Подобныхъ сценъ я не видалъ, но раздѣленіе поѣздной публики на европейскихъ пассажировъ I и II класса и туземныхъ III класса могу удостовѣрить собственнымъ наблюденіемъ.

Въ этотъ же день, 16 ноября, около трехъ часовъ дня, мы уже всходимъ по трапу нашего «Петербурга». Предполагается отходъ вечеромъ, а покуда палуба корабля представляетъ, какъ всегда въ портахъ, цѣлый своеобразный туземный рынокъ. Я говорилъ уже о подобныхъ же базарахъ, въ Нагасакахъ и Сингапурѣ. Скажу нѣсколько словъ и о Цейлонѣ. Фрукты—тѣ же, что въ Сингапурѣ. Ананасы только немного похуже и подороже. Бананы, кокосы, апельсины, папельмусы—такіе же и въ той же цѣнѣ. Мангустановъ меньше. Тропическихъ животныхъ въ продажѣ вовсе нѣтъ, какъ нѣтъ ни коралловъ, ни раковинъ—все это спеціальность Сингапура. Спеціальность Цейлона—издѣлія изъ слоновой кости и чернаго дерева, но особенно драгоцѣнные каменья. Продавцевъ этихъ каменьевъ толпится много на кораблѣ. На этотъ товаръ всегда находится много покупателей. Повидимому, болѣе всего спрашивается сафиръ. Нѣсколько экземпляровъ я видѣлъ поистинѣ чудесныхъ. Они не дешевы. Были сдѣлки по пяти, шести, и даже десяти фунтовъ штука. Одинъ пассажиръ, купившій нѣсколько такихъ сафировъ, разсказываетъ, что какъ то другимъ рейсомъ онъ купилъ два такихъ же сафира по пяти фунтовъ штука, а въ Москвѣ ювелиру продалъ по полтораста рублей! Это втрое, но не знатокъ рискуетъ и ошибиться. Сафиры предлагались все граненые и шлифованные, рубины же приносили и въ первобытномъ видѣ. Такіе сравнительно дешевы. Одинъ продавецъ мнѣ предлагалъ горсть не шлифованныхъ рубиновъ за фунтъ! Вы рискуете, правда, что при шлифовкѣ не найдется ни одного

драгоцѣннаго, но можете и баснословно выручить... Эта покупка своего рода азартная игра. Я не соблазнился, однако, оною горстью рубиновъ.

Вечеромъ 16 ноября мы не отошли. Машина опять не дала хода. Жестоко раненая ураганомъ, она была кое какъ залечена въ Сингапурѣ, но раны открылись и въ Коломбо пришлось опять лечить. Опять кое какъ замазали и, наконецъ, вечеромъ 17 ноября двинулись въ дальнѣйшій путь. Въ вечернемъ мракѣ скоро исчезъ изъ виду Цейлонъ и мы снова закачались въ открытомъ океанѣ.

XXXIV.

ТРОПИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ И ТРОПИЧЕСКАЯ ПУСТЫНЯ.

Типы природы.—Типы тропическаго океана.—Океаны Великій и Индійскій.—Девятидневный переходъ отъ Коломбо до Перима.—Видъ Перима.—Перимскія впечатлѣнія 1891 г.—Прогулка 1892 года.

Природа нашего земного міра, при всемъ своемъ безконечномъ разнообразіи, можетъ быть удобно представляема въ нѣсколькихъ определенно разграниченныхъ и характеристичныхъ типахъ. Типы полярный, умѣренный и тропическій, континентальный и морской являются наиболѣе признанными и легче всего уловимыми физико-географическими группами. Изъ нихъ, напр., континентальный заключаетъ въ себѣ и полярную, и умѣренную, и тропическую природу, какъ съ другой стороны, напримѣръ, тропическій типъ заключаетъ въ себѣ страны и съ континентальнымъ, и съ морскимъ климатомъ. Обѣ группировки какъ бы взаимно пересѣкаются перпендикулярными линіями, давая шесть группъ или типовъ земной природы, но и кромѣ этихъ двухъ группировокъ можно указать, между другими прочими, еще и третью, столь же независимую, столь же объемлющую внутри своихъ типовъ всѣ шесть вышеуказанныхъ типовъ и столь же заключенную со всѣми своими типами внутри каждаго изъ шести. Въ пейзажѣ страны можетъ преобладать живая природа органическаго міра или инертная неорганическая природа; въ послѣднемъ случаѣ—вода или суша. Угрюмыя, никогда не забываемыя картины кедровыхъ и еловыхъ урмановъ

Сѣверной Сибири, перемежающихся съ полянами травяныхъ болотъ; безжизненная тундра, порою замѣняющая травяныя болота и все шире раскидывающаяся по мѣрѣ движенія къ сѣверу; и омывающій эту пустыню Ледовитый океанъ—представляютъ эти три типа въ холодномъ поясѣ. Но каждый изъ этихъ типовъ имѣетъ своихъ представителей и въ другихъ полосахъ. Дубравы и буковые лѣса, чередующіеся съ травяными степями, преріями или пампасами въ умѣренномъ поясѣ, какъ первобытные дѣвственные лѣса, а порою и первобытныя травяныя степи тропическія (африканскія въ области экваторіальныхъ озеръ и американскіе ліаносы) соединяются съ сибирскими урманами и травяными болотами въ одинъ типъ природы съ ярко выраженною органическою жизнью. Этотъ типъ, какъ онъ проявляется подъ тропиками (при морскомъ климатѣ), я старался показать читателю въ моихъ путевыхъ замѣткахъ о Цейлонѣ и Малайскомъ Архипелагѣ.

Вечеромъ 17 ноября мы покинули, какъ уже извѣстно читателю, привѣтливыя пристани благодатнаго Цейлона, и тропическій океанъ принялъ насъ на свои широкія волны. Именно «широкія»... Покуда я не освоился съ океаномъ, я долго не могъ понять, почему насъ покачиваетъ при совершенно тихой, какъ мнѣ казалось, зеркальной водяной поверхности. Это была старая зыбь уже улегшагося волненія. Волна относительно не высока, но такъ широка, что глазъ, привыкшій, для опредѣленія волненія, обнимать гораздо менѣе значительное пространство, не замѣчалъ этихъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга водяныхъ долинъ, раздѣляющихъ тихо подвигающіяся плоскія широкія волны. Послѣ къ этому такъ привыкаешь, что, выйдя снова изъ океана, съ неудовольствіемъ даже видишь короткую волну внутреннихъ морей. Покинувъ океанъ, вскорѣ намъ пришлось выдержать втеченіе двухъ сутокъ (5 и 6 дек. 1892 г.) довольно сильный встрѣчный штормъ въ Средиземномъ морѣ; но я, умудренный океаническою опытностью, безъ всякаго даже уваженія взиралъ на эти яростныя, но, увы, короткія волны

гнѣвнаго моря. Въ сущности, однако, штормъ въ Средиземномъ или Черномъ морѣ никакъ не менѣе опасенъ, нежели въ океанѣ, да впечатлѣніе какое-то укороченное. Это все равно, что, насмотрѣвшись на Монбланъ или Эльборусъ, потомъ созерцать грандіозность Парнасса въ Парголовѣ, но и съ парголовской горки можно расшибиться, какъ можно потонуть не только въ Средиземномъ морѣ, но, при нарочитомъ умѣніи, и въ дождевой лужѣ.

Съ 23 марта по 9 апрѣля 1891 года и вторично съ 6 ноября по 26 ноября 1892 года, я дважды прорѣзалъ Индійскій океанъ во всю его ширину, но оба раза рейсы пришлись на спокойные промежутки между муссонами, когда этотъ вообще крайне безпокойный великанъ отдыхаетъ отъ тревогъ и яростной борьбы стихій, наполняющей остальное время его безсмертной жизни. Юго-западные муссоны, дующіе здѣсь втеченіе цѣлаго лѣта, достигаютъ безъ перерыва, мѣсяцы подърядъ, силы шторма. Сѣверо-восточные муссоны (зимніе) — нѣсколько слабѣе. Мы не испытали ни тѣхъ, ни другихъ. Только широкія, плоскія, медленныя, какъ бы увѣренныя въ себѣ волны напоминали намъ о неизмѣримомъ могуществѣ отдыхающаго океана, да одинъ за другимъ (кратковременными, но какъ бы играющими своею мощью натисками) набѣгающіе шквалы даютъ понятіе объ этой силѣ, когда не игривая рѣзвость, а гнѣвъ ополчитъ ее на бой и борьбу. По счастью, намъ не пришлось выдержать этой борьбы въ Индійскомъ океанѣ. Довольно съ насъ, что Великій океанъ послалъ намъ это испытаніе въ полной и даже излишней мѣрѣ. Спокойный отдыхъ Индійскаго океана ни мало не походилъ на эту капризную измѣнчивость Великаго океана, то застывавшаго въ мертвомъ оцѣпенѣніи штиля, то хмурившагося угрозами шторма, то развертывавшаго всю свою силу въ гнѣвѣ урагана. И наружность океановъ не совсѣмъ одинаковая. Зеленовато-голубой цвѣтъ волны Великаго океана ближе къ черноморской, какъ въ Индійскомъ океанѣ ближе къ темно-синей средиземной Волны были неодинаковыя

и по величинѣ, и по ширинѣ, и по формѣ. Въ Великомъ океанѣ все было грандіознѣе и необычнѣе, но сравненіе неудобно, потому что погода, сопровождавшая меня оба проѣзда по Тихому океану, была совсѣмъ иная, нежели та, которая насъ ласкаетъ въ Индійскомъ океанѣ. Видимая жизнь обоихъ океановъ мало отличается. Тѣ же фонтаны китовъ и кашалотовъ, тѣ же рѣзвыя стада дельфиновъ и темныя спины акулъ, то же обиліе летучихъ рыбъ, спугиваемыхъ ходомъ судна, и та же яркая фосфоресценція, зеленовато-желтымъ цвѣтомъ озаряющая ночью слѣдъ корабля. Въ Великомъ океанѣ я видѣлъ въ открытомъ морѣ, на сотни миль отъ берега, морскихъ птицъ, красивыхъ альбатросовъ, ихъ близнецовъ-фрегатовъ, маленькихъ штормовокъ, чего въ Индійскомъ океанѣ не встрѣчаю, какъ не видѣлъ и въ первое его посѣщеніе; но это различіе тоже могло быть обязано преимущественно различію погоды при прохожденіи двухъ океановъ. Все это любители бурь, эти морскія пернатыя...

Океанъ въ другихъ поясахъ, кромѣ тропическаго (и частью подтропическаго), мнѣ не случалось наблюдать, но, сравнивая съ внутренними морями умѣреннаго пояса (Черное, Балтійское, Средиземное, Японское), нельзя не остановиться на регулярности морскихъ явленій подъ тропиками сравнительно съ такими же явленіями умѣреннаго пояса. Я многіе годы провелъ на берегу Чернаго моря, живалъ и на берегахъ Балтійскаго и Японскаго морей, проходилъ Средиземное, Эгейское, Мраморное, но только на берегахъ Малайскаго архипелага и Цейлона, въ водахъ Великаго и Индійскаго океановъ я могъ, напримѣръ, вполнѣ оцѣнить ярко выраженную непрерывную смѣняемость дневныхъ и ночныхъ бризовъ. Муссоны въ ходѣ годичной погоды играютъ то же значеніе, что бризы въ движеніи суточной погоды. Пассаты — воплощеніе правильности и неизмѣнности. Сами шквалы, при всей своей капризности, подчинены гораздо болѣе постоянной и правильной повторяемости, нежели въ моряхъ умѣреннаго пояса. Особенное впечатлѣніе этой уравновѣ-

шенности океанической жизни производитъ продолжительное прохожденіе Индійскаго океана. Втеченіе семнадцати дней перваго моего посѣщенія этого океана (тропическаго, по преимуществу) и втеченіе двадцати дней второго прохожденія, всѣ явленія морской жизни, шквалы, бризы, пассаты, характеръ волненія, приливы и отливы, смѣна свѣта и тепла, проявленія органической жизни, сама твердо сѣвшая въ сѣдло корабельная жизнь,— шли съ такою регулярною правильностью и неизмѣнною повторяемостью, что описаніе одного дня или даже общая характеристика достаточна для совершеннаго ознакомленія со всѣми пятью съ лишнимъ недѣлями нашего качанія на широкихъ волнахъ Индійскаго океана. Встрѣча съ какимъ либо судномъ составляетъ рѣдкое развлеченіе монотоннаго плаванія. Мелькнувшая издали Сокотора является единственнымъ берегомъ послѣ Цейлона и до Аравіи, которая вскрылась отъ насъ справа рано утромъ 27 ноября. Пустынные, блестящіе на восходящемъ солнцѣ утесы Гадрамаутскаго берега, повидимому, совершенно лишеннаго органической жизни, сопровождаютъ насъ нѣкоторое время довольно близко справа въ то время, какъ слѣва потомъ вскрываются болѣе отдаленные того же характера берега Африки. Аденъ проходимъ довольно близко въ седьмомъ часу утра. Можно различить простымъ глазомъ острова, прикрывающіе входъ на рейдъ, куда наши суда перестали заходить въ виду нерѣдкихъ здѣсь эпидемій, заставляющихъ послѣ того знаться съ карантинами. Однако, французскія, англійскія, итальянскія и германскія суда, почтовыя, пассажирскія и коммерческія, продолжаютъ посѣщать Аденъ. Не выяснено, эпидеміи-ли Адена болѣе опасны русскимъ судамъ, нежели иностраннымъ, или карантины Марсели, Бриндизи и Тріеста не такъ опасны мореходамъ, какъ карантины Одессы и Севастополя? Наши суда предпочитаютъ поэтому заходить въ Перимъ, пустынный англійскій островъ въ Бабъ-эль-Мандебскомъ проливѣ. Въ одиннадцатомъ часу дня онъ вскрывается передъ нами.

Узкій входъ въ бухту, обращенную въ сторону Индійскаго

океана; по обѣ стороны входа — плоскіе, медленно повышающіеся берега, лишенные растительности и темнѣющіе опаленными каменьями; налѣво отъ входа и далѣе по лѣвому (юго-западному) берегу бухты каменная, засыпанная углемъ пристань и немногія строенія острова; направо — высокіе бѣлые столбы, по которымъ мореходы должны опредѣлять свои движенія; еще правѣе и еще лѣвѣе берега заворачиваютъ и за ними виднѣются утесистыя возвышенности Аравіи и Африки. Входъ въ западный (африканскій) рукавъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива виденъ довольно ясно; восточный же, болѣе узкій, теряется въ сливающейся перспективѣ Перимскаго и Аравійскаго береговъ. Слѣжу взоромъ за очертаніемъ и пейзажемъ постепенно все яснѣе выступающей передо мною тропической пустыни и перебрасываюсь замѣчаніями съ сосѣдями...

— Чисто коралловое образованіе,—замѣчаетъ уже знакомый моимъ читателямъ натуралистъ К., вмѣстѣ со мною поднимавшійся на Адамовъ Пикъ на Цейлонѣ.

— Едва-ли,—отзываюсь я съ своей стороны. Мои впечатлѣнія береговъ восточнаго пролива, видѣннаго мною съ борта въ 1891 году, какъ-то не вяжутся съ «чисто коралловымъ» образованіемъ острова. Высокіе остроконечные утесы, изборожденные трещинами обрывы, сѣрый цвѣтъ каменныхъ громадъ, совершенно такъ же отливавшихъ на солнцѣ, какъ и скалы противуположнаго Аравійскаго берега,—вотъ что представляется мнѣ, когда я вспоминаю впечатлѣнія 1891 года при проходѣ по восточному рукаву Бабъ-эль-Мандебскаго пролива.

— Я прошелъ этою весною западнымъ проливомъ и картины здѣсь совершенно иныя, какъ и всей окрестности самого порта Перимскаго... Значитъ, надо теперь посѣтить восточный берегъ; времени, кажется, хватитъ.

Меня же, наоборотъ, интересуетъ осмотрѣть западную часть, которую, благодаря ночному времени, въ 1891 году мнѣ не удалось удовлетворительно даже увидѣть... Она-то теперь преимущественно и вскрывается передъ нами, какъ выше слегка

очерчена. Въ 1891 году я посѣтилъ Перимъ на пути изъ Краснаго моря. Мы прошли, какъ уже сказано, узкимъ восточнымъ (азіятскимъ) проливомъ въ виду англійскихъ баттарей и, быстро обогнувъ юго-восточный берегъ, вошли въ бухту, не имѣя ни времени, ни охоты охватывать однимъ взглядомъ общую панораму острова. Это была первая тропическая суша на нашемъ пути и входъ въ первый океанъ... Чувство ожиданія перваго свиданія съ тропиками и первой встрѣчи съ океаномъ наполняло сердце и заставляло вниманіе дробиться чуть не ради каждаго утеса, каждой волны, каждаго черномазаго мальчугана изъ цѣлой стаи высыпавшихъ намъ навстрѣчу челноковъ. Я живо помню этотъ первый свой шагъ подъ тропиками, первый жадный взглядъ на природу и человѣка и первыя смутныя впечатлѣнія. Это было передъ вечеромъ, если не ошибаюсь, 22 марта 1891 года. Взявъ лоцмана, мы осторожно входили въ бухту, озаренную косыми лучами солнца, уже спускавшагося къ пустыннымъ утесамъ Африки. Рѣзвыя голыя негритята сновали на своихъ челночкахъ вокругъ корабля, оглашая бухту криками «à la mer, à la mer» и ныряя за швыряемыми мелкими монетами. Никакъ не болѣе солидные, прикрытые, однако, поясомъ стыдливости, взрослые негры-сомали тоже окружали пароходъ, предлагая для покупки коллекціи коралловъ и разнообразные сорта рыбы, блестѣвшей серебромъ и золотомъ на днѣ ихъ лодокъ. Пустыя лодки ожидали желающихъ съѣхать на берегъ. Желающими, конечно, были всѣ или почти всѣ и, оглашая воздухъ какими-то криками, дикари быстро свезли насъ къ пристани навстрѣчу послѣднихъ лучей спустившагося на горизонтъ солнца.

Засыпанная угольною пылью пристань и такая же черная угольная дорожка вывели насъ къ двухэтажной тавернѣ слѣва отъ дорожки и бѣлому зданію опрѣснительнаго аппарата, расположенному справа отъ дорожки противъ таверны на берегу бухты. Перимъ почти лишенъ прѣсной воды и опрѣснитель совершенно необходимъ; здѣсь же, въ томъ же помѣщеніи, нахо-

дится и аппаратъ для изготовленія льда. Мы прошли мимо таверны и опрѣснителя, торопясь что нибудь увидѣть, но солнце спряталось за африканскіе утесы и сразу наступилъ མракъ безлунной тропической ночи. Дорожка шла въ гору, довольно пологую. Слѣва доносился прибой океана, справа была бухта. Несмотря на мракъ, наше общество (человѣкъ пятнадцать и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ) продолжало подниматься и скоро вступило въ сомалійскую деревушку. По обѣ стороны дорожки тѣснились маленькія остроконечныя лачужки сомалійцевъ, которые высыпали посмотрѣть на насъ, окружая насъ плотною толпою мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Большинство сомалійскихъ дамъ выбѣгали къ намъ въ костюмѣ любопытной прародительницы и, вѣроятно, именно это унаслѣдованное отъ Евы любопытство и было главною причиною маленькаго безпорядка дамскаго костюма. День былъ конченъ, хозяйки были уже нѣсколько дезабилье, по домашнему, и вдругъ мимо проходятъ невиданные русскіе варвары! Гдѣ уже тутъ подумать о поясѣ стыдливости? Кавалеры были въ этомъ отношеніи внимательнѣе къ своему костюму. Пройдя деревушку, мы вышли къ освѣщенному дому губернатора и повернули назадъ, еле различая путь въ совершенномъ мракѣ. Толпы сомалійцевъ сопровождали насъ до таверны, все возрастая, но не докучая намъ. Впрочемъ, быстро появившіеся въ красныхъ мундирахъ полисмены-сомалійцы изъ всѣхъ силъ старались охранять наше спокойствіе, ничѣмъ не нарушаемое, и нашу безопасность, никѣмъ не угрожаемую. Съ этою благородною цѣлью усердные полисмены не жалѣли ни своихъ палокъ, ни спинъ своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ, которыя, впрочемъ, относились довольно добродушно къ такому выполненію цивилизаторскаго долга и призванія ихъ одѣтыми земляками. Мы остановились передъ гостинницею выпить пива и лимонада, окруженные плотнымъ кольцомъ черныхъ тѣлъ и типическихъ негритянскихъ лицъ. Спѣтая русская пѣсня вызвала неописанный восторгъ, который нисколько не умѣрялся даже особенно усерднымъ

исполненіемъ полисменами ихъ культурныхъ обязанностей. Среди все того же мрака на сомалійскихъ челнокахъ мы вернулись на корабль и скоро отошли. Жалкіе дикари, эти бѣдныя дѣти скудной природы, какъ бы мелькнули передъ нами, и океанъ ласково обнялъ насъ, заблудившихся невѣдомо куда и зачѣмъ обитателей сѣверныхъ континентальныхъ лѣсовъ и степей. И вотъ снова, но уже утромъ, но уже искушенный знакомствомъ съ тропиками, я подхожу къ Periму и обнимаю взоромъ всю панораму дикаго и пустыннаго острова. Лоцманъ принятъ на бортъ и мы медленно входимъ въ бухту, гдѣ стоитъ всего одно англійское судно, разводя пары для отхода. Мы становимся за нимъ и приготовляемся принять необходимое количество угля, единственная цѣль посѣщенія этой обдѣленной страны.

Стою у борта и удивляюсь полному отсутствію какого либо оживленія бухты. Паровой катеръ англійскаго управленія подвезъ и отвезъ лоцмана, другой катеръ подбуксировалъ угольную баржу съ десяткомъ рабочихъ негровъ. Но ни негритятъ, охотящихся за монетами, ни столь же крикливыхъ и подвижныхъ продавцовъ рыбы и коралловъ, ни одной сомалійской ладьи для своза насъ на берегъ не видно у нашихъ бортовъ и нигдѣ не замѣтно на всей ясно озаренной полуденнымъ солнцемъ слегка волнующейся бухтѣ. Небольшой катеръ итальянца-коммиссіонера Добровольнаго Флота является единственнымъ способомъ сообщенія съ берегомъ и доставляетъ нашу небольшую компанію на пристань, столь же, какъ прежде, засыпанную каменно-угольною пылью. Время около полудня, отходъ назначенъ въ шесть часовъ и мы имѣемъ время осмотрѣть островъ нѣсколько внимательнѣе. Высадившійся съ нами г. К. стремится на восточный берегъ острова, имъ не осмотрѣнный весною 1892 г., въ первый проѣздъ острова. Западную же часть онъ тогда видѣлъ достаточно. Я не такъ счастливъ, потому что въ первый мой проѣздъ, весною 1891 года, я не могъ по случаю темноты осмотрѣть и западной части, на которой мы находимся. Поэтому мы разстаемся. Онъ съ проводникомъ, нанятымъ въ го-

стинницѣ, спускается направо къ бухтѣ, чтобы, обогнувъ ее, прорѣзать восточную часть и выйти къ проливу, отдѣляющему Аравію, а я, съ двумя спутниками, совершенно наоборотъ, сворачиваю налѣво къ берегу Индійскаго океана, мною сегодня покидаемаго, вѣроятно, навсегда. Мои спутники — г. И., чиновникъ, возвращающійся со службы въ Приморской Области, и г. М., молодой торговый человѣкъ, уже мною представленный читателямъ, когда онъ собирался было на Адамову Вершину, но затѣмъ оробѣлъ и обратился вспять. Сегодня онъ преисполненъ наилучшими намѣреніями и думаетъ не сробѣть...

XXXV.

НА КОРАЛЛОВОЙ АТОЛѢ.

> И путникъ усталый на Бога роптал̃ъ. Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ, въ пустынѣ блуждая... И зноемъ и пылью тягчимыя очи съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ.
>
> *А. Пушкинъ.*

Прогулка по берегу.—Кораллы и сухія рыбки.—Исчезнувшая деревня.—Губернаторская резиденція.—Общій видъ острова.—Органическая жизнь.—Ученые спеціалисты.

Невысокій и неширокій перешеекъ, отдѣляющій бухту отъ океана въ мѣстѣ расположенія таверны и опрѣснителя, прорѣзанъ хорошо разработанною пѣшеходною (или вьючною) дорожкою какъ разъ вдоль гребня. Болѣе крутой и короткій спускъ — направо къ бухтѣ. По болѣе длинному и пологому налѣво мы и двинулись къ океану, прибой котораго ясно слышенъ отъ таверны. Двое сомалійскихъ мальчугановъ робко слѣдуютъ за нами, пока мы спускаемся къ морскому берегу, заваленному загорѣлыми валунами, постоянно обдаваемыми морскою пѣною. Я эквилибрирую по этимъ валунамъ, охотясь между ними за кораллами, выброшенными океаническимъ прибоемъ. Сомалійскіе мальчуганы скоро замѣчаютъ мои намѣренія. Повидимому, они ихъ одобряютъ, потому что (сначала съ большою опаскою, потомъ смѣлѣе) подносятъ мнѣ добываемые ими тутъ же кораллы. Нѣсколько причудливыхъ бѣлыхъ экземпля-

ровъ мнѣ удается такимъ путемъ раздобыть, въ томъ числѣ одинъ даже розоватый. Это мнѣ стоитъ всего только промоченныхъ ногъ, такъ какъ Индійскій океанъ не раздѣляетъ мнѣнія сомалійскихъ ребятъ о моемъ предпріятіи и сердито обдаетъ меня волною, разъ, другой, пока я не уступаю его требованіямъ и не отхожу отъ него подальше. Кромѣ коралловъ, которыми набиты мои карманы, нѣсколько улитокъ и раковинъ свидѣтельствуютъ громко о моихъ «научныхъ трудахъ». Мы продолжаемъ брести вдоль берега къ западу, въ сторону Африки. Самый практическій изъ насъ и самый опытный, г. И., собираетъ какія-то мертвыя высохшія рыбешки, выброшенныя на валуны въ значительномъ количествѣ. Онъ увѣряетъ, будто высушенныя онѣ отлично замѣняютъ пемзу. Мальчуганы стараются содѣйствовать успѣху и этого новаго предпріятія, относясь къ нашимъ замысламъ съ радушіемъ хозяевъ и снисходительностью экспертовъ. Полчаса этой монотонной эквилибристики по валунамъ успѣваетъ, однако, наскучить. Къ тому же мы достигаемъ англійскихъ казармъ и не желаемъ, чтобы насъ приняли за любознательныхъ русскихъ, осматривающихъ воинскія сооруженія британцевъ. Говорятъ, такую любознательность иногда не одобряютъ. Возвращаемся тѣмъ же путемъ и невдалекѣ гостинницы выходимъ на главную продольную дорожку, по которой и сворачиваемъ внутрь острова. Справа, задумавшись, стоитъ дромадеръ, не обращая на насъ никакого вниманія, въ то время, какъ мы избираемъ направленіе, уже мною испытанное въ мартѣ 1891 года.

Сегодня дорожка ясно видна. Она медленно поднимается на возвышенность, на которой стоитъ губернаторскій домъ и почтово-телеграфная станція. Здѣсь, на этомъ разстояніи, въ 1891 году мы проходили черезъ сомалійскую деревушку, теперь исчезнувшую. Только небольшія пробранныя въ валунахъ (покрывающихъ всю поверхность острова) дорожки и очищенныя по ихъ сторонамъ площадки изъ-подъ хижинъ свидѣтельствуютъ, что тутъ было человѣческое поселеніе. Слѣва отъ дорожки остались двѣ хижины. Около одной стоитъ коза и возится въ пескѣ голая дѣвочка; изъ другой вышла женщина поглазѣть на насъ. Она щеголяетъ краснымъ передникомъ. Нѣсколько сомалійцевъ виднѣются въ разныхъ мѣстахъ на тропинкахъ съ ношами на головахъ. Куда же дѣлись всѣ эти лачужки, здѣсь тѣснившіяся полтора года тому назадъ? Куда пропали всѣ эти наивные дикари, окружавшіе тогда наше общество? Сочли-ли нужнымъ англійскіе владѣльцы очистить островъ отъ этихъ недисциплинированныхъ, хотя и мирныхъ туземцевъ, или какія-либо другія причины заставили ихъ покинуть родныя мѣста? На эти вопросы я не нашелъ отвѣта (да негдѣ было его и искать, такъ какъ съ англійскими господами острова мнѣ не случилось столкнуться), но мертвая тишина бухты, отсутствіе ныряющихъ ребятишекъ, продавцовъ рыбы и лодочниковъ становятся теперь вполнѣ понятны. Единственнаго поселенія на Перимѣ, которое мы видѣли еще въ 1891 году, мы не находимъ въ 1892 году. Оно кѣмъ-то и зачѣмъ-то выдворено.

Проходимъ губернаторскій домъ (слѣва отъ дорожки), около котораго виднѣется немного зелени. Въ 1891 году супруга губернатора съ гордостью показывала пару выращенныхъ ею огурцовъ. Тогда она присылала насъ приглашать къ себѣ, но прискнули на это не многіе. Я былъ не изъ ихъ числа. Правительница острова оказалась большою любительницею русской музыки и своимъ русскимъ гостямъ играла въ тропическихъ пустыняхъ Африки пьесы Глинки и Даргомыжскаго, сочиненныя на катарральныхъ берегахъ Невы. Это будетъ, пожалуй, удивительнѣе даже перимскихъ огурцовъ. Благополучно прослѣдовавъ мимо дремавшаго въ полуденномъ знoѣ губернаторскаго дома и пройдя телеграфную станцію, мы выходимъ на самый возвышенный гребень Перима, откуда открывается отлично строеніе острова.

Перимъ, какъ онъ отсюда вырисовывается, представляетъ собою типическую коралловую атолу, обращенную отверстіемъ на

юго-востокъ къ Аденскому заливу Индійскаго океана. Отсюда, отъ океана начинаются параллельно другъ друга, постепенно повышаясь и расширяясь, два коралловыхъ вала, между которыми блеститъ проливъ, долженствующій соединять внутреннюю лагуну атолы съ открытымъ моремъ. Лагуна, однако, обсохла и представляетъ круглую низменную площадь, покрытую бѣлымъ известковымъ пескомъ, тогда какъ соединительный проливъ и составляетъ нынѣ Перимскую бухту. Лагуна, какъ подковою, окружена равномѣрно высокимъ и равномѣрно широкимъ коралловымъ валомъ, очень полого спускающимся въ наружную сторону и значительно круче внутрь къ лагунѣ. Съ мѣста, откуда мы теперь обозрѣваемъ островъ, мы ясно видимъ берегъ океана, дугою очерчивающаго атолу съ юго-востока, юго-запада и запада. Противоположный берегъ острова, омываемый Краснымъ моремъ, закрытъ отъ насъ гребнемъ сѣверо-восточной стороны, возвышающейся за лагуною и бухтою. Этотъ типическій видъ коралловой атолы нѣсколько не вяжется у меня, какъ я уже упомянулъ, съ впечатлѣніями сѣверо-восточнаго берега, какъ я его видѣлъ въ 1891 году, проходя между Перимомъ и Аравіей. Мнѣ хочется провѣрить впечатлѣніе и я предлагаю пройти черезъ лагуну и подняться на противоположный гребень, отсюда представляющійся совершенно такого же характера, какъ и юго-западный, на которомъ мы стоимъ теперь.

Вся поверхность коралловой подковы Перима, за исключеніемъ низменной равнины бывшей лагуны, сплошь завалена круглыми небольшими (около 3 до 5 вершковъ въ діаметрѣ) валунами, до-черна опаленными солнцемъ и источенными дѣйствіемъ сухого вѣтра. Эта источенность однимъ вѣтромъ безъ содѣйствія осадковъ чрезвычайно любопытна, но еще интереснѣе загаръ камня. Мнѣ не случалось читать объясненія этого явленія, встрѣченнаго мною подъ тропиками, и на Цейлонскихъ Альпахъ, и здѣсь на Перимской низменности, среди условій, далеко не одинаковыхъ. Здѣсь, на Перимѣ, можно было бы,

пожалуй, объяснить многовѣковымъ морскимъ прибоемъ, смачивавшимъ валуны соленою влагою, обильною органическими существами и продуктами. Проникновеніе ими всѣхъ поръ камня, при непрерывномъ тропическомъ солнцепекѣ, быть можетъ, объяснило бы загаръ камня обугливаніемъ органическихъ остатковъ. Объясненіе это, однако, едва ли годится для скалъ Цейлонскихъ горъ. Валуны такою непрерывною грудою покрываютъ островъ, что прогулка была бы совсѣмъ мучительна, если бы англичане не расчистили всюду дорожки, которыя, подобно аллеямъ парка, изрѣзываютъ собою эту каменную пустыню нагроможденнаго булыжника. Одну изъ этихъ булыжныхъ аллей мы и выбираемъ, чтобы спуститься на песчаную равнину бывшей лагуны. Всматриваюсь въ окружающія груды, не промелькнетъ-ли между валунами зелень, какой-либо признакъ жизни? И всматриваюсь не тщетно. Одно за другимъ, хотя и изрѣдка, открываю маленькія растенія, выставляющія свои головки изъ булыжника. Нѣсколько видовъ и въ томъ числѣ нѣкоторые въ цвѣту удалось намъ собрать во время спуска. Маленькіе, но кудрявые, сочные экземпляры дарила намъ пустыня. До такой степени сочные, что, срывая, всегда получаете нѣсколько капель жидкости на рукахъ. Ниже, на днѣ лагуны, мы встрѣчаемъ другіе виды, до двухъ и трехъ четвертей высоты, еще болѣе сочные, съ жирными листьями, но особенное обиліе растительной влаги обнаруживаютъ найденные на противуположномъ склонѣ колючіе съ желтыми цвѣтами, но безъ листьевъ, древовидные до аршина высоты кустарники, изъ которыхъ при изломѣ млечно-бѣлый сокъ стекаетъ прямо струями. Потомъ г. К. мнѣ сообщилъ названія сорванныхъ мною видовъ, но отмѣчать ихъ здѣсь не мое дѣло. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ это, конечно, сдѣлаетъ самъ г. К. Онъ—ботаникъ для этого.

Любопытна, однако, эта растительность пустыни именно, какъ жизнь пустыни, жизнь, съумѣвшая преодолѣть самыя неблагопріятныя условія. Маленькій коралловый островокъ, ко-

нечно, лишенъ почвенной влаги. О росѣ здѣсь и понятія не имѣется, а въ случаѣ чего нибудь, вродѣ дождя, должны быть составляемы полицейскіе протоколы, какъ о преступномъ нарушеніи божественныхъ уставовъ и явномъ беззаконіи... И тѣмъ не менѣе упорное стремленіе къ жизни преодолѣваетъ все это и, вопреки «законамъ природы и науки», пробивается жирными сочными стеблями! Откуда же этотъ сокъ? «Мудрый Эдипъ, разрѣши».

Я не спроста заговорилъ о мудромъ Эдипѣ и разрѣшеніи этой совсѣмъ не хитрой загадки. Лѣтъ тому пятнадцать назадъ одинъ ученый спеціалистъ обнародовалъ изслѣдованіе о вліяніи лѣсовъ на климатъ и орошеніе страны. На основаніи «самыхъ точныхъ научныхъ данныхъ», г. спеціалистъ пришелъ къ заключенію, что лѣса ведутъ къ осушенію страны, въ которой произрастаютъ... Посудите сами: квадратный дюймъ листовой поверхности испаряетъ въ часъ количество влаги, большее, нежели квадратный дюймъ водяной поверхности при равныхъ условіяхъ, такъ что, если бы на квадратной верстѣ лѣса, сравнительно съ квадратной верстою сосѣдняго озера, вся листовая поверхность, суммированная вмѣстѣ, была бы равна площади озера, то и тогда бы лѣсъ испарялъ гораздо больше влаги, нежели озеро. Однако, если вычислить вѣроятную площадь листовой поверхности, то она будетъ гораздо больше... Не ясно ли, что лѣсъ служитъ самымъ могучимъ факторомъ осушенія страны? «Это научная аксіома!» Однако, г. ученый спеціалистъ, не объясните ли вы намъ, откуда перимскій молочайникъ беретъ свою обильную влагу, да притомъ еще и испаряетъ ее столь же обильно, «обильнѣе водяной поверхности»? Объ этой то не хитрой загадкѣ я и заговорилъ выше, предлагая ее мудрому Эдипу изъ спеціалистовъ. Если же оставить гг. спеціалистовъ въ ихъ кабинетахъ, то дѣло въ томъ, что растеніе не только испаряетъ, но и поглощаетъ влагу изъ воздуха, такъ что всѣ вычисленія г. спеціалиста были просто наивнымъ и никому не нужнымъ переливаніемъ изъ пустого

въ порожнее. И потому-то лѣсъ, хотя и испаряетъ массу влаги, является факторомъ орошенія страны, а не осушенія. Да и не только потому, но и по многимъ другимъ причинамъ, напр., потому что тепловую энергію атмосферы постоянно перерабатываетъ въ химическую энергію, постоянно понижая температуру и содѣйствуя осадкамъ. Или, напр., потому, что задерживаетъ стокъ осадковъ, постепенно орошая ими окружающія поля и т. д., и т. д. Но какое дѣло, напр., спеціалисту-агроному до вопроса о преобразованіи энергіи? Кажется, никакого, но потому то, что это кажется, и становятся возможными «научныя» программы, предлагающія истреблять лѣса съ цѣлью остановить осушеніе страны!

Заговоривши объ ученыхъ спеціалистахъ, не могу удержаться, чтобы не разсказать одинъ маленькій анекдотъ изъ моего путешествія. Случилось мнѣ въ обществѣ одного спеціалиста ѣхать въ экипажѣ по Коломбо на Цейлонѣ. Ѣду и смотрю по сторонамъ. Смотрю на пальмы, непрерывною бахромою развѣсившія свою листву въ воздухѣ, на разноцвѣтные кротоны, своею разнообразною листвою веселящіе зрѣніе; на журчащія по оросительнымъ каналамъ воды; на группы проходящихъ сингалезовъ и сингалезокъ, взрослыхъ и дѣтей. Смотрю на все это богатство красокъ и обиліе жизни и просто таки ничего не думаю и не размышляю, когда мой спутникъ удивляетъ меня вопросомъ, какимъ образомъ можно отличить среди этихъ сингалезскихъ людскихъ группъ женщинъ отъ мужчинъ... Извѣстно, что сингалезскія дамы не носятъ юбокъ, а сингалезскіе кавалеры обходятся безъ брюкъ, замѣняя (кавалеры почти всегда, а дамы очень часто) весь костюмъ поясомъ стыдливости, спускающимся приблизительно до колѣнъ. При такомъ, очевидно, недостаточно различающемся нарядѣ мужчинъ и женщинъ, мой ученый спутникъ очутился въ затруднительномъ положеніи... Я попробовалъ было въ шутку обратить его вниманіе на прическу, но онъ мнѣ серьезно возразилъ, что молодежь, кажется, не строго держится этого различія. Что же

теперь дѣлать? Дамы и дѣвицы юбокъ не носятъ, а дѣвицы вдобавокъ не всегда причесываются по-дамски; остаются антропологическіе признаки (ростъ, фигура, походка, голосъ и проч.), но мой ученый спутникъ—спеціалистъ по ботаникѣ, а не по антропологіи... Такъ онъ и остался съ недоумѣніемъ передъ хитрою загадкою. Конечно, это недоумѣніе дѣлаетъ только честь г. ботанику и никому не приноситъ вреда, но не всегда такія недоумѣнія гг. спеціалистовъ столь же безвредны... Истребленіе лѣсовъ, какъ средство противъ засухи,—такое недоумѣніе можетъ имѣть роковыя послѣдствія. Поэтому я всегда со страхомъ и трепетомъ взираю на вторженіе гг. спеціалистовъ въ область живой дѣйствительности изъ лабораторій и ученыхъ кабинетовъ. Хорошо, если спеціалистъ обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только и общимъ образованіемъ, но и тѣмъ стройнымъ и стойкимъ общимъ міровоззрѣніемъ, которое только одно можетъ дать точку зрѣнія. Словомъ, хорошо, если онъ похожъ, напримѣръ, на покойнаго А. Н. Энгельгардта... Такихъ намъ побольше бы. Однако, «оставимъ ученыхъ доказывать» и возвратимся на Перимъ, который мы забыли ради гг. ученыхъ спеціалистовъ, когда поднимались изъ лагуны на сѣверо-восточный валъ атолы.

XXXVI.

ЧТО ТАКОЕ ПЕРИМЪ?

Природа жаждущихъ степей
его въ день гнѣва породила.
А. Пушкинъ.

Строеніе Перима.—Коралловая отмель.—Выступы суши.—Трахитовый восткъ и коралловый западъ. — Англійская оккупація.—Ея смыслъ.—Женскій вопросъ и вопросъ человѣческій.

Высота сѣверо-восточнаго вала атолы приблизительно та же, что и юго-западнаго, такъ что, повернувшись на его гребнѣ лицомъ назадъ, мы видимъ передъ собою повтореніе того же пейзажа, какъ бы на негативѣ. То, что было справа, очутилось слѣва, и только. Столь же мало отличіе и самого строенія. Такъ же вся поверхность покрыта загорѣлыми источенными валунами, такъ же внутрь къ лагунѣ спускъ круче и короче, а въ наружную сторону длиннѣе и положе, и такъ же правильною дугою рисуется урѣзъ наружнаго берега атолы. Но за этою черною дугою не синѣетъ, какъ на юго-западѣ, морская поверхность, а бѣлѣетъ широкая песчаная низменность, объемлющая собственно атолу съ сѣвера и сѣверо-востока. За этою широкою песчаною равниною прямо къ сѣверу издали видно Красное море, а лѣвѣе и правѣе возвышаются изъ низменности темные силуэты суши, застилающіе дальнѣйшую панораму. Теоретическое представленіе о коралловыхъ образованіяхъ подсказываетъ невольно названіе рифовъ для этихъ какъ бы отдѣльныхъ островковъ, связанныхъ съ атолою въ одно

цѣлое только этою, лежащею приблизительно на одномъ уровнѣ съ обсохшею лагуною, коралловою песчаною равниною. Невольно кажется, что когда, вслѣдствіе-ли поднятія суши, или отступленія океана, атола была настолько выдвинута надъ поверхностью моря, что лагуна обсохла, тогда и это коралловое поле вмѣстѣ съ наружными рифами тоже выдвинулось. Равнина обсохла, а рифы образовали какъ бы филіальныя части острова того же происхожденія и строенія, какъ и атола. Къ сожалѣнію, оба выступа суши настолько отъ насъ отдалены, что простымъ глазомъ невозможно схватить ихъ строеніе, но я уже упомянулъ, что впечатлѣніе отъ праваго, восточнаго, гораздо болѣе обширнаго выступа, видѣннаго много съ борта въ 1891 году, противорѣчитъ идеѣ кораллового образованія. Намъ уже поздно туда рисковать, но г. К. прямо для его осмотра направился и долженъ будетъ принести отвѣтъ на этотъ вопросъ. Оказалось, дѣйствительно, что это не рифъ, а характерный осколокъ трахита недалекаго Аравійскаго берега, отмытый океаномъ отъ родного массива и соединенный коралловою равниною съ атолою, возникшею совсѣмъ въ другое время, другимъ способомъ и игрою совершенно иныхъ силъ и законовъ природы. Что такое представляетъ собою лѣвый, меньшій выступъ за коралловою отмелью,—не знаю. Возможно, что рифъ, но можетъ быть тоже осколкомъ того же трахита сосѣднихъ возвышенностей Аравіи и Африки. Во всякомъ случаѣ наша прогулка по Периму дала намъ достаточно полное обозрѣніе острова, его природы, культуры и возможнаго значенія.

Перимъ, такимъ образомъ, слагается, собственно говоря, изъ двухъ частей: на Ю.-З. коралловая атола съ обсохшею лагуною внутри и необсохшимъ проливомъ къ лагунѣ, обратившемся въ бухту; и на С.-В. широкая коралловая отмель, соединяющая атолу съ двумя отдѣльными островками, изъ которыхъ одинъ составляетъ несомнѣнно оторванный кусокъ аравійскихъ утесовъ и обрамляетъ собою узкій восточный рукавъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, отдѣляющаго Перимъ отъ Азіи.

Западный рукавъ, отдѣляющій отъ Африки, гораздо болѣе широкій, омываетъ низкіе коралловые берега атолы. Наружная сѣверо-восточная отмель и внутренняя обсохшая лагуна носятъ совершенно одинъ и тотъ же характеръ. Это — равнина, покрытая вывѣтрившимся изъ коралловъ известковымъ бѣлымъ пескомъ и кое-гдѣ питающая невысокіе, рѣдкіе кустики растительности, не лишающіе, однако, мѣстность характера никому не нужной мертвой пустыни. Еще болѣе мертвенный и безжизненный видъ представляетъ подковообразная атола, окружающая лагуну и бухту и окруженная въ свою очередь съ Ю.-З. океаномъ и съ С.-В. песчаною отмелью. Неширокій, пологій, правильный валъ этотъ заваленъ сплошь на высоту до аршина, иногда и менѣе, валунами, черными отъ солнечнаго загара и съ поверхностью, источенною и изборожденною вѣтромъ. Куда ни кинь взглядъ по этому валу, всюду однѣ эти груды булыжника, съ унылымъ мертвымъ однообразіемъ чернѣющія на солнцѣ. Рѣдкія былинки между камнями порою замѣчаются лишь при внимательномъ вглядываніи на ближайшемъ разстояніи. Наконецъ, выступы суши за отмелью точно также отливаютъ на солнцѣ темною пустынею, какъ и утесы Аравіи или Африки, видимые съ разныхъ пунктовъ острова. Инертный міръ царитъ тутъ безраздѣльно, міръ, не знающій ни желанія, ни радости, ни творчества. Лишь солнце, обливающее жгучими лучами и черные камни, и бѣлую пыль, да океанъ, обтачивающій берега, размывающій и забрасывающій ихъ, да сухой вѣтеръ, поднимающій пыль и разлагающій каменья,—медленно, но неизмѣнно творятъ свое разрушительное дѣло надъ застывшею въ своемъ безсиліи природою. Инерція и безсиліе—ея законъ. Творчество—давно забытая греза незапамятныхъ временъ, когда миріады полиповъ трудились надъ созданіемъ этой суши, теперь столь безполезной и безплодной...

Англичане, однако, думаютъ, повидимому, иначе. Они, конечно, должны признать этотъ островъ безплоднымъ, но, очевидно, не безполезнымъ. Зачѣмъ бы иначе его занимать, об-

страивать, покрывать дорогами, учреждать своего рода культуру и снабжать своего рода населеніемъ вмѣсто туземнаго? Немногочисленные туземцы искали пользы не отъ острова, а отъ моря съ его животнымъ міромъ. Рыба могла привлекать ихъ, но не рыба, конечно, нужна новымъ господамъ острова, такъ безцеремонно расправившимся съ дикими аборигенами. Что же нужно тутъ бриттамъ, владѣющимъ лучшими уголками земного шара? На что имъ этотъ клочекъ пустыни? Посмотримъ, прежде всего, что они на немъ сдѣлали, и отсюда, быть можетъ, увидимъ, что ихъ сюда привело и удерживаетъ...

Маякъ и разные знаки для удобнаго входа въ бухту; каменная пристань; обширные угольные склады; аппаратъ для опрѣснѣнія воды; склады провіанта; казармы на юго-западной части острова и баттареи на сѣверо-восточной (обращенныя къ восточному рукаву пролива); зданія для правителей острова; пѣшеходныя и вьючныя дорожки, изъ которыхъ главная идетъ по гребню вала атолы, посылая отъ себя боковыя къ морскому берегу, къ бухтѣ и къ лагунѣ; почто-телеграфная станція,—вотъ что мною замѣчено на островѣ, кромѣ нѣсколькихъ сомалійскихъ хижинокъ, сохранившихся отъ деревушки. Къ этой англійской культурѣ Перима надо прибавить населеніе изъ чиновниковъ, солдатъ, полисменовъ и немногихъ сомалійцевъ въ качествѣ чернорабочихъ и прислуги. Одинъ дромадеръ, одна коза, нѣсколько куръ и — гордость губернаторши — два огурца — это все, что изъ видѣннаго нами можетъ быть причислено къ области сельскаго хозяйства и промышленности. Таверна, кажется, единственное частное учрежденіе на всемъ островѣ, совмѣщая въ себѣ и своей дѣятельности все, что здѣсь можетъ быть названо управляемымъ и охраняемымъ. Остальное такъ или иначе входитъ въ составъ правительства и его органовъ. Есть территорія, очень жалкая, конечно, но всетаки территорія, и на ней воздвиглась прочная, грозная правительственная власть, со всѣми ея аттрибутами и органами, но притомъ не хватаетъ бездѣлицы—народа, общества, промышленности, культуры, торговли... Зачѣмъ же это сильное организованное правительство надъ островомъ, который въ общественномъ смыслѣ есть ничто? Чѣмъ оно, это правительство, управляетъ и что оно охраняетъ? Очевидно одно, что дѣло никакъ не въ островѣ... Отсюда возможно прервать морское сообщеніе Запада съ Востокомъ,—въ этомъ, конечно, все дѣло, но развѣ кому нибудь можетъ быть выгодно, и притомъ цѣною такихъ жертвъ, прерывать сношенія, а не развивать? На этотъ совершенно основательный вопросъ можно отвѣтить только вопросомъ же, что же дѣлать, если вспыхнетъ европейская война? Въ виду этого-то кошмара, сколько уже поколѣній давящаго европейское человѣчество, и оккупированъ этотъ клочекъ пустыни. Ради него, ради непонятныхъ для нихъ интересовъ и страстей, изгнаны отсюда дикари. Для того же затрачиваются сюда напрасно милліоны, а тысячи европейцевъ и индусовъ изнываютъ въ этой пустынной странѣ, забытой Богомъ, но отысканной воинствующимъ человѣчествомъ. Много горя и страданія, погибели и болѣзней, убытковъ и разоренія несетъ война, когда она разразилась, но не пора-ли человѣчеству подумать, что постоянное ожиданіе войны, въ которомъ оно съумѣло себя поставить, несетъ ежедневно и ежечасно, въ общей сложности, еще гораздо болѣе погибели, горя и разоренія? Что такое Перимъ?—Ничтожный обломокъ пустыни, а какъ громко онъ свидѣтельствуетъ все о томъ же, о чемъ скоро вопіять будутъ къ человѣческой совѣсти каждый камень и каждое дерево на поверхности земного шара...

Любопытно сообразить всетаки, насколько правы англичане даже съ своей военно-стратегической точки зрѣнія, когда считаютъ Перимъ средствомъ господствовать надъ сообщеніемъ Запада и Востока? Не смѣю выражать рѣшительнаго мнѣнія, но позволяю себѣ усомниться. Представимъ себѣ, что Перимъ находится во власти не Англіи, а, напр., Россіи или Германіи, и что эта властительница перимскихъ булыжниковъ воюетъ съ Англіей... Что же, могла ли бы она съ высоты своихъ булыж-

ныхъ грудъ прервать сообщеніе между Англіей и Индіей? Весьма сомнѣваюсь. Западный рукавъ очень широкъ и прервать сообщеніе по немъ нельзя не только съ плоскаго и мелководнаго берега перимской атолы, но и съ высотъ африканскихъ утесовъ. Перерывъ сообщенія по восточному рукаву теряетъ въ такомъ случаѣ всякое значеніе, но даже и это ограниченіе было бы временное, такъ какъ высоты аравійскаго берега господствуютъ надъ перимскими осколками трахита и эти трахитовыя баттареи были бы очень скоро демонтированы изъ Аравіи. Англичане могли бы даже и не отнимать у своихъ враговъ Перима, который столь же мало прервалъ бы ихъ сообщеніе съ Индіей, какъ не оказалъ бы никакого содѣйствія и въ морской войнѣ, потому что самъ весь снабжаемый изъ метрополіи всѣмъ до послѣдняго куска хлѣба и обломка топлива, конечно, не можетъ служить базою для военно-морскихъ дѣйствій флота, если тотъ и безъ того не господствуетъ на морѣ... Англичане, конечно, могутъ запереть проливъ и могутъ даже опираться на Перимъ въ своихъ морскихъ дѣйствіяхъ, но только потому, что и безъ него господствуютъ на морѣ, и безъ него всегда въ силахъ прервать сообщеніе, и безъ него легко найдутъ базу для военно-морскихъ дѣйствій. Мнѣ такъ кажется, по крайней мѣрѣ, и думается мнѣ, что сомалійцы могли бы оставаться на родныхъ пепелищахъ, не нарушая хода европейской исторіи...

Въ рукахъ всякой другой державы, кромѣ Англіи или Франціи, владѣніе Перимомъ было бы совершенною нелѣпостью. Немного корысти отъ него и для Англіи (не даромъ же Франція, пріобрѣвъ, какъ говорятъ, сосѣдній аравійскій берегъ, не торопится устраиваться на немъ), а между тѣмъ, что за привѣтливые и привлекательные уголки такія же коралловыя атолы Малайскаго архипелага, манящія своею зеленью, пальмами, бьющею ключомъ богатою жизнью... Дайте воды и Перимъ станетъ парадизомъ, но откуда ее достать, когда и сосѣдняя Аравія страдаетъ тѣмъ же безводіемъ и засухою. Конечно, старые дипломаты, вслѣдъ за Мазарини, должны бы сказать

«Cherchez la femme». Я уже сообщалъ читателю, что и въ самомъ дѣлѣ обвиняютъ во всемъ Еву, нашу коварную прародительницу. Адамъ съ мужскою непроницательностью и недогадливою серьезностью цѣлое тысячелѣтіе оплакивалъ на Цейлонѣ свое грѣхопаденіе и оттого почва этого острова такъ богата влагою. Ева же, которой суждено было заниматься тѣмъ же въ Аравіи, должно быть больше кокетничала съ шайтанами пустыни, и вотъ пустыня осталась пустынею. Озлобленные сыны Адама, до Мазарини и дипломатовъ включительно, цѣлыя тысячелѣтія послѣ того мстятъ дочерямъ Евы и цѣлыя моря слезъ пролиты женщинами, но все напрасно... Пустыни не оживляются, а сердце человѣческое только черствѣетъ, засыхаетъ и само превращается въ пустыню. Дочери Евы, наконецъ, поняли это и не хотятъ болѣе плакать. Не слезы оплодотворятъ землю, а трудъ, справедливость и любовь. Это знамя онѣ хотятъ нести наряду съ мужчинами и напрасно разные выходцы прошлыхъ вѣковъ, порою заслоняющіе своими трупами живыхъ людей, ссылаются на преступленіе Евы и кричатъ: «Cherchez la femme!» Имъ исторія отвѣчаетъ: «Ищите неправду, раздоры, вражду»... Неправда и вражда поселились и въ этихъ грудахъ булыжника, зарылись и въ этихъ бѣлыхъ пескахъ, управляютъ и этою пустынею. Не плакать надо надъ нею, а работать надъ человѣческою совѣстью и сознаніемъ. Нигдѣ, можетъ быть, нелѣпость и безнравственность всеобщаго приготовленія къ войнѣ, этого главнаго критерія современной человѣческой дѣятельности, не выступаетъ такъ ярко и цинично, какъ здѣсь, гдѣ уже нѣтъ и достать негдѣ фиговаго листа, чтобы прикрыть наготу желанія и задачи. Конечно, не англичане одни въ этомъ виновны, а все европейское человѣчество, въ такой постыдной и непримиримой враждѣ кончающее великій вѣкъ, столь много обѣщавшій, не мало свершившій и еще болѣе затребовавшій.

XXXVII.

ИЗЪ ТРОПИКОВЪ.

На возвратномъ пути.—Кладбище.—Анна Шерлинская.—Приливъ.—Перимскіе итоги.—Тропическіе итоги.—Европейское отечество.

Начало пятаго, когда мы начинаемъ обратный путь. Спускаемся снова къ лагунѣ и для разнообразія (а также и сокращенія дороги) рѣшаемся пересѣчь ее не по діаметру на противуположный валъ (какъ первый разъ), а лѣвѣе по хордѣ къ бухтѣ, берегомъ которой и думаемъ пробраться къ тавернѣ и пристани. Въ глубокомъ мелкомъ песку ноги тонутъ, какъ въ жидкости. Дно лагуны нѣсколько склоняется въ сторону бухты, такъ что мы понемногу спускаемся. Справа замѣчаемъ небольшую четырехугольную площадку, огороженную каменнымъ заборомъ, изъ-за котораго виднѣются памятники и кресты. Это—христіанское кладбище Перима. Здѣсь покоится прахъ европейцевъ, ради взаимной вражды и взаимнаго вреда заблудившихся въ эти жестокія мѣста. Обходимъ ограду и, отыскавъ ворота, входимъ внутрь кладбища. Широкая ровная аллея раздѣляетъ его продольно; по обѣ стороны гробницы, памятники и кресты. Направо (къ югу) успокаиваются, повидимому, болѣе значительныя лица: гробницы выше; надъ ними памятники, исписанные эпитафіями и обвѣшенные вѣнками; нерѣдко подъ стекломъ портреты бриттовъ, умершихъ на своемъ посту, въ этой перимской засадѣ. Слѣва—могилы поскромнѣе, гробницы пониже, часто не монолитные, вмѣсто памятниковъ нерѣдко одни кресты съ лаконическими надписями, но содержится все въ порядкѣ и

вѣнки лежатъ и на этихъ скромныхъ усыпальницахъ малыхъ людей, приведенныхъ сюда тѣми набольшими, что покоятся за аллеей. Потихоньку обхожу гробницы, читаю эпитафіи, имена погребенныхъ, разсматриваю вѣнки, портреты, памятники... Одна гробница останавливаетъ мое вниманіе. Она скромно пріютилась у сѣверной (лѣвой отъ входа) ограды, отличаясь своимъ полуразрушеннымъ и заброшеннымъ видомъ; крестъ, стоявшій у изголовья, повалился на землю; уголъ каменной гробницы обломился, много другихъ трещинъ. Пробираюсь къ этой пренебреженной могилѣ, приподнимаю крестъ и хочу прочесть надпись забытаго покойника...

«Анна Шерлинская» лаконически сообщаетъ крестъ. И вокругъ запущеніе и небреженіе, разрушающаяся гробница и поваленный крестъ... Но кто же ты такая, бѣдняжка? Какая злая судьба забросила тебя изъ нѣдръ добродушной любящей славянской семьи въ эту злую засаду укрѣпившагося здѣсь морского льва? Что тебѣ здѣсь понадобилось и на что ты здѣсь пригодилась? Въ Варшавѣ-ли росла ты смазливою Ганею, съ сѣрыми ясными глазками и русыми локонами, съ романическими мечтами о знатномъ рыцарѣ или королевичѣ, который явится, какъ сказочный принцъ, возьметъ тебя... Сердце билось романтическими грезами объ этомъ героѣ... И ты вѣрила, что онъ долженъ явиться, этотъ благородный и доблестный герой и избавитель, избранникъ твоего сердца, который своею лучезарною славою окружитъ твою красоту, а благодарностью народа твое имя... Но онъ не являлся и ты пошла искать, а нашла?.. И извѣрившаяся въ горячія мечты юности, ты скиталась по свѣту, какъ многіе другіе твои соплеменники, пока здѣсь нашла не королевича и даже не счастье жертвы, а милосердную смерть, освободившую и отъ прошедшаго и отъ предстоявшаго. Какая грустная иронія — эта мертвая инертная пустыня, навѣки обнявшая и задушившая сердце, бившееся жизнью и борьбою!

Или, можетъ быть, называлась ты Анютою и росла окру-

женная нѣжными заботами бѣдной русской семьи, единственная ея надежда и опора... И выросла ты худенькой серьезной дѣвушкой съ озабоченнымъ, задумчивымъ личикомъ, съ твердою вѣрою въ свой долгъ, который ты, скромная и не тщеславная, никогда не рѣшилась бы назвать призваніемъ. Много передумала эта головка, много перечувствовало это сердце, много рѣшимости созрѣло въ этомъ маленькомъ тѣлѣ. «Пойдете вы дорогою прямою и вамъ судьбы своей не избѣжать», пророчилъ поэтъ, зная суровую логику дѣйствительности. Пыталась ты служить, народной-ли учительницей, сестрой-ли милосердія... А затѣмъ судьбы своей не избѣжала, но какъ и какимъ образомъ очутилась ты на чужбинѣ, разбитая и погибшая, или все еще ищущая свѣта и правды? Кто отвѣтитъ на эти вопросы, невольно тѣснящіеся въ душѣ предъ полуразрушенною, пренебреженною гробницею? Я присѣлъ на сосѣднюю могилу и старался сердцемъ разгадать трагическую загадку, выглядывавшую изъ лаконической надписи на повалившемся крестѣ.

— Что вы тамъ засмотрѣлись,—слышу окликъ одного изъ спутниковъ.

— Да вотъ разрушенная могила и, кажется, русская.

Подходятъ, осматриваютъ, читаютъ, сообщаютъ соображенія.

— И погребена недавно, — сообщаетъ одинъ.

— Занесло же ее сюда изъ Россіи,—отзывается другой,—а впрочемъ можетъ быть полька...

— Все равно грустно, не родная сестра, такъ двоюродная.

Надо, однако, идти. Время не стоитъ и пароходъ насъ ожидать не обѣщалъ. Выхожу и бреду по коралловому песку, все еще поглощенный впечатлѣніями кладбища. Надо самому увидѣть такую могилу въ такой полной чужбинѣ, чтобы почувствовать тяжесть впечатлѣнія. Ей-то здѣсь даже для стратегическихъ цѣлей дѣлать было нечего. И была она тутъ со-

вершенно одинокою. Чужіе люди чужимъ пескомъ засыпали и ея задумчивыя очи, и ея истрадавшееся сердце, и завѣтныя думы. Это я вижу по надписи:—буква Ш изображена по-англійски Sh, между тѣмъ русскіе ее написали бы по-французски Ch или по-нѣмецки Sch, а поляки, конечно, по польски Sz, только не по-англійски. Остались-ли на родинѣ у нея близкіе и родные и знаютъ-ли, гдѣ покоятся ея останки? Можетъ быть, эти строки дойдутъ до нихъ, до матери, сестры... «Можетъ быть, и пріѣдетъ любя, и поплачетъ она надъ могилою», надъ этою могилою, которая одна стоитъ, пренебреженная, полураздѣтая и сконфуженная, среди чопорно-нарядныхъ, внимательно содержимыхъ гробницъ Перимскаго кладбища.

Однако, солнце склоняется къ западу, поспѣшая къ голымъ утесамъ Африки, и мы прибавляемъ шагъ. Тѣмъ болѣе, что непріятный вѣтеръ начинаетъ задувать изъ Аравіи, поднимая известковую пыль. Это, должно быть, первыя дыханія зимняго муссона. Спускъ становится круче и мы скоро достигаемъ высоты, на которой кругомъ насъ видимъ лужи соленой воды, хотя до уровня воды въ бухтѣ еще довольно далеко. Соображаемъ, что сюда, стало быть, хватаетъ приливъ и съ неудовольствіемъ припоминаемъ, что именно теперь наступаетъ часъ прилива. Онъ уже начался и затопилъ удобную прибрежную тропу. Приходится брать вправо, ранѣе берега, и заниматься эквилибристикой на скатѣ, покрытомъ валунами (въ томъ числѣ и довольно значительнаго размѣра, сравнительно съ видѣнными въ другихъ мѣстахъ острова). Благодаря этой эквилибристикѣ, мнѣ удается сломать купленную мною на Цейлонѣ палку чернаго дерева. Это было необходимо, чтобы я могъ засвидѣтельствовать честность продавшаго ее индуса. Палка оказалась, дѣйствительно, изъ чернаго дерева, отнюдь не поддѣльная. Весьма утѣшительно, что наши черномазые братья по человѣчеству обнаруживаютъ такую честность передъ иностранцемъ, который только тогда и могъ убѣдиться въ этой честности, когда сломалъ вещь... Весьма боюсь, что

въ Европѣ, чего добраго, это противурѣчило бы правиламъ «коммерческой нравственности». Была, впрочемъ, для меня и другая, болѣе непосредственная выгода отъ поломки моей палки. Идти безъ нея гораздо удобнѣе и легче... Словомъ, все кончается къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ и Вольтеръ напрасно смутился Лиссабонскимъ землетрясеніемъ. Маловѣръ, и больше ничего... Мы съ Панглоссомъ гораздо послѣдовательнѣе и всю высоту ученія Панглосса я особенно ярко вижу съ высоты булыжныхъ грудъ, по которымъ карабкаюсь. Виды Перима, «этого лучшаго изъ міровъ» и его употребленіе человѣчествомъ «къ наилучшему» — яркое тому доказательство.

Пока мы карабкаемся, эквилибрируемъ, ломаемъ палки и слѣдуемъ наставленіямъ Панглосса, приливъ дѣлаетъ свое дѣло и затопляетъ берегъ. Какія-то большія птицы задумчиво стоятъ у воды, ожидая ее и, вѣроятно, собираясь ужинать, чѣмъ океанъ пошлетъ. Съ полнымъ презрѣніемъ относятся онѣ къ нашему сосѣдству, не удостаивая насъ даже взглядомъ. Это задѣваетъ г. И. Онъ ухаетъ на нихъ, и всетаки нуль вниманія. Брошенный камень заставляетъ сняться раньше незамѣченныхъ нами небольшихъ птичекъ, тоже охотившихся около прилива. Здѣсь въ Перимѣ, дѣйствительно, только океанъ поддерживаетъ жизнь. Около него кормились и сомалійскіе дикари, какъ теперь кормятся эти презирающіе насъ пернатые философы на длинныхъ ногахъ. Наконецъ, взбираемся на валъ атолы, около бывшей деревушки, выходимъ на расчищенныя дорожки и, не сломавши ни одной ноги, покидаемъ нашъ булыжно-дѣвственный путь по откосу. Дромадеръ такъ же задумавшись стоитъ на прежнемъ мѣстѣ и такъ же равнодушно презираетъ наше появленіе. Рѣшительно никому нѣтъ до насъ тутъ дѣла. Не только морскія птицы, не только дромадеръ, но даже ни одинъ англичанинъ не поинтересовался узнать, за какою надобностью мы обходимъ весь островъ и даже избираемъ для того дѣвственные пути! А говорятъ еще, что Перимъ — крѣпость... Попробовали бы вы такъ погулять по германской, напримѣръ, крѣпости. Безъ «инцидента» не обошлось бы и, чего добраго, даже международнаго... Чудной, право, народъ эти англичане. Все у нихъ не такъ, какъ у другихъ, а дѣла идутъ лучше, чѣмъ у кого бы то ни было. «Мудрый Эдипъ, разрѣши». Только уже Эдипами здѣсь должны быть никакъ не спеціалисты...

Къ тавернѣ подходимъ, когда солнце совсѣмъ уже склонилось на африканскую пустыню. Застаемъ здѣсь общество нашихъ пассажировъ. Ѣхать надо всѣмъ вмѣстѣ, такъ какъ кромѣ любезнаго катера коммиссіонера другихъ способовъ сообщенія по Перимской бухтѣ не имѣется. Совсѣмъ уже темнѣло, когда мы всходили по трапу «Петербурга» послѣ шестичасовой прогулки, которая, при тропическомъ знoѣ и въ жаркое время дня, порядочно таки утомила насъ. Пріятно теперь отдохнуть, пообѣдать, выпить холоднаго... Набивъ ледники перимскимъ искусственнымъ льдомъ, ресторaторъ подаетъ, дѣйствительно, холодное питье и даже угощаетъ мороженымъ. Такимъ образомъ, наша добродѣтель получаетъ полную награду, но добродѣтель опоздавшаго г-на К. наказывается остатками обѣда. Впрочемъ, всегда занятый своими наблюденіями и изслѣдованіями, онъ, кажется, не считаетъ это наказаніемъ и очень доволенъ результатами своей экскурсіи. Конечно, онъ самъ ими подѣлится съ публикою. Наши впечатлѣнія перваго посѣщенія Перима, хотя и совершенно противуположныя, оказались оба совершенно справедливыми. На западѣ—коралловое образованіе, на востокѣ—первозданныя породы, соединенныя въ одно цѣлое песчаною отмелью. Въ радостномъ настроеніи, г. К. даже дѣлится со мною интереснымъ образцомъ трахита съ восточнаго перимскаго берега, я же ему передаю сорванныя растенія. Большую часть изъ нихъ онъ и самъ добылъ, но два вида признаетъ для себя новыми (въ качествѣ обитателей Перима). Образецъ трахита интересенъ по замѣчательно рѣзко выраженной работѣ вѣтра, не пользующагося здѣсь для разрушенія и вывѣтриванія породъ

содѣйствіемъ воды... Между тѣмъ, покуда мы обмѣниваемся впечатлѣніями нашихъ прогулокъ, «Петербургъ» выходитъ изъ бухты и заворачиваетъ направо въ проливъ.

Черный мракъ разстилается надъ землею и моремъ въ то время, какъ мы послѣдній разъ вспѣниваемъ винтомъ «Петербурга» неторопливо волнующіяся воды Индійскаго океана и сворачиваемъ въ широкій западный рукавъ Бабъ-Эль-Мандебскаго пролива. Бархатно-черный сводъ, усѣянный звѣздами, сіяющими золотыми и серебряными лучами, отражается въ зеркалѣ пролива и, кажется, мы плывемъ по морю чернилъ, на поверхности которыхъ тѣмъ ярче вспыхиваютъ то тамъ, то здѣсь звѣзды фосфорическаго свѣта и сіяющею бороздою далеко позади вьется слѣдъ судна. Самъ пароходъ горитъ огнями и тѣмъ чернѣе отливаетъ окружающій мракъ. Я стою на кормѣ и стараюсь вглядѣться въ покидаемую панораму. Океанъ уже не видѣнъ и только его прощальные звуки ловитъ мой слухъ. Не видны на востокѣ и плоскіе берега перимской атолы, погруженные во мракъ безлунной ночи. На западѣ, на фонѣ звѣзднаго купола еле различаю зубчатые силуэты африканскихъ утесовъ. Свѣжій вѣтерокъ, первые набѣги зимняго муссона, дуетъ изъ Аравіи, понемногу разводя волненіе... Сегодня, послѣдній разъ ночуемъ подъ тропиками и скоро мы не будемъ радоваться сѣверо-восточному вѣтру, несущему холодъ и сухость Верхней Азіи. Завтра къ вечеру, мы перейдемъ тропикъ Рака. Поясъ вѣчнаго тепла останется позади насъ.

Завтра 28 ноября; а ровно мѣсяцъ тому назадъ, 28 октября, въ Формозскомъ проливѣ, мы, по пути сюда, вступили подъ тропики. Мѣсяцъ въ 1892 году, да столько же въ 1891 году — такова моя тропическая опытность. Невольно хочется спросить свое сознаніе, что же далъ мнѣ этотъ двухмѣсячный опытъ жизни подъ тропиками, что онъ внесъ новаго въ это сознаніе, чѣмъ и какъ обогатилъ его? И точно обогатилъ ли? Не сказали ли мнѣ уже раньше личнаго опыта все самое интересное и важное хорошія книжки, которыхъ столько написано о

тропикахъ и еще больше того будетъ написано? Наше сѣверное человѣчество не скупится писать о тропикахъ... И это доказываетъ, что самая хорошая книжка еще не можетъ схватить, не могла схватить въ такой мѣрѣ духъ тропической природы, чтобы личныя впечатлѣнія лишь повторяли, иллюстрировали уже вычитанное изъ хорошихъ книжекъ. И, дѣйствительно, личныя впечатлѣнія этой природы, столь существенно не похожей на нашу родную природу, такъ объемлютъ новизною вашу душу, что вы скорѣе чувствуете, нежели сознаете эту ослѣпительно яркую и неотразимо могучую картину тропическихъ явленій, гдѣ бы и въ чемъ бы они ни проявлялись. Остановитесь-ли вы на вѣчной жизни свободнаго тропическаго океана, вы сразу должны обнять сознаніемъ такую массу могучихъ и яркихъ явленій, что обычнаго горизонта, охватываемаго этимъ сознаніемъ, не всегда для этого достаточно. Вотъ передъ вами въ гнѣвѣ и грозномъ могуществѣ, возстаетъ образъ Титана-Урагана. Какъ бѣлою ризою облекся онъ мятущеюся поверхностью до глубокихъ нѣдръ вспѣненнаго молочно-бѣлаго океана. Вьюга сорванной пѣны и брызгъ какъ бы смѣшивается и сливается съ черными бурно клубящимися тучами, обвившими чело Титана, потрясающаго оттуда безбрежныя пространства своимъ громовымъ голосомъ. И бродитъ страшный исполинъ по морямъ тропиковъ, разнося смерть и ужасъ, трепетъ и гибель. И сила его есть сила космическаго закона, находящагося внѣ власти и компетенціи не только человѣческаго, но и вообще земного закона. Человѣкъ можетъ только изучить эту силу и приспособиться къ ней, претерпѣть ее, когда она захватываетъ его на своемъ пути. Безумно было бы думать устранить ее, отвратить или ослабить. Не то же ли самое и съ другими явленіями тропическаго моря, съ муссонами, бризами, шквалами? Только общее имя да однородность происхожденія соединяютъ эти явленія съ одноименными въ моряхъ умѣреннаго пояса. Выше я уже говорилъ объ этомъ. Для иллюстраціи припомню шквалы Малакскаго пролива, гдѣ не только ихъ проносится надъ вами по

нѣсколько въ сутки, съ грозою и ливнемъ, но гдѣ вы постоянно втеченіе нѣсколькихъ сутокъ прохожденія этого длиннаго и увлекательно прелестнаго пролива, видите на разныхъ точкахъ горизонта сразу по три, четыре, даже по пяти несущихся шквадовъ, сверкающихъ яркими, порою не прекращающимися молніями... Тоже во всемъ. Человѣчество должно признать неотмѣнимость этихъ явленій, покориться имъ и искать способовъ приспособиться къ нимъ, не дерзая мечтать ихъ самихъ измѣнить и приспособить.

Обращаясь къ тропической пустынѣ, не видимъ ли то же самое, и не то же ли самое видимъ мы и тогда, когда въ восторгѣ покоряемся ласкамъ живой тропической природы? Человѣкъ умѣреннаго пояса безъ особеннаго труда съумѣлъ обратить былые парадизы своей родины въ пустыни, а унылыя безплодныя пустыни преобразовалъ въ цвѣтущіе сады. Напрасно бы онъ потратилъ силы, если бы вздумалъ совершить что-либо подобное подъ тропиками. Что природою назначено быть пустынею, то и останется, а изъ чего она сдѣлала земной рай, того никакія усилія жалкаго немощнаго человѣка не сдѣлаютъ пустынею. Попробуйте Цейлонъ съ его обильною влагою, зависимою отъ космическихъ причинъ, управляющихъ муссонами, съ его силою тепла, разливаемаго тропическимъ солнцемъ, съ этимъ сочетаніемъ двухъ неустранимыхъ и непокорныхъ силъ въ одну всеврачующую и всетворящую силу жизни, попробуйте, говорю я, обратить Цейлонъ въ пустыню. Затратя невѣроятныя сверхчеловѣческія усилія, вы можете многое истребить и уничтожить, но все снова воспрянетъ съ новою силою, несокрушимою и неустранимою. Но тѣ же несокрушимые и неустранимые муссоны, которые несутъ Цейлону обильное орошеніе и жизненное безсмертіе, съ тою же неустранимою и несокрушимою правильностью несутъ Периму сухость, смерть и разрушеніе. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, человѣку остается только покориться и приспособиться, а не дерзать на переустройство и преобразованіе условій, дарованныхъ природою. Это переустройство и преобразованіе, напротивъ того, совершенно въ рукахъ человѣка умѣреннаго пояса. Творчество есть задача и лучшая краса сѣвернаго человѣчества. Тропическому человѣчеству творчество строго воспрещено. Это—удѣлъ властной природы, не знающей ни компромиссовъ, ни уступокъ. Приспособленіе къ природѣ—формула жизни тропическаго человѣка; приспособленіе природы—это наша формула, наша задача и наша гордость. Насъ не балуетъ наша природа обильными дарами тропиковъ, но да не помыслимъ никогда уступить наше первородство за чечевичную похлебку, нашу свободу и наше творчество за дешевые дары этого несокрушимаго деспотизма, оковавшаго тропическую жизнь! Пусть намъ труднѣе теперь, голоднѣе и холоднѣе, но въ нашихъ рукахъ наша будущность...

Я долго не спалъ въ эту ночь, прощаясь съ тропиками, внимая тихому плеску Краснаго моря и подводя итоги моему почти двухлѣтнему пребыванію за предѣлами Европы, куда уже обращались мои помыслы, а свиданія просило сердце. Въ Европѣ, на берегахъ Невы или Сены, Рейна или Темзы, мы чувствуемъ себя русскими, французами, нѣмцами или англичанами, или порою просто людьми. Но тамъ, среди дикихъ и варварскихъ народовъ, въ обстановкѣ чуждой природы, невольно начинаешь чувствовать новое обширное отечество, Великую Европу. И это славное отечество уже выросло и сложилось, хотя народы Европы еще не сознаютъ этого и продолжаютъ свои постыдныя междоусобія. Двадцатый вѣкъ научитъ ихъ этому, какъ теперь постоянно учитъ понемногу азіятская и всякая другая чужбина всякаго заблудившагося въ ней европейца.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 14 Января 1894 года.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
41	10 св.	внутреняя	внутренняя
83	1 »	относительно	безотносительно
90	4 сн.	стою на (84 в.)	стою (на 84 в.)
94	16 »	гнусъ	гнуса
123	3 св.	ремя	время
124	1 »	съ намъ	съ нами
139	11 сн.	только	только-что
151	14 и 15 св.	лучами, спускающимися	лучами спускающагося
176	2 сн.	развитой	развитія
204	5 »	же здѣсь	здѣсь же
214	16 св.	переводъ.	переводъ).
228	3 »	здѣсь, роскошная	здѣсь — роскошная
229	7 »	Tifin	Tiffin
248	8 »	завоеватели арійцевъ	завоеватели-арійцы
267	8 »	(Денборъ 4302'),	Денборъ (4302'),
268	9 »	земли	землю
268	12 »	протягивается	протягиваются
269	4 »	во вѣкъ	во вѣки
269	5 »	проходишь	приходишь
269	10 сн.	по этому	по эту
272	1 »	драидійской	дравидійской
306	14 и 15 сн.	освѣщающаго	освѣщающимъ
308	6 »	бритонскаго	британскаго
310	15 св.	сборотомъ	оборотомъ
334	12 »	много	мною

